Клайв Касслер, Пол Кемпрекос
Затерянный город

Пролог

Французские Альпы, август 1914-го

Высоко над заснеженными горными вершинами Жюль Фошар отчаянно боролся за жизнь. За несколько минут до этого его аэроплан с такой силой врезался в невидимую воздушную стену, что у пилота даже зубы затрещали от перегрузки. И вот сейчас машину бросало вверх и вниз над склонами, как детскую игрушку на веревке. Фошар пытался справиться с турбулентностью в соответствии с инструкциями, которые вдалбливали ему в авиашколе строгие французские инструкторы. Вскоре он оказался в относительно спокойной зоне, все еще не осознавая в полной мере того отрадного факта, что это стало доказательством его мастерства пилота.

Как только аэроплан выровнялся, а полет стал более или менее стабильным, Фошар дал волю естественным человеческим чувствам. Он устало прикрыл глаза и оперся головой на руки, медленно погружаясь в затуманенную событиями последнего времени реальность. Пальцы его рук слегка расслабились и перестали сжимать рычаги управления до боли в суставах. Небольшой красный аэроплан покачивался, как пьяный человек на неровной дороге, – это состояние французские пилоты называли perte de vitesse, или потеря управляемости. Он как будто завалился на одно крыло перед тем, как полностью осесть на хвост.

К счастью, Фошар вовремя уловил перемены в поведении машины, вскинул голову и резко тряхнул ею, чтобы привести в порядок мысли. Он расслабился всего на несколько секунд, но даже этих мгновений оказалось достаточно, чтобы аэроплан потерял несколько сотен метров высоты и почти вошел в штопор.

Кровь бросилась ему в голову, а сердце забилось так бешено, что, казалось, вот-вот взорвется в груди.

Во французских училищах начинающих авиаторов всегда учили управлять самолетом с такой осторожностью, с какой пианисты прикасаются к клавишам рояля. Только что Фошар убедился в правильности такой методики, доказав ее преимущества в критический момент полета. Многочасовые упражнения не прошли даром. Слегка потянув на себя рычаг, он сделал все возможное, чтобы не допустить сверхкомпенсации, и в конце концов выровнял аэроплан. Удовлетворенный тем, что машина вновь повинуется ему, пилот медленно выдохнул, а потом так же медленно сделал глубокий вдох, чувствуя, как ледяной воздух обжигает легкие и освежает, будто глоток вина.

Резкая боль мгновенно взбодрила. Оправившись от недавнего забытья, Фошар вспомнил мантру, которую часто повторял последнее время. Замерзшие губы так и не смогли отчетливо выговорить заветную фразу, но слова пронеслись в его сумеречном сознании:

«Провал означает провал миллионов людей».

Фошар крепко сжал зубы, вновь обретя решимость бороться до конца. Он смахнул иней с темных очков и уставился вдаль поверх панели приборов. Альпийский воздух был чист, как горный хрусталь, и даже самые отдаленные предметы обретали удивительную четкость, подчеркивая рельеф местности. Горные вершины, похожие на острые зубы чудовища, простирались до самого горизонта, тут и там виднелись крошечные деревушки, прилепившиеся на склонах, словно гнезда сказочных птиц. А над горами нависли хлопья облаков, отдаленно напоминающие громадные кучи только что собранного хлопка. Небо сверкало первозданной синевой, а заснеженные вершины высвечивали ослепительно голубые лучи клонившегося к горизонту солнца.

Фошар успел посмотреть покрасневшими глазами на эту неописуемую красоту, а потом внимательно прислушался к натужному реву мотора «Гном» мощностью восемьдесят

лошадиных сил, который был установлен на самолете фирмы «Моран-Солнье». Все было в порядке, мотор ревел с такой же мощью, как и до его кратковременного сна, который чуть было не стал для него трагическим. Фошар немного успокоился, но дурное предчувствие поколебало его прежнюю уверенность в себе. К собственному разочарованию, он вдруг осознал, что испытывает не совсем знакомые эмоции. Страх. Это был не страх смерти, а страх потерпеть поражение и провалить судьбоносную миссию. Несмотря на решимость и отчаянную смелость, боль в суставах и мышцах напомнила, что Жюль Фошар – такой же простой человек из плоти и крови, как и все остальные.

Сиденье пилота оставляло небольшое пространство для движения, несмотря на то что его тело было упаковано в плотную кожаную куртку с меховой подкладкой, толстый шотландский шерстяной свитер с высоким воротником и теплое нижнее белье. Шерстяной шарф надежно защищал горло от ледяного холода, на голове был кожаный шлем, а на руках – теплые кожаные перчатки. Да и ноги были в полной безопасности. Сапоги с меховой подкладкой были сделаны из самой лучшей кожи и могли выдержать любой мороз. И несмотря на то что Фошар был одет так, как будто собрался на Северный полюс, ледяной холод все же продирал его до костей и навевал тревогу. Развитие событий шло по опасному сценарию. Самолет фирмы «Моран-Солнье», слишком капризный в управлении, требовал большого внимания со стороны пилота.

Фошар собрал все силы и мобилизовал свое знаменитое упорство, благодаря которому стал самым трудолюбивым и успешным промышленником в мире. Отчаянная решимость светилась в серых глазах, а крепко сжатые губы и волевые скулы лишь подтверждали его уверенность в успехе. Благодаря длинному, с горбинкой носу в профиль Фошар напоминал могучего орла, устремившегося к родному гнезду.

Он собрал все свои силы и пошевелил губами.

«Провал означает смерть миллионов людей».

Голос, который наводил страх во многих европейских коридорах власти, сейчас прозвучал неожиданно хрипло и оттого еще более жалко. Он вообще был не слышен из-за натужного рева мотора и завывания ветра, но Фошар очень надеялся, что судьба рано или поздно вознаградит его за это. Он наклонился и достал из кожаного сапога плоскую серебряную флягу. С трудом открутив пробку застывшими, несмотря на толстые перчатки, пальцами, сделал несколько глотков жгучего крепкого напитка из отборных сортов винограда, выращенного в его поместье. Приятное тепло стало медленно разливаться по всему телу.

Подкрепив таким образом силы, он поудобнее устроился на сиденье и растер пальцы на ногах и руках. Немного согревшись, он вспомнил о горячем швейцарском шоколаде, о свежеиспеченном теплом хлебе с расплавленным сыром, которые ждали его по другую сторону от этих гор. Толстые губы под пышными усами растянулись в иронической улыбке. Будучи одним из богатейших людей мира, он, Жюль Фошар, тем не менее с наслаждением предвкушает самую обыкновенную еду для простых людей! Ну что ж, пусть будет так.

Фошар имел все основания поздравить себя. Он был дотошным человеком, и потому план бегства сработал, как хорошо отлаженные часы. Родные стали пристально следить за ним с того самого момента, когда на семейном совете он высказал весьма неприятные для них соображения. Но пока семейство было занято обсуждением его дальнейшей судьбы, он обманул слишком ретивых опекунов посредством сложной комбинации хитрости и везения.

В тот вечер он притворился, что слишком много выпил, а потом сказал дворецкому (кстати, тот получал деньги от членов семьи), что собирается пораньше лечь спать. Когда в доме все успокоилось, Жюль тихонько выскользнул из своей спальни, незаметно покинул замок и направился к тому месту в лесу, где был спрятан велосипед. Сложив свой драгоценный груз в рюкзак, он помчался на велосипеде через лес к небольшому аэродрому, где его уже ждал любимый аэроплан с полными баками горючего. А на рассвете поднялся в воздух и отправился в путь, лишь дважды совершив посадку на отдаленных площадках, где верные люди заблаговременно запасли достаточное количество горючего.

Фошар опустошил флягу, посмотрел на компас, а потом перевел взгляд на часы. Он следовал точно намеченным курсом, лишь на несколько минут отставая от заранее составленного графика. Низкие вершины гор свидетельствовали о том, что конечный пункт путешествия близок Еще чуть-чуть, и он совершит посадку в Цюрихе.

Он задумался о том, что скажет эмиссару папы римского, но в этот момент ему показалось, будто с правого крыла аэроплана в воздух взлетела стая внезапно потревоженных птиц. Посмотрев вправо от себя, Фошар с тревогой заметил, что это не птицы, а ошметки прочной фабричной ткани, которые свисали с крыла, обнажив большую дыру размером в несколько дюймов. Объяснение могло быть только одно: крыло было пробито пулями, а он не услышал стрельбы из-за рева мотора.

Подчиняясь инстинкту, Фошар наклонил самолет влево, потом вправо, выравнивая его после каждого маневра. В ту же минуту он увидел шесть аэропланов со сдвоенными крыльями, которые шли, выстроившись буквой V. С невозмутимым спокойствием он выключил двигатель самолета, как будто собираясь посадить его с помощью бесшумного планирования.

«Моран-Солнье» стал камнем падать вниз.

В обычных условиях это было бы равносильно самоубийству – он ставил себя под удар неприятельских самолетов. Однако Фошар сразу узнал в этих аэропланах машины марки «Авиатик». Это были разработанные французами, но произведенные на немецких заводах самолеты, усиленные двигателями фирмы «Мерседес» и первоначально предназначенные исключительно для рекогносцировки местности. А самое главное – установленные на носу пулеметы могли вести стрельбу только по впереди идущим целям.

После падения на несколько сотен футов Фошар потянул рычаг управления на себя, и его аэроплан оказался позади группы «авиатиков». После этого он выровнял самолет, прицелился в ближайший «авиатик» и нажал на спуск. Пулемет Гочкиса задрожал, череда пуль вонзилась в хвостовую часть неприятельского самолета. Оттуда вырвалась струя черного дыма, а потом вспыхнул и весь фюзеляж машины, после чего она несколько раз дернулась, закружилась по спирали и стала быстро падать. Еще одна очередь пронзила другой «авиатик», и тот рухнул вниз, как зверь, пораженный умелым охотником.

Фошар сбил два самолета так быстро и ловко, что пилоты остальных даже не успели сообразить, что подверглись нападению, пока не увидели устремившиеся к земле черные шлейфы густого дыма. Группа распалась, чтобы не стать жертвой меткого стрелка.

Фошар прекратил атаку. Его цели рассредоточились на большом пространстве, а фактор внезапности перестал быть важнейшим преимуществом. Теперь он взмыл вверх на тысячу футов и скрылся в чреве густого облака.

Когда серая пелена скрыла его самолет от неприятельских глаз, Фошар наклонил одно крыло машины и проверил степень повреждения. Ткань обшивки была содрана, наружу торчали деревянные детали крыла. Фошар выругался про себя. Он надеялся вынырнуть из облаков и уйти от преследователей, полагаясь на более высокую скорость своей машины, но поврежденное крыло не давало ему такой возможности.

Потеряв всякую надежду оторваться от противника, он вынужден был принять бой и сражаться до конца.

Фошар был против сильных врагов, но он летал на одном из лучших самолетов своего времени. «Моран-Солнье» был исключительно послушным в управлении самолетом, безотказно выполнявшим все команды пилота. В то время как большинство самолетов тогда имело два спаренных крыла, «Моран-Солнье» представлял собой моноплан длиной двадцать два фута от конусообразного пропеллера до треугольного по форме хвоста. Кроме того, благодаря одному революционному изобретению, которое перевернуло прежние представления о вооруженной мощи воздушных судов, этот самолет был похож на смертельно опасного комара.

Солнье изобрел хитроумный синхронный механизм, который позволял пилоту вести стрельбу из пулемета сквозь лопасти пропеллера. Эта система намного превосходила все

известные типы скорострельного оружия, а металлические дефлекторы закрывали пропеллер от пуль.

Готовясь к решительному бою, Фошар нагнулся вниз, просунул руку под сиденье и нащупал там холодный металлический ящик. Рядом лежала красная вельветовая сумка, которую он положил на колени. Придерживая рычаг управления плотно сжатыми коленями, он открыл сумку и вынул стальной шлем, по форме напоминающий часть боевых доспехов древнего воина. Фошар провел пальцами по ледяной поверхности металла и ощутил жар собственного тела. Несколько секунд спустя он надел металлический шлем на кожаную шапку пилота и закрепил ремнями. Шлем закрывал всю голову и даже лицо Фошара, включая большой мясистый нос. Фошар поднял забрало до уровня бровей, чтобы увеличить радиус обзора.

Облака вокруг стали редкими, а сквозь небольшие окна пробивались яркие лучи солнца. Вскоре он оставил позади последние хлопья облаков и вынырнул на свет. Группа «авиатиков» кружила внизу, как стая изголодавшихся акул подле тонущего корабля. В ту же секунду они заметили Фошара и стали медленно набирать высоту.

Первый из самолетов противника проскользнул под «Моран-Солнье» и вошел в зону поражения. Фошар резко подался вперед, проверяя надежность ремней, а потом потянул на себя рычаг и вздернул нос самолета вверх, входя в режим мертвой петли. Какое-то время он висел в кабине вниз головой, с благодарностью вспоминая французского инструктора, который обучил его сложному маневру. Выполнив эту фигуру высшего пилотажа, он выровнял самолет и оказался позади группы «авиатиков». Не теряя ни секунды, Фошар открыл огонь по ближайшему самолету, но тот сделал резкий крен и ушел в сторону целым и невредимым. Фошар повис у него на хвосте, испытывая волнующий азарт охотника, преследующего добычу. «Авиатик» тем временем резко развернулся и попытался обойти его сзади. Маленький самолет Фошара легко последовал за ним.

В этот момент внизу открылась небольшая долина. «Авиатик», не имея простора для маневра – сзади наседал Фошар, – направился прямо к ней. Экономя боеприпасы, Фошар сделал несколько коротких очередей, но «авиатик» вильнул вправо, а потом влево, и пули прошли мимо. После этого он сбавил скорость и опустился ниже, чтобы укрыться от пулемета Фошара. Тот снова выпустил очередь, но «авиатик» так же ловко ушел из-под обстрела.

Сейчас самолеты летели над полями на высоте не более пятидесяти футов и со скоростью не менее ста миль в час. Стадо перепуганных коров бросилось врассыпную; с высоты животные были похожи на пожелтевшие листья, сбитые с дерева сильным порывом ветра.

На какое-то время «авиатику» удалось ускользнуть, но Фошар знал, что враг где-то рядом. Правда, из-за близкого и неровного горизонта вести прицельную стрельбу было практически невозможно. Внизу простирались фермерские поля, изредка попадались небольшие домики, а вдали Фошар увидел крыши домов городка, расположенного на самом краю долины.

«Авиатик» летел над рекой, разрезающей долину и город на две равные части. Иногда пилот опускался так низко, что колеса самолета едва не касались поверхности воды. А впереди, у окраины городка, над рекой возвышался небольшой каменный мост.

Фошар напряг палец на спусковом крючке, когда над его головой повисла какая-то тень. Он посмотрел вверх и увидел колеса и фюзеляж другого «авиатика», летевшего на высоте не более пятидесяти футов над ним. Тот опускался все ниже, и было ясно, что он хочет прижать Фошара к земле. Фошар быстро посмотрел на самолет, летевший перед ним, и увидел, как тот набирает высоту, чтобы не врезаться в мост.

Шедшие по мосту жители городка в ужасе припустились прочь, пытаясь укрыться от рева трех мощных машин. Старая полусонная лошадь, тащившая по мосту телегу с сеном, попятилась и даже присела на задние ноги от страха, когда «авиатик» с ревом пронесся над мостом.

Летевший над Фошаром самолет стал спускаться ниже, чтобы прижать его к мосту, но в последние секунды пилот передумал и выровнял машину. Фошар успел проскользнуть между мостом и «авиатиком», задев колесами копну сена на телеге. Ему с трудом удалось удержать самолет и пролететь над крышами домов. Преследователь повторил его маневр, но было поздно. Слишком поздно. Будучи менее подвижным, чем моноплан Фошара, он не успел уйти вверх, врезался в мост и рухнул в воду, охваченный пламенем. Передний «авиатик» тоже оказался слишком неповоротливым и, не успев набрать высоту, задел брюхом стальной шпиль церкви, развалился и рассыпался по земле кусками.

– Господь с вами! – хрипло крикнул Фошар, разворачивая самолет в сторону от долины. Вдали показались две крошечные точки, которые быстро двигались ему навстречу. Через минуту они стали более отчетливыми и оказались последними аэропланами из эскадрильи «авиатиков».

Фошар, направив самолет прямо между двумя машинами неприятеля, злорадно ухмыльнулся. В этот момент он очень хотел показать членам своего семейства, что он думает об их безумной и тщетной попытке остановить его. Вскоре он уже мог разглядеть пилотов обоих самолетов. В одном из них – том, который оказался слева от «Моран-Солнье», – рядом с пилотом сидел пассажир. Мужчина поднял какую-то палку, сверкнула вспышка. В ту же секунду грудную клетку Фошара обожгло огнем, как будто кто-то воткнул раскаленные вилы. Фошар подался вперед. Вдруг он сообразил, что пассажир во вражеском самолете взял на вооружение простую, но самую надежную технику – он выстрелил в Фошара из карабина.

Фошар невольно дернул рычаг управления, и его ноги пронзила острая боль. Оба вражеских самолета пронеслись мимо. Фошар с трудом удерживал равновесие машины, чувствуя, как липкая кровь впитывается в ткань, стекает на кожаное сиденье. Во рту появился солоноватый привкус, а взгляд с трудом фокусировался на окружающих его предметах.

Он медленно снял перчатки, расстегнул ремень безопасности и просунул руку под сиденье. Слабеющими пальцами нащупал внизу холодный металлический ящик и с трудом извлек его из-под сиденья, положил на колени, а потом пристегнул ручку к своему запястью.

Собрав остатки сил, Фошар поднялся на ноги, облокотился на спинку сиденья, а потом медленно перегнулся через край кабины и вывалился из аэроплана. Его пальцы привычно нащупали кольцо на большой подушке, на которой он сидел во время полета, та раскрылась с громким хлопком, и над головой зашуршала прочная шелковая ткань парашюта.

Но глаза уже застилала темная пелена. Он увидел под собой голубую гладь озера, сверкающую белизну ледника.

«У меня не получилось».

В этот момент ему было очень больно, но не от самой боли, а от ощущения злости и досады.

«Миллионы людей погибнут».

Он выплюнул сгусток крови и потерял сознание. Безжизненное тело, повисшее на парашюте над ледником, было удобной мишенью для умелого стрелка из «авиатика», который зашел на второй круг.

Фошар не почувствовал, как вторая пуля врезалась в его шлем, пробила его и вошла в голову.

Лучи солнца отражались на сверкающей поверхности металлического шлема, когда погибший медленно опускался вниз. Горы заключили его в свои объятия.

Глава 1

Оркнейские острова. Шотландия, наши дни

Джоди Майклсон кипела от ярости.

Этим вечером ей вместе с тремя оставшимися участниками телевизионного шоу «Изгои» пришлось перебираться в тяжелых ботинках по толстому канату, протянутому вдоль «обрыва» высотой три фута, сооруженному из навороченных кусков скал. Этот спортивный трюк был представлен публике под интригующим названием «Испытание огнем викингов». Два ряда факелов освещали пространство с обеих сторон канатной дороги, делая представление драматичным и рискованным, хотя на самом деле линия освещения находилась на расстоянии шести футов от обрыва. Телекамеры были нацелены на идущего снизу под острым углом, из-за чего продвижение по канату казалось более опасным, чем было на самом деле.

Что действительно не было фальшивым в этой передаче, так это попытка продюсеров поставить участников состязания в условия реальной опасности. Телешоу «Изгои» было последней находкой в жанре «реалити-шоу», популярность которого резко пошла вверх после успеха таких телепрограмм, как «Последний герой» и «Фактор страха». А этот цикл должен был представлять собой усложненную комбинацию двух предыдущих форматов с отдельными элементами «Джерри Спрингера».

Формат передачи был очень прост. Десять участников должны в течение трех недель пройти серию рискованных испытаний, а те, кто потерпит поражение или будет изгнан остальными в результате голосования, обязаны немедленно покинуть остров.

Предполагалось, что победитель получит миллион долларов вместе с призовыми баллами. Количество этих самых баллов зависело от того, насколько скверно и мерзко люди относились друг к другу во время испытаний.

Это шоу должно было стать максимально ожесточенным, и продюсеры сделали все возможное, чтобы обострить обстановку. Если предыдущие телешоу были главным образом соревновательными в спортивном смысле этого слова, то это представление мыслилось как откровенно воинственное и жестокое.

Формат шоу был частично основан на программе «Пределы внешнего мира», участники которой демонстрировали способность выживать в любых условиях. В отличие от остальных программ, посвященных выживанию в экстремальных условиях, которые обычно снимались на тропических островах, окруженных бирюзовыми океанскими водами и высокими живописными пальмами, организаторы «Изгоев» предпочли довольно суровые Оркнейские острова в Шотландии. При этом участников состязания высадили на берег на точной копии судна викингов, а на самом острове их встретили только стаи горластых морских птиц да голые камни.

Две мили в длину и миля в ширину – вот и вся суша, большая часть которой была скалой, исковерканной каким-то страшным природным катаклизмом много миллионов лет назад. Изредка здесь встречались скрюченные деревья. А на диком пляже с грубым песком обычно снимались фильмы в стиле экшен. Погода на острове была мягкой, за исключением довольно прохладных ночей, но в покрытых шкурами палатках было вполне терпимо.

Скалистое пятно на фоне безбрежного моря было таким маленьким, что местные жители часто называли его островом Коротышек. Это неблаговидное обстоятельство вызвало ожесточенные споры между продюсером Саем Пэрисом и его ассистентом Ренди Эндлманом.

Пэрис, по обыкновению, впал в состояние безудержного гнева.

– Господи, мы не можем снимать приключенческое шоу на острове с таким идиотским названием. Нужно придумать что-нибудь более подходящее. – Его лицо просияло. – Назовем его остров Черепов!

– Но он совсем не похож на черепную коробку, – заупрямился Эндлман. – Скорее уж на пережаренную яичницу.

– Да, очень похоже, – хмыкнул Пэрис перед тем, как удалиться.

Джоди, которая была свидетельницей этой перепалки, не могла сдержать язвительную ухмылку, которая очень понравилась Эндлману.

– Мне кажется, – ехидно заметила она, – больше всего он похож на череп тупого

продюсера.

Состязания представляли собой в основном испытания на прочность нервов и включали в себя такие неприятные вещи, как, например, поедание живых крабов, которых нужно было предварительно разорвать на мелкие части, или погружение в емкость с кишащими там угрями. У телезрителей это должно вызывать рвотные позывы и непреодолимое желание узнать, чем все закончится. При этом некоторые участники шоу, похоже, были подобраны именно по причине своей врожденной агрессивности и общей озлобленности.

Высший накал страстей должен наступить в тот момент, когда два полуфиналиста вынуждены будут провести беспокойную ночь, охотясь друг на друга с помощью приборов ночного видения и ружей типа пейнтбол. Эта часть состязаний была основана на известной передаче «Самая опасная игра», а победитель получал право претендовать на еще один миллион долларов.

Джоди была инструктором в фитнес-клубе в округе Оранж, что в Калифорнии. Она обладала крепким телом, которое потрясающе смотрелось в бикини, но, к сожалению, утрачивало привлекательность из-за слишком длинной одежды свободного покроя. У нее были длинные светлые волосы и живой, острый ум, который пришлось тщательно скрывать, чтобы получить доступ к участию в шоу. Все участники состязаний вполне соответствовали поставленным перед программой задачам, однако Джоди наотрез отказывалась играть роль послушного исполнителя, уготованную ей настырным продюсером.

Во время последнего опроса, касающегося недостатков и предпочтений участников телешоу, ее и остальных спросили, что в наибольшей степени соответствует понятию «раковина» – рыба, моллюск или автомобиль. Исполняя роль типичной тупой блондинки, она должна была выбрать «автомобиль».

Господи, ни за что на свете она не станет жить так, как сейчас, когда вернется наконец обратно в лоно цивилизации. После той викторины продюсеры постоянно намекали Джоди, чтобы она ушла подобру-поздорову. Кстати, она сама предоставила им вполне реальный шанс убрать ее из передачи, когда зола попала в глаза и она в конечном итоге не смогла преодолеть огненное препятствие. Остальные участники группы собрались вокруг костра с угрюмыми выражениями на лицах, а Сай Пэрис драматическим тоном приказал ей покинуть место съемки и отправиться в Валгаллу.[1] Боже, какой кошмар.

Медленно направляясь в сторону от лагерного костра, Джоди проклинала себя за унизительное поражение, но не забывала и успокаивать тем, что после нескольких недель, проведенных с этими психопатами, наконец-то сможет вернуться домой. Иногда она даже радовалась тому, что покинет кошмарный остров. Впрочем, сам по себе остров был довольно приятным, и первозданная красота производила впечатление. Но Джоди порядком устала от постоянных нападок, упреков и той атмосферы всеобщего озлобления, которая установилась в лагере среди тех, кто почитал за честь играть роль беззащитных кроликов, преследуемых злобными хищниками.

Позади импровизированного сооружения из костей китов, получившего название «Врата Валгаллы», стоял огромный трейлер, временное жилище продюсерской группы. В то время как участники состязаний спали в палатках и спальных мешках, члены съемочной группы наслаждались теплым помещением и горячей едой. Если кто-нибудь из участников выбывал из игры и становился изгоем, он или она могли провести последнюю ночь в трейлере. На следующее утро вертолет увозил неудачников с острова.

– Не повезло тебе, – сочувственно встретил ее Эндлман на пороге. Он был хорошим парнем и полной противоположностью своему упрямому боссу.

– Да уж, действительно. Теплый душ, горячая еда и мобильный телефон.

– Черт возьми, все это здесь в нашем распоряжении.

---

[1] В скандинавской мифологии обитель павших воинов, символ поражения.

Джоди придирчиво оглядела весьма комфортабельную обстановку в трейлере.

– Я заметила.

– Вот твоя койка, – показал он. – Возьми в баре чего-нибудь выпить, в холодильнике найдешь немного ужасного патэ. Это поможет тебе прийти в себя, а я должен помочь Саю. Отоспись немного.

– Непременно.

Она подошла к бару, налила в высокий стакан «Бифитер» и выпила, ничем не разбавляя. Что же до патэ, оно оказалось на вкус именно таким, каким его и назвали. Джоди с нетерпением стала ждать момента, когда вернется домой. Все бывшие участники телешоу сочувствовали тем, кто оставался на острове и все еще тешил себя иллюзиями о легких деньгах. Джоди устроилась в мягком кресле и вытянула ноги. Через несколько минут она задремала под воздействием алкоголя.

Проснулась она неожиданно от какого-то странного шума. Поначалу показалось, что во сне она слышала резкий крик, похожий на звуки потревоженных морских птиц или ребячий визг, который сопровождался завываниями и душераздирающими воплями.

Странно.

Девушка встала, подошла к двери и прислушалась. Судя по всему, этот ненормальный Сай снова набросился на своих подопечных с упреками, а может, просто заставил бедняг плясать вокруг костра с дикими воплями.

Джоди вышла из трейлера и направилась по тропинке к берегу моря. Шум становился все громче, и в нем отчетливо слышались нотки отчаяния. Там действительно происходило что-то странное, если не сказать страшное. Это были леденящие кровь вопли страха и боли – ничего похожего на обычное возбуждение по ходу игры. Джоди ускорила шаг и буквально ворвалась сквозь «Врата Валгаллы» на поляну, которую оставила некоторое время назад. Представшая перед ее глазами сцена напоминала изображение ада на картине Иеронима Босха.

Участники состязаний и съемочная группа подверглись нападению странных существ, которые внешним видом напоминали полулюдей, полузверей. Эти дикие животные – все-таки животные! – набрасывались на людей и рвали их на части острыми клыками и мощными когтями.

Она видела, как первым на землю упал Сай, а потом Ренди. Окровавленные тела остальных уже лежали на пляжном песке. Некоторые шевелились, издавая крики о помощи. В мерцающих бликах догорающего костра Джоди разглядела длинные белые волосы тварей, спадающие на мощные обнаженные плечи. Они были грязные, всклокоченные, лица напоминали ужасные маски, перекошенные от злобы и ярости. Один из монстров поднял оторванную окровавленную руку и поднес ее ко рту. Джоди не выдержала и вскрикнула. Чудовища вдруг притихли, прервали свою кровавую трапезу и уставились на нее налитыми кровью глазами.

Ее чуть не стошнило, но вид приближающихся тварей пробудил инстинкт самосохранения. Джоди бросилась прочь, думая только о том, как спастись.

Сперва она припустилась к трейлеру, надеясь укрыться за дверями, но сообразила, что там она окажется в западне и будет обречена. Тогда она помчалась к скалистой горе, слыша за собой прерывистое сопение чудовищ, которые преследовали ее, как стая кровожадных собак. В темноте она потеряла обувь и вскоре провалилась в какую-то расселину. Именно это и спасло ей жизнь. Преследователи потеряли ее из виду, промчавшись мимо. А Джоди ударилась головой о камни и на какое-то время потеряла сознание. Через некоторое время она пришла в себя, услышала, как ей показалось, какие-то крики, за которыми последовали выстрелы, и снова погрузилась в беспамятство.

Когда на следующее утро над островом появился вертолет, она все еще лежала без сознания в небольшом ущелье, а когда члены экипажа прочесали весь остров и в конце концов обнаружили девушку среди камней, она вдруг сделала для себя одно ужасное открытие.

Все остальные участники телешоу бесследно исчезли.

Глава 2

Монемвассия, Пелопоннес, Греция

В нескончаемом кошмаре Ангус Маклин видел себя беззащитной жертвой, которую загнал в западню голодный свирепый тигр. Хищник вперился в него желтыми глазами из зарослей. Злобное рычание нарастало с каждой минутой, затем тигр прыгнул на него. Ангус отчетливо услышал мерзкое дыхание зверя и почти физически ощутил, как острые когти впиваются в его шею. Он начал дергаться в тщетной попытке убежать и застонал, пока стон не превратился в душераздирающий крик В этот момент он проснулся в холодном поту, тяжело дыша и нервно комкая влажную от пота простыню.

Маклин с трудом поднялся с узкой кровати и открыл деревянные ставни на окнах. Лучи яркого солнца Греции мгновенно пролились сквозь окно и осветили стену монашеской кельи. Он быстро надел шорты, натянул майку, просунул ноги в сандалии и вышел наружу, щурясь от яркого света. Дыхание постепенно пришло в норму.

Ангус глубоко вдохнул свежий воздух, наслаждаясь приятным запахом дикорастущих цветов, заросли которых окружали приземистое двухэтажное, тщательно оштукатуренное здание монастыря. Немного подождав, пока руки перестали дрожать после недавнего кошмара, он отправился на обычную утреннюю прогулку, которая всегда служила для него самым лучшим и эффективным средством от нервного перенапряжения.

Монастырь был выстроен на высоте нескольких сотен футов под массивной скалой, которую местные туристические путеводители часто величали «греческим Гибралтаром». Чтобы подняться на вершину, ему пришлось взбираться по крутой тропе, проложенной по какой-то древней стене. Много веков назад жители расположенного внизу городка часто пользовались этой тропой, чтобы укрыться на вершине горы от захватчиков. Сейчас от городка, в котором некогда проживало множество людей, остались лишь живописные развалины.

С вершины горы, сохранившей руины древнего византийского храма, Маклин мог видеть окрестности на много миль вокруг. На темной глади моря виднелось несколько небольших, необыкновенно красивых лодок. Все вокруг располагало к умиротворению, однако Маклин хорошо понимал, что привычный утренний ритуал порождал в душе лишь иллюзорное чувство безопасности и что люди, которые уже давно охотятся за ним, не обнаружат себя, пока не прикончат его.

Он обошел вокруг живописных руин, как неприкаянный дух, потом отправился назад к двухэтажному зданию монастыря. Обитель была построена еще в XV веке, а сейчас правительство Греции сделало здание одним из многочисленных туристических объектов, разбросанных по всей стране. Маклин специально задержался в пути, чтобы явиться на завтрак после того, как остальные посетители монастыря закончат утреннюю трапезу и отправятся на экскурсию.

Убиравший помещение кухни молодой человек улыбнулся ему и кивнул.

– Kali niera, доктор Маклин, – пожелал он гостю доброго утра по-гречески.

– Kali niera, Анжело, – так же дружелюбно ответил Маклин и постучал пальцем по голове. – Опять забыл?

Глаза парня потемнели от досады.

– Да, извините, мистер Маклин.

– Ничего страшного, – сказал тот с протяжным шотландским акцентом. – Это ты извини, что досаждаю своими глупыми просьбами. Я уже говорил тебе, – мне очень не хочется, чтобы они думали, будто я могу лечить расстройство желудка и все прочие желудочные болячки.

– Да, конечно, мистер Маклин, я все прекрасно понимаю.

Анжело принес ему большую миску со свежей клубникой, сладкую, как мед, дыню и кремовый греческий йогурт с греческим медом и греческими орехами. А потом на столе появилась чашка горячего крепкого черного кофе. Анжело был молодым монахом, который с некоторых пор исполнял нелегкие, но вместе с тем приятные обязанности гостеприимного хозяина в этом монастыре. Ему было чуть больше двадцати лет. На смуглом красивом лице, обрамленном курчавыми темными волосами, всегда сияла добродушная улыбка. На самом деле он выполнял здесь обязанности консьержа, повара, официанта, администратора и хозяина гостиницы. При этом одет он был в обыкновенную рабочую одежду, и только тугая веревка, опоясывавшая талию молодого человека, напоминала о его духовном статусе.

Маклин крепко подружился с парнем за те несколько недель, которые провел здесь в качестве постояльца. Каждый день, после того как Анжело заканчивал привычную работу по уборке помещения после завтрака, они погружались в длительную беседу на интересующую обоих тему – о сущности и историческом значении византийской цивилизации.

Маклин погружался в исследование древней истории, чтобы хоть как-то отвлечься от привычных занятий химией. Неистребимый интерес к прошлому привел его несколько лет назад к изучению Мистры – древнего центра Византии. Он исследовал почти весь полуостров Пелопоннес и в конце концов добрался до городка Монемвассия, который был отделен от моря и скалистых гор узкой полоской живописного берега. Это был единственный путь к городку, который представлял собой сочетание узких средневековых улочек и тенистых аллей. Сам же городок получил название от сочетания «единственные ворота». Маклин с первого взгляда был очарован этим местом и решил, что непременно возвратится сюда. Правда, ему и в страшном сне не могло привидеться, что вернется он не ради любопытства, а ради спасения собственной жизни.

С самого начала предложенный проект показался ему совершенно невинным. Маклин преподавал современную химию в Эдинбургском университете, когда ему предложили исследовательскую работу, о которой он мечтал всю жизнь. Он без колебаний принял заманчивое предложение, взял отпуск на некоторое время и с головой погрузился в труды, проводя часы за исследованиями в обстановке строжайшей секретности. Он возглавил сразу несколько исследовательских групп, которые работали над получением энзима – комплекса сложных протеинов, производящих уникальные биохимические реакции.

Задействованные в этом проекте ученые были собраны в весьма комфортабельном пригородном поселке в сельском районе Франции и имели очень мало контактов с внешним миром. Один из коллег шутливо окрестил их исследование «Манхэттенским проектом». Для Маклина изоляция от внешнего мира не представляла проблем – он был убежденным холостяком и не имел близких родственников. Что же до остальных, то лишь немногие жаловались на ограничения, поскольку астрономические гонорары и прекрасные условия работы были хорошей компенсацией.

Потом работа над проектом неожиданно прекратилась, исследователи остались не у дел. Когда Маклин и его коллеги стали задавать вопросы, касающиеся будущих перспектив, им сообщили, что не стоит беспокоиться, а потом и вовсе отослали всех по домам, предупредив, что ученые должны немного подождать, пока результаты их работы не будут подвергнуты тщательному анализу.

Однако Маклин отправился не домой, а в Турцию, где с удовольствием изучал древние руины, а когда несколько недель спустя вернулся в Шотландию, обнаружил на автоответчике какие-то странные телефонные звонки: некто набирал его номер и бросал трубку. Там же был не менее странный звонок от его коллеги по исследовательскому проекту. Тот спрашивал, читал ли Маклин последние газеты, и просил немедленно перезвонить ему. Маклин попытался связаться с ним, но ему ответили, что его коллега был убит в какой-то драке с погоней.

Позже, когда Маклин разбирал накопившуюся почту, он обнаружил конверт, который прислал ему недавно погибший коллега. Конверт был заполнен вырезками из газет, в которых сообщалось о загадочной гибели людей, которые работали с ними во Франции.

Маклин читал заметки и покрывался холодным потом. Жертвами разнообразных происшествий со смертельным исходом были замечательные ученые, работавшие с ним в одной лаборатории. А в прилагаемой к этим вырезкам лаконичной записке автор предупреждал: «Беги или умрешь!»

Маклин попытался убедить себя, что все эти трагедии – случайные совпадения, хотя этот вывод противоречил его природной склонности к научному анализу. А через несколько дней после того, как он ознакомился с этими заметками, огромный грузовик попытался столкнуть с дороги его крошечный автомобиль «мини-купер». К счастью, Маклину удалось скрыться от преследователей с несколькими мелкими царапинами на теле, однако он узнал человека, который сидел за рулем грузовика. Это был один из тех молчаливых охранников, который отвечал за безопасность ученых в лаборатории.

Каким же я был дуракам.

Маклин понял, что нужно бежать. Но куда? И в этот момент ему на ум пришел городок Монемвассия, весьма популярное у туристов местечко материковой Греции. Большинство иностранных туристов приезжали взглянуть на эту скалу только на день, он же собирался провести здесь долгое время.

Пока Маклин размышлял над странными обстоятельствами, которые привели его в этот богом забытый городок, Анжело вернулся со свежим номером «Интернэшнл геральд трибюн». Его ждали дела, и монах удалился, сказав, что вернется через час. Маклин молча кивнул и отпил кофе, наслаждаясь приятным горьковатым вкусом. Просмотрел раздел экономики, прочитал про политические кризисы, а потом его взгляд упал на крупный заголовок в разделе международных новостей:

ОСТАВШИЙСЯ В ЖИВЫХ ОЧЕВИДЕЦ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО МОНСТРЫ УНИЧТОЖИЛИ УЧАСТНИКОВ ТЕЛЕШОУ

Чуть ниже сообщалось, что трагическое событие произошло на одном из Оркнейских островов в Шотландии. В статье было лишь несколько абзацев, но когда Маклин закончил читать, его руки заметно дрожали. Он перечитывал эту статью снова и снова, пока буквы не поплыли у него перед глазами. «Боже мой, – подумал он, – случилось что-то ужасное».

Ученый сложил газету, вышел на свежий воздух, немного постоял на мягком солнце и наконец-то принял решение. Он вернется домой и попытается найти людей, которые могут поверить в правдивость этой истории.

Маклин направился в город, поймал там такси, доехал до здания транспортного агентства и купил один билет на катер на подводных крыльях, который на следующий день должен был доставить его в Афины. Затем вернулся в свою келью и упаковал немногочисленные вещи. Что теперь? Он решил придерживаться прежнего режима и направился в близлежащее кафе на открытом воздухе, где заказал стакан холодного лимонада и погрузился в чтение газеты. Через некоторое время он услышал, что к нему кто-то обращается.

Подняв голову, он увидел перед собой женщину с пепельными волосами, которая стояла у его столика в слаксах и блузке, мило улыбалась и протягивала ему фотоаппарат.

– Простите за беспокойство, – сказала она с очаровательной улыбкой. – Не могли бы вы помочь нам? Мы с мужем хотели бы…

Туристы часто обращались к Маклину с просьбой запечатлеть их визит в этот городок Дама была высокой, долговязой, с необыкновенно голубыми глазами и копной серых, словно присыпанных солью, волос, чем сильно отличалась от низкорослых и темноволосых греков.

Сидевший за соседним столиком крупный мужчина сдержанно кивнул и улыбнулся Маклину. Покрытое крупными веснушками лицо его было ярко-красным от слишком долгого пребывания на жарком солнце. Маклин молча кивнул и взял протянутый ему фотоаппарат. Сделав несколько снимков счастливой супружеской пары, он вернул им фотоаппарат и снова уселся за свой столик.

– Большое спасибо! – благодарно воскликнула женщина. – Вы даже не представляете, как эти фотографии украсят наш семейный альбом.

– Американцы? – спросил Маклин, с трудом сдерживая желание пообщаться с этими людьми по-английски. Анжело плохо владел английским, поэтому их беседы ограничивались лишь самыми общими фразами.

Женщина просияла:

– Неужели так заметно? А мы всеми силами стараемся скрыть это.

Маклин посмотрел на ее желтовато-розовые слаксы и подумал, что в таком наряде скрыть это практически невозможно. А ее муж был в белой хлопчатобумажной рубашке без воротника и черной капитанской кепке, какие обычно покупают специально для далекого путешествия.

– Да, мы добрались сюда на катере на подводных крыльях, – произнес он с тягучим американским акцентом и медленно поднялся из-за столика. – Чертовски приятная поездка, – добавил он, протянув Маклину свою толстую потную руку. – Вы англичанин?

Маклин отреагировал с нескрываемым чувством брезгливости.

– О нет, я шотландец.

– А я как шотландское виски – наполовину скотч, наполовину содовая, – сказал тот и растянул губы в лошадиной ухмылке. – Извините за эту шутку. Я из Техаса. Полагаю, вы, вероятно, решили, что мы из Оклахомы.

Маклин вдруг подумал, что по какой-то странной причине все техасцы, с которыми ему приходилось встречаться, почему-то считают, что их плохо слышат.

– Мне и в голову не пришло, что вы можете быть из Оклахомы, – сдержанно возразил он. – Надеюсь, вам понравилось путешествие.

С этими словами Маклин повернулся, чтобы уйти, но женщина вдруг попросила его задержаться на минутку и сфотографироваться на память, поскольку он был так любезен с ними. Маклин неохотно попозировал сначала с ней, а потом и с ее мужем.

– Благодарю вас, – пролепетала женщина с более изысканным акцентом, чем ее муж. Вскоре Маклин узнал, что Гэс и Эмма Харрис прибыли из Хьюстона, что Гэс занимается нефтяным бизнесом, а она учитель истории в школе и именно поэтому всю жизнь мечтала посетить Грецию, колыбель древней цивилизации.

В конце концов Маклин пожал супругам руки на прощание, выслушал слова благодарности и отправился обратно по узенькой улочке, надеясь в душе, что американцы не поплетутся за ним. Он сделал большой круг и лишь через некоторое время направился в монастырь. В своей комнате опустил шторы на окне, чтобы было темно и прохладно, и прилег на кровать. Он проспал самую нестерпимую полуденную жару, а потом проснулся, плеснул в лицо холодной водой и вышел на крыльцо, чтобы подышать свежим воздухом. Каково же было его удивление, когда на монастырском дворе возле небольшой белой церквушки он увидел уже знакомую ему чету Харрисов.

Гэс и его жена увлеченно щелкали фотоаппаратом, снимая монастырское подворье и саму церковь. Заметив его, оба заулыбались и весело замахали руками, и Маклин вынужден был подойти хотя бы из чувства вежливости. Через минуту он предложил им показать свою келью. Они пришли в восторг от стен, которые были покрыты плитками темного дерева с искусной резьбой. Оказавшись снова во дворе монастыря, с интересом уставились на вершину скалы, возвышающуюся над крышами зданий.

– Оттуда должен открываться прекрасный вид на этот городок, – предположила Эмма.

– Да, но на вершину не так просто добраться.

– Дома мне приходится ухаживать за домашней птицей, поэтому я чувствую себя в очень хорошей форме, – сказала она с кокетливой улыбкой. – А Гэс тоже гораздо крепче физически, чем может показаться на первый взгляд.

Когда-то он много играл в футбол, хотя сейчас в это трудно поверить.

– Да, тогда я был не таким толстым, как сейчас, и неплохо играл за Техас. Скажу откровенно: очень хотелось бы подняться на эту скалу.

– Может быть, вы согласились бы показать нам дорогу туда? – расплываясь в улыбке, спросила Эмма.

– Весьма сожалею, но завтра утром я уезжаю отсюда на катере, а мне еще нужно собрать вещи. – Маклин посоветовал им прийти сюда завтра утром и предпринять восхождение как можно раньше, пока солнце еще не начнет припекать.

– Какой вы добрый человек, – сказала Эмма и по-матерински потрепала его по щеке.

Когда они направились вдоль монастырской стены к городку, ученый смотрел им вслед и приветливо помахивал рукой. Через минуту супруги прошли мимо Анжело, который возвращался в монастырь.

Монах остановился возле Маклина, поздоровался с ним, а потом посмотрел вслед удаляющейся паре.

– Вы уже познакомились с этими американцами из Техаса?

Маклин удивленно посмотрел на монаха и недовольно насупился:

– А откуда тебе известно, кто они такие?

– Они приходили сюда вчера утром, когда вы гуляли в городе. – Монах показал рукой на крыши старого города.

– Странно, а мне показалось, что они впервые посетили этот монастырь.

Анжело равнодушно пожал плечами.

– Может быть, когда мы состаримся, тоже будем забывать, где были вчера.

Неожиданно Маклином овладела тревога, как бывало, когда ему снился кошмарный сон про загнанного в западню козла. Холодная пустота заполнила его душу. Он быстро извинился и направился в комнату, где налил себе полный стакан крепкого местного вина.

Как легко и просто все могло произойти. Туристы взбираются на вершину скалы, его просят попозировать на краю обрыва, а потом одно резкое движение – и он летит вниз на камни. Очередной несчастный случай. Еще один мертвый ученый. Это было бы совсем не трудно даже для такой симпатичной учительницы истории.

Маклин порылся в черной пластиковой сумке, где обычно хранил грязную одежду, приготовленную для стирки, и с самого дна вынул конверт с пожелтевшими газетными вырезками. Разложив их на столе, внимательно прочитал все заголовки. Разные по форме, они были совершенно идентичными по содержанию.

УЧЕНЫЙ ПОГИБ В АВТОМОБИЛЬНОЙ КАТАСТРОФЕ…
УЧЕНЫЙ УБИТ В ДРАКЕ…
УЧЕНЫЙ УБИЛ ЖЕНУ И СЕБЯ…
УЧЕНЫЙ ПОГИБ ВО ВРЕМЯ СПУСКА НА ЛЫЖАХ.

И все эти люди работали под его началом над тем самым проектом. Он снова перечитал приложенную коллегой записку: «Беги или умрешь!» Маклин вырезал статью из последнего номера «Геральд трибюн», вложил в конверт вместе с другими и вышел в холл, где стоял стол для регистрации и приема гостей. Анжело разбирал бумаги забронированных номеров.

– Я должен уехать, – решительно заявил Маклин.

Анжело поднял на него растерянный взгляд.

– Очень жаль. Когда?

– Сегодня вечером.

– Это невозможно. Сейчас нет ни катера, ни автобуса. Только завтра утром.

– И тем не менее я должен уехать и прошу тебя о помощи. Разумеется, я хорошо заплачу.

В глазах монаха мелькнула досада.

– Я помогу ради нашей дружбы, а не ради денег.

– Извини, – пробормотал Маклин. – Я сегодня не в духе.

Анжело был умен.

– Это все из-за этих американцев? – сообразил он.

– Меня разыскивают какие-то люди. Возможно, американцы приехали сюда, чтобы найти меня и предупредить сообщников. Я сглупил, сообщив им, что собираюсь отплыть завтра утром на катере. Не исключено, что они прибыли сюда не одни. Может, сейчас кто-то дежурит у ворот.

Анжело молча кивнул.

– Я могу отвезти вас на материк на лодке, но вам понадобится машина.

– Я надеюсь, ты сможешь взять ее для меня напрокат. – Маклин протянул монаху кредитную карточку, которой старался не пользоваться, – по ней легко вычислить владельца.

Анжело тут же позвонил в бюро проката автомобилей, поговорил несколько минут и повесил трубку.

– Все в порядке. Они оставят ключ зажигания в машине.

– Анжело, не знаю, как и благодарить тебя. Сколько я тебе должен?

– Нисколько, – тихо отозвался тот. – Если будете в церкви, сделайте щедрые пожертвования на благотворительные цели.

Маклин зашел в безлюдное кафе и перекусил, с подозрением озираясь на соседние столики. Вечер прошел без приключений. Возвращаясь в монастырь, он то и дело поглядывал через плечо, опасаясь преследователей.

Ожидание было мучительно долгим. Он чувствовал себя в западне в своей келье, но при этом постоянно напоминал себе, что стены здесь толстые, а дверь способна выдержать даже орудийный залп. Сразу после полуночи он услышал легкий стук в дверь.

Анжело подхватил его сумку и повел вдоль монастырской стены к ступенькам, которые спускались вниз на бетонную платформу, которую пловцы обычно использовали для подводных погружений. В тусклом свете электрического фонаря Маклин увидел небольшую моторку, привязанную к причалу. Они запрыгнули в лодку, и Анжело собрался было уже завести мотор, когда позади послышались чьи-то торопливые шаги.

– Отправляетесь в полуночное путешествие? – послышался слащавый голос Эммы Харрис.

– Как ты могла подумать, что доктор Маклин уедет, не попрощавшись с нами? – подхватил ее муж.

После секундного замешательства Маклин наконец-то обрел дар речи:

– А где же ваш техасский акцент, мистер Харрис?

– Ах вот оно что, – отозвался тот. – Видите ли, он не является для меня родным.

– Не волнуйся, дорогой, – продолжала ерничать Эмма. – Надо прямо признать, что нам было приятно дурачить доктора Маклина. Хотя скажу откровенно, что на этот раз удача была на нашей стороне. Мы просто сидели в этом чудном кафе, когда вы случайно зашли туда. Вы были очень любезны, когда согласились сфотографироваться с нами. Это помогло быстро идентифицировать вашу личность. Знаете, мы не привыкли ошибаться в таких деликатных делах.

Ее муж омерзительно захихикал.

– Вспоминаю известную пословицу: «Прошу в салон…

– …сказал паук мухе, застрявшей в паутине», – закончила Эмма.

Они громко рассмеялись.

– Значит, вас послала компания, – догадался Маклин.

– Это очень умные люди, – подтвердил Гэс. – Они знали, что вы будете ждать встречи с людьми, похожими на гангстеров.

– Такую ошибку делают многие, – добавила Эмма с нарочито грустными нотками в голосе. – Именно это обстоятельство позволяет нам так долго заниматься своим делом, не так ли, Гэс? Ну что ж, путешествие по Греции было прекрасным, но все хорошее рано или поздно кончается.

Анжело слушал этот разговор с растерянным видом. Он не понимал, что происходит, и не догадывался, какая опасность им грозит.

– Извините, нам пора ехать, – сказал он и стал отвязывать лодку.

Это были его последние слова. К сожалению, Маклин не успел остановить молодого монаха.

Раздался приглушенный хлопок; из пистолета с глушителем вырвался язык пламени; Анжело схватился рукой за грудь, покачнулся, перевалился через борт лодки и рухнул в воду.

– Нехорошо убивать беззащитного монаха, – насмешливо сказал Гэс жене.

– А он был не в сутане, – игриво ответила она. – Откуда мне было знать, что он монах?

Оба откровенно насмехались над Маклином.

– Пойдемте, доктор Маклин, – сказал Гэс. – Наша машина ждет, чтобы доставить вас к самолету компании.

– Так вы не убьете меня?

– О нет, – сказала Эмма прежним тоном обычной туристки. – Для вас разработан совершенно другой план.

– Не понимаю. – Скоро поймете, мой дорогой. Все поймете.

Глава 3

Французские Альпы

Паривший над альпийскими долинами легкий вертолет фирмы «Аэроспасиаль» казался букашкой на фоне могучих гор. Когда винтокрылая машина приблизилась к вершине, которая была украшена тремя неровными заснеженными шапками, пассажир на переднем сиденье Хэнк Торстон, похлопал рукой по плечу своего спутника и показал куда-то вдаль.

– Это Le Dormeur, – проговорил он, пытаясь перекричать шум мотора. – Спящий Человек.

Вершина горы действительно напоминала лицо человека, лежащего на спине и погрузившегося в глубокий сон.

Торстон был профессором гляциологии в университете штата Айова, выглядел на редкость молодцевато и излучал неиссякаемый энтузиазм, несмотря на свои «слегка за сорок»… Дома, в Айове, Торстон всегда тщательно брился, стригся и вообще старался следить за собой, но после нескольких дней полевых исследований становился похожим на пилота-любителя, – солнцезащитные очки, неухоженные длинные волосы и густая щетина на загорелом лице.

– Весьма поэтическое название, – согласился сидевший рядом Дерек Роулинс. – Я даже могу различить брови, нос и подбородок. Напоминает «Старика Гор» в штате Нью-Хэмпшир, пока он не разрушился. Правда, здесь изображение горизонтальное, а не вертикальное.

Дерек Роулинс, плодовитый автор журнала «Аутсайд», пребывал в прекрасном возрасте – ему не было тридцати – и излучал совершенно искренний оптимизм. А с аккуратно подстриженными волосами песочного цвета и короткой бородкой он был похож на профессора больше, чем Торстон.

Кристально чистый воздух скрадывал пространство, казалось, до этой горы рукой подать. После нескольких кругов вокруг вершины вертолет стал медленно снижаться, пролетел над хребтом, напоминающим лезвие бритвы, и в конце концов нырнул в огромное ущелье, находившееся в нескольких милях от вершины. Дно огромной чаши было как бы покрыто синевой абсолютно круглого озера, зеркальную поверхность которого, несмотря на летнее время, усеяли куски льда, некоторые величиной с приличный «фольксваген».

– Спящее озеро, – пояснил профессор. – Образовалось в результате отступления ледника, а сейчас оно подпитывается постоянно стекающими в него талыми водами.

– Это самая большая порция мартини со льдом, которую я когда-либо видел, – пошутил Роулинс.

Торстон весело рассмеялся.

– Да, причем озеро чистое, как джин, но на дне его ты не найдешь ни одной оливки. А

вон то квадратное сооружение на самом краю ледникового щита – местная электростанция. Обеспечивает энергией городок, расположенный на противоположном склоне…

Вертолет пролетел над небольшим судном, пришвартовавшимся у дальнего берега озера. На палубе они увидели погрузочные краны и плавучие заграждения.

– Что это такое? – полюбопытствовал Роулинс.

– Нечто вроде археологических изысканий, – ответил Торстон. – Это судно, должно быть, поднялось сюда по реке, которая вытекает из озера.

– Надо будет проверить, – заинтересовался Роулинс. – Может быть, стоит предложить редактору эту тему? Думаю, он не станет возражать, если я вернусь до мой с двумя статьями вместо одной и не потребую за это дополнительного гонорара. – Он посмотрел на огромное белое поле, заполнившее все пространство между двумя вершинами. – Вау! Наверное, это и есть наш ледник.

– Да, – кивнул Торстон. – La Langue du Dormeur, то есть Язык Спящего Человека.

Вертолет пролетел над ледяным потоком, который спускался в озеро по широкой долине. С обеих сторон реки чернели острые края камней, направлявших ее русло к конечному пункту. Голубоватые глыбы льда громоздились в середине реки в виде длинных языков каких-то фантастических затонувших чудовищ.

Роулинс наклонился вперед, чтобы лучше разглядеть поверхность озера.

– Этому «спящему человеку» нужен хороший доктор. У него, похоже, увеличены гланды.

– Вполне подходит к поэтическому описанию ледника, – усмехнулся Торстон. – Однако сейчас не до того. Пора приземляться.

Вертолет сделал круг над краем ледника, а потом завис над небольшой площадкой и стал спускаться. Через несколько минут колеса коснулись коричневой поверхности посадочной платформы, расположенной в двухстах метрах от берега озера.

Торстон стал помогать пилоту выгружать ящики и коробки, а Роулинсу предложил немного размять ноги. Репортер вышел из вертолета, потянулся и неспешно направился к озеру. Водная гладь была неподвижной и чем-то напоминала фантастическое зрелище. Абсолютное отсутствие какого бы то ни было ветерка делало поверхность воды совершенно безжизненной. Казалось, на самом деле это твердая поверхность, по которой можно ходить пешком. Роулинс был настолько очарован озером, что даже бросил камень, чтобы убедиться, что вода в нем не замерзла.

Затем он перевел взгляд с расходящихся кругов на небольшое научно-исследовательское судно, стоявшее на якоре в четверти мили от берега. Журналист мгновенно узнал синевато-зеленый цвет корпуса: ему не раз доводилось встречаться с подобными судами во время командировок Даже без хорошо знакомой ему аббревиатуры НАПИ, ярко обозначенной на борту большими черными буква ми, он был уверен, что это судно принадлежит Национальному агентству подводных исследований, однако никак не мог понять, что делает НАПИ в этой глухомани, весьма отдаленной от океанских просторов.

Роулинс подумал, что здесь попахивает сенсацией, но с этим, вероятно, придется подождать. Торстон уже звал его к вертолету. Репортер направился к площадке, где возле винтокрылой машины только что остановился изрядно потрепанный «Ситроен-2С», поднявший в воздух столб слежавшейся пыли. Из крохотного автомобиля резво выскочил какой-то мужчина, напоминавший горного тролля или цыпленка, только что вылупившегося из яйца. Человечек был невысокого роста, смуглый, с черной бородой и длинными черными волосами.

Незнакомец подскочил к Торстону и протянул руку.

– Рад, что вы вернулись, месье профессор. А вы, должно быть, и есть тот самый журналист месье Роулинс? Меня зовут Бернар Леблан. Добро пожаловать в наши края.

– Благодарю вас, доктор Леблан, – сдержанно ответил Роулинс. – Я долго ждал этой поездки. Сгораю от нетерпения поскорее увидеть своими глазами, чем вы тут занимаетесь.

– В таком случае следуйте за мной, – сказал Леблан, подхватывая с земли огромную

сумку журналиста. – «Фифи» уже ждет нас.

– «Фифи»? – переспросил Роулинс и стал оглядываться вокруг, словно ожидал встретить здесь какую-нибудь танцовщицу из театра «Фоли Бержер».

Торстон улыбнулся, указывая пальцем на миниатюрный «ситроен».

– «Фифи» – это ласковое имя автомобиля Берни.

– А почему я не могу назвать свою крошку ласковым женским именем? – спросил Леблан насмешливо. – Она преданная, трудолюбивая и по-своему красива.

– Лично меня она вполне устраивает, – сказал Роулинс.

Вслед за Лебланом он с трудом протиснулся на заднее сиденье. Остальные погрузили коробки и сумки на крышу автомобиля, крепко привязали их ремнями, а потом расселись на свободные места. «Фифи» ловко вырулила на грунтовую дорогу и покатила по направлению к подножию горы, которое открывалось с правой стороны ледника. Как только «ситроен» выехал на покрытую гравием дорогу, вертолет взмыл в воздух, быстро набрал высоту и вскоре скрылся за горным хребтом.

– Месье Роулинс, вы знакомы с работой, которую мы проводим в лаборатории под ледниковым щитом? – спросил Леблан через плечо.

– Зовите мне просто Дек. Да, я читал материал и знаю, что ваша работа чем-то похожа на работу лаборатории на леднике Свартисен в Норвегии.

– Верно, – поддержал его Торстон. – Только лаборатория Свартисен находится на глубине семьсот футов под ледником, а наша – около восьмисот. На обеих гидроэлектростанциях талые воды направляются на мощные турбины, вырабатывающие электроэнергию. А когда вода накапливается, инженеры сооружают дополнительные отводные каналы под ледником. Именно там и расположена наша лаборатория.

Машина въехала в сосновый бор. Леблан уверенно крутил руль, ловко маневрируя и невозмутимо поглядывая на край глубокого обрыва. Колеса машины скользили в нескольких дюймах от края. Когда подъем стал заметно круче, тяжело нагруженный «ситроен» натужно зарычал.

– Похоже, «Фифи» кокетливо намекает на свой возраст, – пошутил Торстон.

– Ничего, самое главное – это ее доброе сердце, – спокойно ответил Леблан.

Вскоре они заметно снизили скорость, а потом и вовсе остановились: дорога неожиданно закончилась. Леблан первым выскочил из машины и стал развязывать багаж. Потом вручил каждому наплечные ремни, прикрепил к ним сумки, после чего взвалил ношу на себя и повел всех вверх по тропинке.

– Извините, что использую вас в качестве тягловой силы, – заметил Торстон через плечо. – Мы завезли провианта на три недели, но израсходовали намного быстрее, чем рассчитывали, в особенности вино. Решили воспользоваться вашим приездом, чтобы пополнить запасы.

– Ничего страшного, – отреагировал Роулинс с добродушной улыбкой, со знанием дела поправляя ремни, чтобы равномерно распределить нагрузку на плечи. – Когда-то я таскал огромное количество продуктов и снаряжения на вершину Белых Гор в штате Нью-Хэмпшир, так что могу считать себя опытным альпинистом.

Леблан вел их вверх по узкой тропинке мимо корявых сосен и нагромождения серых скал. Через некоторое время тропка превратилась в скалистый подъем, на камнях появились желтые метки – оставленные, чтобы никто ненароком не заблудился. Еще выше появились первые признаки ледниковой активности, которая продолжалась здесь многие тысячи лет. Поверхность здесь стала более ровной, камни – более округлыми, отшлифованными движением льда. Стекающая сверху вода делала их скользкими и опасными для неопытных путешественников. Изредка на пути попадались глубокие ямы, заполненные мокрым снегом.

Журналист пыхтел от тяжести и глубоко дышал, воздух на этой высоте был разреженный. Когда путники наконец остановились у какой-то черной скалы, почти вертикально поднимавшейся вверх, он облегченно вздохнул. Сейчас они находились на высоте почти двух тысяч футов над уровнем озера, – вода ярко сверкала на солнце далеко

внизу. Сам же ледник отсюда не был виден, но Роулинс физически ощущал его присутствие. Было такое впечатление, словно кто-то оставил огромный холодильник с открытой дверцей.

Торстон показал рукой на круглую бетонную площадку, расположенную прямо у подножия черной отвесной скалы.

– Добро пожаловать в Ледяной дворец.

– Он скорее похож на дренажную штольню, – недовольно проворчал Роулинс.

Торстон засмеялся, низко наклонился и полез в черную дыру ржавого металлического тоннеля диаметром не больше пяти футов. Остальные последовали за ним, соблюдая необходимую дистанцию, определяемую размерами рюкзаков. Узкий проход закончился через сто футов и вывел их в другой тоннель, намного превосходивший первый своими размерами. Он был слабо освещен, но даже тусклого света было достаточно, чтобы заставить засверкать вкрапленные в стены минералы.

Роулинс с восхищением огляделся вокруг.

– Здесь вполне можно проехать на грузовике.

– Да еще и свободное место останется, – поддержал его Торстон. – Здесь тридцать футов в высоту и столько же в ширину.

– Жаль, что нельзя протиснуть «Фифи» сквозь первый узкий проход, – добавил Роулинс.

– Мы уже думали об этом. Неподалеку от входа в электростанцию есть достаточно просторный въезд, но Верни боится повредить свой любимый автомобиль.

– У моей «Фифи» чрезвычайно деликатная конституция, – шутливо заметил Леблан. Он открыл большой металлический шкаф у стены, вынул оттуда резиновые сапоги, прочные горняцкие каски с фонарями и передал их присутствующим. Через несколько минут они отправились дальше по тоннелю, освещая путь шахтерскими фонарями на касках. Их шаги гулко отдавались в пустой шахте.

Осторожно продвигаясь вперед, Роулинс пристально вглядывался в пространство, не освещенное его фонарем. – Да, это не Великий белый путь.

– Управляющая компания провела здесь электричество, когда пробивала тоннель, а потом они бросили все и ушли. Лампочки давно перегорели, никто их никогда не менял.

– Вам, вероятно, часто задают этот вопрос? – спросил Роулинс после непродолжительной паузы. – Но мне все равно чрезвычайно интересно узнать: что подвигло вас заниматься гляциологией?

– Да, я действительно не первый раз слышу этот вопрос, – улыбнулся Торстон. – Многие люди считают гляциологию довольно странным занятием. Мы изучаем огромные, древние, медленно двигающиеся массивы льда. Им кажется, что эта работа не для взрослых, серьезных людей, не так ли, Верни?

– Может, и так, – согласился Леблан и тут же добавил: – Зато я однажды встретил на Юконе красивую эскимосскую девушку…

– Так говорят все истинные гляциологи, – рассмеялся Торстон. – Нас всех объединяют любовь к красоте и неистребимое желание поскорее выбраться на свежий воздух. Многие из нас с первого взгляда были очарованы красотой вечного льда и остались здесь навсегда. – Он обвел рукой вокруг, показывая на стены тоннеля. – Да, есть какая-то ирония в том, что мы готовы много недель проводить под этими льдами, не видя солнечного света, будто стая кротов.

– Посмотрите, что со мной сделала эта работа, – пожаловался Леблан. – Здесь постоянно тридцать пять градусов и влажность сто процентов. Когда-то я был высоким и белокурым, а теперь весь скукожился и стал похож на дикого зверя.

– Ты был похож на дикого зверя уже тогда, когда я с тобой познакомился, – сказал Торстон. – Мы находимся под землей три недели и, я согласен, стали немного похожи на кротов. Но даже Верни согласится, что нам крупно повезло. Большинство гляциологов наблюдают за ледниковыми пластами сверху, а мы можем проникнуть в глубь ледника, исследовать его чрево.

– А в чем, собственно говоря, состоит суть вашего исследования? – спросил Роулинс.

– Мы уже три года изучаем, каким образом движутся ледники и как они влияют на поверхность, по которой скользят. Надеюсь, в вашей статье это будет выглядеть более привлекательно, чем с моих слов.

– Это будет не очень сложно сделать. Учитывая всеобщий интерес к глобальному потеплению, гляциология становится злободневной темой.

– Должен сказать, что это весьма своевременное признание наших заслуг. Ледники испытывают влияние климатических условий, поэтому могут легко рассказать нам с точностью до нескольких градусов, какая температура воздуха была на земле тысячи лет назад. Кроме того, они сами по себе оказывают немалое влияние на климат. А, вот и наш клуб Спящего Человека.

Они увидели три небольших помещения, которые напоминали трейлеры автотуристов. Торстон подошел к первому домику и открыл дверь.

– Здесь комфортно, как в обычном доме, – сказал он тоном гида. – Четыре спальни, в которых могут разместиться восемь человек, кухня, ванная комната с душем. Обычно со мной работают геологи и другие специалисты, но сейчас у нас минимальная бригада: Верни, молодой исследователь из университета Упсалы, и я. Можете оставить сумки здесь. Отсюда до нашей лаборатории не больше тридцати минут ходьбы. Кроме того, у нас есть надежная телефонная связь со входом, исследовательским тоннелем и лабораторией. Пожалуй, сообщу ребятам из лаборатории, что мы благополучно вернулись.

Профессор снял трубку с прикрепленного к стене телефонного аппарата и сказал несколько слов, после чего радостную улыбку сменила гримаса озабоченности.

– Повтори еще раз, – сказал он и крепче прижал трубку к уху. – Ладно. Мы сейчас придем.

– Что-нибудь случилось, профессор? – насторожился Леблан.

Торстон еще больше нахмурился.

– Я только что говорил с моим ассистентом. Невероятно!

– Qu'est-ce que c'est?[2] – повторил Леблан.

Торстон стоял с каменным выражением лица.

– Он сказал, что нашел замерзшего во льдах человека.

Глава 4

На глубине двухсот футов под поверхностью Спящего озера в воде, которая могла стать смертельной для любого незащищенного человека, над каменистым дном ледникового озера плыла яркая сфера, похожая на огромный пузырь в болотах штата Джорджия. Несмотря на агрессивное окружение, сидевшие в прозрачной акриловой кабине мужчина и женщина чувствовали себя так же комфортно, как какая-нибудь влюбленная парочка на берегу теплого моря.

Мужчина был коренастым, с широченными плечами. От долгого пребывания на палящем солнце его кожа стала грубой, черты лица казались корявыми; это впечатление усиливало желтоватое освещение от панели приборов. Его седеющие волосы в оранжевом свете потускнели и стали похожими на платину. Своим орлиным профилем и напряженным выражением лица Курт Остин напоминал древнего воина, образ которого был вырезан на древнеримской колонне, сооруженной в честь очередной победы. Однако кажущаяся твердость и невозмутимость заметно смягчались легкой улыбкой и сверкающими голубыми глазами, излучавшими искреннюю доброту и присущее этому человеку чувство юмора.

Остин руководил отрядом специального назначения НАПИ, созданного еще прежним директором агентства адмиралом Джеймсом Сэндекером, нынешним вице-президентом

---

[2] Что случилось? *(фр.)*

Соединенных Штатов. Эта команда была предназначена для выполнения секретных подводных исследований, которые проводились без соответствующего контроля со стороны правительственных органов и, разумеется, без их непосредственной поддержки. Будучи морским инженером по образованию и опыту работы, Остин пришел в агентство НАПИ из ЦРУ, где долгие годы работал в малоизвестном отделе, специализировавшемся на проведении секретных подводных операций и сборе разведывательных данных государственной важности.

Оказавшись в НАПИ, Остин собрал там группу экспертов, в которую вошли Джо Завала, блестящий инженер, специализировавшийся на подводных аппаратах, Пол Траут, глубоководный геолог, и жена Траута Гэмей Мортон-Траут, превосходная ныряльщица, которая до получения докторской степени по морской биологии специализировалась на подводной археологии. Работая вместе, они провели немало успешных исследований и разгадали множество загадок.

Разумеется, далеко не каждое исследование, предпринятое группой Остина, представляло серьезную опасность. Некоторые, как, например, его последнее задание, были вполне приятными и не сопровождались синяками, царапинами и шрамами, которыми он щедро разукрасил собственное тело, выполняя спецзадания агентства. Несмотря на то что познакомился со своей напарницей всего лишь несколько дней назад, Курт успел проникнуться уважением к этой женщине. Скай Лабель было чуть меньше тридцати лет, но она казалась намного моложе. Оливкового цвета кожа, чарующие фиолетово-голубые глаза, которые сейчас пытливо смотрели на него из-под шерстяной шляпы, темные, почти черные волосы и рот, слишком большой, чтобы можно было назвать его классическим, – вот какой была Скай. Крепкое тело радовало глаз, однако его вряд ли можно было бы увидеть на глянцевой обложке журнала «Спорте иллюстрейтед». Голос ее был низким, холодным, а когда она начинала говорить, всем сразу становилось ясно, что эта женщина обладает недюжинным умом.

И хотя она оказалась скорее потрясающей, чем красивой, Остин считал ее самой привлекательной женщиной из всех, кого ему доводилось встречать. Порой она напоминала ему портрет некой юной пышноволосой графини, который он когда-то видел в Лувре. Остин восхищался тем, как художнику удалось запечатлеть страсть на ее лице и потрясающую откровенность в глазах. Женщина на картине захватила его воображение, в ее глазах была какая-то дьявольская магическая сила, словно она хотела немедленно сбросить с себя графский наряд и броситься босиком по мокрому от росы лугу. Курт хорошо помнил, что в тот момент мечтал встретить такую женщину в реальной жизни. И вот сейчас, кажется, он нашел ее.

– Вы верите в перевоплощение? – спросил Остин, все еще размышляя о том портрете.

Скай удивленно заморгала – все это время они говорили только о ледниковой геологии.

– Не знаю, – откровенно призналась она. В ее американском английском был неистребимый французский акцент. – А почему вы спросили?

– Просто так, – сказал Остин и задумался. – У меня есть к вам еще один, так сказать, личный вопрос.

Она настороженно посмотрела на него.

– Кажется, я знаю, о чем вы хотите спросить. Вас интересует мое имя.

– Да, я никогда еще не встречал женщин с таким странным именем.

– Некоторые люди думают, что меня назвали в честь известной исполнительницы стриптиза в Лас-Вегасе.

Остин весело рассмеялся:

– Более вероятно, что кто-то в вашей семье имел поэтические наклонности.

– Это мои сумасшедшие родители. – Она закатила глаза. – Отца послали в Соединенные Штаты в качестве дипломата… Как-то он поехал в городок Альбукерке на фестиваль воздушных шаров и с тех пор стал заядлым фанатом воздухоплавания. Моего старшего брата назвали Тадеусом в честь одного из первых воздухоплавателей Тадеуса Лоу.

А моя мать-американка была художницей и исповедовала довольно свободные взгляды. Вот она и решила, что это имя звучит прекрасно и вполне подходит для меня. Отец до сих пор настаивает, что назвал меня по цвету моих глаз, но все прекрасно знают, что глаза у младенцев поначалу неопределенного цвета. Впрочем, я нисколько не возражаю против такого имени. Мне оно кажется симпатичным.

– Они не могли придумать более красивого имени, чем Небо.

– Merci. Спасибо за комплимент! – Скай посмотрела в иллюминатор и по-детски всплеснула руками. – Как чудесно! Я и представить себе не могла, что занятия археологией могут привести меня под воду в этом большом прозрачном подводном аппарате.

– Да, это, вероятно, гораздо приятнее, чем чистить средневековые доспехи в каком-нибудь музее, – заметил Остин.

У Скай была теплая, искренняя улыбка.

– Откровенно говоря, в музее я проводила не так уж много времени, за исключением тех моментов, когда занималась организацией экспозиции. В настоящее время мне приходится массу времени уделять тому, чтобы обеспечить финансовую поддержку своим исследованиям.

Остин удивленно поднял бровь.

– Одна мысль о том, что «Майкрософт» или «Дженерал моторс» нанимает на работу специалиста в области военной техники и вооружений, заставляет задуматься об истинных мотивах деятельности.

– А вы сами подумайте. Чтобы выстоять или просто защитить себя, любая корпорация вынуждена вести борьбу с конкурентами и уничтожать их. Разумеется, в фигуральном смысле.

– Первобытная борьба на выживание, – сказал Остин.

– Неплохая мысль. Я непременно использую это выражение на своей следующей презентации.

– Ну и как же вы обучаете методам кровопускания эту огромную толпу менеджеров? Разумеется, в фигуральном смысле.

– Честно говоря, они уже почувствовали вкус крови, а я просто пытаюсь заставить их думать по-другому, раскрыться, как они выражаются. К примеру, прошу их представить, что они поставляют оружие противоборствующим сторонам. Старым производителям оружия приходилось быть металлургами и инженерами. Но военная техника и военная стратегия быстро меняются, и люди, которые занимаются поставками оружия, вынуждены постоянно к этому приспосабливаться.

– Еще бы. От этого зависит жизнь их клиентов.

– Конечно. Поэтому я могу попросить одну группу разработать осадную машину, а другую – найти способ защиты от нее. Или одна группа должна изобрести стрелы, пробивающие металл, а другая – подумать над усилением брони и собственной безопасности. Затем мы меняемся местами и начинаем все с самого начала. Таким образом, они учатся полагаться на свой интеллект, а не на компьютеры и прочие хитроумные прибамбасы.

– Возможно, вам стоит предложить свои услуги агентству НАПИ. Отыскать способ пробить дыру в стене толщиной десять футов с помощью подручного материала – задача куда более интересная, чем следить за ростом денежных расходов на выпечку пирогов.

По лицу Скай скользнула легкая улыбка.

– Ну, знаете, большинство менеджеров и исполнительных директоров являются мужчинами.

– Значит, это мальчики и их игрушки. Самая надежная формула успеха.

– Что ж, признаться, я часто эксплуатирую ребяческие стороны характера своих клиентов, но вместе с тем мои занятия пользуются спросом и приносят мне неплохой доход. Кроме того, они позволяют мне продолжать работу над собственными проектами, иначе это было бы практически невозможно – в Сорбонне низкие зарплаты.

– К примеру, проекты по исследованию древних торговых маршрутов?

Женщина кивнула:

– Если мне удастся доказать, что олово и другие товары поставлялись по знаменитому Янтарному пути через альпийские проходы и долины в район Адриатики, это будет переворот в науке. Ведь именно там финикийские и минойские суда загружались товарами и транспортировали их к восточному побережью Средиземного моря, а оттуда везли другие товары. Торговля имела двусторонний характер.

– Теоретическое обоснование логистики этих торговых путей будет чрезвычайно сложным.

– Вы ухватили самую суть! Именно этим я сейчас и занимаюсь!

– Спасибо за комплимент, но я просто вспомнил свой собственный опыт перемещения людей и материалов.

– В таком случае вы знаете, как это бывает трудно. Вдоль этих торговых путей жили многие народы, например кельты и этруски. Им приходилось постоянно сотрудничать друг с другом и заключать торговые соглашения, чтобы обеспечить бесперебойное продвижение товаров и грузов. Мне кажется, что торговля в те времена была гораздо более оживленной, чем думают многие мои коллеги. А от этого во многом зависит наше восприятие древних цивилизаций. В древности люди не только воевали. Они знали истинную цену мирных отношений и торговых соглашений задолго до появления ЕС или НАФТА.[3] И я хочу доказать это.

– Древняя глобализация? Весьма амбициозная теория. Желаю вам успеха.

– Да, мне он не помешает. Но если мне все-таки повезет, буду очень благодарна вам лично и агентству НАПИ. Ваше агентство проявило исключительную щедрость, предоставив мне возможность использовать исследовательский аппарат и прочее снаряжение.

– Выгода будет взаимной. Ваш проект дает возможность испытать наш новый подводный аппарат во внутренних водах и посмотреть, как эта маленькая подводная лодка будет вести себя в полевых условиях.

Она сделала широкий жест рукой.

– Вид отсюда бесподобный. Не хватает только бутылки хорошего шампанского и фуа-гра.

Остин протянул партнерше небольшой пластиковый пакет.

– Не могу выполнить ваше желание, но, может быть, сойдет сандвич с ветчиной и сыром?

– Ветчина с сыром всегда стоит у меня на втором месте. – Скай открыла пакет, вынула сандвичи, протянула один Остину, а второй оставила себе.

Остин остановил подводный аппарат и начал жевать, наслаждаясь приятным ароматом сыра и попутно изучая карту озера.

– Сейчас мы находимся здесь, – сказал он, ткнув пальцем в извилистую линию, – неподалеку от естественного шельфа, который тянется вдоль береговой линии. Много веков назад здесь была суша.

– Это вполне соответствует моим предположениям, – одобрительно закивала Скай. – Небольшой отрезок Янтарного пути проходил как раз по берегу Спящего озера. А когда вода поднялась и затопила его, торговцы нашли другую дорогу Все, что мы здесь обнаружим, должно быть очень древним.

– А что именно мы должны здесь найти?

– Я узнаю об этом только тогда, когда увижу своими глазами.

– Тем лучше для меня.

– Вы слишком доверчивы, но я вам все сейчас объясню. Караваны, которые проходили по Янтарному пути, должны были останавливаться для отдыха и ночлега. Поэтому я

---

[3] ЕС – Европейский союз; НАФТА – торгово-экономический союз государств Северной Америки.

пытаюсь отыскать здесь следы чего-то вроде временных стоянок или поселений. Кроме того, я очень надеюсь найти оружие, которое прольет свет на характер торговли.

Они запили свой обед минеральной водой «Эвиан», и Остин снова положил руку на пульт управления.

Подключенные к мощным батареям моторы зашумели, сдвоенные лопасти винта завертелись, и подводный аппарат продолжил свой путь. Небольшое подводное судно длиной пятнадцать футов и шириной семь позволяло двум членам экипажа спускаться под воду на глубину до полутора тысяч футов, причем в весьма комфортных условиях. Эта лодочка могла удаляться на расстояние двенадцати морских узлов и развивала максимальную скорость два с половиной узла. В отличие от большинства других подводных аппаратов подобного класса, которые при подъеме на поверхность выскакивали, как пробки, этим можно было управлять, как обыкновенной моторкой. В надводном положении он высоко поднимался над водой, обеспечивал капитану довольно широкий обзор и мог своим ходом добраться до места погружения или причалить к соответствующей платформе.

Внешне аппарат выглядел так, словно его только что собрали из запчастей для какой-то подводной лаборатории. Прозрачная кабина представляла собой сферу (пятьдесят четыре дюйма в диаметре) и была прикреплена к двум металлическим пустотелым цилиндрам размером с приличный катамаран. Две металлические защитные рамы были согнуты в форме буквы D и опоясывали кабину с обеих сторон, защищая от внешних воздействий.

Подводный аппарат был устроен таким образом, что при любых условиях сохранял плавучесть, равновесие, а вниз погружался при помощи вертикально установленного винта. Поскольку как на поверхности, так и под водой он находился в горизонтальном положении, рулевому не приходилось вертеться в своем кресле и дергать за рычаги, чтобы поддерживать нужное положение аппарата.

Используя акустический навигационный прибор для определения своего местонахождения, Остин умело направлял субмарину вдоль шельфа, который постепенно спускался вниз. Следуя заранее разработанному плану исследований, Остин проходил поочередно вдоль нескольких обозначенных на карте линий, как обычно делают при стрижке газона. Четыре мощных галогенных фонаря ярко освещали дно озера, контуры которого были сформированы наступлением и отступлением ледника.

Субмарина прочесывала дно в течение двух часов, и вскоре глаза Остина устали от монотонной серой картины подводного ландшафта. А Скай все это время с нескрываемым восхищением наблюдала за окружающим – пространство казалось ей уникальным. Женщина наклонилась вперед, положила подбородок на руки и пристально изучала каждый квадратный метр дна озера. И вскоре ее терпение было вознаграждено.

– Вот! – крикнула она, ткнув указательным пальцем в стекло.

Остин притормозил и медленно проплыл над каким-то предметом, который находился у самого края освещенного фонарями пространства. Затем развернул миниатюрную субмарину и прошел над этим местом еще раз, чтобы получше рассмотреть предмет. Это оказалась массивная каменная глыба примерно двенадцати футов в длину и почти шести в ширину. Следы от резца покрывали края этой глыбы. Неподалеку от первой виднелись другие каменные сооружения, причем некоторые из них сохранили свое первоначальное вертикальное положение. Вскоре они обнаружили некие подводные ворота: вертикальные камни, верхняя часть которых была увенчана другими камнями в форме буквы «п».

– Похоже, мы сделали неправильный поворот и неожиданно приплыли к Стоунхенджу, – пошутил Остин.

– Такие арки указывали похоронной процессии путь к гробнице, – пояснила Скай.

Остин увеличил скорость вращения лопастей, и аппарат продвинулся вперед, где находились еще несколько «арок». Затем дно в этом месте стало подниматься вверх, образуя небольшое плато. Окружавшие его природные скалы дополнялись высокими стенами, выложенными из гигантских блоков. Заканчивалось ровное место узким каньоном, в конце которого виднелась высокая вертикальная стена. И в этой стене было вырезано огромное

прямоугольное отверстие, которое напоминало гигантскую дверь в обитель фантастического слона. Над огромным «входом» была установлена перемычка тридцати футов шириной, а над верхним массивным камнем виднелась небольшая дыра треугольной формы.

– Невероятно, – едва слышно прошептала Скай. – Это же толос.[4]

– Вы видели такие раньше?

– Это гробница-улей. В Микенах была одна такая гробница, которую называли Сокровищницей Атрея.

Микены. Это Греция…

– Да, но если судить по форме, они относятся к более древним временам. Эти гробницы были сооружены примерно за 2200 лет до нашей эры. Они использовались для общественных погребений на Крите и других островах Эгейского моря. Курт, вы понимаете, что это значит? – Ее голос дрогнул от волнения. – С помощью этой находки мы можем проследить торговые связи между Эгейским регионом и Центральной Европой, которые существовали в такие древние времена, что даже трудно себе представить! Я бы все на свете отдала за то, чтобы поближе рассмотреть эти камни.

– Моя стандартная цена за экскурсию в подводную гробницу – приглашение на ужин.

– Вы можете провести аппарат внутрь?

– А почему бы и нет? Здесь достаточно свободного пространства *со* всех сторон и даже сверху. Если будем продвигаться медленно…

– К черту медленно! – не выдержала Скай. – Vite, vite! Живее, живее!

Остин засмеялся и направил субмарину к черному проему. Как и Скай, он сгорал от нетерпения, но все же двигался с большой осторожностью. Свет фонарей стал выхватывать первые метры подводной пещеры, когда в радиоприемнике прозвучал хриплый голос:

– Курт, это судно поддержки, выйди на связь.

Голос из динамика, прорвавшийся к ним сквозь толщу воды, обрел какой-то странный металлический оттенок, но Остин все же узнал капитана судна агентства НАПИ. Он остановил субмарину и снял со стены микрофон.

– Остин. Ты слышишь меня?

– Твой голос стал глухим и скрипучим, но я все слышу. Пожалуйста, передай мисс Лабель, что с ней хочет поговорить Франсуа.

Франсуа Балдю был наблюдателем, которого руководство НАПИ пригласило на борт судна в знак уважения к французскому правительству. Чиновник средних лет и приятной наружности, он предпочитал оставаться в стороне от дел, за исключением тех дней, когда помогал коку готовить блюда по каким-то важным праздникам. Остин передал микрофон спутнице.

Начался весьма оживленный разговор на французском языке. Наконец Скай вернула микрофон Остину.

– Merde! [5] – в сердцах воскликнула она, нахмурившись. – Мы должны подняться наверх.

– Почему? У нас достаточно воздуха и энергии.

– Франсуа позвонил большой чиновник. Мне нужно срочно идентифицировать какие-то важные артефакты.

– Не понимаю, почему вдруг такая спешка. Неужели они не могут подождать?

– С моей точки зрения, это дело может ждать до тех пор, пока Наполеон не вернется из ссылки, – огорченно сказала она и вздохнула. – Но правительство субсидирует часть моей исследовательской работы, так что я должна подчиняться. Девочка по вызову, так сказать. Весьма сожалею.

---

[4] Толос – тип каменной гробницы микенского периода в Древней Греции.

[5] Черт возьми! *(фр).*

Прищурившись, Остин уставился в темное пространство.

– Возможно, эта гробница была скрыта от человеческих глаз много тысяч лет. В конце концов никуда она не денется.

Скай молча кивнула в знак согласия, хотя ее сердце разрывалось от обиды. Они еще раз посмотрели на темное пространство гробницы, а потом Остин развернул субмарину. Вскоре они вышли из расселины и стали подниматься на поверхность. Прозрачная сфера всплыла на поверхность воды неподалеку от катамарана агентства НАПИ. Остин обошел вокруг судна и приблизился к погруженной в воду платформе, расположенной между двумя частями корпуса. Заработали мощные подъемники, и через несколько минут подводный аппарат оказался на палубе.

Франсуа ждал их, а на его обычно спокойном лице стали проявляться признаки нетерпения.

– Весьма сожалею, мадемуазель Скай, что вынужден прервать вашу работу, но этот человек из министерства был крайне нетерпелив.

Она вышла на палубу и легко чмокнула коллегу в щеку – Не волнуйся, Франсуа, все нормально, ты здесь ни при чем. Чего они хотят от меня?

Он показал рукой на горы.

– Хотят, чтобы вы поднялись туда.

– На ледник? Ты уверен? Он энергично закивал-.

– Да-да, именно так. Я сам поначалу ничего не понял, но они несколько раз повторили, что нуждаются в вашей помощи. Они там что-то нашли во льдах. Это все, что мне известно. Лодка уже ждет вас.

Скай повернулась к Остину и посмотрела на него полными недоумения глазами.

– Ничего страшного, – успокоил он ее. – Не волнуйтесь, я подожду, когда вы вернетесь, и мы вместе посетим эту гробницу.

Она благодарно обняла его за плечи и поцеловала в обе щеки.

– Мерси, Курт, очень мило с вашей стороны. – С этими словами Скай взглянула на него с улыбкой, которую вполне можно было назвать соблазнительной. – На левом берегу Сены есть чудное маленькое бистро, где все очень вкусно и недорого. – Она весело рассмеялась, увидев растерянность в его глазах. – Только не говорите, что вы уже забыли про приглашение в кафе. Я согласна.

Не успел Остин и слова сказать, как молодая женщина оказалась на трапе и стала быстро спускаться вниз, где на волнах покачивался небольшой катер с работающим мотором. Через минуту мотор взревел, и катер понесся к берегу. Остин был весьма недурен собой и за годы своей карьеры очаровал немало прелестных женщин, но в качестве руководителя отряда спецназа НАПИ всегда был начеку и демонстрировал готовность выполнить любое задание, в любое время и при любых обстоятельствах. Он редко бывал дома, а бродячий образ жизни, бросавший его в самые отдаленные уголки земного шара, не способствовал установлению более или менее длительных отношений. Все его предыдущие романы были кратковременными и никого ни к чему не обязывающими.

Скай понравилась Остину с первого взгляда, и, если он правильно понял ее улыбки и взгляды, симпатия была взаимной. Остин хмыкнул, призадумавшись над столь странным поворотом дел. Обычно он сам бросал кого-то, ссылаясь на срочные дела, а сейчас все наоборот. Он долго смотрел вслед быстро удаляющемуся катеру, теряясь в догадках, – что за таинственный артефакт вызвал такой переполох в правительстве? И пожалел, что не может сопровождать Скай в этой поездке.

Всего через несколько часов Курт Остин будет благодарить богов за то, что не поехал с ней в горы.

Глава 5

Леблан встретил Скай на берегу и правильно оценил ее угрюмое настроение. Но

неряшливый внешний вид французского ученого прекрасно сочетался с истинно галльским шармом и острым умом. Не успела Скай расположиться в автомобиле, как похожий на тролля человечек заставил ее смеяться, рассказывая смешные истории о своей любимой «Фифи».

Скай увидела, что «ситроен» направился вдоль ледяного поля, и не преминула выразить удивление:

– А я думала, что мы едем на ледник.

– Нет, не на ледник, мадемуазель, – поправил он, – а под ледник. Мы с коллегами исследуем движение льдов и наблюдаем за ними в лаборатории на глубине восьмисот футов под Спящим Человеком.

– Не знала об этом, – призналась Скай. – Расскажите подробнее.

Леблан кивнул и начал обстоятельный рассказ о работе лаборатории. Скай слушала его с огромным вниманием, и через некоторое время научное любопытство поборол раздражение, возникшее из-за того, что ее неожиданно отвлекли от собственных исследований.

– А в чем заключается ваша работа на этом озере? – поинтересовался в свою очередь Леблан, закончив рассказ. – В один прекрасный день мы выползаем из своей пещеры и – voila![6] Ваша субмарина появилась на озере, как черт из табакерки.

– Я археолог и работаю в Сорбонне. НАПИ, то есть Национальное агентство подводных исследований, любезно предоставило свое судно для моих изысканий в этом озере. Мы поднялись вверх по реке, которая впадает в Спящее озеро, и попытались отыскать на дне хоть какие-нибудь доказательства проходившего здесь Янтарного пути.

– Ну и как, удалось найти что-нибудь интересное?

– Да. Именно поэтому я хочу как можно быстрее вернуться и продолжить исследование. Вы не знаете, почему меня так спешно вызвали?

– Мы нашли замерзшее во льдах тело человека.

– Тело человека?

– Да, если не ошибаюсь, это тело мужчины.

– Что-то вроде Ледяного человека? – спросила Скай, вспомнив прекрасно сохранившееся мумифицированное тело охотника эпохи неолита, которое было обнаружено в Альпах несколько лет назад.

Леблан покачал головой.

– Думаю, этот бедняга не имеет отношения к древности. Сперва нам показалось, что какой-то альпинист провалился в ущелье…

– И что же заставило вас изменить свое мнение?

– Скоро сами увидите.

– Месье Леблан, пожалуйста, не надо играть со мной, – поморщилась Скай. – Я занимаюсь древним оружием и военным снаряжением, но не древними телами. Почему меня вызвали сюда?

– Прошу прощения, мадемуазель, но месье Рено просил не вдаваться в подробности.

Скай даже рот раскрыла от неожиданности.

– Рено? Тот самый? Из государственного археологического совета?

– Да, мадемуазель, тот самый. Он примчался через несколько часов после того, как мы сообщили властям о своей находке, и сразу же взял дело в свои руки. Вы знаете его?

– Да, разумеется. – Скай извинилась перед Лебланом за настырность, а потом откинулась на спинку сиденья и сложила на груди руки. Она очень хорошо знала этого человека.

Огюст Рено был профессором антропологии в Сорбонне и какое-то время преподавал там, а потом отдал всю свою неуемную энергию политике, что несказанно порадовало

---

[6] Зд.: Вот тебе раз! *(фр.)*

презиравших его студентов. Профессор обзавелся влиятельными друзьями и полезными связями и вскоре занял настолько высокое положение в государственном археологическом ведомстве, что стал бесцеремонно использовать свое влияние, казнить и миловать своих подопечных. Так, например, он зарубил несколько проектов самой Скай, а потом весьма прозрачно намекнул, что все они будут немедленно задействованы, если она переспит с ним. Скай ответила, что скорее переспит с тараканом, чем с ним.

Леблан тем временем остановил свой «ситроен» и повел Скай ко входу в тоннель. Он с трудом протиснулся в темный проход, она последовала за ним после некоторых колебаний. По пути Леблан снабдил ее шахтерским шлемом с фонарем, и они направились внутрь ледника. Через пять минут подошли к жилому отсеку, и их там уже ждали – Леблан успел предупредить коллег по телефону. После этого все собравшиеся отправились дальше.

Ученые шли не менее получаса, и все это время их шаги гулко отдавались в подземелье. Скай постоянно оглядывалась по сторонам и наконец высказалась.

– Здесь себя чувствуешь, как в мокром ботинке.

– Да, это, конечно, не Елисейские Поля, – согласились с ней. – Зато движение здесь не такое оживленное, как в Париже.

Скай была удивлена инженерным мастерством, которое потребовалось строителям для сооружения тоннеля, и по мере продвижения терзала спутников, задавая массу всевозможных вопросов. Наконец они приблизились к квадратной бетонной секции, в которой была устроена тяжелая металлическая дверь.

– Куда ведет эта дверь? – поинтересовалась она.

– В другой тоннель, который соединяется узким коридором с системой гидроэлектростанции. Когда в начале года количество воды уменьшается, мы открываем дверь и позволяем потоку воды обеспечивать нормальную работу электростанции. Но в это время года уровень воды достаточно высокий, поэтому мы держим дверь закрытой.

– Значит, отсюда можно проникнуть на территорию гидроэлектростанции?

– Да, в этой горе и под ледником прорыто множество тоннелей, но доступны из них только те, где нет воды. Все остальные предназначены для обеспечения водой электростанции. Под ледником протекает довольно большая река с быстрым течением. Обычно мы не работаем здесь в такое время, но этой весной дел оказалось слишком много, и нам пришлось задержаться здесь дольше, чем хотелось бы.

– А как сюда поступает воздух? – спросила Скай, прислушиваясь к своему дыханию.

– Если мы пройдем дальше мимо лаборатории и спустимся глубже под ледник на километр или около того, то в конце концов выйдем к выходу с другой стороны ледника. В самом начале он использовался в качестве главного пути доставки в лабораторию оборудования и другого технического оснащения. Так вот, воздух сюда поступает из этого входа.

Скай передернула плечами от холода.

– Восхищаюсь вашей самоотверженностью. Это не самое приятное место для работы.

Смех Леблана гулким эхом отразился от каменных стен.

– Это действительно неприятно, очень тоскливо, и к тому же мы всегда промокаем до нитки. Во время трехнедельного пребывания в этой пещере мы несколько раз выходили на солнце. Потом было очень трудно возвращаться сюда, так что мы решили коротать время в нашей лаборатории, где всегда сухо, светло и тепло. Она оснащена мощными компьютерами, вакуумными насосами для откачки просачивающейся воды и даже переносными морозильниками, с помощью которых нам удается иметь дело с ледником и не опасаться его преждевременного таяния. После восемнадцатичасового рабочего дня каждый принимает душ и забирается в постель, чтобы быстрее прошло время… Я вижу, что мы уже почти на месте.

Как и жилой отсек, лабораторный трейлер находился в глубокой нише, вырезанной в скальной породе. Как только Леблан подошел к двери ближайшей лаборатории, она распахнулась и на пороге появилась фигура высокого тощего человека. Один вид Рено

вызвал у Скай чувство негодования, если не сказать омерзения. На самом деле этот тип напоминал ей не таракана, а отвратительное хищное насекомое под названием богомол. У него было треугольное лицо с широким лбом и узким подбородком. Этот образ дополняли длинный нос, узкие, близко поставленные глаза и редеющие волосы отвратительного бледно-рыжего цвета.

Рено поприветствовал Скай пожатием потной руки, что напомнило ей о том отвращении, которое возникло у нее еще во время первой встречи.

– Доброе утро, дорогая мадемуазель Лабель. Спасибо, что навестили нас в этой темной и влажной пещере.

– Не стоит благодарности, профессор Рено, – сдержанно отозвалась она и оглядела весьма неприглядное окружение. – Вероятно, вы чувствуете себя здесь как дома.

Рено проигнорировал ее язвительный тон и окинул собеседницу с ног до головы плотоядным взглядом, словно хотел раздеть ее.

– Меня устраивает любое место, где мы с вами можем находиться вместе.

Скай с большим трудом подавила в себе тошнотворный рефлекс.

– Возможно, вы скажете, что заставило вас оторвать меня от срочной работы?

– С огромным удовольствием, – осклабился он и протянул руку, чтобы взять молодую женщину под локоть. Скай отпрянула и схватила за руку Леблана.

– Приступим к делу, – решительно сказала она.

Гляциолог наблюдал за этой словесной перепалкой с едкой ухмылкой. Он еще больше растянул рот в улыбке, продемонстрировав все свои зубы, и потащил Скай к высокой деревянной лестнице, которая вела к следующему тоннелю длиной двенадцать футов и шириной не менее десяти. Шагов через двадцать тоннель раздваивался в виде буквы «Y». Леблан повел Скай в правый проход. На дне тоннеля была дренажная канава, по которой журчал поток воды, а вдоль стены был проложен резиновый рукав примерно четыре дюйма в диаметре.

– Ручеек, – пояснил Леблан. – Мы собираем здесь дренажную воду, нагреваем до нужной температуры, а потом поливаем ею ледяной покров, чтобы быстрее таял. На дне этого ледника лед чем-то напоминает замазку. Приходится поливать его горячей водой, иначе он будет замерзать со скоростью два-три фута в день.

– Это очень быстро, – согласилась Скай.

– Еще бы. Иной раз мы врубаемся в ледник на глубину пятидесяти метров и при этом стараемся тщательно следить за тем, чтобы проход не закрылся за нами.

Тоннель неожиданно закончился подъемом высотой не менее десяти футов. Они взобрались на самый верх площадки по лестнице и оказались в просторной ледяной пещере, где могла бы поместиться дюжина людей. Стены и потолок пещеры были синевато-белого цвета, за исключением частей, покрытых толстым слоем грязи из-за надвигающегося ледника.

– Мы находимся на самом дне ледника, – торжественно объявил Леблан. – Над нами сейчас нет ничего, кроме огромного ледникового щита толщиной не менее восьмисот футов. Это самая грязная часть ледникового покрова, но чем глубже врезаемся в толщу льда, тем чище он становится. К сожалению, сейчас мне придется покинуть вас, чтобы выполнить важное поручение месье Рено.

Скай поблагодарила его, после чего обратила внимание на дальний конец стены: какой-то человек в дождевике обильно поливал лед струей горячей воды. Быстро тающий лед выбрасывал клубы пара, из-за чего дышать было еще труднее. Заметив гостью, мужчина выключил воду и повернулся, чтобы поздороваться.

– Добро пожаловать в нашу маленькую лабораторию, мадемуазель Лабель. Надеюсь, путешествие в эту бездну из вашего солнечного мира было не слишком удручающим. Меня зовут Хэнк Торстон. Я коллега Берни. А это Крейг Росси, наш ассистент из Упсальского университета, – указал он на молодого человека лет двадцати с небольшим. – А это Дерек Роулинс, он собирает материал о нашей работе для журнала «Аутсайд».

Пока Скай знакомилась с присутствующими, Рено подошел к ледяной стене и стал рассматривать заключенную в ней человеческую фигуру.

– Как вы сами видите, этот джентльмен замерз здесь некоторое время назад, – сказал он и тут же добавил, посмотрев на Скай: – Так же, как и некоторые женщины, с которыми мне доводилось встречаться.

Пошлую шутку все дружно проигнорировали. Скай прошла мимо Рено и провела пальцем по периметру замерзшего человека. Его конечности были изогнуты в каком-то гротескном положении.

– Мы наткнулись на него, когда расширяли пещеру, – пояснил Торстон.

– Он больше похож на жука на оконном стекле, чем на человека, – заметила Скай.

– Нам повезло, что это не огромное грязное животное, – заметил Торстон. – Надо сказать, что он превосходно сохранился, несмотря на условия. Здесь, на самом дне ледника, все подвержено давлению в сотни тонн.

Скай вперилась в расплывчатые контуры тела.

– Вы действительно считаете, что когда-то он находился на поверхности ледника?

– Разумеется, – без колебаний ответил Торстон. – В любом долинном леднике, к которым, безусловно, относится и наш Спящий Человек и которых немало в Альпах, огромное количество снега быстро проникает в лед и опускается на дно.

– Сколько может длиться этот процесс?

– По моему мнению, может пройти примерно сотня лет, чтобы какой-нибудь предмет опустился с поверхности до самого дна ледника. Но это может случиться только в том случае, если данный предмет находится возле центра ледника и высоко в горах, где лед движется как в горизонтальном направлении, так и в вертикальном.

– Значит, в таком случае вполне возможно, что это просто альпинист, который провалился в ущелье?

– Именно такая мысль и пришла нам в голову в самом начале. А потом мы присмотрелись внимательнее и пришли к другому выводу.

Скай наклонилась к стене льда и всмотрелась в лицо замерзшего. Он был одет в черную кожу с головы до ног, а из-под кожаной одежды кое-где торчали куски меха. На ремне была закреплена кожаная кобура с пистолетом. Ее взгляд упал на его лицо. Черты невозможно было как следует рассмотреть из-за толщины льда, но бронзовый цвет кожи не оставлял сомнений, что мужчина долгое время находился на солнце. Глаза его были закрыты темными солнцезащитными очками.

– Невероятно, – прошептала она и, отступив на шаг, повернулась к Рено. – Но я совершенно не понимаю, какое отношение это имеет ко мне?

Рено улыбнулся, подошел к пластиковому контейнеру, порылся и вынул металлический шлем.

– Этот предмет был обнаружен рядом с его головой.

Скай взяла в руки шлем и, теряясь в догадках, стала внимательно изучать выгравированный на нем замысловатый узор. Забрало шлема было специально изготовлено для человека с большим носом и пышными усами, а верх был украшен орнаментом, состоящим из переплетающихся цветов и черенков. На нем также были видны какие-то мифические существа, окружавшие, как планеты, стилизованную фигуру трехглавого орла. Клюв орла был открыт в угрожающем крике, в острых когтях был зажат пучок стрел и копий.

– Откровенно говоря, сначала мы обнаружили этот шлем, – сказал Торстон. – А потом сразу выключили насос, чтобы ненароком не повредить тело. К счастью, это удалось.

– Умное решение, – кивнул Рено. – Археологические раскопки столь же уязвимы для внешнего воздействия, как место преступления в криминалистике.

Скай просунула палец в дырку с правой стороны шлема.

– Похоже на отверстие от пули.

Рено недоверчиво хмыкнул:

– Пуля! Более подходящим был бы наконечник копья или стрелы.

– Здесь можно без особого труда обнаружить доказательства того, что отверстие было проделано стрелковым оружием, – продолжала Скай. – Сталь необычайно прочная, а отверстие довольно чистое по краям. Посмотрите, здесь нет практически никаких повреждений в результате давления льда, за исключением нескольких царапин. Вы уже вызвали судебно-медицинского эксперта? – спросила она.

– Он прибудет завтра, – ответил Рено. – Нам сейчас не нужен специалист, чтобы убедиться, что этот парень мертв. А что вы можете сказать об этом шлеме?

– Не могу пока идентифицировать его. – Она покачала головой. – Общая форма напоминает мне что-то виденное раньше, но такой узор и орнамент я вижу впервые. Нужно отыскать клеймо оружейника, а потом я сверю его со своими данными. Сейчас могу сказать только то, что здесь немало противоречий. – Она внимательно посмотрела на тело. – Одежда и оружие принадлежат двадцатому веку. Если судить по одежде и очкам, этот человек был авиатором. Но почему на его голове был этот древний шлем?

– Очень интересно, мадемуазель Лабель, – съязвил Рено и нарочито вздохнул. – Я так надеялся, что вы будете нам полезны. – Он забрал у Скай шлем и сунул в пластиковый пакет, предварительно вынув оттуда какой-то небольшой металлический контейнер. Он крепко схватил его обеими руками и начал покачивать, как младенца. – А это находилось возле тела погибшего. То, что находится внутри, может помочь нам идентифицировать личность этого человека и понять, как он оказался здесь. А между тем, – Рено посмотрел на Торстона, – я хочу, чтобы вы продолжили оттаивать лед вокруг тела, вдруг рядом окажутся еще какие-нибудь предметы. Беру на себя всю полноту ответственности за это дело.

Торстон бросил на него скептический взгляд, а потом равнодушно пожал плечами:

– Это ваша страна.

С этими словами он снова включил насос с теплой водой. Через минуту он растопил лед на несколько дюймов с обеих сторон тела, но ничего интересного не обнаружил Спустя некоторое время все вернулись в лабораторию, чтобы согреться и перекусить, а потом снова возобновили работу. Когда Рено заявил, что останется в лаборатории, никто особо не возражал.

Торстон изрядно попотел над вмерзшим в лед телом, когда на площадке снова появился Рено и громко захлопал в ладоши, привлекая к себе внимание.

– Прекращаем работу. Прибыли гости.

В тоннеле послышались взволнованные голоса, а через секунду в пещеру ввалились трое мужчин с видеокамерами и блокнотами. Двое из них сразу стали толкаться и суетиться вокруг тела, снимая его с разных ракурсов, а третий, самый высокий, молча отошел в сторону и, казалось, стал безучастно наблюдать за происходящим.

Скай схватила Рено за рукав и оттащила в сторону.

– Что здесь делают репортеры? – прошипела она с нескрываемой злостью.

Он опустил вниз свой длинный нос.

– Я сам пригласил их сюда. Это члены журналистского пула, которым посчастливилось освещать грандиозное открытие!

– Но вы сами понятия не имеете, что именно здесь находится. – Скай с трудом сдерживала себя. – И еще читали нам лекцию о том, каким опасным может оказаться вторжение в археологические раскопки!

Он отмел ее протест широким жестом.

– Сейчас очень важно, чтобы весь мир узнал об удивительной находке. – Рено произнес эти слова нарочито громко, чтобы привлечь внимание журналистов. – Я отвечу на все ваши вопросы, касающиеся этой мумии, как только мы выберемся из гробницы, – пообещал он, направляясь к выходу из пещеры. Скай закипала от гнева.

– Господи Иисусе! – не выдержал Роулинс. – Мумия! Гробница! Он говорит так, словно только что отыскал фараона Тутмоса.

Фоторепортеры сделали еще несколько снимков и покинули пещеру. Только высокий

человек остался на месте. Его рост был не менее шести с половиной футов, а крепкое, мускулистое тело вполне соответствовало росту. Белое, словно покрытое пудрой лицо казалось невозмутимым. На мускулистой шее висел фотоаппарат, а с плеча свисала огромная матерчатая сумка. Какое-то время он безучастно смотрел на тело вмерзшего в лед человека, а потом последовал за своими коллегами.

– Я подслушал, что вы сказали Рено, – сказал Торстон, повернувшись к Скай. – Это место скоро станет снова покрываться льдом и, возможно, в результате останется в целости и сохранности.

– Хорошо, а сейчас давайте посмотрим, что задумал этот болван.

Ученые поспешили покинуть пещеру и стали спускаться вниз по деревянным ступенькам по направлению к главному тоннелю. Рено стоял возле входа в лабораторию, высоко подняв над головой руку с металлическим ящиком.

– Что внутри? – спросил один из журналистов.

– Мы не знаем, – напыщенно заявил Рено. – Этот ящик будет вскрыт под тщательным контролем, чтобы не повредить содержимое.

С этими словами он резко повернулся, чтобы журналисты могли сделать еще несколько снимков. Однако высокий репортер с фотоаппаратом на шее не стал снимать, а, растолкав коллег и не обращая внимания на их возмущенные возгласы, протиснулся к Рено и стал перед ним, как столб.

– Дайте мне контейнер, – приказал он вполголоса и протянул руку.

Рено опешил от такой наглости, а потом, вероятно, решив, что тот шутит, глупо захихикал и прижал ящик к груди.

– Ни за что на свете, – весело сказал он.

– Вот именно, – так же бесстрастно продолжил странный репортер, – ни за что на вашем свете!

Он сунул руку в карман, выхватил оттуда пистолет и сильно ударил Рено по пальцам рук вместо первоначального любопытства в глазах Рено промелькнуло удивление, а потом они потемнели от боли. Профессор упал на колени и согнулся в три погибели, прижимая к себе израненные руки. Неизвестный успел подхватить вывалившийся из его рук ящик. Затем повернулся к остальным репортерам, – те в ужасе попятились, наскакивая друг на друга, – помахал перед ними пистолетом и быстрым шагом направился к выходу.

– Остановите его! – сдавленным от боли голосом закричал Рено, все еще прижимая к груди разбитые пальцы.

– Может быть, сообщить по телефону? – робко предложил один из репортеров.

Торстон схватил трубку и прижал к уху.

– Не работает. – Он насупился. – Наверное, этот тип перерезал провод. А больше здесь нет телефонных аппаратов. Надо поскорее выбраться наружу и позвать на помощь.

Торстон и Леблан помогли Рено подняться на ноги и наскоро перевязали его пальцы бинтом из лабораторной аптечки, пока репортеры оживленно спорили насчет того, откуда взялся этот странный верзила. Оказалось, никто из них не видел его раньше. Он появился как раз перед посадкой на гидросамолет, предъявил все необходимые документы, и его пропустили. А потом Леблан подобрал их на берегу озера и привез сюда на своей машине.

Леблан и Скай тут же заявили, что присоединяются к Торстону, а оба репортера решили остаться, после того как Торстон предупредил, что вооруженный бандит может поджидать их в тоннеле. Несколько минут ученые шли в полумраке, освещая путь фонарями на шлемах, потом решили двигаться осторожнее, опасаясь засады. Иногда они останавливались, пытаясь расслышать его шаги, но до них доносился лишь слабый шум стекающей по стенам воды.

Вдруг где-то впереди прогремел сильный взрыв, даже почва под их ногами закачалась. Почти в ту же секунду их обдало жаром раскаленного воздуха, вырвавшегося из темного конца тоннеля. Все трое упали на мокрый пол и закрыли лица руками, чтобы уменьшить силу ударной волны.

Когда грохот стих, они медленно поднялись на ноги, отряхнули прилипшую грязь и вытерли испуганные лица. В ушах звенело от взрыва, поэтому им пришлось громко кричать друг другу.

– Что это было? – начал Леблан.

– Посмотрим, – вместо ответа предложил Торстон и стал медленно продвигаться вперед, опасаясь самого худшего.

– Погодите! – остановила его Скай.

– Что случилось? – спросил Торстон.

– Посмотрите себе под ноги.

Тот наклонил голову, чтобы направить вниз луч света, и увидел отражение фонаря. Весь пол был покрыт журчащей и переливающейся в лучах фонарей водой.

– Вода! – что есть мочи заорал Торстон.

Из темного тоннеля навстречу им катился стремительный поток.

Они повернулись и бросились бежать вглубь тоннеля, громко шлепая ногами по быстро прибывающей воде.

Глава 6

Остин видел в бинокль, как Скай села в машину, которая стала быстро подниматься вверх по склону, а потом исчезла за деревьями. Казалось, что эта гора поглотила ее вместе с автомобилем. Он опустил бинокль, облокотился на перила и посмотрел на ледник, нависающий над Спящим озером. Его корявая поверхность и темные вершины Гор вокруг напоминали фантастические пейзажи планеты Плутон. Лучи солнца отражались от сверкающей поверхности, но это не мешало гигантскому леднику исторгать массивные потоки холода, которые спускались вниз и стелились над зеркальной гладью озера.

Вспомнив о теории Янтарного пути, которую Скай высказала ему во время погружения, Остин представил себе, как древние караваны проходили по берегам и останавливались здесь на привал. Интересно, что думали люди, видя над собой это гигантское природное нагромождение льда? Скорее всего воспринимали это как творение могущественных богов, которых надо было во что бы то ни стало умилостивить. Вполне возможно, что подводная гробница имела какое-то отношение к леднику. Остин с удивлением подумал, что так же страстно желает поскорее исследовать эту находку, как и Скай. Конечно, ему не стоило бы большого труда сесть в мини-субмарину и сделать это в гордом одиночестве, но она ни за что не простила бы ему такой вольности. И он бы ее понял.

Остин решил проверить аппарат и убедиться в том, что он будет готов к спуску ко времени возвращения Скай. Тщательно проверяя работу СЕА-мобиля, Остин вдруг вспомнил давние наставления отца: тот часто говорил, что нужно обращать внимание даже на самые мелкие детали. Отец Курта, богатый владелец крупной морской спасательной компании, расположенной в Сиэтле, обучал его основам мореходства и поделился самыми важными секретами этого ремесла. Остин до сих пор помнил два из них: никогда не завязывай морской узел. который нельзя будет распустить одним легким движением, и всегда держи свое судно в «форме и в бристольском стиле».

Остин на всю жизнь запомнил эти слова. Он давно научился вязать узлы, которые поддавались ему в случае необходимости, а корпус судна всегда блистал чистотой. Он тщательно следил за тем, чтобы все провода были надежно закреплены, а металлические поверхности очищены от ржавчины. Он соблюдал заветы отца с тех пор, как начал учиться в колледже. Готовясь к получению степени магистра системного управления в университете штата Вашингтон, Курт Остин одновременно посещал весьма престижную школу подводного плавания в Сиэтле и в конце концов получил квалификацию профессионального подводника.

После окончания колледжа он около двух лет работал на нефтяных промыслах в Северном море, потом вернулся в спасательную компанию отца, где проработал еще шесть

лет, и только после этого поступил на государственную службу, в отдел ЦРУ, который специализировался на сборе и обработке разведывательной информации, полученной посредством подводных исследований. Однако после окончания «холодной войны» руководство закрыло это подразделение, и Курт вынужден был перейти на работу в агентство НАПИ.

Будучи страстным любителем философии с ее стремлением к истине и раскрытию тайного смысла бытия, Остин прекрасно понимал, что советы отца выходили далеко за пределы простого поддержания порядка на судне и решения конкретных практических задач. Старик часто говорил с ним о жизни, причем делал это простым и вполне доступным языком, и часто напоминал сыну о том, что всегда нужно быть готовым к неожиданностям. К этой рекомендации Остин относился со всей серьезностью, и его внимание к деталям не раз спасало жизнь как ему самому, так и окружающим.

Он тщательно проверил состояние аккумуляторных батарей, убедился в том, что пустые баллоны *с* кислородом заменены на полные, а потом придирчиво осмотрел все судно. Вполне удовлетворенный результатом осмотра, осторожно провел пальцами по прозрачной сферической поверхности кабины. «Форма и бристольский стиль», – сказал он с улыбкой на губах.

Остин перебрался с субмарины на палубу «Маммичага». Это судно с двойным корпусом, как катамаран, длиной восемьдесят футов было самым маленьким среди других судов агентства НАПИ. Как и крохотные рыбки, благодаря которым оно получило свое название, «Маммичаг» прекрасно чувствовал себя и в пресной, и в соленой морской воде. На самом деле модифицированная версия судна был изначально разработана для берегового патрулирования в прибрежных водах Новой Англии. Судно было достаточно устойчивым в любую погоду и могло развивать скорость до двадцати узлов в час. Несмотря на небольшой размер судна, в трюмах «Маммичага» можно было разместить довольно солидный груз для самых разнообразных операций. Любой более крупный корабль просто не смог бы добраться вверх по реке до этого ледника.

Почувствовав, что в отсутствие Скай не с кем поговорить и вообще тоскливо на субмарине, Остин, захватив большую чашку кофе, спустился вниз, в лабораторию. Это была небольшая каюта, сплошь уставленная компьютерами. Как и все на судне, лаборатория казалась маленькой и тесной, но ее электронные «нервы» и информационные возможности позволяли поддерживать надежную связь с самыми хитроумными информационными системами и самыми чувствительными инструментами подводного исследования.

Остин плюхнулся в кресло перед одним из мониторов, отхлебнул глоток кофе и вызвал нужный файл на экране дисплея, который отслеживал с помощью сонарного сканера подводный мир. Доктор Гарольд Эдгертон разработал этот сонарный сканер еще в 1963 году, впервые поместив сонар не под днищем судна, а сбоку. Изобретение позволило исследовательским судам охватывать гораздо большее пространство подводного мира и вообще произвело революцию.

Когда «Маммичаг» впервые прибыл на это место, Скай попросила исследовать прибрежную часть озера, прилегающую к леднику. Она считала, что торговый путь непременно должен был проходить по берегу озера, стало быть, древние купцы так или иначе должны были основать какие-то поселения на берегах.

Пока они с субмарины изучали дно озера, судно продолжало проводить сонарное исследование его берегов по всему периметру, и сейчас Остин решил посмотреть, что удалось сделать за это время. Он стал медленно просматривать изображения на экране с помощью режима самого высокого разрешения. При этом на экране приводились все основные параметры – долгота, широта и местоположение исследуемого объекта.

Остин знал, что понимание смысла изображаемых объектов и их правильная интерпретация всецело зависели от накопленного опыта и правильной научной методики, но его сейчас мало интересовал этот процесс. Дно Спящего озера не отличалось многообразием форм, а его ровная поверхность навевала скуку. Откровенно говоря, дно озера было еще

более тоскливым, чем его поверхность. Через некоторое время Остин заметил, что думает о чем-то своем, глаза стали слипаться, но, когда на экране появился какой-то странный предмет, он мгновенно пришел в себя, подался вперед и вернул только что промелькнувшее на экране изображение. Он внимательно посмотрел на темный крест, вырисовывавшийся на монотонном фоне песчаного дна. Заинтригованный увиденным, щелкнул мышкой компьютера и увеличил изображение в несколько раз, чтобы рассмотреть детали.

На экране отчетливо просматривался силуэт самолета, Остин мог различить даже его кабину. Он щелкнул на окошко «печать», и секунду спустя получил отпечатанное изображение, после чего долго рассматривал его перед лампой. Часть крь!ла этого самолета начала прошлого века отсутствовала, все остальное было на месте. Он вскочил с места и направился к выходу, чтобы поделиться открытием с капитаном судна, но в этот момент в лабораторию ворвался возбужденный Франсуа. Спокойный француз обычно доброжелательно улыбался, но сейчас он был чем-то сильно взволнован. Как будто ему сообщили, что неожиданно рухнула Эйфелева башня.

– Месье Остин, срочно поднимитесь на мостик.

– Что случилось? – удивился Остин.

– Дело касается мадемуазель Скай.

Остин почувствовал неприятный холодок в животе.

– А что с ней стряслось?

Франсуа что-то затараторил на так называемом франглийском языке, который представлял собой жуткую смесь французского и английского. Остин оттолкнул в сторону возбужденного француза и устремился вверх по трапу, перескакивая через ступеньки. Капитан стоял в рубке и о чем-то оживленно говорил в микрофон. Увидев Курта, он коротко бросил: «Attendez»[7] – и отложил в сторону микрофон.

Капитан Жак Фортье, щуплый мужчина франкоканадского происхождения, принял американское гражданство, чтобы поступить на работу в агентство НАПИ. Его знание французского языка оказалось весьма полезным в этой экспедиции, хотя некоторые местные французы хмыкали за его спиной, подсмеиваясь над неустранимым квебекским акцентом. Фортье не раз говорил Остину, что ему плевать на все эти насмешки, мол, его акцент ничуть не хуже, чем у многих провинциальных жителей Франции. По правде говоря, Фортье вообще мало что беспокоило, и именно это обстоятельство насторожило Остина, когда он увидел озабоченное лицо капитана.

– Что там со Скай? – сразу перешел к делу Остин.

– Я только что говорил по телефону с главным управляющим гидроэлектростанции, он сообщил, что там произошел несчастный случай.

– Несчастный случай?

– Скай и еще несколько человек находились в тоннеле под ледником…

– Что она там делала?

– Там расположена лаборатория, в которой группа ученых проводит наблюдение за движением ледника. Это часть довольно сложной системы тоннелей, которую руководство электроэнергетической компании соорудило для отвода поступающей от таяния ледника воды. Похоже, в результате несчастного случая вода затопила один из тоннелей, тот, в котором они находились.

– Руководство электростанции поддерживает контакт с лабораторией?

– Нет. Телефонная линия не работает.

– Значит, мы не знаем, живы они там или нет?

– Похоже, что так, – подтвердил Фортье, понизив голос до шепота.

Эта весть поразила Остина до глубины души. Он сделал глубокий вдох, а потом

---

[7] Минутку *(фр.)*

медленно выдохнул, пытаясь собраться с мыслями.

Немного успокоившись, посмотрел на капитана.

– Передайте управляющему, что я хочу с ним встретиться. Скажите, чтобы он подготовил детальный план расположения всех тоннелей. И дайте лодку, чтобы доставить меня на берег. – Остин сделал паузу, неожиданно осознав, что фактически отдает приказы капитану. – Извините, – тихо сказал он, – что веду себя как сержант морской пехоты. Это ваше судно, и я могу лишь предлагать какие-то меры.

– Ваши предложения приняты, – добродушно улыбнулся капитан. – Ничего страшного. Я понятия не имею, как поступить в этих обстоятельствах. Судно и вся команда *в* вашем полном распоряжении.

Капитан Фортье взял микрофон и стал что-то быстро говорить по-французски, а Остин тем временем вглядывался в вершину ледника сквозь стекло на капитанском мостике. Он стоял неподвижно, как статуя, но спокойствие было обманчивым. В его голове уже роились мысли относительно выбора наиболее эффективной стратегии поиска пропавших людей. Правда, все портило гнетущее ощущение бесполезности, – невозможно было выработать сколько-нибудь эффективный план, не зная толком, с чем именно придется иметь дело.

В этот момент он вспомнил очаровательную улыбку, которой одарила его Скай на прощание, покидая судно. Он понимал, что обстоятельства против них, но ему очень хотелось еще раз увидеть эту многообещающую улыбку.

Глава 7

Грузовик уже ждал Остина на берегу озера. Водитель с бешеной скоростью рванул вверх по пыльной дороге и вскоре остановился перед входом в приземистое бетонное здание, перед которым нервно прохаживался какой-то человек. Мужчина бросился к машине, открыл дверцу и приветливо протянул руку Остину.

– Parlez-vous Français,[8] месье Остин?

– Да, немножко, – рассеянно ответил Остин, вылезая из кабины.

– D'accord. – Мужчина виновато улыбнулся. – Хорошо… я вполне сносно владею английским. Меня зовут Ги Лессар. Я управляющий этой электростанцией. Весьма неприятная история, месье.

– Вы, вероятно, понимаете, что сейчас дорога каждая минута, – сказал Остин.

Лессар был невысоким, коренастым мужчиной с аккуратно подстриженными усиками на тонком лице. Он источал какую-то нервную энергию, будто его подключили к одной из тех линий электропередачи, что тянулись от электростанции, натянутые на высокие металлические опоры.

– Да, понимаю, – кивнул он, направляясь ко входу в здание. – Пойдемте. Сейчас я объясню ситуацию.

Остин быстро оглядел небольшое, просто обставленное помещение.

– Я почему-то ожидал увидеть здесь нечто более грандиозное, – признался он.

– Впечатление обманчивое, – ответил Лессар. – Это всего лишь передняя часть здания, где находятся конторские помещения и жилые комнаты. А само здание электростанции расположено внутри горы. Следуйте за мной.

Они миновали еще одну металлическую дверь, расположенную в противоположном конце вестибюля, и оказались в большой, ярко освещенной пещере.

– Мы воспользовались этой природной пещерой, чтобы не бурить лишние метры скалы, – пояснил Лессар. Его голос гулким эхом отражался от каменных стен и потолка. – Под этой горой и под ледником проложено множество тоннелей общей протяженностью около пятидесяти километров.

---

[8] Вы говорите по-французски? *(фр.)*

Остин даже присвистнул от удивления.

– В Штатах далеко не каждое скоростное шоссе имеет такую длину.

– Да, это было грандиозное строительство. Наши инженеры использовали для прокладки буровые установки с диаметром почти тридцать футов. Поэтому мы без особого труда прорыли тоннели для исследовательской работы.

Он быстро зашагал через всю пещеру ко входу в тоннель. Остин уловил слабое жужжание, похожее на звук сотни пчел.

– Должно быть, это шум ваших генераторов, – догадался он.

– Да, сейчас мы имеем только одну турбину, но есть планы соорудить здесь еще одну. – Лессар остановился у двери, вырубленной в стене тоннеля. – Вот мы и пришли. Здесь находится пункт управления.

Центр управления поражал простором и стерильной чистотой, а его внутреннее убранство напоминало гигантский игральный автомат. Вдоль трех стен были установлены огромные панели с приборами и мерцающими на них лампочками. Все вокруг было опоясано многочисленными проводами, кабелями, выключателями и рубильниками. Лессар подошел к расположенному в самом центре подковообразному пульту, *уселся* перед монитором компьютера и показал Остину рукой на соседний стул.

– Вам известно, что мы делаем на этой электростанции? – спросил он.

– В общих чертах, – ответил Остин. – Мне сказали, что вы используете для производства электроэнергии поступающую с ледника воду.

Лессар кивнул.

– Технология относительно несложная. Снег опускается на ледник, накапливается там, а во время оттепели начинает таять, образуя в леднике многочисленные озера и ручьи. А мы направляем потоки воды на нашу турбину. Voila![9] Так мы получаем электроэнергию – дешевую, экологически чистую и к тому же возобновляемую. – В голосе Лессара невозможно было не уловить нотки гордости за свое дело.

– В теории все просто, но практическая реализация этого проекта производит неизгладимое впечатление, – сказал Остин, мысленно представляя себе широко разветвленную систему тоннелей. – У вас должно быть большое количество сотрудников.

– Нет, нас здесь только трое, – скромно заметил Лессар. – В каждой смене по одному человеку. Дело в том, что электростанция практически полностью автоматизирована и вообще может работать без нашей помощи.

– Вы не могли бы показать мне всю схему?

Пальцы Лессара защелкали по клавиатуре, и на экране монитора тотчас же появилась схема, узлы которой напомнили Остину цветной план лондонского метрополитена.

– Окрашенные в голубой цвет линии показывают тоннели, по которым на станцию поступает вода, а красные линии – это сухие тоннели. Турбина находится вот здесь.

Остин долго смотрел на чертеж, пытаясь разобраться в хитросплетениях многочисленных цветных линий.

– А какой тоннель был затоплен?

Лессар ткнул пальцем в экран монитора:

– Вот этот. Главный тоннель, ведущий в лабораторию.

– Есть хоть какой-то способ перекрыть этот водный поток?

– Мы попытались это сделать, когда впервые обнаружили, что исследовательская часть тоннеля затоплена, но безуспешно. Вероятно, там разрушена бетонная стена, отделяющая исследовательский тоннель от водопроводного. Мы направили поток воды в другие тоннели, но исследовательский все еще остается затопленным.

– Как вы думаете, почему бетонная стена оказалась разрушенной?

– На пересечении двух тоннелей есть небольшой проход. В это время года он перекрыт,

---

[9] *Зд.:* Вот и все! *(фр.)*

так как уровень воды сейчас довольно высокий. Эти ворота могут выдержать огромное давление воды, так что я даже представить не могу, что могло там случиться.

– А есть ли хоть малейшая возможность отвести воду из этого тоннеля?

– Да. Мы могли бы перекрыть некоторые тоннели и откачать воду с помощью насосов, но на это уйдет несколько дней, – последовал удручающий ответ.

Остин показал на стоявший перед ними огромный экран:

– Даже с помощью этой сложной системы тоннелей?

– Сейчас я покажу вам, в чем здесь проблема.

Лессар встал из-за пульта, вышел из комнаты и несколько минут вел Остина по узкому тоннелю. К монотонному шуму турбины добавился другой звук, похожий на завывание ветра в кронах высоких деревьев. Мужчины поднялись вверх по металлической лестнице, открыли тяжелую стальную дверь и оказались на наблюдательной платформе, защищенной от внешнего воздействия водонепроницаемой стеной из пластика и металла. Лессар пояснил, что здесь один из дополнительных пунктов управления. Он почти кричал – шум стал оглушительным.

Лессар щелкнул выключателем, и яркий свет залил ту часть тоннеля, где бушевал водный поток, поднимаясь почти до нижнего края платформы. Остин с изумлением смотрел на белую от пены поверхность воды, поражаясь ее мощи.

– В это время года талая вода поступает сюда из многочисленных подземных резервуаров, – прокричал ему на ухо Лессар. – И вся эта масса добавляется к уже существующему потоку. Похоже на весеннее половодье, когда в результате таяния льдов реки выходят из берегов и затопляют огромные пространства. – На лице Лессара появилось выражение сочувствия. – Мне очень жаль, но мы вряд ли можем помочь вам или тем людям, которые оказались отрезанными от внешнего мира.

– Вы уже и так немало помогли, – возразил Остин. – Теперь мне хотелось бы взглянуть на подробную схему исследовательского тоннеля.

– Разумеется, – ответил инженер и направился обратно на пункт управления. Этот американец нравился ему, так как производил впечатление основательного и серьезного человека, а Лессар ценил эти качества больше всего.

Вернувшись к пульту, Остин посмотрел на часы и подумал, что с момента затопления тоннеля прошло слишком много драгоценного времени. Лессар тем временем подошел к металлическому шкафу, открыл нижний ящик и вынул оттуда какие-то бумаги.

– Вот схема основного входа в исследовательский тоннель, – сказал он. – Он скорее похож на узкую щель, а эти прямоугольники обозначают жилое помещение ученых. Лаборатория расположена примерно в миле от главного входа. Как вы сами можете видеть, здесь есть лестницы, которые ведут вверх на другой уровень. Там есть проход, который ведет в находящуюся под ледником лабораторию.

– Нам известно, сколько людей оказалось в этой ловушке?

– В последнее время там работали три исследователя. Иногда, когда они очень уставали от этой подземной жизни, мы собирались вместе, чтобы пропустить стаканчик-другой вина. Кроме того, сейчас там еще женщина с вашего судна. Незадолго до несчастного случая гидросамолет доставил еще несколько человек, но я не знаю, сколько человек было на его борту, когда он снова поднялся в воздух. Улетел совсем недавно…

Остин склонился над схемой тоннеля, стараясь запомнить каждую деталь.

– Предположим, людям из-под ледника удалось добраться до лаборатории. Скопившийся в том проходе воздух не позволит потоку воды затопить лабораторию.

– Верно, – согласился Лессар без особого энтузиазма.

– Значит, если там есть воздух, есть и надежда, что они живы.

– Правильно, но запасы воздуха ограниченны, а его приток невелик. Это может быть тот случай, когда живые начинают завидовать мертвым.

Остину не нужно было напоминать об ужасной участи Скай и остальных; даже если им удалось не утонуть, они могли задохнуться. Он попытался сосредоточиться на схеме и

вскоре обнаружил, что главный тоннель не обрывается возле лаборатории, а продолжается еще на некоторое расстояние.

– Куда ведет этот путь?

– Он тянется примерно на полтора километра, медленно поднимаясь до следующего входа.

– Еще одна дренажная штольня?

– Нет, там небольшая площадка наподобие входа в шахту, расположенная на этой стороне склона.

– Мне нужно взглянуть на нее, – твердо заявил Остин, чувствуя, что в голове начинает складываться более или менее четкий план. Конечно, в нем было много неясностей, допущений и громадного риска, но, к сожалению, ничего другого в наличии сейчас не было. Оставалось надеяться на удачу.

– Она с другой стороны ледника, – пояснил Лессар. – Туда можно добраться только по воздуху, но я могу отсюда показать, где находится это место.

Через несколько минут мужчины были на крыше здания электростанции. Лессар указал на ущелье, расположенное с другой стороны ледника:

– Вон там, возле небольшого плато.

Остин посмотрел в сторону, куда показывал Лессар, а потом поднял глаза на небо. На горизонте показался небольшой вертолет, двигавшийся в сторону электростанции.

– Слава Богу! – обрадовался Лессар. – Наконец хоть кто-то отреагировал на мои призывы о помощи.

Они поспешили вниз и вышли из здания электростанции в тот самый момент, когда вертолет пошел на посадку. Там уже стояли водитель грузовика и еще один человек, который, предположил Остин, был третьим сотрудником в этой команде. Вертолет сел на небольшой площадке в нескольких сотнях футов от здания. Когда лопасти остановились, из кабины выпрыгнули три человека. Остин нахмурился. Вопреки его ожиданиям это была не спасательная команда. Все прибывшие были в черных костюмах и по виду напоминали чиновников среднего звена.

– Это мой начальник, месье Друэ, – пояснил Лессар, с трудом сдерживая волнение. – Он никогда раньше не приезжал сюда.

Друэ был крепким мужчиной с пышными усами, как у Эркюля Пуаро. Быстро просеменив к зданию, он спросил начальственным тоном:

– Что здесь стряслось, Лессар?

Пока управляющий торопливо объяснял сложившуюся ситуацию, Остин с тревогой поглядывал на часы. Стрелки неумолимо двигались вперед, оставляя все меньше надежды на успех.

– Какие последствия может оказать на нашу работу это происшествие? – осведомился Друэ.

Терпение Остина лопнуло.

– Может быть, вы проявите больше интереса к судьбе оставшихся под ледником людей?

Друэ вскинул подбородок и высокомерно посмотрел на него, хотя сам был на несколько дюймов ниже.

– А вы кто такой? – спросил он, как гусеница, обратившаяся к Алисе из шляпки гриба.

– Это мистер Остин, он работает на американское правительство, – поспешил вмешаться Лессар, чтобы избежать скандала.

– Американец? – переспросил тот, и Остину показалось, что он даже фыркнул от презрения. – Это не ваше дело, – пренебрежительно проскрипел Друэ.

– Ошибаетесь, меня это дело касается самым непосредственным образом, – спокойно парировал Остин, хотя уже с трудом сдерживал себя. – В тоннеле находится мой друг.

Друэ на мгновение застыл.

– Я должен доложить своему шефу и подождать его указаний. Сочувствую вам и

прикажу немедленно отправить сюда спасательную команду.

– На это уйдет слишком много времени, – возразил Остин. – Надо немедленно что-то делать.

– И тем не менее это единственное, что я могу сделать для вас. А сейчас, извините, у меня дела.

С этими словами Друэ и сопровождавшие его люди в темных костюмах скрылись в здании электростанции. Лессар посмотрел на Остина, сокрушенно покачал головой и медленно поплелся за ними.

Остин какое-то время пытался подавить в себе искушение схватить этих бюрократов за шиворот и вытащить во двор, а потом услышал далекий шум мотора и увидел черную точку в небе. Вскоре эта точка стала обретать контуры вертолета, намного меньшего, чем тот, который только что приземлился. Он пролетел над озером, сделал круг над зданием электростанции, а потом сел рядом с первым, подняв в воздух клубы пыли.

Не успели остановиться лопасти машины, как из нее выпрыгнул стройный смуглый мужчина и приветливо махнул Остину рукой. Джо Завала быстро зашагал к нему, слегка покачивая атлетическими плечами, – в юности он весьма успешно занимался боксом в колледже и даже выступал за команду профессионалов в среднем весе. Красивое лицо до сих пор сохранило выражение боксера, не знающего поражений на ринге.

Общительный и красноречивый, Завала был приглашен на работу адмиралом Сэндекером сразу после окончания Нью-Йоркского военно-морского училища и вскоре стал весьма ценным членом команды специального назначения агентства НАПИ. Вместе с Остином он принимал участие во многих операциях, имел великолепную техническую подготовку и слыл превосходным пилотом, налетавшим огромное количество часов на вертолетах, небольших самолетах и крупных турбовинтовых лайнерах.

Несколько дней назад они вместе прибыли во Францию, но Завала остался в Париже, а Остин прибыл в Альпы для работы на судне «Маммичаг». Завала был хорошим знатоком в области проектирования и строительства подводных судов и в этом качестве был приглашен Французским институтом морских исследований для испытания новых подводных аппаратов.

Остин позвонил Завале по мобильному сразу же, как только узнал о несчастном случае в тоннеле.

– Извини, что потревожил тебя в Париже, – сказал тогда Остин.

– Ты портишь мне не только пребывание в Париже, но и нечто большее. Я тут познакомился с депутатом Национального собрания, с чьей помощью усердно изучаю город.

– Как его зовут?

– Ее зовут Дениз. После экскурсии по Парижу мы решили отправиться в горы, где у этой юной леди есть свое шале. Сейчас я в Шамони.

Остин нисколько не удивился, услышав это. Выразительные глаза Завалы, его густые темные, всегда зачесанные назад волосы, изящная осанка – все это делало Джо похожим на известного киноактера Рикардо Монтальбана. Весьма редкое сочетание приятной наружности, хороших манер и незаурядного ума делало Джо неотразимым в глазах многочисленных поклонниц не только в окрестностях Вашингтона, но и во всех других местах, где ему приходилось бывать. Иногда, правда, это отвлекало его от важных дел, в особенности во время выполнения очередного важного задания, но сейчас все было прекрасно. Городок Шамони отделяли от этого озера всего несколько горных вершин.

– Тем лучше, – сказал Остин по телефону. – Мне нужна помощь.

Завала уже и сам догадался по голосу друга, что ситуация очень серьезная.

– Немедленно вылетаю. – И он повесил трубку.

И вот сейчас, встретившись на склоне горы, нависающей над озером, друзья радостно пожали друг другу руки. Остин еще раз извинился перед ним за то, что так бесцеремонно нарушил его амурные планы. По губам Завалы скользнула легкая усмешка.

– Нет проблем, дружище. Дениз – политик, публичный человек, она прекрасно поняла,

когда я сказал, что должен оставить ее по долгу службы. – Он посмотрел на вертолет. – Более того, она подключила все свои связи и организовала мне это замечательное транспортное средство.

– Я должен твоей леди бутылку хорошего шампанского и букет цветов.

– Всегда знал, что в душе ты истинный романтик, – ответил Завала и огляделся. – Прекрасное место, хотя немного прохладно. Итак, что случилось?

Остин решительно направился к вертолету.

– Расскажу по дороге.

Некоторое время спустя они уже были в воздухе. Когда вертолет был над ледником, Остин кратко пересказал историю с затоплением тоннеля.

– Черт знает что! – в сердцах воскликнул Завала, выслушав друга до конца. – Мне жаль твою подругу. Скай, кажется, принадлежит к тем людям, с которыми мне хотелось бы познакомиться.

– Надеюсь, у тебя будет такая возможность, – обнадежил его Остин, хотя и понимал, что с каждой минутой такая перспектива становится все более призрачной.

Они летели к тому самому плато, на которое указал Лессар с крыши электростанции. Через некоторое время Завала посадил вертолет на небольшом пятачке, выбрав более или менее ровное пространство среди нагромождений камней. Они взяли в вертолете электрический фонарь и стали медленно взбираться вверх по склону. Влажная прохлада, исходящая от ледникового щита, проникала через их легкие куртки. Вход в тоннель был обрамлен бетонной рамой, а площадка перед входом была покрыта дюжиной миниатюрных расселил и трещин. Мужчины вошли в тоннель, по размерам напоминающий вход, расположенный позади здания электростанции. Пол здесь был мокрым, а через несколько метров у них под ногами захлюпала вода.

– Вовсе не похоже на тоннель любви, верно? – сказал Завала, пристально вглядываясь в темноту.

– Именно так я всегда представлял себе мифическую реку Стикс.[10] – Какое-то время Остин смотрел на темную журчащую воду, а потом вдруг оживился от неожиданного всплеска энергии. – Давай вернемся на электростанцию.

Друэ и его компаньоны вышли из здания электростанции как раз в тот момент, когда вертолет Завалы приземлился на посадочной площадке.

– Должен извиниться перед вами за свое грубое поведение, – с нарочитой вежливостью произнес Друэ, приблизившись к Остину. – Я просто не знал всех подробностей этой ужасной драмы. Месье Остин, мне удалось переговорить со своим начальством и с представителями американского посольства, которые рассказали мне о вас и вашем агентстве НАПИ. Я понятия не имел, что в этом злосчастном тоннеле под ледником оказались французские граждане.

– Неужели гражданство имеет какое-то значение?

– Нет, разумеется, это была непростительная глупость с моей стороны. Думаю, вам приятно будет узнать, что я уже вызвал сюда команду спасателей. Они уже в пути.

– Наконец-то. Когда прибудут?

Друэ задумался, понимая, что ответ будет разочаровывающий.

– Через три или четыре часа.

– Вы же должны понимать, это может быть слишком поздно.

Друэ растерянно пожал плечами. По всему было видно, что чиновник чувствует себя крайне неловко.

– Ну что ж, по крайней мере мы сможем отыскать их тела. Это все, что я могу сейчас сделать.

– А мне нужно гораздо большее, месье Друэ. Мы все же попытаемся спасти этих

---

[10] Стикс – подземная река в древнегреческой мифологии, разделяющая живых и мертвых.

людей, чего бы это ни стоило, но для этого необходима ваша помощь.

– Несерьезный разговор! Эти несчастные оказались в западне под ледяным пластом толщиной восемьсот футов. – Француз изучающе посмотрел на упрямые черты лица Остина и выгнул бровь дутой. – Ладно, я готов разбиться в лепешку, чтобы помочь вам в этом деле, только скажите мне, что нужно сделать.

Остин был приятно удивлен, увидев, что под пухлой комплекцией Друэ с трудом обнаружился стальной характер.

– Благодарю за поддержку. Прежде всего я хотел бы заполучить ваш вертолет вместе с пилотом.

– Да, конечно, хотя я вижу, что у вашего друга есть свой вертолет.

– Мне нужна более мощная и крупная машина.

– Не понимаю; эти несчастные находятся глубоко под землей, а не в воздухе.

– И тем не менее, – твердо заявил Остин и посмотрел на Друэ так, словно теряет драгоценное время.

Тот энергично закивал:

– Ладно, ладно, можете рассчитывать на мою помощь.

Пока Друэ пошел договариваться *со* своим пилотом, Остин вызвал по рации капитана судна НАПИ и вкратце изложил ему план действий. Фортье внимательно выслушал его.

– Сейчас же займусь этим, – заключил он, получив необходимые указания.

Остин поблагодарил капитана и снова уставился на вершину ледника, как бы примериваясь к действиям, которые намерен был предпринять. Сейчас в его плане действий не осталось места для сомнений или колебаний. Он знал, что попытка будет очень рискованной, но многочисленные шрамы на его теле подсказывали, что план вполне реальный, если, конечно, спасателям будет сопутствовать удача. Единственное, в чем он не был до конца уверен, так это в том, что Скай все еще жива.

Глава 8

А она была в это время не просто жива, а очень даже жива, в чем Рено убедился, испытав на себе всю силу ее ярости. После того как он высказал одну из своих обычных сентенций относительно самосохранения, Скай просто взорвалась и набросилась на француза с такой яростью, что тот попятился назад с выпученными от страха глазами. А Скай продолжала неистовствовать, ее глаза горели праведным гневом, в адрес Рено сыпались упреки в том, что он почти разрушил самое грандиозное открытие в ее профессиональной карьере! В конце концов Рено набрался смелости и попытался протестовать, но Скай в ответ просто процедила:

– Идиот!

Тогда Рено попытался воззвать к ее состраданию.

– Неужели вы не видите, что я ранен? – Он продемонстрировал ей свою окровавленную и наспех забинтованную руку.

– Это результат вашей собственной глупости, – холодно заметила Скай. – Как вы вообще допустили в это! тоннель совершенно незнакомого человека?

– Я думал, он обыкновенный репортер.

– У вас мозги амебы, а не человека. А амебы, как всем хорошо известно, не способны мыслить! Они просто выделяют из себя жидкость, вот и все.

– Мадемуазель, прошу вас, – вмешался Леблан. – У нас осталось так мало воздуха. Поберегите силы.

– Для чего их беречь? – вспыхнула Скай и указала на потолок. – Может, вы еще не успели этого осознать, но мы находимся под огромным ледником, из-под которого нам ни за что не выбраться без посторонней помощи!

Леблан замолчал и прижал палец к губам.

Скай посмотрела на угрюмые лица коллег и поняла, что еще больше расстроила их.

Она также осознала, что ее гневная тирада, обращенная к Рено, была проявлением собственного страха и отчаяния. Скай извинилась перед Лебланом и плотно сжала губы, но при этом успела тихо прошептать:

– И все-таки он идиот!

Затем подошла к Роулинсу и уселась рядом с журналистом, который прижался спиной к стене и что-то записывал в блокнот. В качестве коврика, защищающего его от влажного пола, он использовал пластиковый пакет. Скай придвинулась к нему как можно ближе и тяжело вздохнула:

– Простите за такую наглость, но я скоро окоченею.

Роулинс удивленно заморгал глазами, отложил в сторону блокнот, а потом галантно обнял даму за плечи.

– Еще минуту назад вы выглядели такой разгоряченной, – шутливо сказал он.

– Сожалею, что дала волю чувствам в присутствии посторонних, – вяло пробормотала она.

– Я ни в чем не виню вас, но все же предпочитаю смотреть на вещи с большим оптимизмом. По крайней мере у нас пока еще есть свет.

К счастью, поток воды не повредил электрические провода, которые были проложены под самым потолком Правда, свет несколько раз мигнул за последнее время, но электроэнергия все же продолжала поступать. Промокшие до нитки и смертельно уставшие товарищи по несчастью сгрудились з дальнем конце тоннеля между ледяной пещерой и лестницей.

Несмотря на свой оптимизм, Роулинс прекрасно понимал, что в их распоряжении очень мало времени. Как и все остальные, он чувствовал, что дышать становится все труднее, но пытался гнать прочь грустные мысли.

– О каких научных открытиях вы только что говорили? – спросил он Скай нарочито спокойным голосом.

Ее взгляд стал мечтательным.

– Я нашла на дне озера какое-то древнее погребение, думаю, оно может иметь непосредственное отношение к Янтарному пути, а если это так, то совсем уже не трудно доказать, что торговые контакты между Европой и странами Средиземноморья были развиты гораздо более интенсивно, чем было принято думать раньше. Возможно, речь идет о временах минойской или микенской цивилизации.

Роулинс издал глухой стон.

– Что с вами? – всполошилась Скай. – Вы в порядке?

– Да, все нормально, – поспешил успокоить ее он. – Хотя, черт возьми, какой тут может быть порядок? Я приехал сюда с единственной целью – сделать репортаж о работе лаборатории, находящейся под ледниковым щитом. А потом вдруг оказалось, что здесь нашли какое-то вмерзшее в лед тело. Это обстоятельство, что само по себе вполне естественно, тут же стало главной изюминкой будущего материала. Но не успел я как следует заняться этим делом, как какой-то мерзавец с пистолетом в руке, выдававший себя за журналиста, ранил вашего друга Рено и затопил тоннель. Боже мой, редакция моего журнала будет на ушах от таких событий, а я вполне могу подняться до уровня Джона Крэкауэра. Полагаю, что после всех этих событий издатели будут толпиться у моей двери с предложением издать книгу. А сейчас вы рассказываете мне о минойской цивилизации!

– Я не уверена, что это именно минойская цивилизация, – скромно заметила Скай, пытаясь хоть как-то успокоить Роулинса.

Но Дерек только грустно покачал головой.

В разговор вмешался телевизионный репортер, который с самого начала внимательно прислушивался к ним.

– Не надо винить себя за подобные настроения, вы посмотрите на мое положение. У меня на руках есть видеозапись этого загадочного замерзшего тела и этого француза, которого ударили по руке пистолетом. – Он постучал пальцами по видеокамере. – Кроме

того, я записал на пленку все голоса.

Роулинс уставился на лежавший на полу силовой кабель, с помощью которого оттаивали лед вокруг тела замерзшего человека.

– Интересно, а можно с помощью этой водяной пушки растопить лед и прорубить тоннель в леднике?

Сидевший рядом с Роулинсом Торстон снисходительно усмехнулся:

– Я уже сделал некоторые подсчеты и пришел к выводу, что, если мы будем работать непрерывно, это отнимет у нас как минимум три месяца.

– А у нас будут выходные по воскресеньям и праздничным дням? – попытался пошутить Роулинс. Все, кроме Рено, натянуто захихикали.

Неуместный и оттого еще более бодрящий юмор Роулинса напомнил Скай об Остине. Интересно, как давно она оставила борт судна? Женщина посмотрела на часы и с удивлением обнаружила, что прошло всего лишь несколько часов. А она все еще надеялась на свидание с ним, мечтала снова увидеть его лицо, его белые, почти седые волосы, однако главная причина его физической привлекательности заключалась вовсе не в этом. Он был интересен сам по себе, в особенности по контрасту с остальными мужчинами. Остин обладал поразительным чувством юмора, мог быть на редкость нежным и обходительным, но в глубине искрометных голубых глаз она почувствовала удивительную твердость характера, а в его широких плечах – необыкновенную физическую силу. Она нисколько не удивилась бы, узнав, что этот человек готов спуститься хоть на дно моря и выполнить любое задание.

Она посмотрела на Рено, который находился на самом крайнем фланге ее личного спектра мужской привлекательности. Вовсе не случайно тот оказался в другом конце пещеры, бережно поглаживая свою пострадавшую конечность. Скай нахмурилась, подумав, что самое ужасное в ее ситуации – иметь дело с таким жалким и беспомощным насекомым. Эта мысль была настолько неприятной, что она встала и подошла к краю лестницы, которая спускалась вниз к главному тоннелю. У подножия плескалась темная вода. Никаких шансов на то, чтобы выбраться из западни. От этого на душе стало еще гаже. В тщетной надежде найти хоть какой-нибудь выход из положения она поплелась по воде к лестнице и стала спускаться к главному тоннелю.

Ледник тем временем отвоевывал недавно утраченную территорию, покрывая те участки, где его не было некоторое время назад, и становясь толще буквально на глазах. Вмерзшее в него тело уже почти невозможно было разглядеть сквозь его толщу. Шлем все еще находился в контейнере. Скай подняла его, поднесла к свету и стала рассматривать загадочные рисунки. Они были тщательно выгравированы на металлической поверхности. Сразу было ясно, что это работа великого мастера. А самое поразительное для нее заключалось в том, что они явно носили не декоративный характер. В них был таинственный ритм – такое случается, когда кто-то хочет донести людям некую важную информацию. Этот металл как бы пульсировал, жил своей жизнью и что-то пытался рассказать своими таинственными знаками. Скай попыталась воззвать к собственной интуиции, но поняла, что недостаток воздуха вряд ли поможет ей решить головоломку. Если бы у нее было больше времени и сил, она могла бы расшифровать эти знаки. Черт бы побрал этого напыщенного слюнтяя Рено!

Скай понесла шлем обратно в тоннель, но движения в условиях нехватки кислорода вконец обессилили ее. Отыскав свободное место у стены, она устало опустилась на камень и положила шлем рядом с собой. Все разговоры уже давно прекратились. Люди сидели тихо и тяжело вдыхали остатки воздуха, на лицах было напряжение Да она и сама жадно заглатывала спертый воздух, становясь все больше похожей на выброшенную из воды рыбу. В какой-то момент Скай опустила вниз голову и уснула.

А когда проснулась, света в тоннеле уже не было. В этот момент ей подумалось, что придется умереть в полной темноте. Она хотела позвать остальных, попрощаться с товарищами в этот трагический момент, но сил не осталось, и она снова впала в забытье.

Глава 9

Остин привязал последний водонепроницаемый рюкзак с вещами на заднюю площадку мини-субмарины, которая находилась сразу за прозрачной сферой кабины, и отошел, чтобы со стороны оценить качество работы. Сейчас подводный аппарат был больше похож на вьючного мула, чем на изобретение в стиле хай-тек, но это снаряжение было необходимо для выполнения спасательной операции. Не имея ни малейшего представления о количестве оказавшихся подо льдом людей, Остин вынужден был на всякий случай запастись разнообразными приборами, оборудованием и снаряжением, но в душе надеялся не на них, а на самую обыкновенную удачу.

Остин кивнул стоявшему неподалеку Франсуа, который в ответ наклонил голову и передал сообщение по рации пилоту французского вертолета. Представитель правительства Франции играл сейчас роль переводчика и связника между судном НАПИ и французским вертолетом.

Через несколько минут вертолет оторвался от берега, вздымая в воздух клубы песка, и направился к судну агентства НАПИ, где бросил на палубу свободный конец толстого троса с большим крюком на конце. Остин втянул голову в плечи от оглушительного шума, схватил рукой трос и присоединил его к приготовленному недавно багажу. Незадолго до этого он вместе с членами команды судна связал все вещи и корпус подводного аппарата в единое целое, чтобы можно было без потерь перебросить их в нужное место.

После этого он подал знак пилоту вертолета, и тот стал медленно подниматься. Трос натянулся, как струна, и поднял весь груз, несмотря на оглушительный рев мощного мотора. Однако подводный аппарат и остальные вещи оторвались от палубы лишь на несколько дюймов. Стало ясно, что общий вес субмарины и оборудования не под силу даже такой мощной машине. Остин замахал руками, давая понять пилоту, чтобы тот опустил груз на палубу. После этого он показал рукой на винтокрылую машину и закричал на ухо Франсуа:

– Пусть остается на прежнем месте, а я сейчас постараюсь что-то сделать!

Тот быстро перевел пилоту приказ, а Остин тем временем связался по радио с Завалой, который кружил над судном на своем крохотном вертолете.

– У нас тут небольшая проблема! – прокричал Остин в микрофон.

– Я уже и сам заметил. Жаль, что у нас нет воздушного подъемного крана, – добавил он, намекая на промышленные вертолеты, специально приспособленные для поднятия больших грузов.

– Думаю, нам они не понадобятся, – сказал Остин и вкратце изложил ему свой план действий.

Завала весело рассмеялся:

– Моя жизнь была бы скучной, если бы я не встретил тебя.

– Ну так что?

– Рискованно, – осторожно заметил Завала. – Дерзко и к тому же чертовски опасно. Но вполне возможно.

Остин никогда не сомневался в мастерстве своего друга, который успел налетать тысячи часов как на вертолетах всех известных типов, так и на самых разнообразных самолетах. Его сейчас больше беспокоило не умение Завалы, а самые обычные случайности и неожиданности, как, например, сила ветра или человеческая невнимательность. Любая неожиданность могла превратить тщательно просчитанный риск в самую настоящую катастрофу. В этом случае вся их спасательная операция могла бы закончиться не просто неудачей, а грандиозным провалом. Поэтому он хотел быть уверен в том, что его идеи правильно поняты и оценены участниками операции.

Он отозвал в сторону Франсуа и внятно объяснил, что должен сделать французский пилот. Затем заставил повторить ему сказанное. Франсуа понимающе кивнул головой, все повторил в точности, после чего передал сообщение своему пилоту. Тот направил вертолет к правому борту судна, в результате чего линия подъема груза оказалась под острым углом к

палубе.

В это время вертолет Завалы завис над палубой и бросил вниз еще один трос, который Остин быстро привязал к контейнеру. После этого он отошел в сторону и визуально оценил расположение обеих машин. Сейчас они находились на приличном расстоянии друг от друга, но во время подъема вертолеты должны были сблизиться, и он хотел убедиться, что их винты не заденут друг друга.

Убедившись в том, что все идет по плану, Остин снова подал сигнал к подъему. Обе машины загудели и стали подниматься вверх. На этот раз груз быстро оторвался от палубы. Один фут, два фута, ярд, два ярда. Пилоты прекрасно понимали, что их машины относятся к разным типам и обладают разными мощностями, и всеми силами стремились удерживать равновесие. К счастью, им это удалось.

Вертолеты медленно поднимались, несли совместными усилиями ценный груз; на мгновение застыли над серединой озера на высоте примерно двухсот футов, а потом стали удаляться в сторону берега и вскоре потерялись на темном фоне скалистых гор. При этом Завала продолжал поддерживать связь с Остином и информировал его о прохождении операции. За время полета он лишь пару раз прерывал связь, чтобы скорректировать курс.

Остин напряженно следил за машинами и облегченно вздохнул только тогда, когда Завала жизнерадостно доложил:

– Орлы благополучно приземлились.

После этого Остин собрал нескольких членов команды, усадил их в моторную лодку, и через некоторое время все уже были на берегу. Там их подобрали вернувшиеся вертолеты и доставили ко входу в тоннель, где стоял на земле серебристый корпус подводного аппарата вместе с приготовленным ранее снаряжением. Пока члены команды распаковывали вещи, Остин внимательно следил за их работой и одновременно приводил в порядок субмарину. Когда все было готово, субмарину и трейлер потащили к тому месту тоннеля, где у его нижнего края плескалась вода. А Остин тем временем поговорил с Лессаром, после чего начальник электростанции вынес из здания еще одну ксерокопию схемы тоннелей и разложил на ровной поверхности скалы.

– Здесь находятся внутренние алюминиевые подпорки, о которых я вам уже рассказывал. Вы найдете их в нескольких сотнях ярдов от входа. Всего там двенадцать перегородок, расстояние между ними примерно десять ярдов.

– Размеры нашей субмарины не превышают восьми футов, – сказал Остин. – Я уже прикинул – придется устранить по одной колонне в каждой перегородке, чтобы протиснуться внутрь.

– Полагаю, не следует устранять по одной колонне в каждой перегородке, – возразил Лессар. – Как вы сами видите на этой схеме, потолок здесь самый толстый из всех частей тоннеля, а сверху на него оказывают давление сотни тонн льда и скальной породы. Опасное место.

– А я думал, что давление здесь будет выровнено.

Лессар тоскливо уставился на Остина:

– После того как вы изложили мне свой план, я связался с Парижем и переговорил со своим давним другом из управления электростанцией. Он объяснил, что этот конец тоннеля был построен специально для того, чтобы поставлять снаряжение и оборудование для лаборатории. Однако с течением времени этот проход перестал функционировать, так как все могло закончиться обрушением потолка. Эти опоры были поставлены только для того, чтобы поддерживать тоннель открытым и тем самым обеспечивать доступ свежего воздуха, не более. Но меня больше всего беспокоит не это… – Инженер показал пальцем в верхнюю часть схемы, где был обозначен противоположный конец тоннеля. – Здесь образовался огромный и весьма нестабильный водяной мешок. Сейчас он даже больше, чем обычно, так как пополняется в результате интенсивного таяния льдов. Если эта преграда не выдержит давления, рухнет потолок тоннеля.

– И все же стоит рискнуть, – сказал Остин.

– А вы отдаете *себе* отчет в том, что весь ваш риск может пойти насмарку? Что, может быть, люди, ради которых вы готовы рисковать своей жизнью, уже давно погибли?

Остин ответил с мрачной улыбкой:

– Мы узнаем это только тогда, когда увидим собственными глазами.

Лессар отнесся к этим словам со спокойным восхищением. Этот американец с серебристыми волосами и удивительно голубыми глазами был либо безумцем, либо абсолютно уверенным в себе человеком.

– Вы, должно быть, очень любите эту женщину, – сказал француз.

– Я встретил ее несколько дней назад, и мы договорились поужинать в одном из парижских ресторанов, и я не намерен отказываться от этой возможности.

Лессар недоуменно пожал плечами. Французы всегда умели ценить галантность.

– Первые несколько недель – это время наивысшего влечения между мужчиной и женщиной, пока они не узнают друг друга лучше. Ну что ж, bonne chance, mon ami.[11] Я вижу, ваш друг уже с нетерпением ждет вас.

Остин поблагодарил Лессара за советы и направился к ожидавшему его у входа в тоннель Завале.

– Я проверил всю систему управления этой субмариной, – сообщил Завала. – Очень простая штука.

– Я знал, что у тебя не возникнет никаких проблем. – Остин огляделся вокруг. – Пора отчаливать, дружище.

Завала с грустью посмотрел на друга:

– Ты слишком много смотрел фильмов про Дикий Запад Сиско Кида.

Остин натянул на себя водонепроницаемый костюм, в котором был похож на большого Дэй-Глоу Гамби, надел на голову шлем с подводным акустическим приемником и направился в тоннель. Завала помог ему закрепить на спине баллоны с кислородом и прочее снаряжение, а потом протянул руку, забравшись в заднюю часть подводного аппарата.

Он устроился позади прозрачной кабины, использовав в качестве сиденья водонепроницаемый мешок, а потом стал загружать в прозрачную сферу кабины подводные фонари, баллоны с кислородом и газовый резак. Остин закрепил их на корпусе с помощью мощных застежек, а потом сделал знак Завале, и тот залез в кабину.

– Ну как, готов к путешествию? – шутливо спросил Остин, проверяя работу внутренней радиосвязи.

– Конечно, хотя чувствую себя как тот мальчик в мыльном пузыре.

– Можешь в любое время поменяться со мной местами, мальчик в мыльном пузыре.

Завала грустно улыбнулся:

– Благодарю, но я подожду более щедрого предложения. Ты сейчас похож на техасского ковбоя.

Остин постучал рукой по стеклу кабины, давая понять, что готов.

Члены команды стали осторожно спускать все сооружения на воду, придерживая двумя крепкими канатами. Когда колеса трейлера коснулись воды, они медленно вытащили канаты и подтолкнули подводный аппарат вперед; тот соскочил с платформы и нырнул. Одновременно заработали его моторы.

Завала развернул субмарину на 360 градусов с помощью рычага управления и направил ее к тоннелю. Поначалу лодка плыла по поверхности воды, а когда глубина увеличилась, они стали погружаться. Завала быстро освоил рычаги управления и все делал так, словно давно управлял подобным аппаратом. Через несколько минут корпус субмарины оказался под водой. Четыре галогеновые лампы, установленные в передней части судна, ярко освещали оранжевые стены и потолки тоннеля, а вода стада казаться темно-коричневой.

В шлеме Остина проскрипел металлический голос Завалы:

---

[11] Желаю удачи, мой друг *(фр.)*.

– Похоже на погружение в шоколадный коктейль.

– Я вспомню об этом сравнении, когда буду ужинать в каком-нибудь мексиканском ресторане, – пошутил Остин. – А мне приходит на ум нечто более поэтическое, например круги Дантова ада.

– В аду по крайней мере тепло и сухо. Где находятся первые опорные колонны?

Остин пристально посмотрел вперед, и ему показалось, что вдали мелькнуло что-то. Он привстал и наклонился к сферической поверхности кабины, опираясь на поручни, опоясывающие ее по периметру в форме буквы D.

– Думаю, они уже где-то рядом.

Завала остановил субмарину в нескольких шагах от первого ряда металлических колонн, каждая из которых была шириной около шести дюймов. Взяв в руку газовый резак, Остин осторожно соскочил с корпуса субмарины и поплыл к средней колонне. С помощью фонаря он осмотрел всю опору, а потом включил резак и ослепительно ярким пламенем сделал надрез у основания. После этого поднялся вверх и сделал точно такой же надрез в верхней части колонны. Когда все было готово, он громко крикнул: «Бревно!» – и сильно толкнул колонну в сторону. Она медленно повалилась набок, освобождая проход субмарине. Остин поплыл вперед и стал показывать знаками путь. Обычно таким способом технические работники аэропорта показывают самолету путь к взлетной полосе. После этого Остин направился к следующему ряду колонн.

Проплывая вперед по тоннелю, он изредка посматривал на потолок и старался не думать о тех тысячах тонн воды и льда, которые покоились на этой тонкой крыше. Помня о советах Лессара, он подрезал сверху и снизу еще одну колонну, а потом снова помог Завале провести судно по тесному коридору. Затем последовали другие опоры, и вскоре двенадцать «бревен» лежали на дне тоннеля. Закончив работу, Остин снова уселся на корпус субмарины и сказал Завале, чтобы тот двигался вперед со скоростью не более 2,5 узла. Несмотря на черепашьи темпы, темнота тоннеля и опасная близость его серых стен производили такое впечатление, будто они пробираются в преисподнюю.

Остин крепко держался за поручни субмарины и думал о том, как решить необыкновенно сложную задачу Слова Лессара звенели в его ушах. Этот француз, конечно, был прав насчет наивысшего влечения к женщине. К сожалению, он вполне мог оказаться правым и в самом худшем предположении – что все люди в этом тоннеле уже давно погибли.

Только сейчас Остин понял, что при дневном свете быть оптимистом гораздо легче. А здесь, когда они все глубже и глубже погружались в пучину темной воды, он ясно сознавал, что шансы на успех становятся все призрачнее. Нужно было признать: выжить в этой бездне было практически невозможно. Скрепя сердце он приготовился к худшему.

Глава 10

Скай снилось, что они с Остином сидят в каком-то парижском бистро неподалеку от Эйфелевой башни, и он вдруг потребовал:

– Проснись.

А она ответила ему без какого бы то ни было раздражения:

– Я не сплю.

– Проснись, Скай.

Опять этот Остин. Невозможный человек.

Затем Остин наклонился к ней через стол, над стаканами вина и тарелками с патэ, и мягко хлопнул ее по щеке, что вызвало у нее еще большее раздражение. Она открыла глаза и закричала:

– Хватит!

– Вот так-то лучше, – послышался бодрый голос Остина.

Глаза открылись, будто слетели две вдребезги разбитые ставни на окнах, после чего она отвернула голову от слишком яркого света. В ту же секунду луч ушел в сторону, и она

увидела лицо Остина. Уставшее и встревоженное. Он осторожно сжал пальцами ее щеки, Скай невольно приоткрыла рот и вдруг ощутила губами твердый пластиковый наконечник от кислородного баллона.

Поток свежего воздуха мгновенно наполнил ее легкие окончательно привел в чувство, и через секунду она увидела Остина, который стоял рядом с ней на коленях. Он взял ее за руку и прижал к небольшому баллону, который подавал кислород. Затем вынул трубку с кислородным шлангом из собственного рта.

– Ты можешь подождать меня минуту? – спросил он. Она молча кивнула.

– Только не засыпай. Я сейчас вернусь.

Он встал и направился к лестнице. Не успел он исчезнуть под водой с электрическим фонарем, как она заметила вокруг других людей, тоже оказавшихся в западне. В этот момент они были похожи на загулявших прохожих, напившихся дешевого вина и уснувших на скамейках аллеи.

Через несколько минут вода у лестницы вспенилась, и на поверхности показалась голова Остина. На плечах его висел толстый канат. Он вышел из воды и стал тянуть этот канат. Как бурлак на Волге, подумала Скай. Пол в этой части тоннеля был мокрым, Остин поскользнулся и упал, но быстро вскочил на ноги и наконец вытащил из воды какой-то пластиковый пакет, накрепко привязанный к концу каната. Вслед за ним последовали другие пакеты.

Остин быстро распаковал их, извлек баллоны с кислородом. После этого он растолкал лежавших в тоннеле людей и каждому сунул в рот трубку с воздухом. После нескольких вдохов они пришли в себя и стали растерянно оглядываться. Вскоре замкнутое пространство пещеры наполнилось шумом вдыхаемого и выдыхаемого воздуха.

Скай вытолкнула изо рта мундштук.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она строго – так старший на корпоративной вечеринке требует ответа у нарушителя спокойствия.

Остин деликатно помог ей подняться на ноги, а затем вдруг поцеловал в лоб.

– Даже не смей думать, что какая-то ничтожная ледниковая вода помешает Курту Остину оказаться на званом ужине!

– Ужин! А как же…

Остин сунул мундштук ей в рот.

– Сейчас не время для разговоров.

Затем он открыл другие пакеты и вынул оттуда водонепроницаемые водолазные костюмы. Оказалось, что Роулинс и Торстон – вполне опытные ныряльщики. Они без промедления стали помогать товарищам по несчастью напялить на себя эти костюмы и подсоединить баллоны с кислородом. Через некоторое время все люди в пещере были облачены в специальное снаряжение и готовы отправиться в обратный путь. Осмотрев пострадавших, Ос тин подумал, что они, конечно, далеко не в лучшем состоянии, но если повезет, то все закончится благополучно.

– Вы готовы к возвращению? – спросил он.

Сбивчивый хор, эхом отдавшийся в глухой пещере, был маловразумительным, но полным энтузиазма и надежды.

– О'кей, – заключил он. – Следуйте за мной.

Остин повел группу жалких и обессиленных людей вниз по лестнице – туда, где находился затопленный тоннель. Все они были очень удивлены, увидев Завалу, который приветливо помахал им рукой из прозрачной сферы кабины. Остин предвидел, что спасенным нужно будет за что-то держаться на небольшом корпусе субмарины, поэтому он приказал команде «Маммичага» закрепить на палубе подводного аппарата большую рыболовную сеть. Огромным усилием и постоянными уговорами ему удалось загнать всех на корпус субмарины, уговорить лечь лицом вниз и крепко ухватиться руками за ячейки сети. В конце концов они расположились в три ряда, как сардины в консервной банке.

Рено с израненной рукой оказался в первом ряду между двумя репортерами. Он

находился сразу же за прозрачной кабиной и мог держаться одной рукой за поручень. Скай устроили во втором ряду между Роулинсом и Торстоном. которые были наиболее опытными ныряльщиками и не боялись воды. Сам же Остин расположился в третьем ряду между крепким, как бык, Лебланом и юным научным сотрудником Росси. Отсюда он мог следить за происходящим и оказать помощь в случае необходимости.

В качестве дополнительной страховки он протянул поверх всех улегшихся на корпус людей толстые канаты – так обычно закрепляют груз на палубе корабля в штормовую погоду. Корпус субмарины был практически скрыт за этой массой сгрудившихся тел, но это было лучшее, что мог придумать Остин. Правда, сам он не стал привязываться канатом, чтобы сохранить необходимую свободу передвижения в случае опасности.

– Все наши утки уложены в три ряда и заняли все свободное пространство на корпусе лодки, – сообщил он Завале в микрофон. – Поэтому не советую останавливаться в пути и подбирать других пассажиров.

Завизжали моторы субмарины, и она медленно двинулась, словно не желая оставлять понравившееся место. Аппарат двигался со скоростью пешехода, так как Остин прекрасно понимал, в каком состоянии пребывают сейчас жертвы наводнения. Он сам просил несчастных набраться терпения и не паниковать, но даже его стали бесить эти черепашьи темпы. Он поймал себя на мысли, что готов отказаться от собственной инструкции.

Однако Остину было немного легче, – он мог поддерживать связь с Завалой, тогда как остальные оказались наедине со своими грустными мыслями. Субмарина продолжала двигаться вдоль тоннеля с такой скоростью, будто ее подталкивала группа морских черепах. Порой возникало ощущение, что аппарат вообще перестал двигаться, и только медленно скользящие стены тоннеля напоминали о том, что все идет по плану. Тишину нарушали лишь монотонное жужжание электромоторов да бульканье выпускаемых людьми пузырей отработанного воздуха. Остин чуть не закричал от радости, когда Завала передал ему по внутренней связи:

– Курт, вижу впереди поваленные тобой колонны.

Он поднял голову.

– Остановись, когда приблизишься к ним. Я помогу тебе пройти этот слалом.

Аппарат остановился. Остин поднялся с палубы и облокотился на прозрачную кабину. Первый ряд опорных колонн виднелся в тридцати футах от него. Остин подплыл к колоннам, миновал первый ряд, а потом повернулся к Завале и, как заправский полицейский на запруженной дороге, стал подавать ему знаки рукой, направляя аппарат то чуть влево, то вправо от себя.

Субмарина медленно продвигалась сквозь узкий коридор, Завала осторожно управлял рычагами, чтобы не задеть какую-нибудь колонну. Первый коридор он прошел удачно, а во втором возникли проблемы. Перегруженный корпус подводного аппарата перестал реагировать на управление и стал медленно крениться набок. Завала с трудом удерживал машину, но в самом конце коридора, когда он попытался выровнять субмарину та задела одну из колонн, и ее хвостовая часть стала оседать вниз.

Остин подплыл к стене тоннеля и попытался остановить лодку, а Завала тем временем притормозил аппарат. Остин направился к кабине.

– Слушай, старик, тебе нужно серьезно заняться практикой вождения.

– Извини, – потупился Завала, – но с таким грузом эта штука становится неуправляемой, как перегруженная надувная лодка.

– И все же постарайся не забывать, что ты не за рулем своего «корвета».

Завала ухмыльнулся:

– Да, жаль, что это не так.

Остин придирчиво осмотрел корпус субмарины, потом проверил состояние пассажиров, – все испуганно Держались за сетку, – и только после этого поплыл к следующему ряду колонн. Субмарина стала медленно пробираться по узкому коридору, он с замиранием сердца следил за аппаратом. Завала уверенно поддерживал равновесие судна и

успешно преодолел еще семь рядов. Остин прикинул в уме, что осталась самая малость – всего лишь три ряда колонн.

Однако, подплыв к следующему ряду, он сразу понял, что именно здесь их подстерегает главная опасность. То, что он увидел, повергло его в уныние. Без средней колонны, которую он срезал, две оставшиеся опоры изогнулись, как ножки старого стола, а какое-то движение заставило его поднять голову вверх. Сквозь мелкие трещины в потолке с шипением пробивались мелкие пузырьки воздуха. Не надо было быть опытным инженером-строителем, чтобы сообразить, что происходит. Оставшиеся колонны не выдерживали огромный вес ледника и быстро разрушались. Было ясно, что потолок может рухнуть в любую минуту и навсегда погребет под собой и аппарат, и всех находящихся на нем людей.

– Джо, у нас тут серьезные проблемы, – сообщил он другу, стараясь сохранять спокойствие.

– Догадываюсь, – ответил Завала и прильнул к стеклу, чтобы получше разглядеть опоры. – Эти опоры напоминают мне ноги старого ковбоя. Есть идеи, как нам прорваться?

– Примерно так, как совокупляются дикобразы. Ос-то-рож-но. И позаботься о том, чтобы субмарина шла строго по моим следам.

Остин поплыл мимо изогнувшихся под тяжестью потолка металлических опор, оценивая попутно то расстояние, которое оставалось с обеих сторон. Затем он повернулся назад, прищурился от яркого света фар и дал знак Завале медленно продвигаться вперед. Тот ловко провел вездеход между колоннами, не задев ни одну из них. Казалось, опасность позади, но в этот момент случилось непредвиденное: свисавшая с палубы субмарины рыболовная сеть, за которую держались спасенные люди, зацепилась за срезанный Остином край средней колонны. Завала, конечно, почувствовал, что лодка притормозила, и автоматически поддал газу.

Это было худшее, что он мог сделать. Лодка замерла на мгновение, словно не находя в себе сил преодолеть неожиданное препятствие, потом конец сетки соскользнул с обрубка колонны, и машина рванула вперед, обрушившись всей своей массой на колонну в следующем ряду. Завала тут же нажал на тормоз, но было поздно. Колонна не выдержала удара и с треском прогнулась. Остин с ужасом наблюдал за разворачивающейся на его глазах катастрофой. С потолка посыпались камни вперемежку с тучей воздушных пузырей.

– Живее! – закричал он в микрофон. – Потолок рушится!

В шлеме Остина зазвучали мелодичные испанские проклятия. Завала нажал до упора педаль скорости и попытался проскочить к следующему ряду колонн. Субмарина пронеслась мимо Остина, едва не задев его своим корпусом, а он успел схватиться руками за рыболовную сеть и помчался вместе с лодкой вперед, как голливудский каскадер в сцене погони.

Завала в этот момент больше думал о скорости, чем о маневренности аппарата, и задел боком очередную опору. Удар был не очень сильный, но колонна согнулась и наклонилась к стене тоннеля. Остин к этому времени уже взобрался на корпус судна и с тревогой наблюдал, как субмарина завиляла хвостом, потом все же выровнялась и помчалась вперед.

Впереди оставался еще один проход. Завала ловко миновал его, не задев ни одну из колонн, но предыдущие ошибки было не исправить: потолок тоннеля трещал, вниз сыпались камни, вслед за которыми хлынули потоки грязной воды, скопившейся в скрытых резервуарах ледника. Тысячи тонн камней, песка и воды обрушились в узкое пространство тоннеля и создали такую мощную волну, что субмарину бросило вперед, как щепку в бурном потоке. Волна устремилась к выходу, неся с собой подводный аппарат вместе с людьми.

Не зная о разворачивающейся под ледниковым щитом драме, группа технических работников уже отправилась обратно к ожидавшим их вертолетам, и только один человек остался у входа в тоннель. Он должен был дождаться аппарата с людьми в тоннеле и вышел на поверхность подышать свежим воздухом, когда изнутри послышался быстро нарастающий гул. Его ноги отреагировали быстрее, чем голова, и унесли хозяина прочь от

входа. В ту же секунду из недр пещеры со страшным грохотом вылетел подводный аппарат вместе с потоком грязной воды и камней. Вода мгновенно разлилась по окрестному пространству, оставив машину на земле. До смерти напуганные люди стали падать с платформы, с трудом развязывая крепежные канаты. Они срывали дыхательные аппараты и жадно вдыхали свежий воздух, кашляя и хватаясь руками за горло.

Завала опрометью выскочил из кабины и припустился обратно к тоннелю. Увидев вырвавшуюся оттуда вторую, менее мощную волну, он отскочил в сторону и с тревогой посмотрел в сторону судна. Волна выбросила на землю переворачивающуюся и отчаянно сопротивляющуюся фигуру в оранжевом водолазном костюме. Лицо Остина было покрыто синяками, шлем слетел с головы, а поток воды все швырял его из стороны в сторону, как легкий мяч на поверхности бурной реки.

Завала бросился другу на помощь, подхватил под руки и попытался поставить на ноги. Остин покачивался, как пьяный, а его глаза казались мутными, словно серый мрамор. Выплюнув грязную воду, он отряхнулся, как промокшая собака, а потом посмотрел на друга:

– Джо, я ведь говорил: тебе нужно что-то делать со своим вождением.

*** * ***

Французская спасательная команда прибыла только через час. Огромный вертолет плюхнулся перед входом в здание электростанции, и, как только колеса коснулись земли, из чрева машины стали энергично выпрыгивать крепкие альпинисты со своими канатами, карабинами и другим спасательным снаряжением. Их командир позже объяснил, что они притащили с собой альпинистское снаряжение, так как думали, что люди застряли на вершине ледника, а не под ним. А когда узнал, что в их помощи никто не нуждается, равнодушно пожал плечами и философски заметил, что даже самая профессиональная горноспасательная команда беспомощна в условиях подводной работы. Затем он откупорил пару бутылок шампанского, которое предусмотрительно захватил с собой, разлил по стаканам, поднял свой и сказал, что на их век работы еще хватит. Дескать, люди в горах часто оказываются в беде и попадают в такие ситуации, из которых можно выпутаться только с помощью горных спасателей.

После импровизированного торжества Остин проследил за тем, чтобы подводный аппарат в целости и сохранности доставили на борт «Маммичага», а потом вместе с Завалой вернулся на территорию электростанции. Спасенных уже отвели в теплое помещение, где они могли принять душ и получить горячую еду. Вскоре все собрались в рекреационной комнате, одетые в чужую, но чистую и теплую одежду, и принялись рассказывать о своих приключениях.

Репортеры прокрутили видеозапись о нападении на Рено, но она оказалась слишком плохого качества; можно было разглядеть сильно размытое лицо преступника с пистолетом в руке. Эта видеозапись мало что объяснила присутствующим, кроме столкновения между вооруженным человеком и Рено. Остин время от времени прикладывал к своим синякам и ссадинам холодную бутылку бельгийского пива, которую ему принесли из буфета электростанции. Он сидел, обхватив подбородок обеими руками, и чувствовал, как нарастает его злость по поводу случившегося. Скай и ее товарищи по несчастью довольно подробно рассказали о том, как в результате преступной беспечности и возмутительного головотяпства оказались на грани смерти и лишь чудом остались в живых.

– Это дело полиции, – решительно заявил управляющий электростанцией Друэ, выслушав их до конца. – Следует немедленно доложить об этом властям.

Остин с трудом придержал язык за зубами, подумав: ко времени появления здесь жандармов все следы будут смыты, как грязь с бетонного пола.

Рено нервно ерзал на стуле и мечтал поскорее убраться подальше. Поглаживая раненую руку, словно это была смертельная рана, он первым выскочил из здания электростанции и первым занял место в вертолете. Роулинс и репортеры сделали все возможное, чтобы

детально прояснить происшествие, которое представлялось более важным, чем находка замерзшего во льду человека. Репортеры позвали пилота того самого гидросамолета, который доставил их на ледник.

Пилот прояснил им только одну загадку. По его словам, он дожидался на озере журналистов, которые должны были вернуться из-под ледника, когда на берег на «ситроене» Леблана приехал крупный мужчина из числа его пассажиров. Тот сказал, что остальные репортеры решили остаться там на ночь, а ему, мол, нужно срочно доставить полученный материал.

Скай долго смотрела, как гидросамолет разогнался по водной глади озера, взмыл в воздух и вскоре скрылся за вершиной горы, а потом громко рассмеялась:

– Вы видели Рено? Он растолкал всех раненой рукой, чтобы первым забраться на борт самолета.

– Ваш насмешливый тон позволяет предположить, что вы не очень расстроились из-за того, что он покинул нас, – заметил Остин.

Она сделала вид, что стряхивает грязь с рук:

– Хорошая добавка к старому хламу, как любил говорить мой отец.

Лессар стоял рядом со Скай и с грустным видом наблюдал, как самолет взлетел в воздух и направился в сторону долины, расположенной между двумя вершинами горы.

– Ну что ж, месье Остин, я должен вернуться к работе, – сообщил он печально. – Остается поблагодарить вас за те волнующие минуты, которые вы доставили нам вместе со своими друзьями. Вы внесли заметное оживление в нашу тоскливую жизнь в этом пустынном месте.

Остин схватил руку Лессара и крепко пожал ее.

– Эта спасательная операция была бы невозможна без вашей помощи. Надеюсь, вы не останетесь здесь надолго в гордом одиночестве. Как только весть о сегодняшних событиях выйдет за пределы этого ледника, вас постоянно будут опекать досужие журналисты. Кстати, вас и полицейские не оставят в покое.

На лице Лессара появилось некоторое оживление.

– Вы действительно так считаете? – заулыбался он. – Если позволите, я сейчас же отправлюсь в свой офис, чтобы подготовиться к встрече гостей. Кстати, могу дать грузовик, который доставит вас на озеро.

– Я пройдусь вместе с вами, – сказала Скай. – Хочу забрать вещи, которые остались на электростанции.

– Этот джентльмен, судя по всему, не очень доволен пятнадцатью минутами славы, – заметил Завала, когда Лессар оставил их одних. – Ну ладно, если мои услуги тебе больше не нужны…

Остин положил руку на плечо друга.

– Только не говори, что хочешь покинуть эти чудесные места и вернуться в Шамони к своей даме и французским кондитерским изделиям.

Завала проводил удалявшуюся Скай долгим взглядом.

– Похоже, я не единственный, кто почувствовал вкус к местным деликатесам?

– Но ты далеко обошел меня в этом деле, Джо. У нас с этой молодой леди даже первого свидания не было…

– Ну что ж, не буду мешать развитию поистине романтических отношений.

– Я тоже, – сказал Остин, с улыбкой провожая друга к вертолету. – До скорой встречи в Париже.

Глава 11

Пробки на дороге были чудовищными даже по вашингтонским стандартам. Пол Траут сидел за рулем своего автомобиля марки «Хамви» и грустно смотрел на растянувшийся на многие километры ковер автомашин, покрывавший все пространство Пенсильвания-авеню.

Потом он неожиданно повернулся к Гэмей и сказал:

– Мои жабры начинают закрываться.

Гэмей закатила глаза, как обычно делают жены, давно привыкшие к эксцентричным выходкам своих мужей Она уже знала, что последует дальше. Члены семьи Пола как-то предупредили ее полушутя, что, когда Траут слишком долго находится вдали от своего родового поместья, он начинает задыхаться от нехватки воздуха, будто выброшенная на берег рыба. Поэтому она ничуть не удивилась, когда он, грубо нарушив все правила дорожного движения, резко развернул машину на 180 градусов и покатил в обратном направлении.

Пока Пол маневрировал на запруженной дороге, как будто участвовал в военной операции «Буря в пустыне», она позвонила по мобильному телефону в аэропорт и зарезервировала два билета, а потом связалась с офисом агентства НАПИ и сообщила, что их не будет на работе несколько дней. Вскоре Трауты вихрем примчались в свой дом в районе Джорджтауна, быстро собрали вещи в дорогу и рванули в аэропорт.

Через пару часов после того, как их самолет приземлился в аэропорту Бостона, они добрались до Кэйп-Кода и неторопливо шли по Уотер-стрит в поселке Вудс-Хол, где родился и вырос Траут. Главная улица поселка пролегала между соленым озером и гаванью, растянувшись почти на четверть мили. По обеим сторонам возвышались дома и постройки, выделенные местными властями для сотрудников морских и экологических научных институтов.

Наиболее таинственным и загадочным из всех этих исследовательских учреждений был всемирно известный Океанографический институт. Неподалеку от него в здании из кирпича и гранита расположилась Морская биологическая лаборатория, научные программы которой, а также уникальная библиотека, состоящая из двухсот тысяч томов, привлекали ученых всего мира. На самой окраине поселка уютно расположились Институт геологических исследований США и дюжина морских образовательных учреждений и частных компаний, занимавшихся производством высокотехнологичного подводного снаряжения и оборудования для океанографов всего мира.

Легкий бриз накатывал со стороны гавани и дальше, от острова Елизаветы. Траут остановился на небольшом мосту и вдохнул приятный соленый воздух, подумав при этом, что почти не лукавил, сказав, что его жабры закрываются от городского воздуха. Здесь он снова мог дышать полной грудью.

Траут родился в семье местного рыбака, и его семья по сих пор владела длинным коттеджем в Кэйп-Коде, где он вырос. А колыбелью для его интеллекта стал Океанографический институт. Еще будучи подростком, он часто выполнял мелкие поручения сотрудников этого института и именно благодаря их влиянию занялся глубоководной геологией, что в конечном итоге привело его в агентство НАПИ, в отряд специального назначения.

В течение нескольких часов после прибытия Пол посетил родной дом, пообщался кое с кем из родственников, а потом направился с Гэмей в небольшой местный бар, где прекрасно знал всех и каждого. После этого он решил навестить давних друзей. Трауты побывали в лаборатории глубоководных исследований, где один из коллег познакомил Пола с новейшими разработками в области создания подводных плавательных аппаратов. В самый разгар разговора неожиданно зазвонил телефон.

– Это тебя, – удивился его друг, протягивая трубку. На другом конце провода послышался громкий голос:

– Привет, Траут, это Сэм Осборн. Совершенно случайно услышал на почте, что ты приехал в наш городок. Как дела у тебя и у твоей очаровательной супруги?

Осборн был фитологом, одним из наиболее авторитетных в мире специалистов в области альгологии – науки, изучающей свойства водорослей. После многих лет преподавательской работы он до сих пор говорил на два или три децибела громче, чем обычные люди.

Траут не стал выяснять, каким именно образом Сэм узнал о его приезде в поселок. В таком небольшом местечке, как Вудс-Хол, все было на виду.

– Все в порядке, спасибо. Очень рад, что вы позвонили, доктор Осборн.

Тот натужно прокашлялся:

– Собственно говоря, я звонил не тебе. Мне бы хотелось поговорить с твоей женой.

Траут улыбнулся:

– Прекрасно понимаю вас, доктор Осборн. Гэмей более привлекательна, чем я.

С этими словами он передал трубку жене. Гэмей Мортон-Траут действительно нравилась мужчинам, хотя никогда не считалась безумно красивой или слишком сексуальной. У нее была очаровательная улыбка, а небольшая щель между верхними зубами делала ее похожей на выдающуюся актрису и модель Лорен Хаттон. Высокая, она была чрезвычайно изящной для своего роста, хотя и весила около 135 фунтов. У нее были длинные, красноватого оттенка волосы, из-за чего ее отец, который занимался винной торговлей, назвал дочку в честь знаменитого винограда сорта божоле.

Благодаря своему характеру, более открытому и общительному, чем у мужа, Гэмей легко находила общий язык с людьми. Ее отец был весьма предприимчивым торговцем, который выработал у дочери способность держаться на равных с мужчинами и не уступать им ни в чем. С детства Гэмей прекрасно плавала, ныряла и стреляла.

Какое-то время она молча слушала, а потом сказала:

– Мы немедленно приедем. – Положив трубку, повернулась к мужу: – Доктор Осборн попросил нас приехать в МБЛ. Сказал, что это очень срочно.

– Для Сэма все очень срочно, – улыбнулся Пол.

– Ладно, ладно, не стоит иронизировать только потому, что он предпочел поговорить со мной.

– В моем теле просто нет места для иронии, – сказал Пол, поглаживая руку Гэмей.

Попрощавшись с коллегой, они вместе вышли на Уотер-стрит. Через несколько минут супруги уже поднимались по широким ступенькам в здание исследовательской лаборатории «Лилин».

Доктор Осборн уже ждал их в просторном вестибюле. Он крепко пожал руку Полу и дружески обнял Гэмей, которую помнил еще в качестве своей студентки, когда она изучала морскую биологию в Институте океанографии в Калифорнии. Осборну было под пятьдесят, но серебристые курчавые волосы беспорядочно, как в молодости, свисали до плеч. Он был крупным, ширококостным мужчиной с большими руками рабочего, которые, казалось, больше были приспособлены для работы мотыгой, чем для деликатных экспериментов с морскими растениями, на чем он специализировался много лет.

– Спасибо, что навестили, – обрадовался он. – Надеюсь, не навязал вам свое общество.

– Абсолютно нет, – весело улыбаясь, ответила Гэмей. – Всегда рада видеть вас.

– Возможно, вы измените свою точку зрения, когда услышите то, что я собираюсь вам сообщить, – предупредил Осборн с загадочной улыбкой.

После традиционного обмена приветствиями он повел их в свой офис. Хотя МБЛ была известна всему миру первоклассным исследовательским оборудованием и научной библиотекой, лаборатория морского растениеводства мало соответствовала этой репутации. По серым потолкам змеились старые трубы, двери кабинетов потемнели от времени, и вообще это здание казалось старым и обветшавшим.

Осборн почти втолкнул Траутов в свой кабинет и плотно прикрыл за собой дверь. Гэмей помнила, что рабочее место доктора Осборна всегда отличалось аккуратностью и изумительным порядком, и теперь она убедилась, что время не изменило привычек хозяина. В то время как многие профессора его уровня по привычке окружали себя кипами докладов и отчетов, здесь все находилось в идеальном порядке. На большом чистом столе стоял компьютер, рядом три стула, два из которых предназначались для посетителей. Единственным дорогим предметом в этом кабинете была японская кофеварка, которую Осборн привез из командировки.

Он подошел к столу и налил три чашки крепкого зеленого чая, после чего поинтересовался их делами. Выслушав традиционный ответ, уселся за стол и пристально посмотрел на них.

– Прошу прощения за напористость, но времени мало, поэтому сразу перейду к делу. – Он откинулся на спинку стула, потер пальцы рук и обратился к Гэмей: – Будучи морским биологом, вы, вероятно, знаете растение под названием каулерпа таксифолия?

Гэмей получила ученую степень по морской археологии в университете Северной Каролины, после чего резко изменила направление научной деятельности и поступила на работу в МБЛ, где вскоре защитила докторскую диссертацию по морской биологии. Сейчас она улыбнулась, вспомнив лекции профессора Осборна, который славился своей привычкой задавать вопросы в форме утверждения.

– Каулерпа – это разновидность водорослей, которая обитает в тропиках, хотя иногда ее можно увидеть даже в домашних аквариумах.

– Верно. И вы, несомненно, знаете, что популяции этих растений, которые так хорошо себя чувствуют в холодной воде в каком-нибудь аквариуме, порождают весьма серьезные проблемы в прибрежных районах океана?

Гэмей кивнула:

– Да, это убийца морской флоры. Эти водоросли уничтожили практически все морские растения в Средиземном море и быстро распространяются по всему миру. Тропические водоросли обычно не живут в холодной морской воде, но эта разновидность каким-то образом адаптировалась и постепенно завоевывает весь мир.

Осборн повернулся к Полу:

– Растение, о котором мы говорим, было выпущено в воду возле Океанографического музея в Монако в 1984 году. С тех пор оно распространилось на площади тридцать тысяч гектаров в прибрежных водах шести средиземноморских стран, а сейчас его экспансия стала важнейшей проблемой даже для Австралии и Сан-Диего. Оно распространяется со скоростью лесного пожара, но проблема заключается не только в скорости… Колонии каулерпы отличаются исключительной живучестью и в течение короткого времени покрывают зеленым ковром все пространство морского дна, уничтожая тем самым и флору, и фауну. Весь растительный и животный мир океана остается без солнечного света и кислорода. Кроме того, распространение каулерпы уничтожает уникальные виды со всеми вытекающими для экосистемы последствиями.

– И что, нет никаких способов эффективной борьбы с этой штукой?

– В Сан-Диего добились некоторого успеха с помощью брезента, которым покрывали разросшиеся поляны, и хлорки, которую закачивали в воду и придонный ил, чтобы разрушить корневую систему каулерпы. Однако эта техника является совершенно бесполезной на больших пространствах и на большой глубине. Сейчас пытаются остановить распространение «сорняка» посредством целенаправленной работы с продавцами водорослей для домашних аквариумов и даже обрабатывают камешки, которые могут быть заражены этими организмами.

– И у нее нет естественных врагов? – удивился Траут.

– Этот вид имеет на редкость сложные защитные механизмы. Каулерпа содержит токсины, которые представляют опасность для всех травоядных. Она не погибает даже холодной зимой.

– Похоже на какого-то монстра, – заметил Траут.

– Еще какого! Новую колонию может основать совершенно крохотный фрагмент, и слава Богу, что они не способны размножаться половым путем, как их дикие собратья. Но вы только представьте, что будет, если они начнут откладывать яйца на огромные расстояния.

– Да, не очень приятная перспектива, – согласилась Гэмей. – Тогда их невозможно будет остановить.

Осборн снова повернулся к Полу:

– Будучи океанским геологом, вы, должно быть, слышали о Затерянном городе?

Траут был рад перевести разговор из сферы малознакомой ему биологии в ту область, где считал себя знатоком.

– Это область гидротермальных источников, расположенная вдоль Атлантического хребта. Выталкиваемый на поверхность морского дна материал образовал со временем высокие башни, которые отдаленно напоминают городские небоскребы. Отсюда и название. Я читал специальные исследования на эту тему. Удивительная история. Мне бы очень хотелось побывать там хотя бы раз…

– Вскоре вы сможете получить такую возможность, – заявил Осборн.

Пол и Гэмей удивленно переглянулись.

Осборн весело захихикал, перехватив их растерянный взгляд.

– Идемте, – пригласил он, вставая со стула.

Все трое вышли из кабинета и, сделав несколько поворотов в длинном и узком коридоре, оказались в небольшой лаборатории. Осборн подошел к высокому металлическому шкафу, открыл дверцу висевшим на ремне ключом и вынул оттуда стеклянный цилиндр двенадцати дюймов в высоту и шести дюймов в диаметре. Верх цилиндра был плотно закрыт и запечатан. Он поставил сосуд на стол под лампу. Контейнер был сверху донизу заполнен какой-то серовато-зеленой субстанцией.

Гэмей наклонилась над сосудом и удивленно спросила:

– Что это за дрянь?

– Прежде чем я отвечу на ваш вопрос, – улыбнулся Осборн, – хотел бы рассказать одну историю. Несколько месяцев назад сотрудники МБЛ принимали участие в совместной с Институтом океанографии экспедиции к Затерянному городу. Там все было заполнено множеством необычных микробов и той субстанцией, которую они производят в течение жизни.

– Сочетание тепла и обилия химических элементов можно сравнить с теми условиями, которые существовали при зарождении жизни, – задумчиво сказала Гэмей.

Осборн кивнул:

– Во время экспедиции наш подводный аппарат «Элвин» собрал образцы морских водорослей. Так вот, в этом сосуде находятся мертвые экземпляры тех самых водорослей.

– Но стебли и лепестки лишь слегка напоминают каулерпу, – усомнилась Гэмей. – Они какие-то другие.

– Очень хорошо, – поддержал ее Осборн. – Этот вид насчитывает около семидесяти разновидностей каулерпы, включая и те, которые вы могли видеть в зоологическом магазине. До настоящего времени изучены далеко не все разновидности, из них всего пять отличаются чрезвычайно экспансивным поведением. А это совершенно неизвестные науке образцы. Я назвал их каулерпа горгона.

– Водоросль-горгона. Мне нравится это название.

– Боюсь, что вы измените свое мнение, когда узнаете о свойствах этой инфернальной гадости столько же, сколько знаю я. В строго научном смысле мы сейчас наблюдаем мутанта, произошедшего от вида каулерпа. Так вот, в отличие от многих своих сородичей этот мутант способен размножаться половым путем!

– Значит, эта горгона может посылать семя как угодно далеко. Это может оказаться очень серьезной проблемой.

– Уже оказалось. Это растение каким-то образом соединилось с таксифолией и сейчас быстро замещает ее. Горгону уже обнаружили близ Азорских островов, а некоторые образцы даже на побережье Испании. Рост и распространение этого мутанта не имеют себе равных и могут считаться феноменальными. Откровенно говоря, уже сейчас можно говорить о взрывообразном расселении. Огромные пласты этой биомассы легко передвигаются по поверхности Атлантического океана, заселяют новые пространства и скоро смогут образовать единое поле.

Пол присвистнул от удивления:

– Значит, эта гадость может покрыть собой весь океан?

– Да, но это еще не самое страшное. Таксифолия создает ровный и довольно плотный ковер из водорослей. Как и мифологическая горгона Медуза, которая своим взглядом могла превратить человека в камень, эта горгона постепенно превращается в толстую сплошную биомассу. Ничто не может существовать там, где поселилась эта зараза.

Гэмей, не в силах отвести взгляд от прозрачного цилиндра, с ужасом думала о том, что может произойти с Мировым океаном.

– Фактически вы говорите о печальной судьбе всех океанов.

– Полностью отдаю себе отчет в том, что такое возможно. В течение относительно короткого времени горгона распространится вдоль побережья теплых стран и вызовет там настоящую экологическую катастрофу. – Осборн неожиданно перешел на шепот: – Это неизбежно повлияет на климат, может вызвать обширную засуху, и голод. В результате этого нашествия может полностью прекратиться морская торговля, а народы, жизнь которых зависит от океанского протеина, начнут постепенно вымирать. Начнутся политические потрясения и массовые восстания по всему миру, богатые и бедные сплотятся в ожесточенной борьбе за продовольствие.

– Кто еще знает об этом? – угрюмо спросил Пол.

– На морских судах, конечно, видели поля этой заразы, но относятся к ней, как к какому-то недоразумению, а за пределами этой лаборатории лишь несколько моих коллег в нашей стране и за рубежом осознают всю меру опасности.

– А не стоит ли познакомить с этой проблемой мировое сообщество, чтобы люди могли сообща бороться против этой угрозы? – спросила Гэмей.

– Конечно, но не хотелось бы сеять панику до тех пор, пока не закончены исследования. Сейчас я готовлю доклад, который представлю на следующей неделе в такие крупные и компетентные организации, как НАПИ и ООН.

– Вы можете хоть как-то ускорить эту работу? – озадаченно спросила Гэмей.

– Конечно, но здесь есть одна проблема. Поскольку речь идет о биологическом контроле, это, как всегда, может вызвать настоящую войну между научным сообществом, заинтересованным в продолжении исследований, и теми, кто выступает за немедленное уничтожение любой опасности. Радикально настроенные люди хотят решать подобные проблемы мгновенно. При этом они готовы использовать весь арсенал оружия, который находится в их распоряжении. Если эта информация выйдет наружу, исследования станут практически невозможны ми: нас начнут обвинять в том, что мы распространяем заразу. – Осборн задумчиво посмотрел на прозрачную колбу. – Это существо не какая-нибудь крабовая трава, рожденная в океане. Я твердо убежден, что мы научимся успешно бороться с этой бедой, создадим эффективное оружие. А пока мы не представляем в точности, с чем имеем дело, любая попытка безрассудного уничтожения окажется бесполезной.

– И чем может помочь вам НАПИ? – поинтересовалась Гэмей.

– Сейчас готовится еще одна экспедиция в район Затерянного города. Научно-исследовательское судно «Атлантис» уже практически готово и на этой неделе должно прибыть в пункт назначения вместе с субмариной «Элвин». Надо попытаться исследовать тот участок океанского дна, где, по всей вероятности, и произошла мутация. Как только мы узнаем конкретные условия подобного преобразования, то сможем без особого труда найти «противоядие». А я сейчас постараюсь как можно скорее закончить лабораторные исследования и присоединиться к экспедиции. Когда я услышал, что вы приехали в наш городок, я воспринял это как добрый знак Вы можете привнести в нашу работу прекрасное сочетание разных отраслей знания. Как насчет того, чтобы присоединиться к этой экспедиции? Это отнимет у вас несколько дней.

– С огромным удовольствием. Конечно, придется получить разрешение от нашего начальства, но с этим не должно быть проблем.

– Я вам полностью доверяю. Как только мы получим нужные образцы, я закончу свой доклад и вместе с зарубежными коллегами представлю его мировому сообществу.

– Где сейчас находится «Атлантис»? – спросил Пол.

– Возвращается из какой-то экспедиции. Завтра он сделает остановку на Азорских островах для заправки горючим. Вы можете лететь прямо туда.

– Это вполне реально, – заметил Пол, немного подумав. – Сегодня вечером вернемся в Вашингтон, а утром отправимся туда. – Он посмотрел на прозрачный цилиндр. – У всех нас действительно будут серьезные проблемы, если эта гадость выползет из бутылки.

Гэмей тоже уставилась на зеленоватое вещество.

– Боюсь, что его гены уже выползли. Теперь наша задача заключается в том, чтобы загнать их обратно.

Глава 12

– Горгона? – удивился Остин. – Это что-то новое. Эта штука действительно так опасна, как говорит ваш друг?

– Вполне возможно, – ответила Гэмей. – Доктор Осборн чрезвычайно обеспокоен этим растением, и я ему вполне доверяю.

– А что вы сами думаете по этому поводу?

– Это действительно повод для беспокойства, но ничего определенного не могу сказать до тех пор, пока мы не получим дополнительные данные из Затерянного города.

Гэмей позвонила Остину на судно «Маммичаг», извинилась, что подняла его с постели, и сообщила, что они с Полом отправляются на исследование Затерянного города и хотели поставить его как начальника в известность относительно своих дальнейших планов.

– Спасибо, что предупредили, – отозвался Остин, – но полагаю, что мы должны поделиться этой новостью с Дирком и Руди. – Дирк Питт унаследовал от адмирала Сэндекера пост главы НАПИ, а Руди Ганн отвечал за организацию и проведение текущих операций агентства.

– Пол уже переговорил с обоими. В НАПИ есть несколько биологов, которые работают над проблемой каулерпы.

ОСТИН улыбнулся:

– Интересно, почему меня нисколько не удивляет, что Дирк опережает нас на один шаг?

– Только на полшага, – поправила она. – Он понятия не имел о связи этого растения с Затерянным городом и будет ждать нашего сообщения о результатах исследования.

– Я тоже. Желаю удачи. Держите меня в курсе.

Положив трубку, Остин почему-то вспомнил слова Томаса Элиота: «Так кончается мир, не взрывом, а хныканьем».

Довольно слезливое хныканье, учитывая обстоятельства.

Пол и Гэмей вполне могли справиться с возникшей ситуацией, а он ничем сейчас не мог помочь им. Поэтому Остин решил заняться привычной тщательной инспекцией подводного аппарата. Вскоре он пришел к заключению, что, несмотря на отдельные царапины и вмятины, в целом аппарат в лучшем состоянии, чем он сам. Сев в кабину, он проверил работу всех систем. К счастью, все работало исправно. Удовлетворившись осмотром, Курт зашел в рубку, налил две чашки кофе и спустился вниз, где постучал в дверь каюты Скай.

«Маммичаг» являлся довольно скромным по размерам судном, конструкторы предусмотрели лишь небольшие каюты для членов экипажа и исследователей, в которых люди могли бы уединиться хоть на короткое время. Скай уже была на ногах, полностью одета. Она сразу открыла дверь и приветливо улыбнулась, увидев на пороге Остина.

– Доброе утро, – поздоровался тот, протягивая ей чашку горячего кофе. Он заметил у нее темные круги под глазами. – Вы хорошо спали?

– Не очень, – откровенно призналась та. – Мне снились кошмары, в которых я снова была погребена под многотонной толщей льда.

– У меня есть проверенное средство от кошмаров, – улыбнулся он. – Как насчет того,

чтобы повнимательнее изучить содержание гробницы?

Она мгновенно просияла.

– Как может нормальная женщина в здравом уме отказаться от такого заманчивого предложения?

– В таком случае прошу за мной. Колесница уже ждет нас.

Через несколько минут подводный аппарат спускался под воду между двумя корпусами катамарана. Освободившись от поддерживающего контейнера, субмарина еще какое-то время кружила вокруг собственной оси, выбирая то положение, которое нужно было зафиксировать в навигационной системе, а потом стала медленно погружаться под воду.

Чистая вода озера окутала прозрачную кабину субмарины, и через несколько минут исследователи уже направили аппарат по следам мегалитов к местоположению гробницы. Остин притормозил у входа, убедился, что все камеры работают нормально, а потом нажал на рычаг горизонтального подъема. Субмарина приподнялась и осторожно вошла в темное пространство древней погребальной камеры.

Мощные фонари подводной лодки так и не смогли осветить самую дальнюю стену гробницы, наводя на мысль о том, что она была огромной. Да и потолок оказался настолько высоким, что исчезал в сумраке подводного царства. Осторожно продвигаясь вглубь усыпальницы, Остин старался придерживаться правой стены, освещая ее лучами фонарей. Они разглядели какие-то странные узоры и вырезанные в камне барельефы. На древних изображениях проступали контуры лодок с веслами, силуэты домов, пасторальные сцены с высокими пальмовыми деревьями и цветами, аккуратными фигурками танцующих мужчин и женщин. Помимо всего прочего, там были изображены летающие рыбы и взмывающие вверх дельфины. По форме лодки напоминали какие-то древние суда, а изображенные на стене люди были хорошо одеты и, судя по всему, вовсю наслаждались жизнью.

Скай наклонилась вперед и прижалась лицом к сферической поверхности кабины, как ребенок в ожидании подарка на Рождество.

– «Я вижу прекрасные вещи», – процитировала она первые слова Говарда Картера, которые тот произнес в момент открытия гробницы Тутанхамона.

А Остин все это время напряженно вглядывался в рисунки и барельефы и никак не мог отделаться от мысли, что все это ему почему-то знакомо, все эти сцены он видел.

– Я уже был здесь, – сообщил он.

– Здесь? – изумилась Скай. – В этой гробнице?

– Нет, не здесь… на Фарерских островах в Северной Атлантике. Стиль этих рисунков и барельефов практически полностью совпадает с тем, что я видел в той пещере. Что вы можете сказать о содержании?

– Может быть, это покажется вам глупым, но они похожи на минойские изображения. Нечто подобное было обнаружено во время раскопок в Акротире на острове Санторин или на острове Крит. Минойская цивилизация достигла своего расцвета примерно в 1500 году до нашей эры. – Скай выговорила это с таким трудом, словно изнемогала от бремени ответственности за каждое сказанное слово. – Вы понимаете, что это означает? – прошептала она с волнением. – Что эти изображения, как, впрочем, и те, которые вы видели в Северной Атлантике, были сделаны минойцами.

– И это можно представить как недостающее звено в вашей теории международной торговли?

– Верно, – подтвердила она. – Это открытие подтверждает, что торговля между древними народами Востока и Запада на самом деле началась намного раньше, чем считают современные исследователи. – Она хлопнула в ладоши. – Не могу дождаться того момента, когда продемонстрирую эту видеозапись своим высокомерным коллегам в Париже!

Субмарина тем временем уперлась в стену, развернулась и двинулась к выходу, но уже вдоль противоположной стены. На этой стороне наскальные рисунки изображали само озеро и возвышающийся над ним ледник. Однако в отличие от нынешних пустынных берегов там возвышались каменные постройки, напоминающие своей прямоугольной формой гробницу с

высокими узорчатыми арками. И только величественная масса ледника возвышалась в древние времена над озером, как и сейчас.

– Если верить собственным глазам, то, похоже, вы были правы: на берегах озера и в устье реки должно быть древнее поселение.

– Просто чудо, – прошептала Скай. – Эти рисунки можно использовать для составления подробной карты древнего поселения.

На рисунке ледовый щит покрывал гораздо большее пространство долины, чем сейчас, причем древний художник изобразил ледник во всем его величии и с неописуемой точностью. Субмарина обошла по периметру все пространство гробницы, но исследователи так и не обнаружили ни саркофагов, ни погребальной камеры.

– Я ошибалась, – огорченно подытожила Скай. – Это не гробница, это храм.

– Вполне разумное объяснение тому, что внутри нет ни могил, ни саркофагов, – согласился Остин. – Если нам здесь больше нечего делать, я хотел бы показать вам еще одну тайну этого озера. – Он развернул карту, отпечатанную с учетом показаний сонарного сканера, и показал ей пальцем на какой-то странный объект, покоившийся на дне.

– По форме напоминает корпус самолета, – догадалась Скай, пристально рассматривая изображение. – Но как он мог оказаться на дне? Постойте, неужели это имеет отношение к человеку в леднике?

Остин ответил загадочной улыбкой, а сам стал нажимать на рычаги, разворачивая аппарат. Когда они миновали проход, он снова повернул лодку и через несколько минут остановился у той самой точки, которая была означена на карте. Оба вперились в сумрачное пространство воды и вскоре действительно разглядели некий темный предмет.

Приблизившись, Остин обратил внимание, что деревянная рама самолета местами была покрыта кусками рваного и потемневшего от воды красного материала. Коническая часть самолета, где находился двигатель, была оторвана от корпуса и лежала в нескольких метрах от основной части аэроплана, смутно поблескивая в лучах фонарей. Холодная вода озера предохранила фюзеляж от наслоений, которые были бы неизбежны в теплой морской воде. Пропеллер куда-то исчез, возможно, просто-напросто разлетелся в щепки во время удара. Остин обошел вокруг корпуса, и в нескольких ярдах от него обнаружилось второе крыло. После этого он снова повернул субмарину к корпусу аэроплана. Скай показала ему на странную эмблему на хвосте.

– Я видела этот знак трехглавого орла на шлеме, который был найден рядом с тем замерзшим человеком.

– Жаль, что у нас нет его сейчас.

– Почему нет? Есть. Я захватила шлем с собой.

Остин вспомнил, что видел Скай в тот момент, когда она поднимала на борт подводной лодки какую-то сумку. Он уже не раз убеждался, что не следует недооценивать эту красивую женщину с очаровательной, как весеннее солнце, улыбкой. Когда она достала шлем, он долго смотрел на странного орла, а потом его взгляд снова упал на обломок фюзеляжа.

– Теперь мы знаем, откуда появился во льдах этот человек. Похоже, что он вывалился из этого аэроплана, а сама машина рухнула в озеро.

Скай ответила веселым смехом:

– Я только что вспомнила Рено. Он сказал, что этот человек не мог просто упасть с неба. И, как всегда, ошибся. Эта находка ясно показывает, что все произошло именно так.

Субмарина обошла вокруг затонувшего аэроплана, и все это время Остин щелкал цифровым фотоаппаратом и снимал на видео. После этого они стали подниматься на поверхность. Вскоре оба вышли на палубу катамарана Скай сияла от радости открытий, но внезапно помрачнела, поглядев на смутные контуры ледника. Она подошла к борту судна и уставилась на ледниковое поле.

Почувствовав резкую перемену в ее настроении, Остин подошел и по-дружески обнял ее за плечи.

– С вами все в порядке?

– Под водой было так тихо и спокойно, – задумчиво ответила Скай. – А потом мы поднялись наверх, и я увидела этот ледник… – она даже вздрогнула от неприятных воспоминаний, – и подумала, что чуть было не погибла под ледяной массой.

Остин пристально посмотрел в погрустневшие глаза Скай.

– Я, конечно, не психоаналитик, но всегда находил надежное средство от страха и горечи, – тихо сказал он. – Надо победить своего демона. Давайте устроим прогулку на лодке.

Столь неожиданное предложение быстро вернуло ее к реальности.

– Вы серьезно?

– Прихватите на кухне пончики и термос с кофе, а я буду ждать вас в лодке. Люблю поесть на лоне природы.

Скай явно сомневалась, но настолько доверяла Остину, что решила последовать совету. Пока она готовила кофе и заворачивала в бумагу пончики, Остин спустил на воду моторную лодку, и через некоторое время они отправились на ней в сторону берега. Там выбрали удобное место, причалили, вытащили лодку из воды на пляж, покрытый темным гравием. Они устроились в нескольких сотнях ярдов от того места, где ледник сужался, растрескиваясь на огромное количество мелких кусков, и исчезал в воде.

Короткая прогулка по берегу привела их к одной из сторон спускавшегося в озеро ледника. Нагромождение торосов возвышалось над долиной, как многоэтажный дом. Его поверхность была изрыта пещерами, расселинами и воронками, образовавшимися в результате таяния, замерзания и чудовищного давления многотонной массы льда. Местами лед был покрыт толстым слоем грязи, а иногда отсвечивал удивительно голубым оттенком, в особенности в тех местах, где были гроты, пещеры и расселины.

– Вот ваш демон, – улыбнулся Остин. – Теперь нужно подойти поближе и прикоснуться к нему руками.

Скай грустно усмехнулась, подошла к ледяному щиту и погладила пальцами шершавую поверхность, как будто перед ней было живое существо. Затем неожиданно положила на лед обе руки, подалась вперед и, закрыв глаза, прильнула ко льду всем телом, словно хотела оттолкнуть его от себя.

– Он очень холодный, – тихо заметила она.

– Это потому, что ваш демон – это всего-навсего огромная глыба льда, не более того. Точно так же я представляю себе море. Лед находится здесь вовсе не для того, чтобы охотиться за вами, он даже не знает о вашем существовании. Погладьте его, и ваш страх перед этим чудовищем быстро исчезнет. – Остин улыбнулся, а потом поднял вверх руку с пакетом. – Сеанс психоанализа закончен, а теперь пора перекусить.

Они прошли вдоль берега, нашли пару больших плоских камней и уселись на них лицом к озеру. Скай достала из пакета пончики и посмотрела на Остина:

– Спасибо за изгнание нечистой силы. Вы были правы, нужно посмотреть в глаза своему страху.

– Да, у меня есть опыт в подобных делах.

Она удивленно вскинула бровь:

– А я почему-то думала, что вам неведомо чувство страха.

– Это не совсем так. К примеру, я очень боялся, что не застану вас в живых.

– Спасибо вам за помощь, – потупилась Скай. – Я обязана вам жизнью, но на самом деле имела в виду совсем другое чувство страха. Мне кажется, вы совершенно не знаете страха, когда речь заходит о вас самом.

Остин наклонился к ней поближе и прошептал на ухо:

– Хотите знать один мой секрет?

Она кивнула.

– Я тут сделал одно доброе дело. Как вам мои пончики?

– Очень вкусно, но у меня почему-то закружилась голова. Так вы думаете обо всем этом?

Остин уставился на окутанный туманом корпус катамарана, вспомнил слова Коулриджа о нарисованном корабле на нарисованном море и попытался выстроить все, что знал, в одну логическую цепь.

– Давайте для начала вспомним все известные нам события. – Он отхлебнул кофе. – Работавшие под этим ледником ученые случайно обнаружили вмерзшее в лед тело и пришли к выводу, что оно пролежало там довольно долго. Неподалеку от тела были обнаружены шлем и металлический ящик. Потом какой-то человек, представившийся репортером, отнял ящик под угрозой применения оружия и в конце концов затопил тоннель. Очевидно, он ничего не знал о шлеме.

– Все верно, но здесь моя логика напрочь отказывается работать, – добавила Скай. – Почему он пытался убить нас? Мы ведь никак не могли помешать ему, тем более причинить какой-то вред. К тому времени, когда мы выбрались из тоннеля, он был уже далеко.

– Думаю, он затопил тоннель, чтобы скрыть от посторонних тело погибшего там человека, а вы с друзьями просто оказались случайной помехой на пути к этой цели. Мне кажется, здесь нет ничего личного, просто трагическое стечение обстоятельств.

Скай задумчиво откусила кусочек пончика.

– В этом есть что-то ненормальное. По крайней мере на мой взгляд. – Она замолчала, уставившись куда-то поверх плеча Остина. Вдали появилось облако пыли, которое быстро приближалось к ним. Когда через минуту облако рассеялось, они увидели, что к ним мчится «ситроен». Автомобиль остановился почти рядом с ними, и оттуда вышли Леблан, Торстон и Роулинс.

– Рад, что мы застали вас здесь, – заговорил Леблан, растянув в улыбке широкое лицо. – Я позвонил на судно, и мне сказали, что вы отправились на берег.

– Хотели попрощаться с вами, – добавил Торстон.

– Уезжаете? – удивилась Скай.

– Да, – гляциолог махнул рукой в сторону ледника. – Нет никакого смысла оставаться здесь, пока наша лаборатория затоплена. Мы возвращаемся в Париж. Вертолет подбросит нас до ближайшего аэропорта.

– В Париж? – воскликнула Скай. – А для меня у вас не найдется свободного местечка?

– Да, конечно, – обрадовался Леблан и протянул руку Остину. – Огромное спасибо, месье Остин, что спасли нас. Очень не хотелось оставлять сиротой мою «Фифи».

Она пока побудет на территории электростанции под присмотром Лессара. Нам нужно срочно переговорить с руководством станции насчет приведения в порядок нашей лаборатории. Думаю, мы вернемся сюда в следующем сезоне.

– Сожалею, что так быстро покидаю вас, – сказала Скай, повернувшись к Остину, – но мне здесь уже нечего делать, а дома я должна привести в порядок все свои данные и проанализировать их.

– Понимаю, – кивнул тот. – Наша миссия уже подходит к концу. Пока судно будет подниматься вверх по реке, я должен составить отчет о проделанной работе. А потом помчусь на ближайшую железнодорожную станцию, сяду на скорый поезд до Парижа и постараюсь успеть на наш ужин.

– Bien.[12] Только при одном условии – платить буду я.

– Ну как может нормальный человек отказаться от такого заманчивого предложения? Кроме того, вы должны показать мне город.

– С удовольствием, – рассмеялась Скай. – С огромным удовольствием.

Остин отвез Скай на борт судна, где она быстро собрала свои вещи, а потом снова доставил на берег, где ее уже ждал вертолет. Она поцеловала его в обе щеки, потом в губы, пообещала, что непременно позвонит из Парижа, а потом села в вертолет. Через несколько минут Остин был уже на середине озера. Над его головой с грохотом пронесся вертолет. Он

---

12 Хорошо *(фр.)*.

летел так низко, что Курт увидел, как Скай машет ему рукой из окна.

Вернувшись на борт судна, он вытащил из видеокамеры субмарины кассету и цифровой диск, пошел в лабораторию и перенес всю информацию в банк данных компьютера. После этого отпечатал на принтере несколько снимков, на которых хорошо получился фюзеляж аэроплана, и начал внимательно их рассматривать. Затем он сделал еще несколько фотографий и стал пристально вглядываться в обломки двигателя. Вскоре он нашел то, что так долго искал, – маркировку на металлической поверхности мотора. Увеличив изображение в несколько раз, Остин разобрал название производителя и заводской номер двигателя. Откинувшись на спинку стула, он долго рассматривал снимки, потом взял мобильный и набрал номер.

– Магазин летательных аппаратов «Орвилл и Уилбер», – послышался пронзительный голос.

Остин улыбнулся, представив себе орлиный нос и узкое лицо человека на другом конце провода.

– Меня ты не обманешь, Йен. Я точно знаю, что братья Райт давно уже закрыли свой магазин летательных аппаратов.

– Курт, черт возьми, я здесь ни при чем! Мне поручили сидеть на телефоне и отвечать частным клиентам. Поэтому я не могу тратить свое драгоценное время на какие-то мелочные разговоры.

Йен Макдугал когда-то служил морским летчиком, а потом стал заведовать архивным отделом Смитсоновского аэрокосмического музея. Это был архивный фонд, которому мог бы позавидовать любой академический институт. Работы Макдугала пользовались огромной популярностью и были широко известны во всем мире. Высокий и худощавый, Макдугал внешне был полной противоположностью низкорослому толстяку Перлмуттеру, однако в эрудиции и знании морского дела он ничуть не уступал феноменальным способностям последнего.

– Йен, можешь рассчитывать на разумный спонсорский взнос с моей стороны, если окажешь мне одну услугу, – начал Остин. – Это не отнимет у тебя много времени. Сейчас я нахожусь во Франции, и мне нужно срочно идентифицировать самолет, обломки которого я нашел на дне ледникового озера высоко в Альпах.

– Я всегда могу рассчитывать на то, что вляпаюсь в какую-нибудь сомнительную историю, – шутливо ответил тот, но по голосу было слышно, что он рад оторваться хоть на какое-то время от своего фонда. – Ну так что там у тебя?

– Вруби свой компьютер, и я отправлю тебе кое-какие цифровые снимки.

– Уже включил.

Остин быстро отослал нужные снимки Макдугалу, который оставался на линии и тихо ворчал себе что-то под нос.

– Ну что? – спросил Остин через некоторое время.

– Не совсем уверен, – осторожно начал Макдугал, – но по форме носовой части и остроконечному двигателю я бы мог предположить, что это аэроплан фирмы «Моран-Солнье». Это был однокрылый истребитель времен Первой мировой войны, созданный на основе самого быстрого спортивного аппарата того времени. Этот маленький жучок мог обогнать любой другой самолет той эпохи и уйти от любого преследования. А что касается вооружения и системы пропеллерного синхронизатора, то ему вообще не было равных. Это была революция в летном деле. К сожалению, один из таких аэропланов союзников был сбит над территорией противника, и Фоккер быстро скопировал всю эту систему, а потом и значительно улучшил ее. Вот такая мораль у этой басни…

– Что касается морали, оставляю ее на твое усмотрение, – пошутил Остин. – Лучше скажи, как могла эта машина попасть на дно высокогорного альпийского озера?

– Упал туда из-за облаков, это довольно часто бывает с самолетами, – спокойно отреагировал Макдугал. – Могу предположить еще кое-что, но боюсь ошибиться. Хорошо знаю одного человека, который поможет тебе в этом деле. Он живет недалеко от Парижа,

пара часов езды на машине.

Остин быстро зафиксировал информацию.

– Спасибо, – заключил он. – Как только вернусь в Вашингтон, сразу же переведу на ваш счет небольшую сумму денег для музея. Кстати, передай мой горячий привет Уилберу и Орвиллу.

– Буду рад.

Остин отключился, а через минуту набрал номер, который Йен продиктовал ему.

Глава 13

Скай захлопнула толстый справочник, который так долго читала, и швырнула его на стол, где уже лежала огромная стопа подобных потрепанных книг. Она расправила плечи, вытянула вперед руки, чтобы размять мышцы, откинулась на спинку стула, упрямо поджала губы и уставилась на лежавший перед ней шлем с таинственными знаками. За многие годы своей научной карьеры Скай привыкла относиться к древнему оружию и доспехам как к орудиям труда, особого рода инструментам, сыгравшим ключевую роль в кровопролитных войнах. Однако этот предмет загнал ее в тупик и вызывал дрожь во всем теле. Окисленная темная поверхность шлема, казалось, излучала какую-то странную и в высшей степени зловещую энергию; ни с чем подобным исследователи не встречались ранее.

Вернувшись в Париж, Скай сразу же отнесла шлем к свой кабинет в Сорбонне. Она надеялась, что многочисленные справочники и энциклопедии помогут ей разгадать таинственные символы. Сделав снимки цифровым фотоаппаратом, она перенесла их в компьютер, а потом сравнила с обширной базой данных, накопленной за много лет из множества источников. Конечно, начала с французских архивов, затем перешла к Италии и Германии, но даже эти страны, которые были главными производителями средневекового вооружения, ничем не помогли ей.

Убедившись в том, что никаких аналогов надписей на шлеме в названных странах нет, Скай расширила диапазон поисков до пределов всей Европы, но и это не принесло желаемых результатов. После этого она перешла к народам Азии и всего остального мира, но все бесполезно. Она прочесала исторические хроники вплоть до бронзового века, но, когда компьютер оказался совершенно бесполезным, оставила его в покое и принялась за печатные справочники и энциклопедии. Скай перерыла все книги своей библиотеки, просмотрела массу рисунков печатей и древних манускриптов, тщательно проверила все справочники символов и геральдические сборники, но так и не нашла ответа. Отчаявшись разгадать тайну, она просмотрела энциклопедию, но даже в самом полном компендиуме древнего оружия и снаряжения не было ни малейшего намека на лежавший перед ней на столе шлем.

Он представлял собой сплошное противоречие. Техника изготовления была необычной, а орнамент вообще не соотносился с военным производством. Однако самым загадочным было пулевое отверстие, которое никак не вязалось с изначальным предназначением шлема.

Что касается узора, он, несомненно, имел древнее происхождение, да и вес шлема подтверждал это предположение. Более поздние шлемы были гораздо легче, а их внутренняя поверхность была более гладкой, кроме того, они защищали и плечи в виде эдакой металлической горжетки, чтобы облегчить вес наголовья. Кроме того, поздние шлемы имели конусообразный верх, который смягчал удар сабли или меча.

Шлемы, имеющие конусообразный верх, появились впервые в одиннадцатом столетии, а уже в двенадцатом они стали постепенно округляться. Именно в это время появились металлическая перегородка для защиты носа и прорезь для глаз, то есть забрало. Тогда же стали появляться решетки для защиты нижней части лица и обеспечения нормального дыхания. При этом немецкие шлемы всегда были тяжелыми и остроконечными, а итальянские – округлыми, отражая несомненное влияние эпохи Возрождения.

Однако самым удивительным в этом шлеме был металл. Сталь изобрели еще в 800 году до н. э., но такую высококачественную сталь научились производить лишь много столетий

спустя. У Скай не было никаких сомнений в том, что человек, создавший этот шлем, был великим мастером своего дела. Крепость стали, очевидно, была проверена на деле, – оставшиеся отметины от ударов и вмятины от пуль говорили о его непробиваемости, виднелось лишь одно небольшое отверстие. Однако, как следует из исторического опыта, повышение надежности защитных средств неизбежно приводило к совершенствованию средств нападения. В конце концов в 1522 году в битве под Бикокка подобное вооружение совершенно потеряло смысл, так как стало слишком тяжелым и неэффективным.

Маска-забрало была типичной для итальянского вооружения шестнадцатого века. Тогдашние мастера старались избегать выпуклого рельефа на военных шлемах, он должен был быть ровным, тщательно отшлифованным и к тому же удобным для обладателя, а это требовало дополнительных усилий. Скай взяла со стола нож для вскрытия конвертов, который напоминал по форме итальянский кинжал, и провела им по поверхности шлема. Несмотря на рельеф и гравировку, металл прекрасно выдержал нагрузку, не оставив ни малейшей царапины.

Она снова вернулась к определению типа стали. Ни одна, даже самая важная, деталь не помогает лучше определить различия в качестве вооружения, чем степень закаленности стали. Она постучала кончиками пальцев по верхней части шлема, и он издал чистый, как звон колокола, звук. Скай провела указательным пальцем по пятиконечной звезде, потом повернула шлем и посмотрела на этот рисунок с другой стороны. Он показался ей похожим на стреляющую звездочку. Она вдруг вспомнила, что когда-то видела древний меч из английской коллекции, который был изготовлен из метеоритного железа. Этот меч можно было заточить до остроты бритвы. А почему собственно говоря, из такого металла не могли сделать шлем? Она сделала пометку в блокноте, чтобы потом провести металлургический лабораторный анализ.

Потерев руками уставшие глаза, вздохнула, взяла телефонную трубку и быстро набрала номер. На другом конце послышался глубокий приятный мужской голос:

– Oui. Darnay Antiquités.[13]

– Чарльз, это Скай Лабель.

– А, Скай! – Дарнье откровенно обрадовался. – Как дела, моя дорогая? Как твоя работа? Это правда, что ты недавно была в Альпах?

– Да, именно поэтому я и звоню тебе. Во время экспедиции я случайно наткнулась на какой-то древний шлем. Он совершенно необычный, и я бы хотела, чтобы ты взглянул на него. Он поставил меня в тупик.

– А что же твой замечательный компьютер? – не без иронии спросил Дарнье.

Дарнье и Скай давно уже спорили друг с другом относительно использования в работе новейшей компьютерной техники. Он считал, что практический опыт работы с артефактами гораздо более важен, чем все эти новомодные базы данных, она же настаивала на том, что современная техника позволяет экономить массу времени.

– С моим компьютером все в порядке, – ответила она с нарочитым возмущением. – Но в банке данных ничего подобного нет, как нет, впрочем, и во всех справочниках, которые я просмотрела. Никак не могу найти хоть что-нибудь, отдаленно напоминающее эту вещь.

– Ты меня заинтриговала. – Дарнье был хорошо знаком с библиотекой Скай и считал ее лучшим собранием книг по данной теме. – Ну что ж, с удовольствием взгляну на твой шлем. Подъезжай прямо сейчас, если хочешь.

– Bien. Сейчас приеду.

Она быстро завернула шлем в наволочку от подушки, сунула его в фирменный пакет и направилась к ближайшей станции метро. Магазин Дарнье находился на правом берегу реки, в конце узкой улочки, рядом с булочной, откуда исходил приятный аромат свежего хлеба. На двери магазина мелкими позолоченными буквами было написано: «Антиквариат». За

---

[13] Да. Антикварный магазин Дарнье *(фр.).*

стеклом витрины были разложены пыльные рога, старинные пистоли и несколько покрытых ржавчиной средневековых мечей. Разумеется, этот набор предметов не мог привлечь внимание покупателей, на что и рассчитывал владелец магазина.

Когда она открыла дверь, громко звякнул колокольчик Небольшое узкое помещение было окутано мраком и казалось совершенно пустым, если не принимать во внимание рыцарские доспехи и несколько ящиков, в которых хранились копии античных кинжалов. Бархатный занавес в конце помещения раздвинулся, и оттуда вышел высокий худощавый мужчина в черной одежде. Окинув Скай внимательным взглядом, он легкой походкой проскользнул мимо, как тень, и вышел из магазина, плотно прикрыв за собой дверь.

В ту же минуту из задней комнаты вышел еще один мужчина. Низкого роста, в свои шестьдесят с лишним лет он чем-то напоминал некогда знаменитого актера кино Клода Рейнса. Несмотря на рабочую обстановку, был одет в прекрасно сшитый темно-синий костюм, а на белой рубашке ярко выделялся стильный шелковый галстук красного цвета. Мужчина выглядел весьма элегантно и излучал редкую уверенность в себе. Это ощущение усиливалось от искрящихся умом и деликатностью глаз. Красивые густые волосы с проседью и тонкие усики. Он курил дорогую сигарету, но, увидев Скай, вынул ее изо рта и поцеловал гостью в щеку.

– Ты быстро добралась, – сказал он, улыбнувшись. – Похоже, этот шлем действительно представляет для тебя особую важность.

Она ответила на его поцелуй.

– Это ты сейчас должен подтвердить или опровергнуть мои предположения. Что за человек только что ушел от тебя?

– Это один из моих… э-э-э… поставщиков.

– Больше похож на искусного вора или ищейку.

По лицу антиквара пробежала тень настороженности, но он тут же рассмеялся:

– Ты верно угадала его призвание.

Дарнье перевернул табличку на двери надписью «Закрыто» и повел гостью в заднюю комнату, где располагался его кабинет. В отличие от темного и невзрачного помещения, уставленного предметами, не представляющими большой ценности, его офис и одновременно мастерская был залит ярким светом, а все помещение оформлено в соответствии с современным дизайном. Стены кабинета были увешаны старым оружием, правда, большая часть его представляла собой искусно изготовленные копии, которые Дарнье продавал несведущим коллекционерам. Наиболее ценные, порой уникальные экземпляры он хранил в безопасном месте и не выставлял напоказ.

Хотя Дарнье часто подшучивал над склонностью Скай к современным информационным технологиям, сам он вел дела преимущественно по Интернету и имел под рукой весьма обширный каталог антикварных вещей, который рассылал наиболее уважаемым и знающим клиентам. Рассеянные по всему миру, коллекционеры с нетерпением ждали от него новых поступлений.

Скай познакомилась с ним, когда ей нужен был совет специалиста в области подделок старинных вещей. Вскоре она с удивлением обнаружила, что эрудиция Дарнье в области старинного оружия и военной техники значительно превосходит знания многих академиков, включая и ее собственные. Они стали хорошими друзьями, и ее нисколько не смущал тот факт, что Дарнье имел дело с нелегальной торговлей антиквариатом и был связан с теневым бизнесом. Откровенно говоря, он был мошенником, но при этом весьма компетентным мастером своего дела.

– Ну что ж, моя дорогая, посмотрим, что там у тебя. – Он показал на ярко освещенный стол, который обычно использовал для изготовления качественных снимков для своего каталога.

Скай вынула из пакета шлем и, сняв с него наволочку, благоговейно положила на стол.

Дарнье с нескрываемым любопытством уставился на него и какое-то время не мог произнести ни слова. Затем обошел вокруг стола, попыхивая дорогой сигаретой, остановился

и резко наклонился, чуть не коснувшись носом металлической поверхности шлема. Осмотрев его со всех сторон, он осторожно поднял его на свет, прикинул на вес, потом поднял еще выше и в конце концов напялил себе на голову. Не снимая шлем с головы, подошел к буфету и взял оттуда бутылку «Гран-Марнье».

– Выпьешь немного? – предложил он.

Скай рассмеялась над его странным видом и покачала головой:

– Ну, так что ты думаешь на этот счет?

– Экстраординарно, – заявил он и, положив шлем на стол, налил себе в бокал бренди. – Где ты отыскала это произведение искусства?

– В глубине ледника над Спящим Человеком.

– Ледника? Еще более экстраординарно.

– Это еще не вся история. Его нашли возле тела человека вмерзшего в лед много лет назад. Вполне возможно, что он пролежал там не менее ста лет. Этот человек, вероятно, спустился на парашюте с самолета, обломки которого мы обнаружили на дне озера.

Дарнье просунул палец в небольшую дырку в шлеме:

– А это?

– Полагаю, пулевое отверстие.

Опытного антиквара это предположение нисколько не удивило.

– Значит, на голове ледяного человека был этот шлем?

– Возможно.

– Значит, он не такой уж и прочный?

– Не знаю, что и думать… Посмотри на эту сталь. Мушкетные пули отскакивали от шлема, как груши. Это отверстие пробито более мощным и более современным оружием.

– Значит, мы имеем дело с человеком, который летел над ледником в этом старом шлеме и который был сражен современным оружием.

Скай пожала плечами:

– Похоже, что так.

Дарнье отпил немного бренди. Поразительно, но все это кажется совершенно бессмысленным.

– Да, все, что связано с отверстием, действительно кажется каким-то странным и непонятным.

Она села на стул и рассказала историю о своем посещении пещеры и о том, чем это все закончилось.

– Слава Богу, что ты осталась целой и невредимой! Этот Курт Остин стал твоим ангелом-спасителем. К тому же он красив, если не ошибаюсь.

– Не ошибаешься. – Скай почувствовала, что заливается краской.

– Я должен передать ему свою благодарность, Скай, так как всегда относился к тебе, как к своей дочери. Я был бы страшно огорчен, если бы с тобой случилось что-то ужасное.

– Как видишь, ничего страшного не произошло именно благодаря мистеру Остину и его верному другу Джо Завале. – Она показала рукой на шлем. – Ну так что?

– Думаю, шлем на самом деле намного древнее, чем кажется на первый взгляд. Как ты уже сама заметила, сталь здесь действительно очень прочная. Не исключено, что использованный здесь материал был сформирован на далеких звездах. Тот факт, что я сам никогда не встречал ни чего подобного, а ты так и не смогла отыскать аналогов в своей богатой библиотеке, позволяет предположить, что это прототип, то есть изначальный образец, оставшийся в единственном числе.

– Да, но если его характерные черты отличаются новизной, то почему эти идеи не использовали позже?

– Ты ведь знаешь природу человека, да и производимого им оружия… Чувство здравого смысла далеко не всегда одерживает верх над упрямством и самонадеянностью. Поляки очень долго пытались сражаться против бронетанковых войск с помощью кавалерии, а Билли Митчелл потратил много сил, убеждая свое военное начальство в преимуществах

воздушных бомбардировок. Может быть, кто-то посмотрел на этот шлем и сказал, что старое снаряжение предпочтительнее нового, непроверенного шлема.

– А как насчет этого орла, который изображен здесь? Такого же я видела на фюзеляже самолета.

– Ничего научного, к сожалению, сказать не могу.

– Меня сейчас может заинтересовать любая версия, даже ненаучная. И возможно, я приму твое предложение и выпью бренди.

Дарнье налил ей немного в стакан, и они чокнулись.

– Я бы сказал, что этот орел представляет собой причудливое сочетание или соединение трех отдельных элементов. Это символ некоего союза, единство множества, так сказать, и множество в единстве. Создается впечатление, что этот орел распадается на части, но все же должен быть единым или умереть. А если учесть, что своими острыми когтями он вцепился в оружие, то уже нетрудно предположить: данный альянс имеет какое-то отношение к войне.

– Весьма неплохо для ненаучного предположения.

Антиквар скромно улыбнулся:

– Если бы мы знали, кто на самом деле этот ледяной человек. – Он посмотрел на часы. – Извини, Скай, мне нужно срочно переговорить по телефону со своим дилером в Лондоне и покупателем в Соединенных Штатах. Ты не могла бы оставить мне эту вещь на несколько часов, чтобы я мог внимательно изучить ее?

– Разумеется. Когда закончишь, позвони, чтобы я забрала шлем. Я буду либо у себя в офисе, либо дома.

Дарнье насупился:

– Моя дорогая девочка, загадок в этом шлеме больше, чем мы видим. Кто-то уже пытался убить вас в тоннеле. Полагаю, эта вещь имеет огромную ценность. Мы должны быть крайне осторожны. Кто-нибудь знает о том, что у тебя хранится эта вещь?

– Курт Остин, тот самый человек из агентства НАПИ, о котором я тебе рассказывала. Но я ему полностью доверяю. Могут знать также некоторые люди, с которыми я находилась в пещере. И еще Рено.

– А, Рено, – повторил он, презрительно растягивая имя. – Это плохо. Возможно, он захочет вернуть себе этот шлем.

Глаза Скай потемнели от гнева.

– Только через мой труп. – Она нервно улыбнулась, подумав о буквальном значении только что сказанных слов. – Я могла бы сказать ему, что шлем на металлургической экспертизе.

В этот момент зазвонил телефон.

– Так, это уже дилер… Хорошо, поговорим позже.

Из магазина Скай отправилась не в офис, а прямиком домой. Она хотела проверить автоответчик, надеясь на звонок Остина. Беседа с антикваром вселила в ее душу чувство страха. У нее действительно появилось ощущение, что опасность где-то рядом, и звонок Остина мог бы хоть немного успокоить ее. Вернувшись домой, она прослушала все сообщения, но от Остина ничего не было.

Скай ощутила себя ужасно уставшей и прилегла на диван с модным журналом в руках. Ей хотелось просто немного отдохнуть, прежде чем вернуться в офис, но усталость взяла свое. Через несколько минут журнал выпал из рук, и она погрузилась в глубокий сон.

Скай спала бы не так спокойно, если бы знала, о чем думал в это время Огюст Рено. Тот сидел в офисе за своим рабочим столом, низко склонив голову, и читал длинный перечень жалоб на Скай Лабель. Его негодованию не было предела, а злость переходила всякие границы. У него даже руки дрожали от возмущения, уязвленное самолюбие требовало отмщения.

В этот момент вся его воля и вся злость были направлены на эту наглую особу. Он

использовал все свои связи в политических кругах, чтобы уничтожить ее, привлек самых могущественных и влиятельных людей, которые могли бы разрушить ее научную карьеру, а вместе с ней и карьеру людей, которые так или иначе поддерживали мисс Лабель. Она унизила его перед посторонними людьми, поставила под сомнение его авторитет. Более того, самым наглым образом проигнорировала его требования предоставить этот шлем в его полное распоряжение! Он просто обязан был вышвырнуть ее из Сорбонны и довести до такого состояния, чтобы она молила его о пощаде, валялась в ногах. Он просто видел себя в качестве Творца на тех замечательных полотнах эпохи Возрождения, где Он своим огненным мечом изгоняет Адама и Еву из райского сада.

Сегодня утром он встретил Скай в лифте, та подчеркнуто вежливо поздоровалась с ним и улыбнулась так ехидно, что он долго не мог прийти в себя. Конечно, он подавил в себе праведный гнев, пока шел в свой кабинет, но все равно остался неприятный осадок. И вот сейчас Рено излил свой гнев в списке жалоб, который дрожал в его трясущихся от злости руках Он начал было подробнейшим образом описывать моральное падение этой ненавистной женщины, когда услышал шум. Судя по всему, это был его помощник.

– Да? – спросил он, не поднимая головы.

Не получив ответа, поднял голову и обомлел. Перед ним на стуле сидел человек с большим пухлым лицом – тот, что напал на него с пистолетом в пещере ледника. Рено мгновенно вообразил, что ему грозит опасность, и счел за благо сделать вид, что не узнал обидчика.

– Чем могу помочь? – спросил он, предварительно прокашлявшись.

– Вы что, не узнаете меня?

– Не припоминаю, – соврал он. – Вы имеете какое-то отношение к университету?

– Нет, я имел отношение лично к вам.

У Рено похолодело внутри.

– Вас показывали по телевизору, – веско произнес страшный человек.

Вернувшись в Париж, Рено сразу же созвал репортеров и устроил шумную пресс-конференцию, в течение которой представил себя в качестве главного героя последних событий и в особенности подчеркнул свою роль в открытии ледяного человека. А в самом конце он без ложной скромности приписал себе честь спасения всех членов экспедиции.

– Да, вы смотрели пресс-конференцию?

– Вы сообщили журналистам, что нашли рядом с ледяным человеком загадочные предметы. Одним из них был металлический ящик, а что представляют собой остальные?

– Их было всего два. Вторым предметом был шлем, похоже, очень древний.

– И где он сейчас находится?

– Я думал, что он остался в пещере, но потом мне сказали, что его забрала с собой одна женщина.

– Кто эта женщина?

В глазах Рено промелькнула злобная искорка ненависти. Может быть, этот кретин оставит его в покое, если увидит перед собой другую, более важную цель. И тогда он может одним махом избавиться как от нее, так и от этого идиота.

– Ее зовут Скай Лабель, – охотно пояснил он. – Она археолог. Хотите узнать ее адрес и номер телефона? – Он полез под стол, вынул оттуда факультетский телефонный справочник и открыл. – Ее кабинет находится прямо под моим офисом, номер двести шестнадцать. Можете делать с ней все, что хотите, я возражать не буду. – Он тщетно пытался скрыть охватившую его радость. Сейчас ему оставалось лишь сожалеть о том, что он не увидит перекошенное от страха лицо Скай, когда этот тип ворвется к ней в кабинет.

Мужчина медленно поднялся со стула, что еще больше обрадовало Рено. Хорошо, его наконец-то оставят в покое.

– Может быть, еще что-нибудь хотите? – спросил он с подобострастной ухмылкой.

Незнакомец презрительно ухмыльнулся в ответ, потом вынул из-под одежды пистолет двадцать второго калибра с привинченным к стволу глушителем.

– Да, – тихо ответил он, – хочу вас убить.

Послышался глухой выстрел. На лбу Рено появилось круглое красное пятно, и в ту же секунду он рухнул на стол. На его лице так и застыла глупая самодовольная ухмылка.

Убийца схватил со стола справочник, сунул в карман и вышел из кабинета, даже не взглянув на распластавшееся на столе безжизненное тело.

Глава 14

Старинный аэроплан выделывал замысловатые фигуры в чарующем танце на фоне голубого неба, нарушая, казалось, мыслимые и немыслимые физические законы гравитации. Остин с восторгом наблюдал за пируэтами, стоя на краю летного поля, расположенного к югу от Парижа. А крошечный самолетик тем временем выполнил воздушную спираль, затем совершил полуоборот, взмыл вверх, развернулся еще раз и полетел в обратном направлении.

Остин даже голову втянул в плечи, когда аэроплан стал камнем падать к земле. Потом он выровнялся и низко пролетел над полем. Даже непосвященному человеку было ясно, что скорость слишком велика для безопасной посадки на этом поле. По правде говоря, он летел, как управляемая человеком ракета, однако через несколько секунд машина коснулась поля колесами, похожими на велосипедные, подпрыгнула несколько раз, а потом спокойно покатилась в сторону ангара, натужно ревя мотором. Когда двойной деревянный пропеллер перестал вращаться, из кабины пилота вылез мужчина средних лет, спрыгнул на землю, снял защитные очки и направился к Остину, широко ухмыляясь. Если бы на его месте был щенок, он сейчас энергично помахивал бы хвостом от радости и удовольствия.

– Сожалею, месье Остин, что этот аэроплан одноместный, – сказал он, – а то я бы предложил вам совершить удивительную прогулку по небу.

Остин внимательно рассмотрел крохотный самолет, его конусообразный нос, под которым был укрыт двигатель, а также деревянный фюзеляж, покрытый прочным материалом. На боку самолета отчетливо виднелась эмблема – череп и перекрещенные кости. Толстые металлические тросы, закрепленные в нижней части крыльев, вели к кабине пилота, придавая самолету фантастический вид.

– Несмотря на все мое уважение к вашей машине, месье Гроссе, она выглядит так, словно в ней не поместится даже один человек.

Загорелое и обветренное лицо француза засияло.

– Не смею винить вас в излишнем скептицизме, месье Остин, – «Моран-Солнье» и впрямь выглядит так, будто его собрал какой-то школьник в подвале своего дома. Его длина составляет всего двадцать два фута, а размах крыльев не превышает двадцати семи. Однако не стоит забывать, что в свое время этот крохотный москит был самым грозным оружием в небе. Он был самым быстрым – более ста миль в час – и обладал удивительной маневренностью. В руках умелого и опытного пилота это действительно была самая эффективная машина для поражения противника.

Остин подошел к самолету и провел рукой по фюзеляжу:

– Больше всего меня удивили этот конусообразный обтекаемый фюзеляж и конструкция крыла. Когда речь заходила о Первой мировой, я обычно представлял себе неуклюжие тупорылые коробки с двойными крыльями.

– И правильно делали, месье Остин. Большинство тогдашних аэропланов действительно имели спаренные двойные крылья, но французы далеко опередили другие страны в разработке монопланов. Эта модель была лучшей по аэродинамике за весь период войны. Ее главное преимущество перед бипланами состояло в том, что такая машина могла гораздо быстрее набирать высоту, хотя этот недостаток был скоро устранен на самолетах типа «Сопвич» и «Ньюпорт».

– Ваш «иммельман» был исполнен превосходно.

– Merci. – Гроссе грациозно поклонился. – Порой все не так просто, как кажется на первый взгляд. Этот крохотный самолет весит менее тысячи фунтов с полной нагрузкой, но

при этом оснащен мотором мощностью 116 лошадиных сил. Требуется немалое умение, чтобы управлять такой машиной в воздухе и держать ее под контролем. – Он весело улыбнулся. – Один пилот как-то сказал, что самая большая опасность в этом типе самолетов заключается не в том, чтобы успешно вести бой, а в том, чтобы благополучно сесть на землю. Вы, вероятно, заметили, что я садился на огромной скорости.

Остин энергично закивал.

– Да, месье Гроссе, вы еще мягко выразились. У меня было такое чувство, что вы сейчас проделаете огромную дыру в этом летном поле.

– И я был бы далеко не первым в этом деле, – заверил Гроссе, не переставая сиять. – Хотя моя задача была не такой сложной, как у старых пилотов военной поры. Вы только представьте себе, что такой самолет садится с продырявленными крыльями и оборванным покрытием на фюзеляже! А ведь многие пилоты получали ранения и теряли сознание от потери крови… Вот в этом-то и заключалась самая большая опасность.

Остин заметил нотки ностальгии в голосе Гроссе. Тонкие черты лица и аккуратно подстриженные усики напомнили ему о тех славных французских летчиках, которые кружили над немецкими траншеями и бомбили их со своих почти не защищенных аэропланов. Остин позвонил Гроссе – директору авиационного музея – по совету Йена Макдугала и попросил того показать некоторые снимки старых аэропланов. Гроссе ответил, что постарается сделать все возможное, и сдержал слово. Узнав, зачем Остину понадобились снимки старых самолетов, он попросил переслать ему снимки разбитого самолета и вскоре дал ответ.

– Ваш самолет состоит из множества обломков, – сказал он, – но я согласен с месье Йеном, – это аэроплан фирмы «Моран-Солнье» серии N времен Первой мировой войны.

– Боюсь, что мои познания в области старой авиации настолько слабы, что я просто не могу представить себе, как они летали, – ответил Остин. – Вы не могли бы рассказать мне о них более подробно?

– И не только рассказать, – обрадовался Гроссе. – Я могу даже продемонстрировать вам один из них. В нашем музее как раз есть такой самолет серии N.

Рано утром того дня Остин, едва успев зарегистрироваться в одном из парижских отелей, сел на скорый поезд и помчался в музей, причем добрался туда быстрее, чем если бы летел на каком-нибудь самолете из музея Гроссе. Музей был расположен в ангарном комплексе на краю летного поля, примерно в пятидесяти милях к югу от Парижа.

После столь успешной демонстрации летных качеств самолета Гроссе пригласил Остина к себе в офис на бокал вина. Офис был устроен в дальнем углу ангара, который до отказа был забит старыми винтовыми машинами. Миновав длинный ряд самолетов – там были и «корсар», и «фоккер», – мужчины вошли в небольшую комнату, стены которой были увешаны фотографиями всевозможных летательных аппаратов.

Гроссе налил два стакана бордо и предложил тост за братьев Райт. Остин добавил, что надо выпить и за Альбер-то Сантоса-Дюмона – великого бразильского пилота, который долгие годы прожил во Франции. На большом деревянном столе были разложены цифровые фотографии, присланные Остином по электронной почте. Остин взял одну из них, посмотрел на обломки обнаруженного им на дне озера аэроплана, а потом с удивлением покачал головой.

– До сих пор не могу понять, как вам удалось идентифицировать аэроплан по такой куче обломков.

Гроссе отложил в сторону стакан и стал перебирать снимки, пока не остановился на одном из них.

– Поначалу я не был уверен, – задумчиво сказал он. – Конечно, у меня были какие-то мысли… Я узнал пулемет Гочкиса, но такие были установлены на многих аэропланах начала прошлого века. Потом я обратил внимание на остроконечный нос самолета, и это стало для меня главным ключом к разгадке. Вскоре я обнаружил еще одну интересную вещь. – Он протянул Остину через стол фото, а потом подсунул увеличительное стекло. – Посмотрите

внимательно вот на это.

Остин пристально посмотрел сквозь лупу на круглую деревянную форму:

– Похоже на часть пропеллера.

– Так и есть. Но это не обычный пропеллер, которые тогда устанавливались на самолетах. В начале 1914 года Раймон Солнье изобрел устройство, которое позволяло вести стрельбу из пулемета системы Гочкиса, установленного в носовой части самолета. Иначе говоря, он синхронизировал стрельбу и движение пропеллера так, что пули могли свободно пролетать сквозь вращающиеся с огромной скоростью лопасти. Правда, скорость стрельбы была не самой высокой, но он снабдил лопасти стальными отражателями, и это повысило эффективность стрельбы.

– Да, я слышал об этом, – сказал Остин. – Изящное решение довольно сложной технической проблемы.

– После серии первых испытаний некоторые летчики погибли от пуль, рикошетом отлетавших от стальных лопастей, и об этой идее до поры до времени забыли. А потом началась война, и снова возникла потребность в эффективной военной технике, способной поражать врага. Французский ас по имени Ролан Гарро встретился с Солнье, и они снова вернулись к идее стальных дефлекторов. Ролан Гарро совершил несколько удачных полетов, нанес противнику значительный ущерб, а потом его самолет был сбит над германскими позициями, и через некоторое время немцы стали выпускать «фоккеры», оснащенные механизмом синхронизации.

Остин взял другую фотографию и показал пальцем на небольшой прямоугольник на месте кабины:

– А что вы можете сказать по поводу этого предмета? Похоже на какую-то металлическую пластину.

– У вас острый взгляд. – Гроссе улыбнулся. – Это шифр завода-изготовителя. – Он передал Остину другую фотографию. – Я увеличил эту пластину на компьютере. Конечно, буквы и цифры несколько расплывчаты, но мне все же удалось прочитать их. А потом я сопоставил их с теми данными, которые имеются в музейном архиве.

Остин поднял голову и посмотрел на собеседника:

– Вам удалось выяснить имя владельца?

Гроссе кивнул:

– Всего было выпущено сорок девять самолетов этой серии. Убедившись в успехе Ролана Гарро, многие другие французские пилоты стали заказывать себе такие же самолеты и использовать их не менее эффективно. Несколько машин закупили даже англичане, которые называли их «пуля». И русские приобрели несколько машин. Везде эти машины доказали свою надежность, хотя многие летчики жаловались на проблемы с посадкой и слишком большую чувствительность в управлении. Вы говорите, что нашли эти обломки в Альпах?

– Да, на дне ледникового озера, что неподалеку от Спящего Человека.

Гроссе откинулся на спинку стула и напряженно потер пальцы:

– Любопытно. Несколько лет назад меня приглашали в тот район для осмотра обломков старых самолетов, которые были разбросаны на большом расстоянии. Но все они относились к самолетам типа «Авиатик», которые обычно использовались для воздушной разведки и рекогносцировки местности. Я поговорил с местными жителями, и они рассказали, что, по словам их дедушек и бабушек, в этих местах был какой-то воздушный бой… в самом начале Первой мировой войны, хотя точную дату я уже не могу припомнить.

– Вы полагаете, этот воздушный бой может иметь какое-то отношение к нашим последним находкам?

– Все возможно. Может быть, это имеет отношение к еще одной загадке столетней давности. Я имею в виду таинственное исчезновение Жюля Фошара, который и был владельцем обнаруженного вами самолета.

– Это имя мне ничего не говорит.

– Фошар был одним из богатейших людей в Европе и загадочным образом исчез в 1914 году. Есть сведения, что это произошло во время его полета на самолете «Моран-Солнье». Он часто пользовался самолетом для облета своих обширных земельных владений и виноградников, а однажды вылетел на нем и не вернулся. По курсу предполагаемого полета были проведены тщательные поиски, но никаких следов так и не обнаружили. А через несколько дней началась война, и об этом печальном событии все быстро забыли. Исчезновение Фошара просто стало фактом истории.

Остин показал на фотографию, где был изображен пулемет.

– Этот Фошар, должно быть, очень беспокоился о своей безопасности. С какой стати простому гражданину летать на самолете с полным боевым снаряжением?

– Фошар был крупным производителем оружия и обладал обширными связями в политических кругах Ему ничего не стоило купить самолет из военного арсенала Франции. Вопрос в другом – почему он оказался над Альпами.

– Заблудился?

– Не думаю. Его самолет просто не смог бы долететь до Спящего озера на одном баке горючего, а в те времена других аэродромов поблизости не было. Значит, он должен был запастись топливом заранее и заправляться по пути следования. Если это так, то вывод очевиден: этот полет был задуман заранее и хорошо спланирован.

– А как вы думаете, куда он мог направляться?

– Озеро расположено вблизи швейцарской границы.

– А Швейцария прославилась секретными банковскими операциями, сохранением тайных вкладов. Может быть, он направлялся в Цюрих, чтобы обналичить там чек?

Гроссе ответил хриплым смехом:

– Бизнесмену такого уровня совершенно не нужны наличные. – Он снова стал серьезным. – Вы видели телевизионные сообщения о найденном в леднике теле какого-то человека?

– Нет, но я разговаривал с человеком, который видел это тело. Она сказала, что тот был одет в длинное кожаное пальто и плотно прилегающий кожаный головной убор, наподобие тех, которые носили первые летчики.

Гроссе наклонился вперед, с трудом сдерживая волнение:

– Все сходится! Фошар каким-то образом долетел до озера, а потом самолет упал в озеро, а он сам спустился на парашюте на ледник. Если бы вы могли извлечь это тело…

Остин вспомнил темный затопленный тоннель.

– Будет очень нелегко выкачать оттуда такое громадное количество воды.

– Разумеется, – согласился Гроссе и покачал головой. – Но если кто-то и мог бы сделать такое, то разве что член семейства Фошаров.

– Вот как… Они столь влиятельны?

– О да, хотя лично для вас это оказалось неизвестным. Фошары всегда отличались фанатичной склонностью к защите своей частной жизни.

– Неудивительно. Многие богатые кланы избегают чрезмерного внимания со стороны общественности.

– Здесь все гораздо сложнее, месье. Фошары – люди, которых часто называют «торговцами смертью». Они торгуют оружием в весьма серьезных масштабах, а этот бизнес считается весьма небезопасным.

– Французская версия семейства Круппов?

– Пожалуй, их можно сравнить, хотя Расин Фошар вряд ли согласится с этим…

– Расин?

– Да – это внучатая племянница Жюля. Роковая женщина, как мне говорили. Она управляет всем семейным бизнесом.

– Полагаю, мадам Фошар много бы отдала за то, чтобы узнать о судьбе своего давно пропавшего родственника.

– Согласен. Однако простому смертному просто невозможно продраться сквозь

плотные ряды телохранителей, адвокатов и пиарщиков, которые ее окружают. – Какое-то время Гроссе размышлял над собственными словами, а потом предложил: – У меня есть друг, который работает директором одной компании. Я могу позвонить ему и поделиться этой важной информацией. Посмотрим, что из этого получится. Где я могу найти вас?

– Я скоро уезжаю на поезде в Париж Оставлю номер мобильного.

– Bien, – заключил Гроссе и вызвал по телефону такси, чтобы доставить Остина на железнодорожную станцию. Затем они вышли из офиса, прошли мимо длинного ряда старых аэропланов и остановились у входа.

– Спасибо за помощь. – Остин крепко пожал руку директору музея.

– Не стоит благодарности. Могу я спросить вас, почему НАПИ проявляет такой интерес к этому делу?

– На самом деле никакого особого интереса у агентства нет. Просто я случайно обнаружил обломки самолета, когда выполнял другое задание агентства, а потом заинтересовался этим делом на свой страх и риск.

– Стало быть, вы не станете использовать каких-то влиятельных посредников в переговорах с семейством Фошаров?

– Пока не намеревался этого делать.

Гроссе подумал.

– Я много лет служил в вооруженных силах, а вы, как мне кажется, вполне можете позаботиться о собственной безопасности, но все же считаю своим долгом предупредить: будьте предельно осторожны при любых контактах с этими людьми.

– Почему?

– Семейство Фошаров – не просто группа богатых людей. – Он сделал паузу, стараясь тщательно подбирать слова. – Поговаривают, что у них туманное прошлое.

Остин был бы не прочь развить эту тему, но подъехало такси. Они торопливо попрощались, и Остин отправился на железнодорожную станцию. Сидя на заднем сиденье, он напряженно размышлял над предупреждением Гроссе. Как бы то ни было, директор музея намекнул, что в семейном шкафу Фошаров находится не один скелет. Впрочем, нечто подобное можно сказать по поводу любого богатого семейства на земле. Огромные состояния довольно часто основываются на организованной преступности, контрабанде, проституции, торговле наркотиками или оружием.

Успокоенный этой простой мыслью, Остин переключил свое внимание на предстоящую встречу со Скай, но слова Гроссе все еще отдавались гулким эхом в его ушах, как отголосок далекого колокольного звона.

«Поговаривают, что у них туманное прошлое».

Глава 15

Офис Скай находился в Научном центре Сорбонны, в современном здании из стекла и бетона, выстроенном в стиле Ле Корбюзье и расположенном между двумя зданиями неподалеку от Пантеона. Прилегающая к центру улица обычно была пустынной. Иногда тишину нарушали шумные компании студентов. Но сегодня, едва повернув за угол, Скай увидела кордон полицейских машин, перегородивших оба конца улицы. Непосредственно перед входом в здание выстроились в ряд автомобили чиновников. Вокруг сновали полицейские в униформе.

Увидев ее, крупный полицейский решительно преградил путь, высоко подняв вверх руку.

– Извините, мадемуазель, проход запрещен.

– Что произошло, месье?

– Несчастный случай, – уклончиво ответил он.

– Какой еще несчастный случай? – удивилась Скай.

– Не знаю, мадемуазель, – равнодушно пожал плечами полицейский.

Скай вынула из сумочки удостоверение сотрудника университета и сунула его под нос полицейскому.

– Я работаю в этом здании и имею право знать, что здесь произошло и каким именно образом это касается меня.

Тот перевел взгляд с нее на удостоверение и снова пожал плечами:

– Вам лучше поговорить с инспектором полиции.

Он провел Скай к мужчине в гражданской одежде, который стоял рядом с полицейской машиной и оживленно беседовал с двумя одетыми в униформу офицерами.

– Эта женщина утверждает, что работает в этом здании, – сообщил полицейский инспектору средних лет, который выглядел так, словно пережил все мерзости современного мира. Во всяком случае, это было написано на его лице.

Инспектор внимательно изучил удостоверение Скай покрасневшими от бессонной ночи глазами, записал в блокнот ее имя и адрес, а потом нехотя вернул документ.

– Дюбуа, – представился он. – Пожалуйста, пройдите со мной. – Он открыл дверцу полицейской машины, жестом пригласил ее на заднее сиденье, а потом последовал за ней. – Когда вы были в последний раз в своем кабинете, мадемуазель?

Она посмотрела на часы.

– Два-три часа назад. Может, немного больше.

– Где вы находились в это время?

– Я археолог и по своим научным делам навестила эксперта по древнему оружию, чтобы показать ему интересный артефакт. Затем пошла домой и немного отдохнула.

Инспектор тщательно зафиксировал в блокноте ее слова.

– Когда вы находились в здании, вы не обратили внимания на какие-то странные или необычные вещи?

– Нет, все было как всегда, насколько я могу судить. Вы не могли бы объяснить, что произошло?

– В этом здании выстрелом из пистолета был убит человек. Вы знали месье Рено?

– Рено? Разумеется! Он был начальником моего отдела. Вы хотите сказать, что он убит?

Дюбуа кивнул:

– Застрелен неизвестным преступником. Когда вы видели месье Рено в последний раз?

– Когда пришла на работу в девять часов утра. Мы встретились с ним в лифте. Мой кабинет находится прямо под его офисом. Мы поздоровались, а потом наши пути разошлись.

Скай очень надеялась выражением лица не выдать инспектору правду. Когда она поздоровалась с Рено, тот просто отвернулся от нее, даже не ответив на приветствие.

– Как вы думаете, кто мог так ненавидеть месье Рено, чтобы решиться на это преступление?

Скай немного подумала, прежде чем ответить на этот вопрос. Она прекрасно понимала, что невозмутимое выражение лица инспектора на самом деле означало, что он может подозревать сейчас кого угодно. Наверняка уже успел поговорить с другими сотрудниками университета и выяснить, что практически все сотрудники отдела искренно ненавидели убитого. Если она скажет что-нибудь противоположное, он может заподозрить ее во лжи.

– Понимаете, месье Рено был очень противоречивой и неоднозначной фигурой в нашем отделе. – Скай сделала многозначительную паузу, а потом продолжила. – Многим сотрудникам не нравилось, как он ведет дела.

– А лично вам, мадемуазель? Вам нравилось, как он руководил отделом?

– Я была в числе тех людей на факультете, которые считали, что он занимает не свое место, – уклончиво ответила Скай.

Лейтенант впервые улыбнулся за время их беседы:

– Весьма дипломатичная формулировка, мадемуазель. Позвольте спросить, где именно вы находились перед тем, как прийти сюда?

Скай вынуждена была назвать инспектору имя и адрес антикварного магазина, а также

домашний адрес и телефон его владельца. Он аккуратно записал эти данные в блокнот, сообщив, что такова обычная рутинная процедура. Затем вышел из машины и вручил ей свою визитную карточку.

– Благодарю вас, мадемуазель Лабель. Пожалуйста, не забудьте позвонить мне, если вдруг вспомните хоть что-нибудь, имеющее отношение к этому делу.

– Разумеется, – охотно согласилась она. – Могу ли я попросить вас об одном одолжении, лейтенант? Мне нужно пройти в свой кабинет на втором этаже.

Он какое-то время раздумывал над ее просьбой.

– Да, но только в сопровождении одного из моих людей.

Когда Скай вышла из машины, инспектор подозвал того самого полицейского, которого она встретила возле входа, и приказал ему проводить ее сквозь кордон и до самого кабинета. Было такое ощущение, что все полицейские силы Парижа собрались на месте преступления. Конечно, Рено был отъявленным негодяем, но вместе с тем он был известной фигурой, и его убийство стало для города настоящей сенсацией.

Еще большее количество полицейских и технических специалистов работали внутри здания. Многие снимали отпечатки пальцев, другие щелкали фотоаппаратами и осматривали все помещения. Скай поднялась на второй этаж, вошла в кабинет и огляделась. Хотя все бумаги и мебель как будто были на прежних местах, ей показалось, что что-то пропало.

Придирчиво оглядев комнату, она подошла к письменному столу. Скай всегда отличалась исключительной аккуратностью при работе с документами, поэтому все тщательно сложила, перед тем как оставить кабинет. А сейчас она заметила, что порядок нарушен, книги и справочники сдвинуты, и вообще создавалось ощущение, что все было брошено в спешке.

Кто-то рылся в бумагах!

– Мадемуазель?

Полицейский смотрел на нее как-то странно, и Скай вдруг поняла, что слишком долго глазела в пространство. Она кивнула, открыла ящик стола и вынула оттуда папку с бумагами. Затем сунула ее под мышку, даже не просмотрев содержимое.

– Да, мне больше ничего здесь не нужно, – сказала она с натянутой улыбкой.

Скай с большим трудом сдерживалась, чтобы не ускорить шаг и оторваться от полицейского, но ноги плохо слушались ее. Они были как будто деревянными. Правда, по внешнему виду нельзя было догадаться о том взрыве эмоций, который обуревал молодую женщину. Сердце бешено колотилось в груди, а в голове сквозила одна и та же мысль: человек, который рылся в ее бумагах, мог позже пристрелить Рено.

Полицейский проводил ее вниз, вывел из здания, провел через плотный кордон. Она поблагодарила его, а потом направилась домой, тупо уставившись вперед, не различая дороги и даже не глядя по сторонам на переходах, что в Париже почти равносильно самоубийству. Скай не обращала внимания на сигналы автомобилей, на скрип тормозов и даже на громкие проклятия и матерную брань в ее адрес со стороны возмущенных водителей.

Охватившее ее чувство паники усилилось, когда она повернула на узкую улочку, к дому. Она вдруг усомнилась в том, что правильно поступила, не рассказав инспектору Дюбуа об обыске в своем кабинете. Правда, инспектор мог бы счесть ее сумасшедшей и внести в список подозреваемых.

Скай жила в старом доме XIX века с мансардой под крышей в районе Моффетар, неподалеку от Латинского квартала. Она любила этот оживленный район с многочисленными маленькими магазинами, ресторанами, кафе, уличными музыкантами. Старый городской дом был разделен на три квартиры, и она занимала третий этаж, с балкона которого, украшенного ажурной металлической оградой, были видны вся шумная улочка и красивые дымовые трубы старых парижских домов. Скай быстро поднялась на третий этаж и немного успокоилась, открыв дверь в свою квартиру. Она вновь ощутила себя в полной безопасности. Но лишь до тех пор, пока не вошла в гостиную. Перед ее глазами предстала

картина, в реальность которой она не сразу смогла поверить.

Большая комната выглядела так, словно здесь разорвалась бомба: стулья разбросаны в разные стороны, диван сдвинут со своего места, журналы сметены на пол с кофейного столика, книги сброшены с полок и рассыпаны по всей комнате. На кухне было еще хуже: все шкафчики распахнуты, пол усеян множеством осколков битого стекла и фарфора. Передвигаясь на онемевших полусогнутых ногах, Скай вошла в спальню. Там тоже творился самый настоящий бедлам. Все ящики в шкафу были выдвинуты, содержимое разбросано по комнате. Постельное белье было сорвано с кровати и сброшено на пол, а на кровати виднелся голый матрас с разрезанными боками и торчащей набивкой.

Скай вернулась в гостиную и тупо уставилась на весь этот бедлам, с трудом подавляя в себе чувство гнева от столь бесцеремонного вторжения в ее частную жизнь. В этот момент она была в таком смятении, будто ее изнасиловали. В следующую минуту гнев сменился не менее ужасным чувством страха, что человек, который перевернул все вверх дном, может все еще находиться в квартире. Ведь она еще не проверила ванную комнату. Схватив стоявшую у камина кочергу, она, не спуская глаз с двери ванной, попятилась к выходу.

В этот момент позади тихо скрипнула дверь.

Скай резко повернулась и размахнулась кочергой.

– Привет, – неуверенно протянул Курт Остин, удивленно уставившись на нее.

Скай едва не рухнула на пол без сознания. Она медленно опустила кочергу и едва слышно прошептала:

– Извини.

– Это я должен просить прощения за бесцеремонное вторжение в твое жилище. Дверь была открыта, вот я и решил войти… – Только сейчас он обратил внимание на бледное от страха лицо Скай. – Ты в порядке?

– Да. Теперь в порядке, когда ты пришел…

Остин окинул взглядом гостиную.

– Никогда не думал, что у вас в Париже бывает торнадо.

– Думаю, что все это сделал тот же человек, который убил Рено.

– Рено? Это что, тот самый тип, который был с вами в тоннеле под ледником?

– Да, его застрелили сегодня утром в собственном кабинете.

У Остина просто челюсть отвисла от такой новости.

– А ты проверила другие комнаты?

– Все, кроме ванной и туалета. Я так испугалась, что просто не сразу сообразила это сделать.

Остин взял у нее кочергу.

– Страховой полис, – усмехнулся он и быстро направился в ванную. – Ты куришь? – спросил он, вернувшись в гостиную через минуту.

– Нет, бросила много лет назад. А что?

– Ты не зря испугалась. – Он показал ей окурок от сигареты. – Я нашел под ванной целую кучу. Кто-то долго поджидал тебя в ванной комнате.

Скай передернулась от ужаса:

– Почему же он ушел?

– Не знаю, но тебе крупно повезло. Расскажи мне про Рено.

Они быстро убрали вещи с дивана, уселись рядом, и Скай сбивчиво, но довольно подробно рассказала о том, что происходило сегодня в университете.

– Ты считаешь, я сошла с ума, когда связала убийство Рено, обыск в моем кабинете и то, что произошло в квартире?

– Наоборот… Я посчитал бы тебя сумасшедшей, если бы ты этого не сделала. Что-нибудь пропало?

Она обвела взглядом гостиную и покачала головой:

– Сейчас невозможно сказать что-нибудь определенное. – Ее взгляд упал на автоответчик. – Странно, когда я уходила, там было всего два сообщения, а сейчас четыре.

– Одно мое. Я позвонил тебе сразу, как только приехал в Париж.

– Кто-то прослушивал последние два сообщения – лампочка не мигает.

Остин нажал кнопку PLAY и услышал собственный голос, сообщавший, что он не застал Скай в университете и поэтому решил зайти на квартиру в надежде, что она еще дома. Потом он еще раз нажал кнопку. Раздался голос Дарнье.

– Скай, – сказал тот, – это Шарль. Хотел спросить, можно ли мне взять шлем с собой на виллу. Это оказалось более серьезным, чем я предполагал.

– Боже мой! – воскликнула Скай и побледнела, как стена. – Непрошеный гость наверняка прослушал это сообщение.

– Кто этот Шарль? – поинтересовался Остин.

– Мой старый друг. Он много лет занимается продажей старинного оружия и военного снаряжения. Я оставила ему шлем для экспертизы. Погоди… – Она вскочила с дивана, нашла в куче бумаг адресную книгу и открыла на букву «Д». Эта страница была небрежно вырвана. Скай показала книгу Остину. – Мерзавец поехал к Дарнье!

– Постарайся предупредить его.

Она схватила телефонную трубку, набрала его номер и несколько минут слушала длинные гудки.

– Не отвечает. Что же делать?

– Самое разумное – позвонить в полицию.

Она нахмурилась.

– Шарль не любит связываться с полицией. Его бизнес на грани закона, а порой и за гранью, так что он не простит, если полиция заявится к нему в магазин и перевернет все вверх дном.

– А если от этого зависит его жизнь?

– Он не ответил по телефону. Может быть, его просто нет там сейчас, может, мы напрасно волнуемся.

Остин был настроен менее оптимистично, но не хотел тратить драгоценное время на бессмысленные пререкания.

– Где его магазин?

– На правом берегу. На такси – не больше десяти минут.

– У меня внизу машина. Думаю, мы доедем туда за пять.

Они бросились вниз по лестнице.

Окно антикварного магазина было темным, а дверь заперта изнутри. Скай достала из сумки один из ключей, которые Дарнье доверял самым близким друзьям, и отперла дверь. В помещении было темно, но из-под шторы, отделявшей офис от торгового зала, пробивалась узкая полоска света.

Остин подошел к шторе и осторожно отодвинул ее. Их взорам предстала ужасная картина, достойная экспозиции в каком-нибудь музее восковых фигур. На коленях у стола стоял седовласый пожилой мужчина, положив подбородок на деревянный контейнер, как приговоренный к казни – отсечению головы. Руки и ноги его были связаны веревкой, рот заклеен липкой лентой, седые волосы взлохмачены.

А над ним, как палач над своей беспомощной жертвой, возвышался огромного роста мужчина, опираясь на длинное острое лезвие двуручного палаша, позаимствованного, вероятно, из коллекции хозяина. Верхнюю часть его лица скрывала черная маска. Услышав шум, он поднял голову и улыбнулся оторопевшему Остину. Затем сорвал с *себя* маску и поднял палаш над головой Дарнье. Тусклый свет зловеще блеснул на остром лезвии.

– Прошу вас не двигаться, не уходить, – приказал он писклявым голосом, который совершенно не соответствовал мощной комплекции. – Иначе ваш друг может остаться без головы.

Скай впилась пальцами в руку Остина, но тот даже не заметил, сосредоточившись на полученной рекомендации. Одновременно он вспомнил описание «репортера», который

затопил тоннель под ледником, и пришел к выводу, что видит того самого человека.

– Зачем же уходить? – нарочито равнодушным тоном произнес Остин. – Мы только что пришли.

Мужчина с пухлым, мясистым лицом натянуто улыбнулся, но не убрал клинок с шеи бедного Дарнье.

– Этот человек оказался на редкость глупым, – сказал он, бросив быстрый взгляд на длинную полку с выставленными на ней средневековыми рыцарскими шлемами. – Он наотрез отказался сообщить мне, какой из этих металлических горшков интересует меня больше всего.

Остин подумал, что упрямство Дарнье, вероятно, помогло антиквару сохранить жизнь. Старик имел все основания предположить, что будет убит в тот момент, когда укажет непрошеному гостю на нужный предмет.

– Надеюсь, вас устроит любой из этих шлемов, – со слабой надеждой в голосе предложил Остин.

Мясистая рожа проигнорировала предложение Остина. Здоровяк уставился на побледневшую от страха Скай:

– Надеюсь, вы подскажете, где эта вещь, не так ли? Ведь вы же знаток в таких делах!

– Насколько я могу судить, это вы убили Рено? – в свою очередь, спросила она.

– Не надо проливать слезы по Рено, – недовольно поморщился он. – Если хотите знать, это он сказал, где вас найти. – Острое лезвие палаша поднялось вверх на несколько дюймов. – Отдайте шлем, который вы взяли с собой из ледника, и я оставлю вас всех в покое.

«Маловероятно», – подумал Остин, покосившись на Скай. Как только мерзавец получит вожделенный шлем, он прикончит их всех с такой же легкостью, с какой расправился с Рено. В конце концов Остин решил рискнуть, хотя это явно представляло угрозу для несчастного Дарнье. Едва войдя, он обратил внимание на боевой топорик, который висел на стене в нескольких футах от него. Остин собрался с духом, одним рывком бросился вперед и схватил топорик.

– Предлагаю вам опустить оружие и отойти в сторону, – произнес он низким ледяным голосом.

– Хотите, чтобы я опустил его на голову месье Дарнье?

– Попробуй, – сказал Остин, ехидно улыбаясь и глядя в мясистое лицо мужчины, – но тогда и твоя тупая голова покатится по полу вместе с его головой.

Для пущей убедительности Остин поднял топор. Он был примитивным, но вполне пригодным для выполнения высказанной угрозы: выполненный из прочной углеродистой стали и с лезвием настолько острым, что топорик вполне можно было использовать в качестве метательного оружия. Он был похож на острый клюв горного орла, а защитный металлический ободок предохранял руку воина.

Негодяй подумал. Казалось, только сейчас он осознал, что действительно лишится головы, если посмеет посягнуть на жизнь антиквара или Скай. Стало быть, нужно было сперва разделаться с мужчиной, а потом уже заняться остальными. Остин положительно оценил многозначительную паузу, прекрасно понимая психологию большого и сильного человека, который склонен недооценивать слабых и беспомощных.

Человек с мясистым лицом сделал выпад в сторону Остина и взмахнул палашом, описав круг в воздухе. Остин успел подумать, что недооценил мерзавца. Несмотря на огромный вес и редкую физическую силу, выпад оказался не слишком быстрым. Остин интуитивно отпрянул, одновременно выбросив руки вперед и вверх, защищая голову топориком. Лезвие звякнуло по металлической поверхности рукоятки топора, тело Остина пронизала острая боль от сильного удара, однако он все же сумел остановить клинок в нескольких дюймах от себя. Отбросив руку нападающего, он перехватил рукоятку и изо всей силы взмахнул топором, как легендарный Луисвилльский Лентяй. Отчаянный поступок был продиктован как желанием спасти свою жизнь, так и стремлением покончить с негодяем.

Острое лезвие топора могло бы разрубить здоровяка, если бы тот не успел отклониться. Только сейчас Остин сообразил, что для умелого обращения со средневековым оружием одной физической силы явно недостаточно. В результате такого мощного броска Остин на мгновение утратил равновесие и повернулся вокруг себя, как центрифуга, после чего с большим трудом удержался на ногах.

Верзила не ожидал такой свирепой атаки и на какое-то время опешил от неожиданности, но быстро пришел в себя. Увидев, что Остин потерял равновесие и едва не свалился, он резко изменил тактику. Выставив перед собой острый клинок, сделал выпад и чуть было не достиг цели. Острый конец палаша вонзился в грудь Остина, разорвав рубашку. Тот отпрянул, подставив противнику бок, и посмотрел на рану, из которой потекла кровь. Еще бы несколько дюймов, и ему был бы конец.

Остин отвел от себя лезвие и предпринял ответную атаку, но промахнулся. К этому времени он уже почувствовал вес топора и мог правильно рассчитать силу удара. Ведь это оружие в давние времена играло такую же роль, как сейчас винтовка М-16. С его помощью можно было сбить противника с ног, стащить рыцаря с коня, пробить его доспехи и в конце концов поразить противника насмерть. Длинная рукоятка топора давала Остину значительное преимущество, но им нужно уметь воспользоваться.

Громила с мясистым лицом тоже учился на своем опыте. Слегка приподняв клинок, он отошел к столу, который был завален самыми разнообразными боевыми шлемами. Почувствовав, что отступать дальше некуда, он приготовился к отражению атаки.

Остин сделал выпад, взмахнул топором. Мужчина резко отшатнулся, толкнул своей массой стол, и металлические шлемы с грохотом посыпались на пол. Этот шум напугал его больше, чем не совсем удачный выпад Остина. Собравшись с силами, он взревел, как раненый лев, и бросился в атаку, яростно размахивая клинком. Остин стал отступать, чувствуя, как пот заливает ему глаза. Уступая бешеному натиску противника, он пятился до тех пор, пока не уперся спиной в стену.

Громила победно захохотал, поднял палаш и приготовился нанести последний удар, не оставив противнику ни малейшего шанса. А припертый к стене Остин лихорадочно обдумывал ситуацию. Он понимал, что следующий удар он вряд ли сможет отразить с помощью топора, поэтому решил взять инициативу в свои руки и упредить противника. Улучив благоприятный момент, Курт взмахнул топором, выбросил вперед руку и нанес удар в адамово яблоко здоровяка, вложив в этот удар всю свою силу. Тот крякнул, выпучил глаза, а потом издал истошный вопль.

Остин контролировал свои движения, но во время этого удара он невольно поставил себя в уязвимое положение. Громила отчаянно хватал ртом воздух, однако толстая шея спасла ему жизнь. Он переложил клинок в другую руку и ухватился свободной рукой за длинную рукоятку. Остин пытался нанести еще один удар, но тот крепко держал оружие и не позволил ему размахнуться.

Тогда Остин изловчился и ударил противника коленом в пах. Убийца снова крякнул, но не отпустил секиру. «Похоже, у него железные яйца», – подумал Остин и, схватившись за рукоятку обеими руками, попытался вырвать топорик из рук врага. Это заставило мужчину бросить свое оружие и вцепиться в топорище второй рукой. Сейчас они были похожи на дворовых мальчишек, которые борются, вцепившись в бейсбольную биту. Правда, цена победы была слишком высока – побежденного ждал гроб.

Постепенно стало сказываться превосходство громилы в физической силе и массе тела. Он крепко держал секиру обеими руками и так же эффективно использовал в качестве рычага. Несколько раз дернув топор, в конце концов он вырвал его из рук Остина.

Остин растерянно огляделся. В комнате было немало старинного оружия, но добраться до него было практически невозможно. Убийца с ухмылкой двинулся вперед. Остин отступал, пока не уперся спиной в стену. Толстяк еще больше осклабился и занес секиру для удара, который мог бы рассечь Остина пополам.

В этот момент Остин заметил, что нападающий утратил бдительность и оставил

незащищенным свой живот. Он согнулся и всей своей массой нанес удар головой в пах противника. Тот громко охнул и выронил из рук топор. По всему было видно, что удар пришелся как нельзя более кстати. Мужчина побледнел, как стена, жадно хватал ртом воздух, а потом его и без того пухлое лицо покраснело и стало как будто еще больше. Он явно переоценил свои возможности и недооценил врага. Это подвигло мерзавца на более решительный шаг. – он сунул руку под пиджак и вынул пистолет с глушителем.

Остин интуитивно прикрыл лицо руками, приготовившись получить пулю с близкого расстояния. Вдруг зловещая улыбка на лице здоровяка сменилась гримасой боли, а в правом плече появилась острая стрела. Пистолет выпал из его ослабевшей руки.

Остин обернулся и увидел Скай с арбалетом в руках. Она уже взяла вторую стрелу и вставила ее. Убийца удивленно посмотрел на Остина, который поспешил подобрать упавший на пол пистолет, потом перевел взгляд на Скай. В следующую секунду он издал оглушительный рев и, подхватив с пола первый попавшийся шлем, ринулся к выходу, сорвав на бегу штору.

Остин осторожно последовал за ним, держа пистолет наготове. Через мгновение послышался звон дверного колокольчика, но, когда Остин выскочил на тротуар, там уже никого не было. Он вернулся в магазин, аккуратно запер за собой дверь и направился в кабинет владельца. Скай уже возилась с хозяином. Остин помог антиквару подняться на ноги. Лицо его было покрыто синяками и ссадинами, ноги дрожали, но в целом он выглядел нормально.

– Ты никогда не говорила, что умеешь так метко стрелять из арбалета, – заметил Остин, пристально посмотрев на Скай.

Она стояла неподвижно, с каменным от страха лицом.

– Я и сама не могу поверить, что попала, – откровенно призналась Скай. – Просто зажмурилась и направила арбалет в его сторону, вот и все. – В этот момент ее взгляд упал на красное пятно, расплывшееся на его рубашке. – Ты ранен?

Остин внимательно осмотрел рану.

– Ничего страшного, небольшая царапина, но кто-то должен купить мне новую рубашку.

– Вы прекрасно справились с Фошаром, – сказал Дарнье, стряхивая пыль с колен и локтей.

– О чем вы? – не понял Остин.

– Я имею в виду это смертельное оружие, – пояснил антиквар. – Оно называется Фошар. Это оружие пятнадцатого века и представляет собой сочетание копья с боевым топором. Даже в жестокие Средние века предпринимались попытки запретить это оружие, так как им легко искалечить противника. Ужасные раны практически обрекали человека на смерть. А это экземпляр особой убойной силы – за счет усиления боевой части топора. Вы чем-то удивлены?

– Нет, просто я впервые услышал это слово, а недавно слышал подобное имя…

– Я нахожу вашу беседу о средневековом оружии чрезвычайно интересной, – вмешалась Скай, – но не лучше ли подумать, что делать дальше?

– Можно вызвать полицию, – снова предложил Остин.

Дарнье встрепенулся и настороженно посмотрел на своего спасителя.

– Я бы предпочел не втягивать в это дело жандармов, – поморщился он. – Знаете, некоторые мои покупки и клиенты…

– Да, Скай уже проинформировала меня на этот счет. Вы правы, полиция может просто не поверить в эту историю про какого-то здоровяка, который нападал на нас с палашом в руке и требовал какой-то шлем.

Торговец антиквариатом облегченно вздохнул и оглядел разгромленный кабинет.

– Никогда не думал, что мой офис может стать местом для воссоздания битвы при

Азенкуре.[14]

Скай задумчиво смотрела на разбросанные по полу шлемы.

– Его здесь нет, – сказала она растерянно.

Дарнье слабо улыбнулся, подошел к противоположной стене и нажал на деревянную панель. Открылась прямоугольная дверца. Там находился большой металлический сейф, который он открыл быстрым набором цифр. Сунув внутрь руку, вытащил шлем и протянул его Скай:

– Эта маленькая вещица доставила мне немало волнующих моментов.

– Сожалею, что навлекла на тебя такие неприятности, – улыбнулась Скай. – Этот негодяй поджидал меня в квартире и, видимо, прослушал твой телефонный звонок. Я даже представить себе не могла…

– Ты ни в чем не виновата, – отмахнулся тот. – Я ведь сам сообщил тебе по телефону, что хотел бы повнимательнее изучить этот предмет. Мне показалось, лучше всего закрыть магазин на некоторое время и провести несколько дней на моей вилле в Провансе. Был бы очень рад видеть вас обоих в качестве гостей. Я беспокоился о тебе с тех самых пор, как появился этот вурдалак.

Скай подумала.

– Спасибо за приглашение, но у меня сейчас очень много работы. После смерти Рено наш факультет какое-то время будет находиться в состоянии полнейшего хаоса. Оставь шлем у себя и работай с ним, сколько душе угодно.

– Ладно, но ты все-таки подумай о своей безопасности. Можешь провести эту ночь в моей квартире.

– Тебе лучше принять приглашение месье Дарнье, – поддержал его Остин. – А завтра мы могли бы встретиться и обдумать дальнейшие действия.

Скай сказала, что ей все равно придется вернуться домой и взять там некоторые вещи. Остин отвез ее домой и попросил посидеть в машине, а сам осмотрел квартиру. Вряд ли убийца решил вернуться сюда с раной на шее и пробитым стрелой плечом, но… Казалось, негодяй обладает низким порогом болевой чувствительности и вообще отличается непредсказуемым поведением.

Скай уже заканчивала собирать вещи, когда зазвонил мобильный телефон Остина. Он несколько минут говорил с кем-то по телефону, а потом выключил его и хитро ухмыльнулся.

– Это был самый настоящий дьявол, – со вкусом произнес он. – Только что мне сообщили, что мы стали жертвой личного секретаря Расин Фошар. Завтра мне назначена встреча с самой дамой.

– Фошар? – удивленно воскликнула Скай. – Я сразу заметила твою странную реакцию на название этого средневекового оружия. А в чем, собственно, дело?

Остин коротко рассказал ей о своем посещении авиационного музея и о той связи, которая, по всей видимости, существует между найденным в леднике человеком и семейством Фошаров.

Скай быстро застегнула сумку.

– Я хочу пойти с тобой.

– Не думаю, что это хорошая идея, – возразил Остин. – Там может быть опасно.

Скай рассмеялась в ответ:

– Опасно? Эта старая дама может быть опасной?

– Да, звучит глупо, – признал Остин, – но вся эта история с ледяным человеком, таинственным шлемом и мерзавцем, который убил Рено и чуть было не угробил нас… Думаю, что семья Фошар готова на все ради достижения своих целей, и мне очень не хотелось бы втягивать тебя в это опасное дело.

– Я уже втянута в него, Курт, – настаивала Скай. – Сначала меня загнали под ледник,

---

[14] Историческое сражение 1415 года между французами и англичанами во время Столетней войны.

потом обыскали мой кабинет в университете, потом перерыли все в квартире. И все это из-за того самого шлема, который я привезла из-под ледника. А моего лучшего друга Шарля Дарнье убили бы из-за него, если бы не ты. – Она грозно скрестила на груди руки и упрямо посмотрела Курту в глаза. – Кроме того, я специалист по средневековому оружию и могу оказаться полезной при этом разговоре.

– Весьма убедительный аргумент, – улыбнулся Остин, напряженно обдумывая все «за» и «против». – Ну ладно, но только при одном условии: я представлю тебя в качестве своего ассистента и под вымышленным именем.

Скай наклонилась вперед и поцеловала его в щеку:

– Ты не пожалеешь.

– Ладно, – повторил Остин и развел руками. Его все еще терзали сомнения, но вместе с тем он понимал, что в ее словах была доля правды.

Скай была весьма привлекательна, и время, проведенное в ее компании, вряд ли можно было назвать безвозвратно потерянным. Кроме того, до сих пор не было никаких доказательств существования непосредственной связи между семейством Фошаров и громилой, которого он про себя окрестил «мясником». В то же время в ушах Остина до сих пор звучали предостережения Гроссе, высказанные им в адрес семейства Фошаров. И звучали они как набат:

«Поговаривают, что у них туманное прошлое».

Глава 16

Фермер напевал душещипательную версию песенки «Сувенир», когда красный свет ударил в ветровое стекло и весь его грузовик задрожал от сотрясающего воздух рева. Он резко вывернул руль вправо и направил доверху загруженную машину в кювет. Автомобиль уткнулся тупым носом в твердую поверхность канавы, сверху полетели тяжелые деревянные клетки. От сильного удара они рассыпались, и в ту же секунду окрестности огласились писком перепуганных до смерти цыплят. Водитель грузовика с трудом вылез из машины и погрозил вслед кремового цвета самолету с изображением орла на хвосте. Через несколько минут он бросился в канаву, чтобы укрыться от второго захода самолета, – тот пролетел так низко над землей, что вызвал настоящий куриный переполох.

Самолет тем временем снова высоко взмыл и совершил триумфальный переворот. Пилот так громко смеялся над бедным фермером, что чуть было не потерял контроль над машиной. А когда немного успокоился, вытер рукавом выступившие от смеха слезы на глазах и полетел низко над виноградниками, раскинувшимися на сотни акров в обоих направлениях. Он нажал на кнопку, и из-под обоих баков под крыльями на виноградники рассеянными облаками полетели пестициды.

Выполнив задание, он снова взмыл вверх и полетел в другом направлении. Вскоре поля виноградников закончились. Началась полоса леса, за которым виднелись многочисленные озера с темной водой, которые придавали поверхности земли какой-то меланхолический вид и нагоняли тоску. Самолет пролетел над верхушками деревьев и направился к четырем невысоким вершинам, которые виднелись над покрытой лесом горой.

По мере приближения вершины постепенно превращались в высокие сторожевые башни, обрамляющие толстую каменную стену горного массива. Вокруг этой стены вилась река, берега которой были украшены нерукотворными зелеными садами. Самолет пронесся над красной крышей шато, потом поднялся, пролетел над лесным массивом, вновь спустился и в конце концов приземлился на зеленой поляне неподалеку от «ягуара», припаркованного у самого конца посадочной полосы. Едва пилот вылез из кабины, к самолету устремилась неизвестно откуда появившаяся группа техников наземной службы, они быстро затолкали самолет в небольшой кирпичный ангар.

Не обращая никакого внимания на работу техников, Эмиль Фошар направился к автомобилю широким шагом атлета, поигрывая натренированными мускулами под черным

летным костюмом из тонкой эластичной итальянской кожи. Подойдя к машине, он снял очки и молча вручил их своему шоферу вместе с перчатками. Все еще ухмыляясь при воспоминании о растерянном лице перепуганного фермера, он плюхнулся на мягкое заднее сиденье автомобиля и налил себе стакан коньяка из встроенного в салон бара.

Фошар имел классические черты лица героя немого кино. Однако, несмотря на свое физическое совершенство, Эмиль Фошар был далеко не привлекательным человеком. Взгляд пронзительных черных глаз почему-то напоминал взгляд кобры, а правильные, почти безупречные черты лица – мраморную статую, в которую вдохнули жизнь, позабыв о простой человеческой доброте.

Местные фермеры давно поговаривали, что Фошар – человек, который заключил сделку с самим сатаной, а другие допускали возможность того, что он и есть самый настоящий дьявол. Многие люди с трудом выносили на себе его отстраненный зловещий взгляд.

«Ягуар» мчался по шоссе, которое пролегало по узкой аллее, будто в каком-то тоннеле из зелени; потом стал подниматься вверх, проехал по небольшому арочному мосту над речкой, скользнул в ворота, встроенные в каменной стене, и припарковался у главного входа в шато.

Фамильный замок Фошаров напоминал огромный средневековый рыцарский замок, полностью лишенный каких бы то ни было архитектурных изысков, характерных для зданий эпохи позднего Возрождения. Это было огромное монолитное сооружение с высокими сторожевыми башнями по углам и резными бойницами по всему периметру. Большие окна имели стрельчатую готическую форму, а замысловатый орнамент и выпуклые рельефы вокруг них не могли скрыть в целом воинственный и даже агрессивный характер этого средневекового сооружения.

Перед огромной резной двустворчатой дверью замка стоял крупный человек с чисто выбритым лицом, чем-то напоминавшим морду бульдога. Непостижимым образом он втиснул свое огромное крепкое тело, напоминающее корпус холодильника, в черный мундир дворецкого.

– Ваша мать в оружейной комнате, – сообщил он скрипучим голосом. – Она уже ждет вас.

– Не сомневаюсь в этом, Марсель, – сказал Эмиль, бесцеремонно отодвигая дворецкого в сторону. Марсель был командиром небольшой армии, которая окружала его матушку, как преданная преторианская гвардия. Даже Эмиль не мог подойти к ней близко без того, чтобы не оказаться в поле зрения кого-то из охраны. Многие телохранители его матери с покрытыми шрамами лицами когда-то были самыми настоящими бандитами, а некоторые, например сам Марсель, имели длинный послужной список в качестве офицеров Иностранного легиона. Большую часть времени охранники оставались вне пределов видимости, но Эмиль всегда чувствовал их незримое присутствие. Он прекрасно знал, что за ним всегда следят. Именно поэтому он презирал телохранителей своей мамаши, которые порождали в его душе неприятное чувство постороннего соглядатая в собственном доме. Более того, они вызывали у молодого человека страх, ведь он не имел над ними никакой власти.

Эмиль вошел в громадный вестибюль, украшенный многочисленными скульптурами и витражами, потом быстро зашагал по коридору, стены которого были увешаны портретами его дальних родственников. Их было несколько сотен, и все навевали на него тоску. Он никогда не всматривался в эти грубые лица и вообще относился к ним, как к изображениям на почтовых марках. Его не волновал даже тот печальный факт, что подавляющее большинство его предшественников погибли насильственной смертью в этом самом замке. Род Фошаров проживал в шато в течение нескольких столетий, с тех самых пор, как был предательски убит его основатель и первый владелец. В этом огромном замке невозможно было найти комнату, пол которой не был бы залит кровью какого-нибудь убитого родственника из клана Фошаров. Правда, погибали здесь не только родственники, но и

заклятые враги их рода, что было вполне естественно. Их убивали кинжалами из-за угла, душили в темных углах или просто травили смертельными ядами. Если бы привидения действительно существовали, то замок был бы буквально забит мрачными призраками убиенных и не находящих упокоения душ.

Эмиль вошел через высокую арочную дверь в оружейную комнату, стены которой были увешаны самыми разнообразными видами оружия – от тяжелых бронзовых мечей до вполне современных автоматических винтовок, и все были расположены по определенным временным периодам. Особую гордость владельцев замка представляла та часть оружейной комнаты – скорее, зала, – где были выставлены средневековые рыцари в полном боевом снаряжении, в доспехах, с оружием в руках и к тому же верхом на закованных в броню лошадях. Они выстроились в боевом порядке, словно приготовились к сражению с невидимым врагом. Огромные окна из прочного стекла были также оформлены в средневековом стиле, но изображали не популярных святых отцов, а бесстрашных воинов. Из-за этих готических окон оружейная комната напоминала часовню, посвященную культу насилия, а не религиозного умиротворения.

Эмиль быстро прошел через весь зал и вошел в примыкающую к нему библиотеку военной истории и военного искусства. В самом центре библиотеки находился огромный массивный стол из красного дерева, ярко освещенный подвешенной к потолку лампой. В отличие от явно преобладающей военной тематики этот стол был украшен вполне мирным орнаментом, резными цветочками и нимфами. За столом сидела женщина в строгом черном костюме и перебирала какие-то бумаги.

Несмотря на свой весьма преклонный возраст, Расин Фошар все еще была поразительно хороша собой. В отличие от многих других женщин ее возраста, которые не могли похвастаться изящными формами, она сохранила стройную фигуру и могла соперничать даже с самыми популярными моделями. Эта женщина была прямой, как свеча, с кожей, покрытой паутинкой тонких морщин, а цвет ее лица напоминал прекрасный фарфор, сделанный рукой великого мастера. Некоторые люди сравнивали лицо Расин Фошар со знаменитым профилем царицы Нефертити, а другие отмечали, что оно чем-то напоминало женские изображения, украшавшие дверцы средневековых экипажей. Те, кто видел ее в первый раз, неизменно восторгались аристократическими чертами и приходили к выводу, что эта дама является идеальным воплощением Средневековья.

Мадам Фошар подняла голову и посмотрела на вошедшего сына застывшим взглядом с каким-то металлическим оттенком.

– Я давно уже жду тебя, Эмиль, – произнесла она мягким голосом, в котором безошибочно угадывались властные нотки не терпящей возражения хозяйки.

Фошар уныло опустился на кожаный стул XIV века, который стоил больше, чем могли заработать десятки людей за десятки лет.

– Извини, мама, – тихо сказал он с равнодушным выражением лица. – Я опрыскивал виноградники на своем «фоккере».

– Я слышала, что ты чуть ли не срываешь крыши на домах местных жителей, – добавила она, выгнув дугой бровь. – Ну и сколько же коров и овец ты до смерти напугал этим утром?

– Ни одной, – ответил молодой человек с самодовольной ухмылкой, – зато мне удалось разогнать конвой и освободить плененных союзников. – Он громко рассмеялся, не обращая внимания на суровый взгляд матери. – Ну ладно, шучу, я загнал в кювет грузовик фермера и переполошил его цыплят.

– Все это весьма забавно, Эмиль, но я уже устала платить местным фермерам за тот вред, который ты причиняешь их хозяйству своими идиотскими выходками. Есть более важные дела, которые требуют твоего внимания. Будущее империи Фошаров, например.

Эмиль уловил гневные нотки в голосе матери и резко выпрямился на стуле, как напроказничавший школьник, которого отчитывает строгий учитель.

– Я понимаю, мама. Просто мне таким образом удается выпустить накопившийся пар,

не более того. Высоко в воздухе лучше думается.

– Надеюсь, ты уже обдумал, как именно будешь бороться с угрозами нашей семье и нашему образу жизни! Ведь ты единственный наследник всего того богатства, которое род Фошаров создавал многие столетия. Это весьма серьезное дело, и не стоит относиться к нему с неподобающим легкомыслием.

– Я этого не делаю, – обиженно сказал он. – Ты должна признать, что самую серьезную проблему мне все же удалось похоронить под толщей ледникового льда.

Тонкие губы Расин растянулись в снисходительной ухмылке, обнажив прекрасные белые коронки:

– Сомневаюсь, что Жюль был бы в восторге от того, что в его семье его называют «серьезной проблемой». Себастьян больше не заслуживает доверия. Из-за его неловких действий мы чуть было не потеряли навсегда самую дорогую для семьи вещь.

– Он не знал, что она находится подо льдом, – спокойно возразил Эмиль. – Он был нацелен только на металлический ящик, и в конце концов добыл его для нас.

– Тщетные усилия, – снисходительно хмыкнула Расин, открыв крышку лежавшего на столе металлического сейфа. – Почти все потенциально опасные обвинительные документы разрушила вода, просочившаяся в него за многие годы.

– Мы ведь этого не знали.

Она проигнорировала его слова.

– Вы также не знали, что эта женщина-археолог сбежала вместе с нашей реликвией! Мы должны во что бы то ни стало вернуть этот шлем. Успех или поражение всего нашего дела самым непосредственным образом зависит от его возвращения. Фиаско в Сорбонне не только провалило нашу попытку, но и привлекло внимание полиции. Затем Себастьян предпринял еще одну безуспешную попытку вернуть нашу собственность, но тот шлем, который он притащил нам из антикварного салона, на самом деле является дешевой подделкой, изготовленной в Китае для провинциальных театров.

– Я сейчас разбираюсь с этим…

– Хватит разбираться, пора действовать. Наша семья никогда не позволяла себе подобных ошибок Мы не должны демонстрировать слабость, иначе нас просто уничтожат. Себастьян стал серьезной помехой на этом пути. Его наверняка видели в Сорбонне. Позаботься об этом.

Эмиль молча кивнул:

– Я все улажу.

Расин знала, что ее сын лжет. Себастьян вел себя как мастиф, обученный убивать по команде хозяина, и был предан исключительно ее сыну. Семья Фошаров не могла позволить себе иметь такого слугу в условиях повышенного интереса общественности к своим делам. Даже с практической точки зрения присутствие Себастьяна представляло собой большой риск. А фамильные традиции никогда не запрещали воспользоваться кинжалом или ядом, когда под угрозой оказывалась не только власть, но и само благополучие клана.

– Да уж, постарайся это уладить как можно скорее.

– Непременно. А тем временем наша тайна остается недосягаемой для посторонних.

– Недосягаемой! Нас чуть было не раскрыли в результате случайно обнаруженного в леднике тела! А теперь ключ от будущего всего нашего рода находится в руках совершенно постороннего человека. Меня в дрожь бросает от мысли, какие опасности подстерегают нас в связи с этим шлемом. Неукоснительно следуй всем моим советам. Когда этот мой химик доктор Маклин отбился от рук, я быстро нашла способ поставить его на место без лишнего шума!

Эмиль хихикнул:

– Да, мама, но ведь это ты собрала всех ученых, которые доставили массу хлопот в виде так называемых «несчастных случаев», кроме, разумеется, Маклина.

Расин уставилась на сына холодным взглядом:

– Ошибка в расчетах, да. Но я же никогда не утверждала, что не допускаю промахов.

Напротив, только вполне зрелый человек способен признавать свои ошибки и исправлять их. Доктор Маклин продолжает работу над формулой, так сказать, а мы должны любой ценой вернуть реликвию, чтобы раз навсегда восстановить целостность и силу нашего рода. Ты добился хоть какого-нибудь прогресса на этом пути?

– Этот антиквар, Шарль Дарнье, куда-то пропал. Сейчас мы пытаемся выйти на его след.

– А как насчет этой женщины-археолога?

– Похоже, она тоже исчезла из Парижа.

– Продолжай следить за ними, а я подключу профессиональных агентов, чтобы поскорее отыскать ее. Мы должны действовать тихо. Тем более что у нас, кажется, появилась еще одна проблема: Океанографический институт вместе с агентством НАПИ решили приступить к исследованию Затерянного города.

– Курт Остин, тот самый человек, который вытащил этих исследователей из-под ледника, тоже работает на это агентство. Есть здесь какая-то связь?

– Насколько мне известно, нет, – задумчиво сказала Расин. – Совместная экспедиция была сформирована задолго до того, как Остин появился в наших краях. Я боюсь, что эта экспедиция может наткнуться на результаты нашей работы и поднять шум.

– Этого нельзя допустить.

– Согласна. Так что я решила приступить к реализации нашего плана. Глубоководный аппарат «Элвин» должен осуществить несколько погружений на дно океана… Надо сделать все возможное, чтобы он исчез уже после первой попытки.

– Ты думаешь? – засомневался Эмиль. – Ведь это неизбежно приведет к широкомасштабной спасательной операции, которая привлечет внимание огромного количества журналистов и следователей.

Губы Расин скривились в жесткой ухмылке.

– Верно, но только в том случае, если его исчезновение станет достоянием мировой общественности. Научно-исследовательское судно исчезнет так же внезапно, причем вместе с командой, и еще до того, как станет известно о пропаже субмарины. Таким образом, всем спасателям придется рыскать по океану площадью несколько тысяч квадратных миль.

– Судно, исчезнувшее вместе с командой! – невольно воскликнул Эмиль. – Твои таланты всегда вызывали у меня чувство восторга, но я никогда не думал, что у тебя такой размах.

– Учись. Всегда используй поражение в качестве важнейшего этапа в подготовке будущего успеха. Это судно на всех парах мчится к Затерянному городу с полным набором всех наших ошибок. А за ним будет наблюдать другое судно в нескольких милях… И этот корабль бросит якорь неподалеку от места погружения. Как только «Элвин» спустится под воду, на втором корабле – нашем – будет поднята по тревоге вся команда и объявят, что на научно-исследовательском судне начался пожар. Туда сразу же будет послана команда так называемых спасателей, которые сделают свое дело. На исследовательском судне произойдет взрыв, который можно инициировать с помощью пульта дистанционного управления. Команду, разумеется, снимут с борта и благополучно доставят на корабль спасателей, после чего оба судна быстро исчезнут под водой, не оставив никаких свидетелей. Мы не допустим повторения ситуации с тележурналистами.

– Да, это была катастрофа, – признал Эмиль.

– Телевизионное реалити-шоу, – уточнила она. – Нам еще повезло, что единственная оставшаяся в живых свидетельница была признана невменяемой и сейчас ее никто не слушает. Еще кое-что: Курт Остин просит о встрече и обещает сообщить важную информацию о нашей семье, которая так или иначе связана с найденным в леднике человеком.

– Ему что-то известно насчет Жюля?

– Выясним. Я пригласила его сюда, чтобы выяснить, не слишком ли много он знает. Если так, то я отдам его в твои руки.

Эмиль встал со стула, обошел вокруг стола и поцеловал мать в щеку. Расин внимательно следила за ним, когда он повернулся и вышел из комнаты, размышляя о том, насколько ему удалось впитать в себя дух рода Фошаров. Как и его отец, Эмиль был умен, жесток – самый отъявленный садист. Плюс алчность. Но ему явно недоставало чувства здравого смысла и импульсивности. Именно руководствуясь здравым смыслом, Расин убила своего мужа много лет назад, когда его действия стали подвергать риску реализацию ее планов.

Конечно, Эмиль старался овладеть ее ментальностью, но она все же опасалась за будущее империи Фошаров. В особенности ее волновали собственные, тщательно продуманные и выношенные планы. Кроме того, Расин не сомневалась, что ее сын без колебаний убьет ее, когда придет время, и именно поэтому не стремилась просвещать его относительно истинного значения этой семейной реликвии. Конечно, она могла ненавидеть своего единственного отпрыска, но при этом ей приходилось учитывать то обстоятельство, что сын проживал с ней в одном доме.

Когда Эмиль вышел из оружейной комнаты, Расин сняла трубку. Нужно было во что бы то ни стало найти фермера, которого напугал своими дурацкими выходками Эмиль, и компенсировать ему все материальные и моральные затраты, включая ущемленное чувство собственного достоинства.

Она тяжело вздохнула, прекрасно понимая, что материнское чувство не будет удовлетворено никогда.

Глава 17

Благодаря спокойному морю и легкому ветру «Атлантис» быстро покрыл расстояние от Азорских островов до Срединно-Атлантического хребта и бросил якорь над подводной горной цепью. Хребет поднимался с океанского дна на расстоянии примерно полутора тысяч миль к востоку от Бермудских островов и чуть южнее Азорского архипелага. В далеком прошлом этот горный массив возвышался над океаном, но сейчас он был покрыт водой, а его плоская вершина находилась на глубине примерно двухсот пятидесяти футов от поверхности.

Подводный аппарат «Элвин» готовили для спуска под воду на следующее утро, поэтому после ужина Пол и Гэмей собрались в каюте вместе с другими учеными и инженерами, чтобы обсудить предстоящее погружение. Им нужно было собрать образцы скальной породы, минеральных образований и водорослей вокруг Затерянного города и провести как можно более тщательное визуальное наблюдение.

Команда подводной лодки, состоявшая из семи инженеров и пилота, поднялась на рассвете и к шести утра приступила к проверке списка снаряжения и оборудования – он занимал четырнадцать страниц. А к семи часам все уже были на борту субмарины, тщательно проверяя батареи питания, бортовую электронику, другие системы управления и инструменты. Затем на судно погрузили продовольствие, теплую одежду и видеокамеры для наружного наблюдения.

В самом конце к внешнему борту субмарины прикрепили тяжелые металлические бруски, своеобразные грузила, с помощью которых подводный аппарат мог быстро опуститься на нужную глубину. На самом деле путешествие «Элвина» на дно океана больше походило на свободное падение вниз, чем на медленное погружение. После выполнения задания металлический балласт сбрасывался на дно, и субмарина всплывала. В целях безопасности во время погружения и подъема все рычаги управления отключались, а в случае чрезвычайных ситуаций стеклянная кабина отсоединялась от корпуса субмарины, и находящиеся в ней члены экипажа получали возможность подняться на поверхность своими силами. Благодаря продуманной системе жизнеобеспечения «Элвин» мог находиться под водой в течение семидесяти двух часов, дожидаясь помощи извне.

Пол Траут, как опытный моряк, прекрасно понимал капризный нрав океана. Конечно,

он внимательно следил за метеосводками, но при этом больше полагался на собственный опыт и развитую интуицию. Он долго наблюдал за океаном и погодой с борта судна «Атлантис» и остался доволен темно-голубым небом, на котором не было ни единой тучки, если не считать легкую облачность на горизонте. Море было спокойное, а погода самая подходящая для погружения.

Как только рассвело, члены команды опустили на дно океана два мощных ретранслятора, которые должны были находиться в предполагаемом месте работы «Элвина» и осуществлять бесперебойную связь с «Атлантисом». Они издавали сигналы, с помощью которых субмарина может легко контролировать свое местоположение в условиях плохой видимости, где не бывает дорожных знаков, а обычные средства морской навигации оказываются практически бесполезными.

Гэмей, стоя рядом с мужем, была всецело погружена в телефонный разговор с доктором Осборном. Они оживленно обсуждали последние спутниковые снимки распространения зловредных водорослей.

– Растение размножается гораздо быстрее, чем мы предполагали ранее, – говорил Осборн. – Огромные массы этой заразы быстро приближаются к восточному побережью Соединенных Штатов, а отдельные зеленые пятна уже наблюдаются даже в Тихом океане.

– Мы скоро начнем погружение, – ответила Гэмей. – Погода сейчас спокойная, надеемся, что видимость будет нормальной.

– Да, хорошая видимость вам не помешает, – согласился Осборн. – Обязательно проверьте область распространения этой заразы. И помните, что источники расселения могут показаться не столь очевидными!

– Все камеры будут вести наблюдение, а как только мы увидим на экране что-нибудь интересное, тут же начнем собирать образцы, – пообещала Гэмей. – А потом мы сразу отправим эти фотоснимки вам.

Закончив разговор с Осборном, она пересказала его Полу. Настало время приступать к погружению. На палубе собралась толпа людей, наблюдавших за происходящим. Среди них был высокий мужчина с пепельно-серыми волосами, Чарли Бек, который тренировал экипаж судна и отвечал за безопасность и жизнеобеспечение. Он подошел поближе и пожелал им удачи.

– Должно быть немало мужества, чтобы опуститься на дно океана в такой посудине, – пошутил он. – Все эти подводные аппараты вызывают у меня приступы клаустрофобии.

– Да, там будет нелегко, – кивнула Гэмей, – но это всего на несколько часов.

Подводный аппарат обычно хранился на палубе в специальном укрытии, которое называли ангаром «Элвина». В эту минуту створки в ангаре открылись, и появился круглый нос подводного аппарата, который на длинных тросах потащили к корме. Там небольшой корпус аппарата остановили под краном, имевшим форму буквы «А». Траут спустился вниз по лестнице вместе с женой и пилотом, обошел батискаф по узкому мостику и остановился перед открытым люком. После этого все сняли обувь и проскользнули в люк диаметром не более двадцати дюймов.

Между тем два технических помощника забрались на корпус субмарины и прикрепили к нему два толстых стальных троса. Когда все было готово, подали знак машинисту крана, который сидел в «собачьей будке» на крыше ангара, и тот стал медленно спускать аппарат на воду вместе со стоявшими на нем техниками. Как только «Элвин» коснулся воды, они еще раз проверили состояние корпуса, отцепили крючки тросов, помахали экипажу на прощание и вернулись на судно.

Пол, Гэмей и женщина-пилот сидели в небольшой кабине, представлявшей собой укрепленную титаном сферу диаметром восемьдесят два дюйма. Внутри каждый миллиметр был покрыт панелями управления, силовыми кабелями, мониторами контроля состояния воздуха и другими приборами. Пилот уселась на низком сиденье перед рычагами управления, а Пол и Гэмей с трудом втиснулись в узкое пространство по бокам. Несмотря на неудобства, Траут сиял от радости и возбужденно вертел головой. Только его природная

сдержанность, столь характерная для всех жителей Новой Англии, не позволяла ему кричать от восторга. Для глубоководного геолога погружение на дно океана в таком маленьком аппарате было гораздо более интересным, чем времяпровождение на поверхности в шикарной каюте.

После того как в 1964 году «Элвин» был построен для нужд ВМФ США, этот миниатюрный подводный аппарат стал самым знаменитым в мире. Субмарина длиной всего лишь двадцать пять футов и с таким поэтическим названием могла опускаться на глубину четырнадцать тысяч футов, а всемирную известность обрела после того, как обнаружила в территориальных водах Испании затонувшую водородную бомбу. А во время другой экспедиции именно на ней были доставлены первые посетители к покоящемуся на дне океана легендарному «Титанику».

Назвать «Элвин» комфортабельным не смог бы никто, однако Траут все равно считал себя везунчиком. Если бы не срочная экспедиция, вызванная чрезвычайными обстоятельствами, он мог годами ждать возможности погружения на такую глубину, несмотря на все свои связи и весьма высокий статус в агентстве НАПИ.

Пилотом «Элвина» была Сэнди Джексон, молодой морской биолог из Северной Каролины. Спокойным выражением лица, потрясающей выдержкой и редкой для женщины немногословностью она напоминала легендарную летчицу Жаклин Кокран в ее молодые годы. Это была худощавая женщина лет тридцати, одетая в облегающие джинсы и толстый шерстяной свитер, под которым угадывались крепкие мускулы бегуньи на марафонскую дистанцию. Рыжеватые волосы были туго завязаны в пучок и спрятаны под бейсбольной кепкой с крупной надписью «Элвин», которую она носила козырьком назад.

В то время как Гэмей оделась в функциональный комбинезон, Траут счел неуместным менять давние привычки и наряжаться специально для погружения под воду. Как обычно, на нем были изрядно потертые джинсы, застегнутая на все пуговицы рубашка фирмы «Брукс Бразерс» с большой цветастой бабочкой, которые он коллекционировал уже много лет. Впрочем, для этого случая он специально подобрал бабочку с изображением моржей. Кроме того, Пол надел короткую курточку из прекрасной итальянской кожи. Даже его шелковое белье отличалось превосходным качеством и полностью отвечало прихотливому вкусу обладателя. Каштановые волосы были аккуратно разделены пробором и зачесаны назад, что делало его похожим на какого-то героя из романа Скотта Фицджеральда.

– Это будет несложно, – беззаботно заявила Сэнди, когда баки наполнились водой и сфера начала медленное погружение на глубину две с половиной тысячи футов. – «Элвин» погружается со скоростью примерно сто футов в минуту, стало быть, мы достигнем дна менее чем через полчаса. Если бы мы погружались на максимальную глубину пятнадцать тысяч футов, пришлось бы ждать этого около полутора часов. Обычно во время погружения мы слушаем классическую музыку, – с легкой улыбкой сказала Сэнди, – а когда всплываем, предпочитаем мягкий рок. Впрочем, сейчас вы сами можете сделать выбор.

– Думаю, Моцарт вполне подойдет, – предложила Гэмей.

В ту же минуту тесное пространство кабины заполнилось мелодичными звуками фортепианного концерта.

– Мы достигли середины пути, – сообщила Сэнди минут через пятнадцать.

Траут ответил на это сообщение широкой ухмылкой:

– Не могу дождаться, когда увижу этот подводный мегаполис собственными глазами.

Пока «Элвин» опускался на дно океана, «Атлантис» медленно обошел место погружения, а в это время команда вместе с учеными собралась в верхней лаборатории, расположенной между капитанским мостиком и картографической комнатой, где были установлены мониторы, контролирующие процесс погружения. Сэнди сообщила им о том, что все в порядке, по акустическому телефону, получила ответ, а потом повернулась к чете Траут, оставив на минуту без внимания быстро опускающийся аппарат.

– А что вы, ребята, знаете о Затерянном городе? – хитро спросила она.

– Я прочитала, – первой откликнулась Гэмей, – что это место впервые было

обнаружено в 2000 году. Если верить сообщениям, все произошло неожиданно для исследователей и стало для них сюрпризом.

Сэнди удовлетворенно кивнула.

– Словом «сюрприз» невозможно описать нашу реакцию на эту находку. Лучше сказать «потрясение». Мы спустились сюда на подводном аппарате «Арго II» с борта исследовательского судна в поисках признаков вулканической активности. Около полуночи начальник второй смены подводников вдруг увидел на экране монитора нечто, напоминающее рождественскую елку, и подумал, что мы обнаружили какой-то мощный гидротермальный источник Правда, при этом мы не заметили ни пара, ни пузырей, которые обычно сопутствуют таким источникам. Но вы ведь знаете, что слова распространяются со скоростью лесного пожара. Через некоторое время все члены экипажа этого судна сгрудились у мониторов и таращили глаза на невиданное зрелище. Между тем мы наткнулись на первые башни.

– Я слышал, какой-то ученый сказал, что если бы этот Затерянный город находился на земле, то непременно стал бы национальным парком, – вставил Траут.

– Дело не в том, что мы нашли, а в том, где именно мы нашли этот «город»! Большинство подводных гидротермальных источников, которые были обнаружены ранее, как, например, «черные курильщики», всегда находились вблизи глубоких океанских разломов, сформированных движением тектонических плит. А наш Затерянный город находился на расстоянии девяти миль от ближайшего вулканического центра. На следующий день мы послали туда «Элвин».

– Насколько я помню, некоторые башни достигают высоты двадцатиэтажного дома, – сказал Траут.

Сэнди включила внешние фонари и пристально вгляделась во мглу.

– Сами скоро увидите.

Пол и Гэмей уставились сквозь прозрачную сферу кабины и на какое-то время потеряли дар речи. Они не раз видели фотографии Затерянного города, но были явно не готовы к тому странному доисторическому пейзажу, который предстал перед их глазами. Пол растерянно заморгал, когда батисфера медленно проплывала над величественным лесом грандиозных колонн. Гэмей, – она тоже была вне себя от восторга, – не преминула заметить, что эти колонны напомнили ей «снежные призраки», которые образуются на вершинах гор, когда быстро охлажденный туман оседает на ветках деревьев.

Огромные столбы из карбоната и слюды были самых разнообразных цветов, от ослепительно белого до бежевого. Гэмей знала по своим многочисленным опытам, что белый цвет означает более активную субстанцию, в то время как темные цвета говорят о затухающей активности. В своих верхних частях огромные башни начинали расслаиваться, а на самых концах превращались в замысловатое оперение, создававшее видимость какой-то чудесной ауры: нежно-белые отростки расходились во все стороны, как грибы на старом прогнившем стволе дерева. А на самых кончиках формировались новые кристаллы, причудливые формы которых чем-то напоминали знаменитые испанские кружева.

В какой-то момент Сэнди замедлила спуск «Элвина», и они медленно проплыли мимо огромной «дымовой трубы», плоская вершина которой растянулась как минимум на тридцать футов. Эта громадная башня, казалось, была живой. Ее поверхность, покрытая толстым слоем морской растительности, шевелилась под действием морского течения, будто в каком-то музыкальном ритме.

Гэмей издала давно накопившийся звук неописуемого восторга:

– Похоже на какую-то сказочную страну!

– Я видела подобные вещи раньше и все равно не могу удержаться от восхищения, – поддержала ее Сэнди, направляя корпус подводного аппарата к самой большой башне. – А вот с этого момента все становится действительно интересным. Теплые струи воды поднимаются из-под морского дна и попадают в эти заросли. На самом деле все то, что вы сейчас видите, – огромное скопление микроорганизмов. Эти заросли задерживают в себе

теплый щелочной раствор, нагретый под океанским дном до ста шестидесяти градусов по Фаренгейту. При этом сам пласт океанского дна сформировался как минимум полтора миллиарда лет назад. Эта вода насыщена метаном, водородом и многочисленными минералами, которые поступают сюда из глубоких источников. Некоторые специалисты считают, что мы, возможно, наблюдаем сейчас за зарождением новой жизни, – сказала она притихшим от волнения голосом.

Траут повернулся к жене:

– Я легко поддаюсь на новые идеи, а что ты, как биолог, думаешь насчет этой теории?

– Такое вполне возможно, – спокойно ответила Гэмей. – Во всяком случае, условия в этой среде практически такие же, какими они были в момент зарождения жизни на Земле, а микробы, живущие вокруг этих башен, напоминают первые формы жизни, зародившиеся в древних морях и океанах. Если процесс возник и развивался без помощи вулканического тепла, то все эти микроорганизмы могли быстро распространиться по поверхности морского дна и завоевать себе жизненное пространство. Кроме того, подобные подводные источники вполне могли стать своеобразными инкубаторами жизни на других планетах. Спутники Юпитера, к примеру, могут иметь на поверхности замерзшие океаны, которые когда-то были наполнены жизнью. Срединно-Атлантический хребет имеет в длину сотни миль, так что возможности для новых открытий здесь практически безграничны.

– Поразительно, – тихо произнес Траут.

– А где находится эпицентр распространения этой горгоны? – поинтересовалась Гэмей.

Сэнди бросила быстрый взгляд на приборную доску:

– Немного на восток отсюда. Скорость нашего аппарата не такая уж высокая, максимум пара узлов в час, так что расслабьтесь и наслаждайтесь приятным путешествием, как обычно говорят пилоты пассажирам воздушного лайнера.

Вскоре башни поредели, а потом и вовсе исчезли – батисфера вышла за пределы Затерянного города. Однако через некоторое время перед их глазами открылась новая захватывающая картина.

Сэнди первая обратила внимание на новые башни и даже присвистнула от удивления.

– Боже мой, еще один Затерянный город! Невероятно!

Подводный аппарат медленно проплывал мимо огромного количества высоких башен, уходивших далеко за пределы досягаемости закрепленных на борту фонарей.

– Это делает первоначальный Затерянный город похожим на какой-то пригород, – пошутил Траут, пристально вглядываясь сквозь стекло в проплывающие мимо столбы. – Эти башни больше похожи на небоскребы, чем на простые дома. Вот эта, например, напоминает мне Эмпайр-стейт-билдинг.

– Угу, – согласилась с мужем Гэмей, не в силах оторвать взгляд от сказочной картины. – Думаю, вот оно, то самое место. Я вижу зеленый настил, похожий на водоросли кадзу.

Они приблизились к стене водорослей, которые колыхались в морской воде, как струйки дыма догорающего костра. «Элвин» поднялся на тридцать футов вверх, проплыл над зарослями, а потом снова опустился на прежнюю глубину.

– Забавно видеть зелень на такой глубине, – заметила Гэмей и сокрушенно покачала головой.

Траут какое-то время молча смотрел в окно.

– А мне это не кажется таким уж забавным, – тихо проворчал он. – А справа от нас то же самое?

Сэнди повернула аппарат так, чтобы яркий свет фонарей осветил участок морского дна с правой стороны.

– Не может быть! – неожиданно воскликнула она, словно обнаружила в подводном царстве ресторан «Макдоналдс». Опустив «Элвин» почти на самое дно, она остановилась в нескольких ярдах от него. На дне были четко видны две параллельные колеи с расстоянием между ними примерно тридцать футов.

– Похоже, мы здесь отнюдь не первые визитеры, – хмыкнул Траут.

– Как будто здесь недавно прошел гигантский бульдозер, – сказала Сэнди. – Но это невозможно. – Она сделала паузу, а потом добавила охрипшим от волнения голосом: – Может быть, это действительно затонувший город Атлантиды?

– Прекрасная идея, но эти следы выглядят совсем свежими, – возразил Траут.

Поначалу колеи шли прямо, а потом свернули в сторону и прошли мимо двух огромных башен высотой не менее трехсот футов. Затем стали попадаться башни, которые лежали на дне, как поверженные гиганты, и другие, раздробленные на мелкие куски каким-то мощным инструментом. Стало ясно, что кто-то прорубал путь в этом новом Затерянном городе.

– Похоже, здесь кто-то провел операцию по устранению лишних колонн, – заключил Траут.

Гэмей и Пол направили на это место видеокамеры, чтобы заснять на пленку место разрушения. Они углубились в новое поле подводных источников примерно на полмили. Первый Затерянный город был похож на подлесок по сравнению с этим гигантским лесом, состоявшим из плотно прижавшихся друг к другу высоких колонн. Некоторые башни были так высоки, что даже луч света «Элвина» не достигал до их вершин. Время от времени приходилось поворачивать субмарину, чтобы обогнуть заросли растительности.

– Слава Богу, что у нас есть видеокамеры, – заметила Сэнди. – Наверху ни за что бы не поверили нам на слово.

– Я и сам не могу поверить своим глазам, – признался Траут. – Я… Что это было?

– Я тоже заметила что-то странное, – всполошилась Гэмей. – Над нами прошла какая-то громадная тень.

– Кашалот? – неуверенно спросил Траут.

– На такой глубине не может быть никаких кашалотов, – покачала головой Сэнди.

– А если это гигантский спрут? Я слышал, что они могут погружаться гораздо глубже, чем киты и кашалоты.

– В таком месте все кажется возможным, – задумчиво ответила Гэмей.

Траут попросил Сэнди медленно развернуть субмарину.

– Нет проблем, – охотно согласилась та и стала медленно поворачивать подводный аппарат.

В какой-то момент они оказались в плотном окружении «небоскребов», закрывавших обзор. Стоявшая прямо перед субмариной башня, казалось, вибрировала, как туго натянутая струна. Потом две или три колонны медленно объединились и сразу же разошлись в разные стороны, как струйки дыма. У Траута было впечатление, что на них из-за колонн надвигается нечто черное, чудовищно огромное.

Не выдержав напряжения, Траут закричал, чтобы Сэнди скорее повернула аппарат назад, прекрасно понимая, что она сделает это слишком медленно и все равно не удастся избежать столкновения с чудовищем, которое надвигалось на них со скоростью гигантской медузы. Сэнди какое-то время оторопело вглядывалась в чудище и вообще никак не отреагировала на его предупреждение. А когда все же схватилась обеими руками за рычаги управления, было поздно.

Корпус «Элвина» вздрогнул от удара, послышался треск металлической обшивки. Сэнди отчаянно пыталась развернуть аппарат назад, но система управления уже не реагировала.

Траут с ужасом посмотрел в окно и увидел, что в том самом месте, где только что стояли высокие белые и бежевые колонны, прямо перед их судном раскрылась пасть колоссального чудовища.

Неумолимой силой «Элвин» был мгновенно втянут в огромную черную дыру.

Глава 18

Когда подошло время подниматься на поверхность, а «Элвин» перестал отвечать на вызовы, озабоченность на борту «Атлантиса» стала нарастать с каждой минутой. Сначала никто не мог понять, что происходит. Подводный аппарат имел впечатляющий стаж бесперебойной и безопасной работы, а также надежную систему поддержки на случай непредвиденных обстоятельств. Напряжение еще больше усилилось, когда неподалеку появился какой-то странный корабль.

Чарли Бек, склонившись над перилами, внимательно рассматривал незнакомый корабль в бинокль. Это было изрядно потрепанное старое небольшое грузовое судно, борта которого были покрыты большими пятнами ржавчины, давно требовавшими свежей покраски. Судно было в таком ужасном состоянии, что трудно было разглядеть название, вероятно, означавшее место регистрации, – «Мальта».

Бек хорошо понимал, что в данном случае название судна еще ничего не значит, – за последний год оно могло смениться пять раз, а то и больше. Что же до команды судна, то она, видимо, состояла из низкооплачиваемых моряков из какой-нибудь страны «третьего» или «четвертого» мира. Словом, к ним подходил образец типичного пиратского судна или даже судна международной террористической организации, которые давно уже получили у спецслужб название «военно-морской флот "Аль-Каиды"».

Будучи профессиональным военным, капитан Чарли Бек всегда жил в относительно стабильном и спокойном мире. Клиенты давали ему работу, он исправно выполнял ее. Иногда его посещала мысль, что со временем надо бы соорудить какой-нибудь мемориал, посвященный современным пиратам. Если бы не Уильям Тич и его кровожадный преемник, часто думал Бек, у него никогда бы не было ни своего «мерседеса», ни скоростного катера, пришвартованного в бухте Чесапикского залива, ни большого дома в штате Виргиния. Вместо этого он стал бы никчемным клерком, который просиживает остаток жизни за рабочим столом в одном из кабинетов лабиринта Пентагона, часто поглядывает на свой служебный пистолет и думает лишь о том, когда именно пустить себе пулю в лоб.

Бек был владельцем небольшой компании «Трипл-С», которая занималась консалтингом, обеспечением безопасности морских судов и принимала заказы от судовладельцев по защите их собственности от пиратов. Его специалисты работали во всех странах мира и весьма эффективно обучали экипажи морских судов тому, как безошибочно распознавать пиратов, как защищать свои суда от их внезапных наскоков в открытом море. Более того, на самых опасных участках Мирового океана хорошо вооруженные отряды фирмы «Трипл-С» сопровождали корабли клиентов и давали отпор вконец обнаглевшим морским бандитам.

Все началось с деятельности нескольких морских офицеров, которые остались не у дел после военной службы и искали применения своему опыту. С тех пор этот бизнес развивался очень быстрыми темпами благодаря безудержному росту морского пиратства. Однако по-настоящему фирма расцвела после атаки террористов на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке. Все вдруг осознали угрозу международного терроризма и не жалели денег на обеспечение своей безопасности. Бек вдруг обнаружил себя во главе довольно крупной корпорации с многомиллионным годовым оборотом.

Владельцы коммерческих судов всегда опасались морских пиратов, а после нападения на научно-исследовательское судно «Морис Эвинг» интерес к обеспечению безопасности пробудился даже у научного сообщества. Океанографическое судно «Морис Эвинг» находилось неподалеку от побережья Сомали, когда неожиданно подверглось нападению со стороны небольшого пиратского судна, команда которого открыла стрельбу из автоматов и даже выпустила по исследовательскому кораблю ракету из переносной установки. Правда, ракета прошла мимо, и «Морис Эвинг» благополучно избежал захвата, скрывшись у берегов Африки, но с тех пор многие поняли: научно-исследовательское судно может стать такой же ценной добычей, что и другие, груженные ходовым товаром. Для пиратов такой корабль мог представлять даже больший интерес, чем обычные торговые суда, так как он был почти беззащитен, не мог оказать сопротивления, а находящуюся на борту сложную электронику и

другое научное оборудование можно было выгодно продать на черном рынке. В любом случае захват одного научно-исследовательского судна приносил больше, чем можно заработать за целый год в какой-нибудь престижной фирме.

Предприимчивый бизнесмен, Чарли Бек сразу же увидел здесь весьма привлекательную нишу, которую нужно было заполнить. При этом бизнес был лишь частью его мотивации. Бек не был лишен сентиментальности, несмотря на свою жесткость и целеустремленность. Он с давних пор любил море, и поэтому участившиеся нападения пиратов на океанографические суда воспринял как личное оскорбление. Со временем Бек разработал специальную программу защиты научно-исследовательских судов, которые были особенно уязвимы для пиратов, поскольку долго оставались на одном месте и зачастую пользовались мобильными подводными аппаратами и другими дорогостоящими системами.

Что же касается «Атлантиса», то Бека наняли вместе с командой сопровождения, чтобы обеспечить безопасность во время научной экспедиции. После проведения исследований в районе Затерянного города, на что предполагалось затратить несколько дней, «Атлантис» должен был отправиться в Индийский океан, а команда компании «Трипл-С» опять-таки должна была обеспечивать его безопасность в этом неспокойном районе. Именно поэтому Чарли Бек, который во всем и всегда придерживался принципа основательности, сделал все возможное, чтобы команда «Атлантиса», как, впрочем, и его собственная, были готовы ко всяким неожиданностям. Он прочитал массу публикаций о Затерянном городе и с нетерпением ожидал начала экспедиции.

Беку было без малого шестьдесят лет, его волосы стали пепельно-серыми, а лицо покрылось сеткой тонких морщин, которая обрамляла все еще молодые искристые серые глаза. При этом он придерживался строгой диеты и много занимался физическими упражнениями, чтобы всегда быть в форме. Это позволяло ему сохранять авторитет в компании, неизменно проводить политику осторожных, продуманных перемен, соответствующих духу времени, быть достаточно жестким и требовательным к подчиненным и поддерживать в команде почти военную дисциплину.

Во время выездных операций Бек и трое его ближайших помощников постоянно тренировали ученых и членов экипажа научно-исследовательских судов на случай чрезвычайных обстоятельств. Чарли Бек не уставал напоминать: скорость и внезапность всегда являются главными союзниками пиратов. Специалисты по безопасности учили членов экипажа, как продвигаться в открытом море в дневное время, как ограничить доступ посторонним на борт судна в каком-нибудь порту, как распознать и своевременно ликвидировать потенциальную угрозу, как отражать нападение пиратов, как использовать огнетушители и другие подобные средства для защиты судна. А если все эти усилия оказались бы тщетными, то ученым пришлось бы отдать пиратам все, что тем захочется. Ни один компьютер в мире не стоит дороже человеческой жизни. Тренировки прошли успешно, но по мере нарастания научной активности о проблемах безопасности ученые стали потихоньку забывать. Тем более что в отличие от Юго-Восточной Азии или Африки район Центральной Атлантики никогда не считался опасным с точки зрения нападений. Воды здесь были относительно спокойными, никаких пиратов в последнее время не наблюдалось. Правда, с подводным аппаратом «Элвин» возникли какие-то проблемы, но здесь все равно ничего нельзя было поделать, пока он не поднимется на поверхность.

Но потом на горизонте появилось это странное судно, причем возникло оно в тот самый момент, когда субмарина перестала отвечать на постоянно повторяемые вызовы. Беку подобные совпадения всегда казались тревожными. Конечно, он помнил, что «Атлантис» находится в безопасных водах, а команда хорошо знает свои непосредственные обязанности, но вместе с тем с беспокойством следил за обстановкой и готов был к любым неожиданностям. В конце концов он поднялся на мостик, чтобы посоветоваться с капитаном. Уже поднимаясь по лестнице наверх, он услышал обрывок разговора по рации:

– Просим помощи, помогите.

Капитан судна стоял у штурвала с микрофоном в руке и отвечал:

– Мы приняли ваш сигнал. Это научно-исследовательское судно «Атлантис». Пожалуйста, объясните причину вашего бедствия.

Оглушительный треск в динамике прервал связь.

Пока капитан судна тщетно пытался ее восстановить, с кормы потрепанного судна стала подниматься струя густого черного дыма. Капитан отложил в сторону микрофон и посмотрел на палубу судна через бинокль.

– Похоже, что горит один из трюмов.

Он приказал рулевому повернуть влево и приблизиться к терпящему бедствие судну. Тем временем в динамике вновь зазвучали призывы о помощи. «Атлантис» подошел поближе и остановился в паре сотен ярдов от грузового судна. Бек внимательно осмотрел в бинокль палубу. Дым все еще шел, но Чарли крайне удивило то, что на палубе не было ни единого человека, Обычно во время пожара на судне все члены экипажа собираются на верхней палубе и отчаянно машут руками, стараясь привлечь к себе внимание. А когда опасность становится слишком реальной, спускают шлюпки или просто-напросто прыгают за борт. Пальцы Бека задрожали.

– Ну и что вы об этом всем думаете? – спросил он капитана.

Тот опустил микрофон:

– Пока не могу определить. Даже если там действительно пожар, то он не мог уничтожить всех членов экипажа. Ведь кто-то управлял судном еще пару минут назад, Кроме того, кто-то только что посылал нам сигнал бедствия.

Думаю, нужно послать туда небольшую группу людей, чтобы выяснить все обстоятельства на месте.

Возможно, члены экипажа захвачены в плен и находятся в трюме.

– Можете использовать моих людей, – предложил Бек. – Они специально обучены, могут взять корабль на абордаж и к тому же знают основы медицинской помощи. – После этих слов он хитро ухмыльнулся. – Кроме того, они уже засиделись без дела, не мешало бы немножко поупражняться.

– С удовольствием, – охотно согласился капитан. – Тем более что у меня масса проблем с тройкой, которая на «Элвине». – Он приказал первому помощнику приготовить к спуску на воду небольшую моторную лодку.

Люди Бека, стоя на верхней палубе, с тревогой наблюдали за пожаром на подозрительном судне. Бек приказал им собраться, проверить оружие и запастись боеприпасами.

– Парни, вы должны быть готовы к любым неожиданностям, – сказал им Чарли. – Можете считать это задание тренировочным, но держите ухо востро и не забывайте про оружие.

Команда тотчас пришла в движение. Люди засиделись без дела и с радостью восприняли весть о предстоящей операции. Морские охранники давно прославились неофициальной формой одежды, и военный человек сразу же отмечал вольности такого рода. Многие из них носили банданы, но тем не менее во время операции все облачились в камуфляжную форму и специальные десантные рубашки. При этом даже небольшая команда, как, например, группа Бека, была хорошо вооружена, хотя оружие, спрятанное под одеждой, и казалось незаметным для постороннего взгляда. Бек разрешил им взять с собой короткоствольные 12-зарядные пистолеты, которые разрывали человека на части. Кроме того, все были обеспечены черными винтовками Кар-15, которые были усовершенствованной версией знаменитой винтовки М-16.

Когда все было готово, Бек и его команда погрузились в моторку и быстро преодолели расстояние между обоими судами. Приблизившись к горящей развалюхе, Бек внимательно оглядел все вокруг. Все было спокойно. Тогда он направил лодку к узкому трапу, который спускался с борта прямо в воду. По его команде все надели противогазы и приготовили к бою оружие, после чего стали медленно подниматься на верхнюю палубу. Бек остался с наименее опытными членами своей команды, а остальных отправил на корму судна, чтобы

те все осмотрели, но не нарывались на неприятности. Они вернулись через пару минут и сообщили, что не встретили ни души. Тогда Бек отправил их на капитанский мостик проверить, кто передавал сообщение о бедствии. Группа разделилась на две части. Два человека стали медленно подниматься в рубку, а еще двое страховали их внизу.

– Помогите, спасите! – доносилось из открытой двери рубки.

Но когда они вошли внутрь, в рубке никого не оказалось. Бек подошел к магнитофону, над которым нависал прикрученный проволокой микрофон. Магнитофон продолжал повторять одну и ту же команду, которая гулким эхом отдавалась в ушах.

– Черт возьми! – воскликнул один из его бойцов. – Что за вонь?

Едкий запах начал пробиваться сквозь их черные маски.

– Не обращайте внимания, – спокойно скомандовал Бек, поднимая вверх пистолет. – Всем назад в лодку! Да поживее!

Последние слова Бека потонули в душераздирающем крике, который ворвался сквозь открытую дверь рубки. На пороге появился какой-то странный призрак Подчиняясь инстинкту самосохранения, Бек поднял пистолет и сделал несколько выстрелов с бедра. К душераздирающему воплю присоединился крик одного из членов его команды. Бек успел мельком заметить длинные серые волосы, желтые зубы, искрящиеся красные глаза и приземистые тела.

Пистолет был мгновенно выбит из его рук, а в горло вцепились чьи-то сильные пальцы. В следующее мгновение неведомая сила швырнула Чарли Бека на палубу, а в нос ударил мерзкий запах разлагающейся плоти.

Глава 19

Автомобиль «роллс-ройс» модели «Силвер-клауд» быстро мчался по залитой солнцем сельской местности Франции, пролетая мимо красивых фермерских домиков, живописных зеленых полей и желтеющих стогов сена. Дарнье любезно предоставил свой любимый автомобиль Остину на неопределенное время, пока тот не уехал в Прованс. В отличие от своего коллеги Дирка Питта, который предпочитал экзотические модели, Остин довольствовался обычными машинами из гаража агентства НАПИ. Когда «роллс-ройс» спускался вниз с очередного крутого холма, у него возникало чувство, будто он управляет ковром-самолетом.

Скай сидела рядом и даже не пыталась придерживать волосы, развевающиеся на ветру; окно было открыто. В какой-то момент она заметила слабую улыбку на губах Курта.

– Готова дорого заплатить за то, чтобы узнать, о чем ты думаешь.

– Я просто поздравил себя с редкой удачей, – ответил он. – Трудно поверить, что я мчусь на шикарном автомобиле по прекрасным местам, которые могли вдохновить даже Ван Гога. Кроме того, рядом со мной сидит прекрасная женщина, и все это удовольствие оплачивает агентство НАПИ.

Скай мечтательно обвела взглядом пейзаж за окном.

– Плохо, что тебе кто-то оплачивает твое путешествие, – сказала она. – Иначе мы могли бы хоть на какое-то время забыть про Фошара и отправиться куда-нибудь… по собственному усмотрению. Мне так надоело это гнусное дело.

– Это не отнимет у нас слишком много времени, – успокоил ее Остин. – Некоторое время назад мы проехали чудное место, а когда закончим с этим мошенником Фошаром, можем вернуться сюда и наконец-то поужинать. Сбудутся наши мечты…

– Да, это очень серьезная причина, чтобы провести нашу встречу с Фошаром как можно быстрее. – Автомобиль подъехал к перекрестку и притормозил. Скай посмотрела на карту. – Скоро надо будет свернуть с шоссе.

Через несколько минут Остин повернул руль и выехал на узкую проселочную дорогу, во все стороны от которой отходили грязные колеи от колес грузовиков. Они тянулись к раскинувшимся до самого горизонта виноградникам. Вскоре густые виноградники поредели,

и автомобиль выехал на освещенную уличными фонарями дорогу, вдоль которой тянулся высокий забор с угрожающей надписью на нескольких языках: «Частная собственность. Проход запрещен». Ворота были открыты, и они не задумываясь въехали на территорию поместья. Высокие старые деревья нависли над дорогой с обеих сторон, а густые кроны почти полностью закрывали ее от солнечного света. Тень была настолько плотной, что температура воздуха сразу же понизилась на несколько градусов. Скай обхватила себя обеими руками, передернув плечами от прохлады.

– Холодно? – заботливо спросил Остин. – Можно закрыть окна.

– Нет, ничего страшного, – возразила она. – Просто я не была готова окунуться в такую прохладу после залитых солнцем виноградников. Этот старый лес… навевает на меня дурные мысли.

Остин посмотрел на окружающий их дремучий лес, но увидел только какие-то странные тени, мелькающие между огромными деревьями. Иногда лес расступался, открывая небольшие поляны, но светлее от этого не становилось. Он даже включил передние фары, чтобы лучше видеть дорогу, но зловещая темнота стала еще гуще.

Через некоторое время дорога расширилась, а по обеим сторонам от нее, словно могучие стражники, выстроились старые дубы с разлапистыми кронами. Широкие ветки переплетались вверху, образуя причудливую аллею, напоминающую тоннель. Она тянулась примерно на милю, а потом неожиданно оборвалась, после чего дорога резко пошла вверх.

– Господи! – невольно воскликнула Скай, увидев на вершине холма огромное серое здание из темного гранита.

Остин тоже уставился на высокие крепостные стены и конические башни средневекового замка.

– Такое ощущение, что мы вернулись на несколько столетий назад и очутились в Трансильвании четырнадцатого века.

Скай даже прикрыла губы рукой от волнения.

– Зловещее, но по-своему прекрасное сооружение, – прошептала она.

На Остина средневековая архитектура этого шато произвела менее чарующее впечатление. Он удивленно покосился на спутницу:

– Точно также обычно описывают первое впечатление от замка Дракулы.

«Роллс-ройс» свернул на покрытую гравием дорожку, обогнул огромный фонтан, сооруженный в виде группы одетых в средневековые доспехи воинов, сражающихся плечом к плечу с каким-то злобным врагом. Бронзовые лица рыцарей были перекошены от ярости и ненависти.

– Очаровательная скульптурная композиция, – не без ехидства заметил Остин.

– Угу, – вполне серьезно поддержала его Скай. – Абсолютный гротеск.

Остин остановил машину возле небольшого мостика, перекинутого над широким прудом, от зеленовато-коричневой поверхности которого исходил терпкий запах застоявшегося болота. Они вышли из машины, прошли по мостику и через невысокие ворота вошли на территорию вымощенного старыми камнями двора, который окружал шато со всех сторон, отделяя его от высокой каменной стены. У входа гостей никто не встретил, поэтому они сами пересекли широкий двор и поднялись по каменной лестнице на террасу.

Остин подошел к массивной двери с металлической окантовкой и положил руку на кольцо, с помощью которого посетители извещают о своем визите.

– Тебе это не кажется знакомым?

– Да… Тот самый орел, изображение которого мы видели на обломках аэроплана и на шлеме.

Молча кивнув, Остин дважды стукнул кольцом по двери.

– Не удивлюсь, если дверь откроет какой-нибудь беззубый горбун по имени Игорь, – шутливым тоном сказал он.

– Если это случится, я сразу же брошусь назад к машине.

– Если это случится, – засмеялся Остин, – прошу не путаться у меня под ногами!

Мужчина, который отворил им дверь, не был ни беззубым, ни горбуном. Напротив, он был высок, строен, с ухоженным замкнутым лицом, светлыми волосами и одет в костюм для игры в теннис. На первый взгляд ему было от сорока до пятидесяти, хотя сложно было определить возраст, – лицо его не имело каких бы то ни было признаков морщин, а сам он сложением напоминал профессионального атлета.

– Вы, должно быть, мистер Остин, – проговорил высокий мужчина с улыбкой и протянул руку для приветствия.

– Совершенно верно, а это моя ассистентка мадемуазель Буше.

– Эмиль Фошар, – представился хозяин дома. – Рад познакомиться. Очень приятно, что вы потрудились приехать из самого Парижа. Моя мать уже с нетерпением ждет вас. Проходите, пожалуйста.

Он повел гостей внутрь через огромное фойе и быстро зашагал по ковровой дорожке вдоль стен, украшенных мифологическими сюжетами. Расписан был даже потолок, на котором виднелись фигуры сказочных нимф, сатиров и кентавров в окружении столь же сказочного леса. В какой-то момент Скай наклонилась к Остину и прошептала ему на ухо:

– Твоя теория насчет Игоря полностью провалилась.

– Это было просто предположение, – спокойно отозвался тот.

Скай закатила глаза, как всегда в ответ на невозмутимость Остина.

Длинный коридор показался им бесконечным, хотя прогулку вряд ли можно было назвать скучной. Стены коридора были украшены чудными сценами средневековой охоты, причем фигуры аристократов и животных были выполнены на темных деревянных панелях и в натуральную величину. Рельефы поражали реалистичностью, а дикие кабаны и олени казались просто беспомощными перед вооруженными до зубов феодалами.

Внезапно Фошар остановился перед массивной дверью, открыл ее и широким жестом пригласил гостей внутрь.

Комната, в которую они вошли, была полной противоположностью всему тому, что они видели с фасада и главного входа замка с его вычурной средневековой архитектурой. Маленькая, уютная, она низким потолком и стенами, заставленными полками с антикварными книгами, напоминала обыкновенную комнату в каком-нибудь загородном коттедже. В углу в кожаном кресле сидела женщина, которая что-то читала при свете слабо пробивающегося сквозь плотные шторы солнца.

– Мама, – мягко произнес Фошар, – прибыли наши гости. Это мистер Остин и его ассистентка мадемуазель Буше.

Скай улыбнулась, услышав фамилию, которую она случайно выбрала из парижского телефонного справочника.

Дама вежливо улыбнулась и, отложив в сторону книгу, встала, чтобы поприветствовать гостей. Черный деловой костюм и светлый лиловый шарф оттеняли ее бледное лицо и серебристые волосы. Она подошла к ним грациозной, как у балерины, походкой, пожала им руки. Рукопожатие пожилой леди оказалось на удивление крепким.

– Присаживайтесь, прошу вас, – широким жестом предложила она, показывая на два старинных стула, а потом добавила, бросив быстрый взгляд на сына: – Наши гости, вероятно, умирают от жажды после столь утомительного путешествия.

Гости не преминули заметить, что она говорит по-английски без малейшего акцента.

– Я позабочусь об этом, – послушно сказал Эмиль.

Минуту спустя в комнату вошел слуга с большим подносом, на котором стояли бутылка минеральной воды и сверкающие чистотой стаканы. Хозяйка дома отпустила слугу, а потом стала наливать воду в стаканы. Остин пристально наблюдал за ней. Как и в случае с ее сыном, было практически невозможно определить возраст хозяйки замка. На первый взгляд ей могло быть от сорока до шестидесяти, но вне зависимости от паспортного возраста женщина все еще была прекрасной в классическом смысле этого слова. Несмотря на тончайшую паутину морщинок вокруг серо-голубоватых глаз, излучавших неиссякаемую жизненную энергию, ее лицо было безупречно чистым, ровным и необыкновенно умным.

Впечатление усиливала таинственная улыбка, которая придавала ее выражению черты загадочности и какой-то необыкновенной мудрости. А когда мадам Фошар говорила, ее голос лишь изредка искажался сухостью, столь характерной для людей преклонного возраста.

– Очень мило с вашей стороны, мистер Остин и мадемуазель Буше, что вы проделали столь долгий путь от Парижа до нашего скромного поместья.

– Ну что вы, мадам Фошар, – мгновенно отреагировал Остин. – Вы, должно быть, чрезвычайно заняты собственными делами, и я очень благодарен, что любезно согласились встретиться с нами и ответить на некоторые вопросы.

Она подняла вверх ладони жестом великодушного умиления.

– Ну как же я могла не встретиться с вами после столь сенсационного открытия? Откровенно говоря, я была в шоке, когда узнала, что тело, совершенно случайно обнаруженное во льдах Спящего Человека, может принадлежать моему славному дяде Жюлю. Я сама не раз летала на самолете над Альпами, но мне и в голову не приходило, что там может покоиться тело предка, прославившего мой род. Вы уверены, что это действительно мой дядя Жюль?

– Лично я не видел этого человека, – осторожно заметил Остин, – и поэтому не могу поклясться в точной идентификации, но самолет фирмы «Моран-Солнье», обломки которого я нашел на дне ледникового озера, вне всяких сомнений, принадлежал Жюлю Фошару, об этом свидетельствует заводской номер на фюзеляже. Разумеется, это косвенное доказательство, но тем не менее вполне убедительное.

Мадам Фошар рассеянно уставилась куда-то в пространство.

– Да, это вполне мог быть Жюль Фошар, – задумчиво сказала она скорее себе, чем гостям. Помолчав, она продолжила: – Он пропал в 1914 году, после того как вылетел отсюда на своем аэроплане фирмы «Моран-Солнье». Дядя очень любил летать и даже окончил Французскую военную авиационную школу, поэтому без особого труда мог управлять самыми различными типами аэропланов. Бедняжка! Похоже, у него кончилось горючее или он попал в неблагоприятные погодные условия, что в Альпах случается довольно часто.

– Да, но это довольно далеко отсюда, – осторожно вступила Скай. – Интересно, что заставило его проделать такой сложный и опасный путь?

Мадам Фошар ответила с очаровательной улыбкой:

– Знаете, он был тихопомешанным. Такое иногда случается в аристократических семьях. – Она сделала паузу и вновь повернулась к Остину: – Насколько я знаю, вы работаете на агентство НАПИ. Впрочем, ничего странного в этом нет. Ваша фамилия довольно часто мелькает в газетах и в новостных телепередачах. Поражаюсь, насколько умным и изобретательным было ваше решение использовать миниатюрную подводную лодку для спасения застрявших под ледником ученых.

– Я сделал это не один, – скромно напомнил Остин. – Мне помогали очень многие люди.

– Скромность украшает глубокий ум, – улыбнулась мадам Фошар с таким выражением лица, словно хотела подчеркнуть, что проявляет к гостю более глубокий интерес, чем обыкновенное любопытство. – Я читала в газетах, как какой-то безумец напал на вас в тоннеле с оружием в руках. Интересно, что ему было нужно?

– Это сложный вопрос. Вероятно, он хотел сделать так, чтобы никто и никогда не смог извлечь тело погибшего из ледника. Кроме того, он унес с собой металлический контейнер, в котором, возможно, хранились важные документы.

– Жаль, – с искренним сожалением вздохнула хозяйка замка. – Возможно, эти документы могли бы пролить свет на довольно странное поведение моего дядюшки. Вы спросили, мадемуазель Буше, что он делал в Альпах. Я могу лишь догадываться об этом. Понимаете, Жюль много страдал.

– Он был болен? – поинтересовалась Скай.

– Нет, но он был весьма чувствительным человеком, обожал искусство и литературу.

Откровенно говоря, ему надо было бы родиться в другой семье. Жюль переживал из-за того, что принадлежал к семейству, члены которого прослыли «торговцами смертью».

– Что ж, его можно понять, – сказал Остин.

– Нас называли еще более мерзкими словами, месье. Но, поверьте мне, несмотря на все превратности судьбы, Жюль был истинным бизнесменом. Он был необыкновенно хитер, а его способность действовать исподтишка могла бы составить честь самому Макиавелли. Именно под его руководством наша компания стала по-настоящему процветающей.

– Этот образ совсем не соответствует тому, что вы только что сказали о его мягком и ранимом характере.

– Жюль ненавидел насилие, а ведь с ним неизбежно связаны производимые нами товары. Но при этом дядя прекрасно понимал, что, если мы не будем производить и продавать оружие, этим займется кто-то другой. Он был большим поклонником Альфреда Нобеля и, как и тот, немало сил отдал делу укрепления мира во всем мире. Иначе говоря, он видел себя в роли человека, который поддерживает необходимое равновесие во всем мире.

– Однако что-то лишило равновесия его самого.

Мадам Фошар кивнула.

– Мы считаем, что это была уже вполне очевидная перспектива Первой мировой. Войну начали невежественные и амбициозные политические деятели, но сейчас уже ни для кого не секрет, что подталкивали их к этому именно производители оружия и те, кто его продавал.

– Как семейства Фошаров и Круппов?

– Круппы – просто выскочки. – Она сморщила нос, как будто от неприятного запаха. – Самые настоящие парвеню, ничтожные угольщики, которые сколотили свое состояние на крови и поте несчастных рабочих! А семейство Фошаров занималось производством оружия в течение многих столетий, задолго до того, как в Средние века на свет появилось семейство Круппов. Что вам известно о нашей семье, мистер Остин?

– В основном то, что ваше семейство окружено тайной, чрезвычайно закрыто, как створки моллюска.

Мадам Фошар рассмеялась:

– Если вы имеете дело с производством оружия, секретность, таинственность не может быть ругательным эпитетом. Однако лично я предпочла бы слово «осмотрительность». – Она склонила голову, словно задумавшись о чем-то важном, а потом встала. – Прошу вас пройти со мной Я покажу вам нечто такое, что скажет вам о семействе Фошаров гораздо больше, чем тысяча ненужных слов.

Хозяйка повела их по длинному коридору в самый конец замка, где высокие арочные двери из ценных пород дерева были украшены изображениями трехглавых орлов.

– Это оружейная комната нашего замка, – сказала она, пропуская гостей в святая святых. – Здесь находятся душа и сердце славной империи Фошаров.

Остин и Скай вошли в большой зал с высокими потолками, остроконечными сводами и украшенными до самого потолка стенами. Все вокруг напоминало какой-то кафедральный собор, а не оружейную комнату средневекового замка. Они остановились перед небольшой нишей, обрамленной высокими колоннами, отдаленно напоминающей алтарь храма. Правда, в отличие от алтаря там были выставлены не изображения святых и отцов церкви, а образцы оружия, экспозиция которого была организована в строго хронологическом порядке. Еще большее количество оружия было выставлено во втором ярусе, который огибал огромное помещение по периметру.

А непосредственно перед ними возвышались четыре конные статуи средневековых рыцарей с полным набором оружия. Причем стояли они в такой воинственной дозе, что, казалось, охраняют оружейную комнату от незваных гостей.

Скай осмотрела рыцарские доспехи с профессиональной дотошностью и осталась довольна:

– Объем и содержание вашей коллекции просто поражают воображение.

Мадам Фошар подошла к рыцарям и остановилась перед ними.

– Танки своего времени, – сказала она. – Представьте себя бедным пехотинцем, вооруженным одним лишь копьем, на которого мчится такая закованная в броню громадина. – Она хищно улыбнулась, словно предвкушая неизбежную развязку.

– Да, сопротивление бесполезно, – согласилась Скай, – но только не по отношению к воинам, вооруженным более передовой тактикой и современным оружием. Например, с помощью дальнобойного лука и стрел с закаленными стальными наконечниками можно было легко пробить рыцарские доспехи, причем с дальнего расстояния, что делало обороняющихся пехотинцев практически неуязвимыми. А уж об алебарде и говорить нечего. Она может пробить закованного в броню рыцаря и свалить его с лошади, а потом его можно легко разрубить надвое с помощью обоюдоострого меча. Я уж не говорю о том, что все эти доспехи становятся совершенно бесполезными в условиях применения огнестрельного оружия.

– Совершенно верно, – улыбнулась мадам Фошар. – Вы точно подметили главные особенности нашего оружейного бизнеса и даже приоткрыли тайну нашего успеха в этом деле. Каждое новое оружие неизбежно порождает соответствующие средства защиты, а это, в свою очередь, приводит к дальнейшему прогрессу в создании вооружения. Похоже, мадемуазель знает, о чем говорит. – Мадам Фошар удивленно вскинула бровь.

– Мой брат увлечен коллекционированием старинного оружия, – извиняющимся тоном пояснила Скай. – Я просто не могла не научиться у него некоторым общим вещам.

– Да, вы многому научились, – хитро прищурилась мадам Фошар. – Все выставленные здесь предметы произведены на свет представителями рода Фошаров. Что вы можете сказать об оружейном искусстве нашего семейства?

Скай внимательно рассмотрела некоторые образцы в ближайшей к ней витрине и покачала головой:

– Ну что тут скажешь? Вот эти шлемы, к примеру, выглядят очень примитивными, но на самом деле сделаны добротно и вполне отвечают требованиям своего времени. Полагаю, им не менее двух тысяч лет.

– Браво! – вырвалось у мадам Фошар. – Они действительно были сделаны еще в доримские времена.

– Никогда не думал, что род Фошаров такой древний, – откровенно признался Остин.

– А я не была бы сильно удивлена, если бы узнала, что некто отыскал древнюю пещеру, на стене которой было бы изображено, как основатели рода Фошаров изготавливают наконечник копья для какого-нибудь клиента эпохи неолита…

– Однако ваше шато слишком далеко отстоит от неолитических времен как географически, так и хронологически.

– Да, мы прошли очень долгий путь от своих давних предшественников, – согласилась мадам Фошар. – Наши предки были известны как оружейники еще на Кипре, который всегда был самым оживленным перекрестком важнейших торговых путей Средиземноморья. Когда там появились первые крестоносцы, они были в восторге от наших мастеров. Благородные рыцари того времени считали делом чести коллекционировать лучшие образцы оружия в своих замках. А потом мои далекие предки переехали во Францию и основали несколько мастерских по производству оружия. Вскоре после этого основатели производства, прибывшие с Кипра, соединили свое дело с другими двумя производителями оружия, заключив брачные союзы, и положили начало новой династии оружейников.

– Поэтому на вашем гербе изображен орел с тремя головами?

– Вы весьма наблюдательны, месье Остин. Разумеется, это так. Со временем две другие семьи измельчали, род Фошаров стал единственным представителем бизнеса, в руках которого оказались все производство оружия и его продажа. Наша семья владела несколькими крупными оружейными магазинами, а потом мы стали посылать торговых агентов и в другие страны Европы. С периода Тридцатилетней войны и до Наполеоновских войн начала девятнадцатого века спрос на оружие был чрезвычайно высок. Впрочем, он не

уменьшился и позднее… Франко-прусская война принесла нам огромный доход, а ее последствия заложили основу для будущей Первой мировой войны.

– Которая положила конец прибыльному бизнесу вашего дорогого дядюшки.

Мадам Фошар уныло кивнула:

– Да, по мере приближения этой войны Жюль становился все более мрачным, нелюдимым. К тому времени наш бизнес уже обрел форму могущественного картеля и стал называться «Спиар индастриз». Дядя всеми силами пытался уговорить членов семейства отказаться от оружейного бизнеса и участия в начавшейся гонке вооружений, но было слишком поздно. Как справедливо заметил Ленин в то время, Европа уже превратилась в пороховую бочку.

– И взорвало эту бочку убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда.

– Эрцгерцог был всего-навсего неотесанным мужиком, – небрежно заметила мадам Фошар, пошевелив длинными ухоженными пальцами. – Его смерть явилась скорее предлогом, чем искрой. Все международные оружейные компании были связаны друг с другом многочисленными соглашениями и обязательствами. Все патроны или бомбы, которые взрывались на полях Первой мировой войны, означали увеличение прибыли как производителей оружия, так и акционеров. Компании Круппа делали деньги на гибели германских солдат, а «Спиар индастриз» – на смерти французских солдат. Жюль прекрасно понимал, что невольно предстанет виновником всей этой катастрофы, и отчаянно искал выход из положения.

– Значит, он стал еще одной жертвой этой войны?

– Мой дядюшка был убежденным идеалистом. Его страсть сделала его матерым бизнесменом, она же его и погубила. Самое ужасное во всей этой истории заключается в том, что его ждала та же участь, что и рядовых, задохнувшихся от газов в окопах. А несколько десятилетий спустя политические лидеры втянули мир в еще одну войну, в результате которой все заводы семейства Фошаров были разбомблены вражеской авиацией, а рабочие погибли. Конечно, мы постарались восстановить производство во время «холодной войны», но потом мир коренным образом изменился.

– Тем не менее он по-прежнему остается опасным, если судить по тому, что я видел в последнее время, – грустно заметил Остин.

– Да, оружие сейчас намного опаснее, чем раньше, но конфликты стали преимущественно региональными, а их длительность существенно сократилась. Некоторые правительства, например ваше собственное, предпочли заменить собой обычных торговцев оружием. С тех пор как я возглавила компанию «Спиар индастриз», нам пришлось существенным образом диверсифицировать ее деятельность, преобразовать в холдинг и переключиться на производство специфических услуг и товаров. Откровенно говоря, наш бизнес держится сейчас только на всеобщем страхе перед международными террористическими организациями.

– Любопытно, – хмыкнул Остин. – Благодарю вас за столь откровенный разговор.

– Возвращаясь к сегодняшним дням, – сказала она, кивнув в ответ на его реплику, – мне бы хотелось знать, мистер Остин, каковы реальные перспективы поднятия на поверхность обломков самолета, который вы обнаружили на дне озера?

– Это будет весьма кропотливая и деликатная работа, но вполне доступная для высококвалифицированных спасателей. Если хотите, могу порекомендовать вам кое-кого, назвать несколько имен.

– Большое спасибо. Мы стараемся вернуть себе все. что так или иначе является собственностью нашего рода. Вы хотите вернуться в Париж сегодня?

– Да, это входило в наши планы.

– Я провожу вас к выходу.

Мадам Фошар вывела их по другому коридору, стены которого были увешаны многочисленными портретами Через некоторое время она остановилась перед портретом человека в длинном кожаном пальто.

– Мой дядюшка Жюль Фошар, – сообщила она, глядя на изображение человека с орлиным носом и огромными усами, который стоял перед точно таким же аэропланом, который Остин совсем недавно видел в ангаре Французского авиационного музея. Более того на нем был точно такой же шлем, какой Скай отдала на экспертизу своему другу Дарнье.

Возглас удивления сорвался с губ Скай в этот момент. Он был едва заметен, но мадам Фошар пристально уставилась на молодую женщину.

– Вас что-то взволновало, мадемуазель? – спросила она.

– Нет, – ответила та, натужно закашлявшись. – Просто мне очень понравился этот шлем. Он есть в вашей богатой коллекции?

Расин долго смотрела на Скай немигающим взглядом.

– Нет, к сожалению.

Остин попытался перевести разговор в другое русло.

– В чертах вашего дяди нет почти никакого семейного сходства с вами или с вашим сыном, – сказал он.

Расин сдержанно усмехнулась:

– Если вы успели заметить, все представители рода Фошаров имеют грубые черты лица. Мы же унаследовали черты моего дедушки, в жилах которого не было ни капли родовой крови Фошаров. Он женился на женщине из рода Фошаров и взял себе ее фамилию, вот и все. Разумеется, это был брак по расчету, совершенный в интересах сохранения рода и продолжения семейного бизнеса. В то время в семействе Фошаров не было наследника мужского пола, поэтому они произвели на свет одного из них.

– Да, у вас чрезвычайно любопытная семья, – подытожила Скай.

– Конечно, хотя вы не знаете и половины истинной ее истории. – Какое-то время хозяйка замка настороженно смотрела на Скай, потом улыбнулась. – У меня есть замечательная идея. Почему бы вам не остаться у нас на ужин? Все равно сегодня вечером будут гости, и все будут в маскарадных масках, как в старые добрые времена. Небольшой костюмированный бал.

– Путь до Парижа слишком долгий, – деликатно возразил Остин. – К тому же у нас нет с собой костюмов.

– Вы можете остаться здесь в качестве моих почетных гостей, для подобных случаев у меня есть в запасе костюмы. Мы непременно подберем что-нибудь подходящее. Думаю, вам здесь будет вполне комфортно.

А завтра утром вы можете отправиться в обратный путь. И не вздумайте возражать, я все равно не приму ваши объяснения.

– Вы очень любезны, мадам Фошар, – улыбнулась Скай. – Но нам не хотелось бы навязывать вам свое общество.

– Ничего вы нам не навязываете, – отмахнулась та. – А сейчас, если позволите, я должна обсудить со своим сыном предстоящую вечеринку. Пожалуйста, чувствуйте себя как дома и посмотрите все, что привлечет ваше внимание на первом этаже шато. На верхних этажах находятся наши жилые апартаменты.

Не сказав больше ни слова, мадам Фошар быстро направилась вдоль длинного коридора, оставив гостей наедине с ее древними предками.

– Что все это значит? – недоуменно спросил Остин, когда хозяйка замка скрылась за углом коридора.

Скай в ответ всплеснула руками, а потом радостно потерла их.

– Мой план сработал! – сказала она. – Я специально проговорилась насчет того, что являюсь крупным специалистом в области старинного оружия, чтобы привлечь ее внимание. И как только я забросила этот крючок, она сразу же клюнула! Послушай, Курт, ты сам говорил, что семейка Фошаров – главный ключ к разгадке скрытой в леднике тайны и нападения на антикварный салон Шарля Дарнье. Мы не можем так просто уехать отсюда с пустыми руками. Так чем же ты недоволен?

– Тем, что ты можешь оказаться в опасности. У тебя просто челюсть отвисла, когда ты

увидела на стене портрет старика Жюля! Кроме того, она хорошо знает, что ты видела этот шлем.

– Ну, это не входило в мои планы… Я и впрямь оторопела, когда увидела на голове Жюля тот самый шлем, который нашла в леднике. Послушай, я не хочу упускать такой шанс. Кроме того, костюмированный бал может быть чрезвычайно забавным зрелищем. Ну не станет же она замышлять против нас что-то непотребное в присутствии многочисленных гостей? Мадам показалась мне весьма симпатичной особой, а не старой мегерой, какой я ее себе представляла.

Эти слова Остина не убедили. Конечно, мадам Фошар выглядела весьма мило, но Остин нутром чуял, что за приятным фасадом скрываются хитрость и коварство старой лисы. Она прекрасно сыграла свою роль. От внимания Остина не ускользнул настораживающий и откровенно враждебный взгляд, который она бросила на Скай, когда та уставилась на какой-то портрет висевший прямо над ее головой. Он был абсолютно уверен, что не Скай, а сама мадам Фошар забросила крючок и поймала ее на живца. В его ушах звенели тревожные колокольчики, но он все же улыбнулся спутнице, явно не желая расстраивать ее.

– Давай посмотрим, что тут еще есть, – предложил он.

У них ушло не меньше часа, чтобы обойти первый этаж, пространство которого охватывало несколько акров. Правда, они видели только то, что было выставлено в коридорах, все двери оказались запертыми. Пока гости петляли в этих лабиринтах, Остин старательно запоминал расположение коридоров, изучая возможные пути отступления. В конце концов они снова вернулись в вестибюль, где беспокойство Остина еще больше усилилось.

– Странно, – тихо заметил он, – такое огромное здание требует большого количества прислуги, а мы не видели здесь ни единой души, если не считать самих Фошаров и того слуги, который принес нам воду.

– Да, странно, – согласилась Скай и попробовала открыть парадную дверь. Она была не заперта. – Посмотрите сюда, мистер Паникер. Мы можем покинуть замок в любой момент!

Они вышли на террасу и направились к воротам через небольшое пространство двора, покрытое гравием. Мостик через небольшой пруд был опущен, но, как только они ступили на него, металлическая решетка, до этого поднятая, сразу же опустилась. Остин положил руки на перила моста и посмотрел через металлическую решетку на то место, где они оставили машину.

– Мы не сможем покинуть это место по собственному желанию, – сказал он с угрюмой ухмылкой.

Оставленный во дворе замка «роллс-ройс» таинственно исчез.

Глава 20

«Элвин» быстро приподнялся, как морская чайка над пенистой поверхностью воды, а потом рухнул куда-то вниз, заскрежетав корпусом о металлическую поверхность. Удар был такой силы, что сорвал всех троих членов экипажа с мест и швырнул на пол. Траут постарался не задеть жену и не опрокинуть хрупкую фигуру пилота, но его массивное тело не годилось для таких акробатических трюков, и мужчина всей свой массой рухнул между сиденьем и приборной панелью. От удара у него потемнело в глазах, а потом посыпались искры. Когда они немного рассеялись, он открыл глаза и увидел перед собой обеспокоенное лицо Гэмей.

– Ты в порядке? – озабоченно спросила она.

Траут молча кивнул, а потом с большим трудом взгромоздился на свое место и осторожно ощупал пальцами голову, В месте ушиба ощущалась легкая боль, но крови не было.

– Что это было? – спросила Сэнди.

– Понятия не имею, – сухо ответил Траут. – Сейчас посмотрим.

Преодолевая неприятное чувство тревоги – сосало под ложечкой, – он подполз к иллюминатору, размышляя, сможет ли он вообще что-нибудь разглядеть после такого удара. Но, подняв голову, вдруг обнаружил прямо перед собой перекошенное от злости лицо какого-то типа. Заметив, что Пол смотрит на него, тот постучал стволом пистолета по прочному стеклу кабины и показал пальцем вверх. Сигнал был ясен. Незнакомец хотел, чтобы Траут открыл входной люк и выбрался наружу.

В этот момент Гэмей приблизилась к другому иллюминатору.

– Что за отвратительный тип, – тихо прошептала она. – И к тому же с оружием в руке.

– С этой стороны тоже, – так же тихо отозвался Траут. – Они хотят, чтобы мы вышли из субмарины.

– Что же теперь делать? – взволнованно спросила Сэнди.

С внешней стороны кто-то стал громко стучать по обшивке.

– Вот что, – решительно начал Траут. – Пока мы не разведаем обстановку и не сможем использовать нашу субмарину в качестве атакующего судна, придется выполнять все их указания.

Он встал на ноги и открыл люк В субмарину ворвался теплый, сырой воздух, а в отверстии люка показалось лицо того самого человека, который смотрел на Пола извне. Он приказал жестом выходить наружу и тут же исчез. Траут с трудом протиснулся в узкое отверстие люка и огляделся. Небольшая субмарина была окружена шестью вооруженными до зубов людьми.

Ученый медленно выбрался из люка и ступил на мокрую поверхность корпуса «Элвина». Вслед за ним в люке появилась голова Сэнди, которая охнула, увидев столько вооруженных людей. На какое-то мгновение она замерла словно раздумывая, стоит ли выходить, но Гэмей подтолкнула ее снизу. Траут протянул пилоту руку и помог подняться на металлический корпус судна.

«Элвин» находился в довольно большом помещении, которое напоминало огромный гараж как минимум на три автомобиля. Воздух здесь был пропитан запахом соленой морской воды, которая стекала с корпуса субмарины на металлический пол и мгновенно исчезала в открытых кингстонах. Откуда-то издалека доносился приглушенный шум мощных двигателей. Траут догадался, что они попали в чрево колоссальной подводной лодки. С одной стороны этого огромного трюма виднелись створки ворот, напоминавшие пасть морского чудовища, через которые они и попали сюда. Субмарина-захватчик просто проглотила крохотный подводный аппарат, как крупная хищная рыба заглатывает мелкую рыбешку.

Вооруженный человек подошел к противоположной стене трюма, нажал кнопку, и перед ними медленно отворилась большая металлическая дверь. Он молча показал пленникам стволом пистолета, чтобы они следовали за ним. Через минуту все оказались в небольшом, ярко освещенном отсеке, который напоминал склад роботов и другой хитроумной техники. На переборке висела по меньшей мере дюжина так называемых «лунных костюмов» с растопыренными во все стороны рукавами и острыми, как когти хищной птицы, пальцами перчаток Траут немало времени проработал в агентстве НАПИ и хорошо знал предназначение этих костюмов. То были специальные скафандры для подводного плавания, которые, как миниатюрные подводные лодки, могли опускаться на большую глубину, обеспечивали человеку длительное существование в автономном режиме и позволяли передвигаться на большие расстояния.

Дверь позади них с шумом захлопнулась, и пленники под конвоем направились вперед по узкому коридору. На голубой униформе вооруженных охранников не было ни знаков различия, ни названия судна, а суровые лица не выказывали никакого дружелюбия. Все мужчины были крепкие, мускулистые, коротко стриженные и напоминали хорошо натренированных военных На первый взгляд им было лет по тридцать – сорок, то есть они были далеко не призывного возраста. Определить их национальность было невозможно, поскольку все молчали, общаясь с помощью весьма выразительных жестов. Траут пришел к

выводу, что скорее всего их захватили наемники, причем не исключено, что из состава сил специального назначения.

Они быстро прошли через несколько отсеков подводной лодки, потом пленников втолкнули в тесную каюту и оставили одних, заперев дверь. В помещении находились стол, две койки с матрацами, один стул и небольшой встроенный шкаф, клозет и умывальник.

– Уютно, – грустно сказала Гэмей.

– Похоже на каюту третьего класса, – заметил Траут, с трудом выговаривая слова. В голове у него все еще шумело от удара, и он постоянно прикладывал руку, потирая ушибленное место. – Все в порядке, – быстро добавил он, поймав встревоженный взгляд жены, – но мне нужно немного посидеть.

– Тебе нужна медицинская помощь, – возразила Гэмей.

Пока Траут сидел на койке, поглаживая рукой голову, Гэмей подошла к умывальнику, открыла воду и намочила полотенце. Траут прикладывал холодное полотенце к ушибу, а Гэмей и Сэнди по очереди смачивали компресс холодной водой. Через некоторое время ему действительно стало легче. Пол поправил сбившийся набок галстук и даже попытался причесаться растопыренными пальцами.

– Ну что, лучше? – поинтересовалась Гэмей.

Немножко взбодрившийся Траут выдавил улыбку.

– Ты всегда говорила, что у меня большая голова. Сэнди рассмеялась сквозь слезы.

– Как вы можете быть такими спокойными? – удивилась она, вытирая предательские капли со щек.

На самом деле поведение Траутов было всего лишь бравадой, а не расчетливым прагматизмом, тем паче – проявлением уверенности в том, что они сумеют найти выход из положения. Конечно, по работе Траут неоднократно сталкивался с опасностью, а за его академическим лоском скрывались решительность и храбрость предков, давних жителей Новой Англии. Еще его прапрадед посвятил свою жизнь службе спасения на водах, девизом которой было «Ты обязан отправиться на операцию, но не обязан вернуться». Дед Пола Траута, отважный рыбак, неоднократно рисковал жизнью ради большой удачи, а отец, тоже, кстати сказать, рыбак, обучил сына морскому делу и привил любовь к приключениям. Именно он научил Пола любить море и полагаться только на собственные силы.

Что же касается его жены Гэмей, то она, с ее безупречной фигурой, стройной осанкой, легкой походкой, темно-рыжими волосами и очаровательной улыбкой, больше напоминала актрису или модель, чем научного работника, посвятившего жизнь исследованию морских водорослей. В детстве, которое прошло на просторах штата Висконсин, она вела себя скорее как отчаянный парень, чем какая-нибудь сопливая девчонка. Даже потом, превратившись в весьма привлекательную особу, обладающую всеми чертами женственности, она не стала нежным оранжерейным растением. И одним из первых это обнаружил Руди Ганн, помощник директора агентства НАПИ, когда пригласил ее в агентство вместе с мужем. Он сразу оценил недюжинный ум Гэмей и ее способность принимать самостоятельные решения. Да и адмирал Сэндекер оказался весьма прозорливым руководителем, когда без колебаний согласился с предложением Ганна. С тех пор Гэмей неоднократно демонстрировала свой интеллект и выдержку в самых сложных ситуациях, в которых оказывалась вместе с отрядом особого назначения агентства НАПИ.

– Спокойствие здесь ни при чем, – быстро ответила Гэмей. – Просто мы пытаемся быть практичными людьми. Нравится нам это или нет, но какое-то время придется находиться здесь, так что не стоит паниковать, а лучше попытаться определить, что с нами случилось.

– Настоящие ученые, – не преминула напомнить Сэнди, – не могут и не должны делать какие-то выводы, пока не получат подтверждения в виде надежных и обоснованных фактов. А у нас сейчас нет вообще никаких фактов, не говоря уже о надежных или обоснованных.

– Вы хорошо усвоили методы научного познания, – не без ехидства заметил Траут. – Как сказал Бен Джонсон, ничто не способно сфокусировать человеческое сознание лучше, чем виселица. Поскольку в нашем распоряжении нет достаточно достоверных фактов,

придется полагаться на собственный опыт, чтобы выбраться из этой идиотской ситуации. Более того, нам больше ничего не остается делать, кроме как фантазировать и рассуждать. Итак, мы захвачены в плен какими-то людьми и находимся на какой-то громадной субмарине довольно любопытной формы и не вполне понятного назначения.

– Это может быть та самая субмарина, которая оста вила свои следы на территории Затерянного города? – спросила Сэнди.

– У нас пока нет фактов, подтверждающих эту любопытную теорию, – глубокомысленно заметил Траут. – Но мы можем представить себе, что на ее борту может находиться подводный аппарат, обладающий способностью колесить по морскому дну. Во всяком случае, мне это предположение не кажется слишком невероятным. Агентство НАПИ получило подобный вездеход несколько лет назад…

– Тогда скажите, пожалуйста, что делает здесь эта подводная лодка? – продолжала Сэнди. – Кто эти люди? И чего они хотят от нас?

– У меня такое чувство, что очень скоро мы получим ответы на эти вопросы, – спокойно ответила Гэмей.

– Сейчас вы говорите не как ученые, а как ныряльщики на модном курорте!

Гэмей приложила палец к ее губам, указав глазами на дверь. Ручка в этот момент медленно повернулась. Через мгновение дверь отворилась, и в комнату вошел высокий мужчина. Он был так высок, что пришлось низко пригнуть голову, чтобы не задеть дверной проем. Он был одет в такую же униформу, как охрана, только не синего, а темно-зеленого цвета. Мужчина аккуратно закрыл за собой дверь, потом пристально уставился на присутствующих.

– Пожалуйста, успокойтесь, – сказал он тихим голосом. – У нас нет никаких дурных намерений.

– Позвольте высказать совершенно неожиданное предположение, – мгновенно отреагировал Траут. – Вас зовут капитан Немо, а мы находимся на подводной лодке «Наутилус»!

Мужчина растерянно заморгал. По всему было ясно, что он ожидал встретить подавленных и перепуганных до смерти научных работников.

– Нет, мое имя Ангус Маклин, – представился он с легким шотландским акцентом. – Доктор Маклин, если угодно. Я химик по профессии, но что касается данной подводной лодки, тут вы не ошиблись. Она представляет собой такое же совершенное творение человеческого гения, что и упомянутое вами судно.

– А мы все представляем собой героев романа Жюля Берна? – съязвила Гэмей.

Маклин в ответ вздохнул.

– Если бы все было так просто. Откровенно говоря, мне очень не хотелось бы пугать вас, – сказал он серьезно, – но ваша жизнь будет во многом зависеть от содержания нашего дальнейшего разговора. Убедительно прощу вас назвать свои имена и профессии. И ради всего святого, не надо врать. На этом судне нет специального помещения для арестованных.

Траут сразу же понял всю серьезность его предупреждения. Если на судне нет помещения для арестованных, значит, нет и самих арестованных. Он пристально вгляделся в голубые глаза Маклина и решил, что ему стоит доверять.

– Я Пол Траут, – начал он. – Это моя жена Гэмей. Мы с ней работаем на агентство НАПИ. А это Сэнди Джексон, она управляла нашим подводным аппаратом.

– В чем заключаются ваши научные интересы?

– Я специалист по геологии Мирового океана, а Гэмей и Сэнди – морские биологи.

Лицо Маклина растянулось в улыбке облегчения.

– Слава Богу, – тихо пробормотал он. – Значит, есть надежда.

– Возможно, теперь вы ответите мне на один вопрос, – осмелел Траут. – Почему вы захватили нас вместе с нашим подводным аппаратом?

Маклин ответил с грустной улыбкой:

– Лично я не имею к этому никакого отношения. Я здесь такой же пленник, как и вы.

– Не понимаю, – вырвалось у Сэнди.

– Не могу объяснить вам ничего сейчас, но заверяю – нам всем крупно повезло, что они могут использовать ваши профессиональные знания. Как и мне, они будут сохранять вам жизнь до тех пор, пока вы будете хоть как-то полезны…

– Кто это «они»? – осторожно поинтересовался Траут.

Маклин задумался и провел длинными серыми пальцами по седеющим волосам.

– Полагаю, вам лучше не знать. Это слишком опасно.

– Кем бы вы ни были, – решительно вмешалась Гэмей, – пожалуйста, передайте похитителям, что на поверхности нас ждет судно поддержки. Нас станут искать ера зу, как узнают о нашем исчезновении.

– Они сказали мне, что с этим не будет никаких проблем, и у меня нет никаких оснований не верить…

– Что это значит? – насторожился Траут.

– Не знаю, но абсолютно уверен, что наши… хозяева отличаются невиданной жестокостью и не остановятся ни перед чем ради достижения своих целей.

– А в чем, собственно, заключается их цель? – продолжала допытываться Гэмей.

Голубые глаза Маклина неожиданно потемнели.

– Знаете, есть вопросы, которые вам не следует задавать и на которые мне не следует отвечать. – Он встал со стула, а потом добавил: – Я должен доложить им о результатах допроса. – Он указал пальцем на светильники, а потом приложил его к губам, намекая на скрытые микрофоны. – Я скоро вернусь к вам с едой и напитками, а вам тем временем настоятельно рекомендую немного отдохнуть.

– Вы верите ему? – озабоченно спросила Сэнди, когда Маклин вышел из каюты.

– Его рассказ показался мне полным бредом, – заключила Гэмей.

– А у вас есть какие-либо предложения насчет наших дальнейших действий? – снова спросила Сэнди, переводя взгляд с Пола на Гэмей.

Траут прилег на койку и попытался вытянуть ноги, но они не уместились и свисали с другого конца. Он многозначительно показал пальцем на светильники и сказал:

– Если никто из вас не претендует на эту койку, я хочу последовать совету Маклина и немного отдохнуть.

Маклин вернулся через полчаса с сандвичами с сыром, термосом с горячим кофе и тремя кружками. Однако самое приятное заключалось в том, что он добродушно улыбался.

– Примите мои поздравления, – сказал он с порога. – Отныне вы официально приняты в качестве участников на шего проекта.

Гэмей молча развернула сандвич и откусила большой кусок.

– И в чем заключается смысл этого проекта? – спросила она.

– Я не могу вам объяснить сейчас все детали, но хочу обрадовать: вы стали членами научно-исследовательской группы. Это значит, что вы будете выполнять работу по своей специальности. А мне поручили провести небольшой тур по нашему судну с целью вашей скорейшей акклиматизации и подготовки к решению предстоящих задач. Все остальное объясню во время экскурсии. Надзиратель уже ждет нас.

Он постучал в дверь, и на пороге мгновенно появилась внушительная фигура вооруженного охранника. Он сделал шаг в сторону, пропуская вперед Маклина и всех остальных. Во главе с Маклином они долго шли по длинному коридору мимо каких-то странных отсеков, пока не остановились в большой каюте, стенки которой были почти закрыты многочисленными телевизионными и компьютерными мониторами и длинными рядами электронных инструментальных панелей. Охранник занял позицию, позволявшую ему следить за присутствующими, но в дела не вмешивался.

– Здесь пункт управления, – пояснил Маклин, оглядываясь.

Траут удивленно оглядел комнату:

– А где же научные сотрудники?

– Судно почти полностью автоматизировано. На борту находятся небольшая команда,

отряд охранников и, разумеется, группа подводников.

– Возле главного люка я видел много подводного снаряжения и даже «лунные скафандры».

– Вы очень наблюдательны, доктор Траут, – кивнул Маклин. – А сейчас, если посмотрите на монитор, то увидите наших подводников во время работы.

На большом настенном экране были видны смутные очертания высоких колонн наподобие тех, которые пленники видели в Затерянном городе. Приглядевшись внимательнее, они заметили крошечные фигурки, копошившиеся у подножия огромных башен. Один из подводников в скафандре поднимал вверх небольшую часть колонны, используя при этом прикрепленный к скафандру подъемный механизм. Потом появились еще трое подводников в таких же костюмах, и все они умело управляли механическими манипуляторами, с помощью которых очищали дно от наслоений придонного ила. Гротескные фигуры стали медленно подниматься наверх, пока не достигли верхнего края экрана. Будто пчелы, собирающие нектар с цветов, они прилипли к подводной горе, напоминавшей по форме огромный гриб.

– Что они там делают? – спросил Траут.

– Я знаю, – неожиданно отозвалась Сэнди. – Собирают определенные биоорганизмы с колонии микробов, которые поселились вокруг подводных теплых источников.

– Совершенно верно, – подтвердил ее догадку Маклин, – только не собирают, а перемещают, и не отдельные организмы, а целые колонии. А потом эта живая биомасса и жидкость, на которой она произрастает, перемещаются по шлангам в специальные емкости, установленные на нашем судне.

– Вы хотите сказать, что это научная экспедиция? – удивилась Гэмей.

– Не совсем так. Но вы смотрите, что будет дальше.

Два подводника отделились от остальных и направились к вершине соседней колонны, а двое оставшихся стали быстро разрушать башню, используя мощные механические захваты.

– Они уничтожают башни, – выдохнула Сэнди. – Это же преступление!

Маклин повернулся к охраннику и облегченно вздохнул, увидев, что тот тоскливо облокотился на стену и тупо уставился в сторону, не обращая никакого внимания на происходящее. Маклин сделал знак рукой, чтобы привлечь его внимание, и показал рукой на дверь. Тот молча зевнул, потом кивнул в знак согласия. Маклин повел гостей в другую комнату, все пространство которой было уставлено большими пластиковыми баками.

– Мы можем поговорить здесь, – прошептал Маклин. опасливо поглядывая на дверь. – В этих баках хранится собранный подводниками биоматериал.

– Их вместимость просто поражает воображение, – заметила Гэмей.

– Знаете, очень трудно поддерживать жизнь этих организмов вне их естественной среды обитания. Именно поэтому водолазы устраняют некоторые колонны. И только малая часть этих микроорганизмов будет пригодна для дальнейшей работы к тому времени, когда мы вернемся обратно на землю.

– На землю? – удивленно переспросил Траут.

– Да, все собранные здесь образцы будут соответствующим образом обработаны на специальном предприятии, которое расположено на острове. Мы периодически возвращаемся туда, чтобы разгрузить собранный материал. Что же до самого острова, то я не могу сказать, где он находится.

Маклин покосился на стоявшего неподалеку охранника и увидел, что тот смотрит на них.

– Извините, наш «воспитатель», кажется, окончательно вышел из состояния летаргии. Продолжим разговор позже.

– Хоть пару слов об этом острове, – шепотом взмолился Траут. – Возможно, это будет наш единственный шанс к спасению.

– Вы хотите бежать? Нет, у вас не будет никаких шансов.

– Всегда есть надежда на спасение. Как выглядит остров?

Маклин заметил боковым зрением, что охранник направился к ним, и понизил голос, отчего его слова обрели еще более зловещий смысл:

– Это место намного ужаснее, чем мог бы вообразить сам Данте.

Глава 21

Пока Остин рассматривал крепостные стены, окружавшие родовое поместье Фошаров, в его душе нарастало чувство уважения к тем старым мастерам, которые выложили из каменных блоков это великолепное сооружение. Правда, восхищение сдерживалось тем печальным фактом, что древние строители создали совершенную машину для убийства людей, причем такую, которая предохраняла нападающих сложной системой заградительных линий и в то же время мешала находящимся внутри защитникам совершать неожиданные вылазки.

– Ну, – спросила Скай, – что ты думаешь насчет всего этого?

– Если бы Алькатрас строили на земле, а не на острове, эта знаменитая тюрьма выглядела бы примерно так же.

– И что теперь делать?

Остин взял ее за руку:

– Продолжать прогулку.

Обнаружив, что железные ворота заперты, а машина куда-то исчезла, Остин и Скай стали прогуливаться по периметру поместья, как туристы, осматривающие местные достопримечательности. Изредка они останавливались, о чем-то говорили, а потом снова продолжали свой путь. Все это было рассчитано на то, чтобы обмануть тех, кто пристально наблюдал за ними. Остин надеялся, что владельцы замка успокоятся, видя, как гости мирно прогуливаются по территории замка, будто чувствуют себя как дома. Между тем пристальный взгляд Остина без устали шарил по всем ограждениям, выискивая слабые места, а в памяти откладывались даже самые мелкие детали окружающей местности. К тому времени, когда они совершили полный обход территории и вернулись в исходную точку, он хорошо представлял себе весь дворцовый комплекс, а память зафиксировала возможные пути к бегству.

Скай остановилась перед воротами, закрывавшими узкую лестницу на верхнюю площадку, и подергала ручку. Ворота были закрыты на огромный болт.

– Нужны сильные крылья, чтобы преодолеть эти высокие стены, – сказала она спутнику.

– К сожалению, мои крылья сейчас в химчистке, – пошутил Остин. – Придется придумать что-нибудь другое. Давай вернемся в замок и еще раз осмотрим все изнутри.

На террасе их встретил Эмиль Фошар. Он широко улыбнулся, продемонстрировав ряд белоснежных зубов:

– Надеюсь, вы получили удовольствие от прогулки по нашему замку?

– Да, сейчас такие здания уже не строят, – кивнул Остин. – Кстати, мы совершенно случайно обнаружили, что нашей машины нет на прежнем месте.

– Ах да, ее убрали со двора, чтобы не мешать парковке прибывающих гостей, – спокойно пояснил Эмиль. – Ключи были в машине. Как только вы соберетесь покинуть замок, мы сразу же пригоним ее на место. Надеюсь, вы не станете возражать…

– Конечно, нет, – ответил Остин с натянутой улыбкой. – Очень любезно, вы избавили нас от необходимости сделать это собственноручно.

– Вот и прекрасно, в таком случае приглашаю вас в замок. Скоро начнут прибывать гости.

Эмиль проводил их на второй этаж по широкой мраморной лестнице. Все остановились в той части коридора, куда выходили двери гостевых комнат. Апартаменты Остина напоминали уютный номер в весьма приличной гостинице. Там были спальня, ванная,

небольшая гостиная, украшенная в стиле барокко пурпурным плюшем и позолотой, что делало ее несколько похожей на публичный дом викторианской эпохи.

Приготовленный для него костюм аккуратно лежал на застеленной кровати. Он оказался вполне соответствующим его размеру, может быть, чуть тесноватым в плечах. Переодевшись и придирчиво осмотрев себя в огромном зеркале, он постучал в дверь соседней комнаты, где находилась Скай. Дверь слегка отворилась, и в щель просунулась ее голова. Увидев Остина, одетого в средневековый костюм с черно-белыми полосками и колпак придворного шута на голове, молодая женщина звонко рассмеялась.

– Мадам Фошар обладает гораздо большим чувством юмора, чем я могла себе представить, – заметила она.

– Учителя в школе часто говорили, что у меня есть талант клоуна. А теперь давай посмотрим, как выглядишь ты.

Скай вошла в комнату Остина и медленно покружилась, как модели на подиуме. Она была в черном обтягивающем стройную фигуру платье, которое деликатно подчеркивало все ее женские прелести. Даже руки были затянуты в длинные черные перчатки, а на голове красовалась черная повязка, к которой были прикреплены огромные черные уши.

– Ну как тебе мой костюм? – игриво спросила она, совершив еще один пируэт вокруг оси.

Остин с восторгом смотрел на нее и не мог избавиться от мысли, что оценивает Скай исключительно с мужской точки зрения.

– Мне кажется, ты сейчас похожа на существо, которое мой отец когда-то называл «мяукающей кошечкой», – сказал он.

В этот момент в дверь деликатно постучали. Это был слуга по имени Марсель с огромной, словно вырезанной из ствола дуба, головой. Какое-то время он таращил глаза на Скай, как лев, оценивающий вкусовые качества Добычи, потом медленно перевел взгляд на Остина, окинув его с ног до головы, и на пухлых губах появилась презрительная ухмылка.

– Гости уже прибывают в замок, – сообщил Марсель голосом, который напоминал шуршание гравия на морском берегу. – Мадам Фошар пожелала, чтобы вы проследовали за мной в оружейную комнату на коктейль и ужин. – Гангстерские интонации каким-то странным образом соответствовали его внешнему облику вышколенного дворецкого.

Остин и Скай закрыли лица черными масками и послушно последовали за громилой-дворецким вниз по лестнице на первый этаж, где прошли через знакомую уже анфиладу. Из оружейной комнаты уже доносились громкие голоса, смех гостей. Перед шкафами со старинным оружием и боевым снаряжением был устроен бар, вокруг которого суетились две дюжины людей в фантастических костюмах. Многочисленные слуги сновали взад и вперед Внешне лакеи напоминали Марселя крупными мясистыми лицами и угрюмым выражением лиц. Правда, при этом они ловко жонглировали подносами с наполненными шампанским высокими бокалами. В такие же примерно костюмы были облачены и музыканты квартета, которые исполняли старинные мелодии.

Остин подхватил с подноса проходившего мимо слуги пару бокалов с искрящимся напитком, протянул один из них спутнице. Затем они нашли спокойное место возле огромной статуи конного рыцаря и стали потягивать шампанское, с любопытством разглядывая шумную толпу гостей.

Остин попытался на слух уловить преобладающую тему разговоров, но в этот момент к ним приблизился человек, одетый огромной черной птицей, покачиваясь мощным торсом, как корабль в неспокойном море. Птица вытянула вперед толстые ноги в желтых чулках и наклонилась, почти коснувшись лица Остина сверкающим черным клювом. Затем она дыхнула на него стойким перегаром и протянула с певучим британским акцентом-. «Однажды в страхе ночи павшей…» – черт возьми, как там дальше?

«Нет ничего более сложного для понимания, чем поведение захмелевшего британца из высшего общества», – подумал Остин, а вслух продолжил стихотворение: – «Я размышлял, от немощи уставший».

Хищная птица громко хлопнула обеими крыльями, а потом подхватила свободной рукой бокал с шампанским с подноса проходившего мимо слуги. Сперва птица сунула в бокал длинный клюв, а потом, сообразив, что таким образом поглотить напиток не удастся, резким движением сдвинула клюв на лоб. Открывшееся напыщенное багровое лицо мгновенно напомнило Остину давнюю карикатуру: знаменитый символ Англии – Джона Буля.

– Всег-да приятно познакомиться с образо-ванным джентльменом, – пьяным голосом протянул человек, с трудом выговаривая слова.

Остин представился, а затем представил свою спутницу. Человек протянул им руку-крыло:

– Меня по случаю сегодняшнего торжества называют Невермор,[15] но в обыденной жизни, когда я не бегаю по залу в образе хищной птицы из романа По, меня зовут просто Кавендиш. Точнее сказать, лорд Кавендиш, что само по себе должно напоминать вам о печальной участи нашей некогда славной и могущественной империи, когда предка вашего покорного слуги производили в рыцари. Пардон, мой бокал опять пуст. Больше никогда, старина. – Он звучно рыгнул и поковылял прочь в поисках очередного бокала шампанского.

Эдгар Аллан По. Разумеется.

Кавендиш играл роль Рейвена, но был настолько пьян, что у него это плохо получалось. Скай олицетворяла собой «Черного кота», а сам Остин должен был изображать придворного шута из «Бочонка амонтильядо».

Курт внимательно присматривался к гостям, пытаясь определить, что связывает всех этих людей. Неподалеку от него стояла тощая, как скелет, особа женского пола, одетая в покрытый грязью и пятнами крови белый балахон. «Падение дома Ашеров». Еще одна женщина была облачена в длинный халат, покрытый изображениями миниатюрных дымовых труб. «Черт на колокольне». А чуть дальше на стойку бара облокотился человек в костюме обезьяны, который усердно поглощал мартини. «Убийство на улице Морг». Он оживленно разговаривал с огромным жуком, костюм которого был украшен большим человеческим черепом. «Золотой жук». Остин подумал, что у мадам Фошар не только развито чувство юмора, но и совершенно явная склонность к гротеску.

Музыка внезапно прекратилась, и в зале воцарилась тишина. На пороге оружейной комнаты появилась загадочная фигура. Кавендиш попятился назад с бокалом шампанского в руке, с ужасом глядя на дверь.

– Бог мой! – воскликнул он и стал лихорадочно озираться в поисках укрытия. Вслед за ним попятились все остальные гости.

Присутствующие уставились на высокую худощавую женщину, которая выглядела так, будто ее только что вынули из могилы. Ее тело и лицо были в крупных кроваво-красных пятнах, глаза запавшие. Выдержав довольно продолжительную паузу и насладившись произведенным впечатлением, женщина ступила в зал. Гости жались к стенам, а она остановилась посреди комнаты и обвела всех торжествующим взглядом, пристально посмотрев каждому в глаза. Затем медленно пересекла комнату, будто плыла на воздушной подушке, остановилась под огромными эбонитовыми часами и хлопнула в ладоши.

– Прошу любить и жаловать Маску Красной Смерти, – объявила дама сиплым голосом Расин Фошар. – Продолжайте веселиться, друзья мои, но помните… – ее тон неожиданно зазвучал драматически, – что жизнь уходит, когда на нашей грешной земле появляется Красная Смерть!

Синие губы растянулись в зловещей ухмылке. В толпе гостей послышались нервные смешки, затем приглашенные постепенно пришли в себя и вернулись к прежним развлечениям, а слуги стали также энергично выполнять свои непосредственные обязанности.

---

[15] «Больше никогда» *(англ.)*.

Остин ожидал, что мадам Фошар станет здороваться с гостями, но хозяйка вдруг направилась к нему, по пути сняв свою зловещую маску.

– Вам идет костюм придворного шута, месье Остин, – сказала она с соблазнительной ухмылкой.

– Благодарю, мадам Фошар. А я никогда еще не видел такого очаровательного костюма.

Мадам Фошар кокетливо вскинула голову.

– Вы неплохо справляетесь с довольно сложным придворным этикетом, – похвалила она и повернулась к Скай: – А из вас, мадемуазель Буше, получилась превосходная Черная Кошка.

– Мерси, мадам. – Скай слегка наклонила голову. – Я постараюсь не съесть ваш замечательный квартет, одетый в костюмы милых серых мышек.

Мадам Фошар долго смотрела на Скай завистливым взглядом женщины, понимающей, что ее время прошло.

– На самом деле они не мыши – крысы. Мне очень хотелось бы предоставить вам гораздо больший выбор костюмов, но, к сожалению, мы ограничены в средствах. Надеюсь, вы не против незавидной роли придворного дурака, мистер Остин?

– Ни в малейшей степени. К тому же придворные шуты в давние времена были единственными людьми, кто мог осмелиться давать советы королям. Лучше играть роль дурака, чем быть им на самом деле.

Мадам Фошар громко рассмеялась и посмотрела в сторону двери, где началось какое-то оживление.

– Хорошо. Я вижу, что к нам прибыл принц Просперо.

На пороге появилась стройная фигура человека в обтягивающих панталонах, пурпурном бархатном камзоле, украшенном золотой каемкой, бархатном берете и черной маске. Заметив мадам Фошар, он быстро направился к ней, почтительно снял берет и низко поклонился хозяйке дома.

– Это был прекрасный выход, маман. Наши гости просто потеряли дар речи, все были ужасно напуганы.

– Так и должно быть, – ответила она. – Я подойду к каждому, после того как закончу разговор с мистером Остином.

Эмиль низко поклонился матери, отвесил такой же поклон Скай и только после этого удалился.

– У вас чрезвычайно интересные друзья, – сказал Остин, оглядывая гостей. – Неужели все они ваши соседи?

– Напротив, это последние представители могущественных родов, которые когда-то производили оружие и продавали его всему миру. В этом зале собрались наследники огромных состояний, которые сделаны на производстве смерти. Их давние предки делали копья и стрелы, которые приносили несчастья многим людям, неоднократно опустошали Европу и сеяли смерть далеко за ее пределами. Позже они стали производить более мощное оружие, разрушавшее целые города. Вам выпала большая честь лицезреть августейшую компанию.

– Надеюсь, вы не очень обидитесь, если я признаюсь, что у меня сложилось далеко не лучшее мнение об этой компании?

Мадам Фошар ответила заразительным смехом:

– Разумеется, нет, я не могу обвинять вас в этом. Вех эти выскочки и болтливые идиоты являются вырождающимися европейскими отбросами, они живут за счет богатств, накопленных потом и кровью далеких предков. Их, некогда могущественные компании и картели превратились в жалкие корпорации, торгующие на Нью-Йоркской фондовой бирже.

– А как же лорд Кавендиш? – спросил Остин.

– Еще более жалок, чем остальные, – у него не осталось ровным счетом ничего, кроме громкого имени. Его семья когда-то владела секретом штамповочной стали… пока наши

предки не выкрали его.

– А что вы скажете насчет рода Фошаров? – продолжал допытываться Остин. – У вас есть иммунитет против вырождения и деградации?

– Нет, от вырождения не застрахован никто, даже представители нашего семейства. Именно поэтому я намерена контролировать компанию «Спиар индастриз» до конца своей жизни.

– Но никто не вечен, – заметила Скай.

– Что вы сказали? – переспросила мадам Фошар и резко повернулась, обдав Скай ледяным взглядом.

Замечание Скай было столь банальным, что ее поразила явно неадекватная реакция хозяйки замка.

– Я просто хотела сказать, что все мы смертны.

В глазах Расин блеснули гневные искры и мгновенно погасли.

– Верно, но некоторые из нас более смертны, чем остальные! Род Фошаров будет процветать еще многие десятилетия, а может, и века. Вы еще вспомните мои слова А сейчас, простите великодушно, я должна пообщаться с другими гостями. Скоро подадут ужин.

Она снова надела на лицо маску и направилась к стоявшему неподалеку сыну.

Скай потрясла реакция пожилой леди.

Что она хотела этим сказать?

– Мадам Фошар слишком близко к сердцу принимает слова о своей старости. Впрочем, я не виню ее за это. Когда-то она была очень красива, да и сейчас не оставляет меня равнодушным.

– Ну, если тебе хочется заняться любовью с живым трупом, – заявила Скай и обиженно задрала подбородок.

Остин довольно улыбнулся:

– Похоже, у кошечки есть коготки.

– Да, и к тому же настолько острые, что я хочу использовать их против этой старой клячи! Не понимаю, почему ты так взволнован. Лично на меня все это сборище навевает смертельную скуку!

Остин молча наблюдал за тем, как в комнату вошли еще несколько слуг, рассредоточились по комнате и заблокировали все входы и выходы. Их было не меньше дюжины, и все были крепкими, хорошо натренированными парнями.

– Потерпи чуть-чуть, – прошептал Остин. – У меня такое чувство, что настоящая вечеринка только начинается.

Глава 22

Кавендиш напился в стельку. Толстый англичанин сдвинул клюв своей маски на макушку, чтобы он не мешал ему беспрестанно поглощать вино, и едва держался на ногах, переходя от одного официанта к другому. При этом он сметал с подносов все экзотические блюда, начиная с дичи и кончая великолепным жареным мясом дикого кабана. Остин из деликатности положил себе немного еды, выпил совсем немного вина и посоветовал Скай сделать то же самое. Оба решили сохранить трезвые головы на тот случай, если придется искать выход из неприятного положения.

Как только со столов убрали последние остатки десерта, Кавендиш с трудом встал со стула и постучал ложкой по своему бокалу. Гости мгновенно притихли и повернулись к нему. Толстяк поднял наполненный вином бокал и сказал заплетающимся языком:

– Я хотел бы предложить тост за нашу хозяйку и ее сына.

– Браво, браво, – дружно поддержали его основательно захмелевшие гости, поднимая бокалы.

Воодушевленный такой поддержкой, Кавендиш широко ухмыльнулся.

– Как известно большинству из вас, родословные семей Кавендиш и Фошар уходят в

далекое прошлое. Мы также знаем, как Фошары… э-э-э… позаимствовали у Кавендишей технологию изготовления штамповочной стали и начали производить ее в массовом масштабе, обеспечив тем самым собственное благополучие, в то время как мой род стал потихоньку хиреть.

– Превратности войны, – заметил человек в маске обезьяны.

– Предлагаю всем за это выпить, – заключил Кавендиш и сделал большой глоток из бокала. – К несчастью или к счастью, учитывая известную склонность Фошаров к фатальным инцидентам, представители моего рода никогда не стремились связывать себя брачными узами с этим семейством.

– А это уже превратности любви, – заметила женщина с колокольчиками, нашитыми на костюме. Гости захохотали в знак одобрения.

Кавендиш подождал, когда прекратится смех, и продолжил:

– Сомневаюсь, чтобы в этом доме хоть когда-нибудь произносилось слово «любовь», однако каждый человек может и должен кого-то любить. Сколько известных кланов могут похвастаться тем, что они собственноручно начали войну с целью покончить со всеми войнами?

В комнате воцарилась мертвая тишина. Все взгляды устремились в сторону побелевшей от гнева мадам Фошар, которая сидела во главе стола вместе со своим сыном. Она продолжала скалиться, слушая речь пьяного лорда, но в ее глазах Остин видел те же самые искры ненависти, которые совсем недавно проявились в беседе со Скай. когда та напомнила ей о неизбежности смерти.

– Месье Кавендиш льстит нам, но он все же преувеличивает влияние семьи Фошар, – произнесла она ледяным тоном. – Для той войны было много других причин, к примеру алчность, глупость и ненависть. Здесь есть немало людей, которые тоже приложили руку к ее развязыванию. Они так или иначе подталкивали свои правительства к войне и нажили на этом огромные состояния. Однако Кавендиша не смутила реплика хозяйки. – Надо брать кредиты, пока их дают, моя дорогая Расин. Это верно, мы вооружали людей, покупали газеты и подкупали политиков, которые подталкивали мир к войне, но именно представители семейства Фошаров, с их неизбывной мудростью, хорошо заплатили за убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда, ввергнув тем самым мир в мировую войну. Нам всем хорошо известны слухи о том, что Жюль Фошар пытался предотвратить роковое убийство и поэтому так быстро покинул сей грешный мир.

– Месье Кавендиш, – вспыхнула мадам Фошар, в дрогнувшем голосе которой отчетливо слышались нотки предупреждения. Но того уже невозможно было остановить.

– Но многие еще не знают, – выкрикнул он, – что семейство Фошаров щедро финансировало одного австрийского ефрейтора, поддерживая таким образом его политическое восхождение! Многие люди еще не догадываются, что именно эта семейка долго и настойчиво натравливала империалистическую Японию против Соединенных Штатов и в конце концов вынудила японцев напасть на США! – Он сделал паузу и отпил еще вина. – Однако на самом деле все оказалось более сложным, чем вы себе представляли, и вскоре ситуация вышла из-под вашего контроля. В конечном итоге ваши заводы с тысячами рабов были уничтожены. Но таковы, как кто-то здесь удачно выразился, всего лишь превратности войны.

Напряжение в оружейной комнате достигло высшей точки и стало просто невыносимым.

Мадам Фошар резко сорвала с себя маску, ее покрасневшее от гнева и злобы лицо выглядело еще страшнее, чем Маска Красной Смерти. В этот момент Остин был абсолютно уверен: если бы хозяйка замка обладала даром телекинеза, то по ее воле все оружие в этой комнате сорвалось бы со стендов и разрубило Кавендиша на мелкие кусочки.

Кто-то из гостей не выдержал напряжения и первым нарушил тишину:

– Кавендиш, сядьте, пожалуйста, вы и так наговорили много лишнего.

Только сейчас Кавендиш обратил внимание на хозяйку дома, взгляд которой не

предвещал ему ничего хорошего. Англичанин побледнел, вдруг осознав, каких гадостей наговорил этой злопамятной и могущественной особе в присутствии многочисленных гостей. Только сейчас в его замутненное алкоголем сознание проникла тревога. Глупая ухмылка на его толстых губах мгновенно исчезла, а сам он стал вянуть, как сорванный цветок под лучами палящего солнца. Толстяк медленно осел на стул и затих с таким грустным видом, будто его окатили ледяной водой.

А мадам Фошар поднялась со стула, как кобра, приготовившаяся к броску, и подняла свой бокал.

– Merci.[16] А сейчас я хочу предложить тост за некогда славный и могущественный, но сейчас уже покойный дом Кавендишей.

Багровое лицо англичанина стало мертвенно-бледным. Он невнятно пролепетал слова благодарности и тут же добавил:

– Вы должны извинить меня, я чувствую себя не очень хорошо. Боюсь, приступ несварения желудка.

После этих слов толстяк медленно встал, поплелся к выходу нетвердой походкой и исчез за дверью.

Мадам Фошар многозначительно посмотрела на сына:

– Пожалуйста, присмотри за нашим гостем. Мне бы очень не хотелось, чтобы он свалился в ров с водой.

Шутливая фраза немножко разрядила напряженную обстановку в комнате, и через некоторое время возобновились разговоры, смех и шум. А Остина сказанное ничуть не успокоило. Увидев, как Кавендиш покидает оружейную комнату, он подумал, что этот толстяк тем самым подписал себе смертный приговор.

– Что происходит? – недоуменно спросила Скай.

– Фошары не привыкли, когда на публике выворачивают их грязное белье, тем более в присутствии столь важных гостей.

Остин видел, как мадам Фошар наклонилась к сыну и что-то прошептала тому на ухо. Эмиль улыбнулся, встал из-за стола и вышел из комнаты в сопровождении Марселя. Он вернулся минут через десять, когда официанты уже подавали бренди, и без угрюмого слуги. Подойдя к матери, наклонился, что-то сказал, при этом бросив косой взгляд в сторону Остина и Скай. Мадам Фошар молча кивнула головой, сохраняя на лице маску полного равнодушия. Эпизод был очень коротким, но Остин сделал соответствующие выводы. Он по губам Эмиля прочитал, что после Кавендиша смертный приговор был вынесен ему и его спутнице.

Через несколько минут в комнату с чувством выполненного долга вернулся Марсель. Едва слуга появился на пороге, Эмиль вскочил со стула и хлопнул в ладоши:

– Дамы и господа, Маска Красной Смерти и принц Просперо подготовили для вас незабываемое развлечение, которое достойно завершит сегодняшний праздник.

Он сделал знак одному из слуг, который зажег факел от горящей свечи, и передал его Эмилю. Соблюдая все правила церемониального обряда, Эмиль достал ключ с изображением черепа и направился в дальний конец оружейной комнаты. Там он остановился перед деревянной дверью, на которой были изображены череп и кости, и сунул ключ в замочную скважину. Дверь медленно отворилась, и в комнату ворвался затхлый воздух сырого подземелья.

– Если не испугаетесь, прошу следовать за мной, – торжественно объявил он со зловещей ухмылкой на губах. Не дожидаясь ответа, шагнул через порог и исчез в темном помещении.

Нервно хихикая, гости стали с шумом подниматься из-за стола, не оставляя при этом свои бокалы с вином. Вереница медленно потянулась к темному входу. Остин схватил

---

[16] Спасибо *(фр.)*.

локоть Скай и сжал, удерживая от дурного примера.

– Сделай вид, что ты ужасно пьяна и не можешь подняться с места, – сказал он ей на ухо.

– Мне действительно хочется напиться, – грустно ответила она. – Merde,[17] к нам идет эта жуткая тварь.

Мадам Фошар грациозно подошла к ним и натянуто улыбнулась:

– Маска Красной Смерти должна немного отдохнуть. Очень сожалею, месье Остин, что не успела познакомиться с вами поближе.

– Я тоже, мадам, – ответил Остин с легким поклоном. – Сэр Кавендиш произнес очень забавный тост, – добавил он, нарочито растягивая слова.

– Великосветские семьи часто являются объектом всевозможных слухов и домыслов, – холодно отозвалась хозяйка и повернулась к Скай: – Бал-маскарад подошел к концу. Полагаю, сейчас вы должны признать, что в ваших руках находится драгоценная реликвия нашей семьи.

– Что вы имеете в виду?

– Не надо дурачить меня, дорогая, я ведь знаю, что наш шлем находится у вас.

– Значит, это вы подослали того ужасного человека?

– Себастьяна? О нет, это верный пес моего сына. Если вас это может хоть как-то утешить, то могу признаться: глупец будет уничтожен за все свои непростительные ошибки. Впрочем, ничего страшного, мы все равно заставим вас сказать, где находится наша собственность. Что же до вас, месье Остин, я должна попрощаться с вами.

– До скорой встречи, – хитро улыбнулся тот, покачивая головой.

Она посмотрела на него с неизбывной грустью:

– Разумеется, до скорой встречи.

Мадам Фошар резко повернулась и направилась к двери в сопровождении целой армии слуг и охранников. Марсель, стоявший неподалеку, подошел к ним сразу же после того, как удалилась хозяйка дома.

– Месье Эмиль будет чрезвычайно разочарован, – сообщил он с едкой ухмылкой профессионального гангстера, – если вы пропустите шоу, которое он подготовил специально для вас.

– Мы не позволим себе этого ни за что на свете, – примерно такой же ухмылкой ответил ему Остин.

Марсель зажег еще один факел и показал им рукой на мощную деревянную дверь. Вся процессия спускалась вниз по короткой каменной лестнице до прохода шириной около шести футов. По мере спуска в чрево старинного замка смех и разговоры постепенно затихли, и воцарилась мертвая тишина. Было такое впечатление, что люди спустились в преисподнюю, где вряд ли стоит ожидать чего-то хорошего. Впечатление усилилось, когда они оказались в длинном тоннеле с небольшими нишами, в которых отчетливо виднелись потемневшие человеческие кости. Эмиль остановился перед одной из полок, взял наугад первый попавшийся череп и высоко поднял его над своей головой. На гостей уставились пустые глазницы, будто насме хающиеся над чрезмерной доверчивостью этих странных людей в странных костюмах.

– Добро пожаловать в катакомбы шато Фошар, – торжественно объявил Эмиль с повадками многоопытного гида Диснейленда. – Прошу познакомиться с одним из моих предков. Извините, если он покажется вам несколько смущенным. Дело в том, что он не часто видит столь многочисленных гостей в своих покоях.

Он швырнул череп в нишу, где тот занял свое место наряду с другими костями, и быстро зашагал вперед, показывая гостям, что те не должны отставать от него, если не хотят пропустить настоящее шоу. Вскоре тоннель закончился анфиладой больших и совершенно

---

[17] Дерьмо *(фр.)*

пустых помещений, которые, по словам Эмиля, когда-то служили пыточными камерами. В каждой были установлены жаровни, которые переливались в тусклом свете факелов. И только минуту спустя гости разглядели восковые фигуры людей, отсвечивающие странным желтоватым светом. Бледные лица были исполнены настолько искусно, что никто бы не удивился, если бы они вдруг стали двигаться. В одной из комнат огромная обезьяна удерживала какую-то женщину в дымовой трубе. В другой комнате какой-то мужчина выкапывал себя из могилы. И все комнаты так или иначе были заполнены образами из ужасающих рассказов Эдгара По.

Эмиль подошел к Остину и впился в него злобным взглядом, который вполне соответствовал окружающей обстановке.

– Ну, месье Остин, как вам мое шоу?

– Не видел ничего более интересного с тех пор, как посетил Музей восковых фигур мадам Тюссо.

– Вы льстите мне. Браво! Но это не все. Самое интересное еще впереди.

Эмиль продолжил путь, пока не вошел в пещеру, в которой все слабо освещенные предметы так или иначе напоминали о жертвах беспощадной Красной Смерти. В центре помещения на полу была круглая яма, над ней медленно раскачивался маятник с острыми блестящими ножами. На дне ямы виднелась какая-то черная птица, вокруг которой копошилась стая прожорливых крыс. Это была сцена из рассказа Э. По «Колодец и маятник», в котором рассказывалось о жертве испанской инквизиции. Только на сей раз в колодце была не просто жертва, а тучное тело лорда Кавендиша, – англичанин был привязан к столу крепкими ремнями.

– Вы, вероятно, обратили внимание на небольшие изменения в этой сцене, – прокомментировал Эмиль, ехидно ухмыляясь. – Крысы, которые копошатся вокруг мертвого тела птицы, самые что ни на есть настоящие. Впрочем, то же самое можно сказать и о жертве. Мистер Кавендиш – хороший парень, как любят говорить англичане, поэтому он любезно согласился принять самое активное участие в нашем шоу.

Пока Эмиль наслаждался слабыми аплодисментами гостей, Кавендиш отчаянно задергал конечностями, пытаясь освободиться от ремней.

Маятник опускался все ниже и ниже, пока до тела несчастного английского лорда не осталось несколько дюймов.

– Его сейчас убьют! – не выдержала какая-то женщина.

– И не просто убьют – из него получится неплохая нарезка, – отозвался Эмиль с каким-то нездоровым возбуждением, а потом понизил голос до таинственного шепота-. – Думаю, на самом деле лорд Кавендиш представляет собой огромный кусок мяса, не более. Не волнуйтесь, друзья мои, лезвие этого маятника сделано из дерева. Неужели вы думаете, что мы можем раскромсать нашего гостя на мелкие кусочки? Впрочем, если вас это сильно напрягает…

Он щелкнул пальцами, и огромный маятник медленно остановился. Кавендиш сделал несколько конвульсивных движений и замер.

Эмиль повел гостей в последнюю темницу, которая показалась им самой страшной, хотя в ней не было никаких ужасных сцен. Стены камеры были покрыты черным бархатом, который скрадывал слабый свет, отчего настроение у всех присутствующих стало еще более подавленным. Поэтому, когда Эмиль торжественно объявил, что через минуту все покинут мрачное подземелье, гости облегченно вздохнули. Однако когда Остин и Скай уже было направились вслед за остальными к выходу, Эмиль преградил им путь.

Остин наткнулся на него, сделал реверанс с видом изрядно подвыпившего человека и показал на проход: – Только после вас. Гастон.

Эмиль отбросил свои ужимки принца Просперо, и его голос вновь стал деловым, холодным, как застывшая на морозе сталь.

– Пока Марсель будет выводить наших гостей на поверхность, я хотел бы показать вам и вашей леди одну интересную вещь, – сказал он, отбрасывая край бархатного покрывала,

которым были задрапированы стены последней камеры. В стене между большими камнями открылась узкая расселина.

Остин удивленно моргнул.

– Что это? Часть вашего шоу?

– Да, – кивнул Эмиль и сдержанно улыбнулся. – Часть нашего шоу. – С этими словами он вынул из кармана пистолет и направил его на Остина.

Тот какое-то время смотрел на оружие, а потом громко рассмеялся.

– Вот так шоу, – сказал он и покачал головой, отчего на шутовском колпаке звонко зазвенели бубенцы.

Подчиняясь воле хозяина, он протиснулся в узкую щель, Скай последовала за ним, а замыкал процессию Эмиль. Они стали спускаться вниз по каменной лестнице. Температура воздуха стала быстро падать, запахло каким-то болотом. Крупные капли воды с шумом падали с потолка подземного хода на влажный пол. Они спускались до тех пор, пока Эмиль не приказал остановиться на небольшой площадке пяти футов шириной, которая была вырублена в стене.

Оказавшись в пещере, Эмиль воткнул факел в какое-то углубление в стене и резким движением сбросил покрывало с груды кирпичей, рядом с которыми стояли ведро и лопата с короткой ручкой. Потом сунул руку в небольшую нишу и извлек бутылку, поверхность которой была покрыта толстым слоем пыли и паутины. Бутылка была закупорена темной пробкой, но Эмиль вытащил ее зубами, после чего протянул сосуд Остину.

– Пейте.

Тот долго смотрел на бутылку.

– Может быть, стоит немного подержать ее открытой, чтобы вышли скопившиеся винные пары?

– Они уже давно вышли за последние несколько столетий, – холодно ответил Фошар и покачал пистолетом. – Пейте.

Остин глупо ухмыльнулся, будто увидел перед собой игрушку, а не оружие, и поднес бутылку к губам. Несколько темных капель потекли по его подбородку, и он смахнул их тыльной стороной ладони. Через секунду он вернул бутылку Эмилю, но тот решительно взмахнул рукой:

– Нет-нет, благодарю вас, я предпочитаю не терять контроль над сознанием.

– Что?

– Вы доставили нам массу неприятностей, месье Остин, – откровенно признался Эмиль. – Маман приказала мне избавиться от вас наиболее приемлемым способом, что я сейчас и делаю. Вы ведь знаете, хороший сын всегда должен слушаться своей матери. Себастьян, поздоровайся еще раз с мадемуазель Буше.

Из тени вынырнула крупная фигура слуги с бледным в свете факела лицом, это был тот краснорожий, которого Остин окрестил «мясником». Его правая рука была на перевязи.

– Мне кажется, вы уже знакомы с Себастьяном, – шутливым тоном сказал Эмиль. – У него для вас небольшой подарок, мадемуазель.

Себастьян швырнул к ногам Скай стрелу из арбалета:

– Это ваше.

– Что здесь происходит? – спросил Остин.

– В этом вине содержится сильнодействующее вещество паралитического свойства, – спокойно пояснил Эмиль. – Через несколько минут вы будете полностью обездвижены, хотя все остальные чувства будут функционировать нормально, а потом сами увидите, что произойдет. – Он вынул из кармана наручники и позвенел ими перед носом Остина. – Может быть, я отпущу вас, если вы громко попросите: «Ради всемилостивого Господа Бога, пощадите».

– Вы негодяй, – сказал Остин и прижался спиной к стене, будто действительно теряя способность стоять. При этом он искоса посматривал на лежавшую неподалеку стрелу из арбалета.

Когда появился Себастьян, Скай тихо вскрикнула и даже прикусила губы от страха, но потом, увидев обессилевшего Остина, ринулась на Эмиля и схватила его за руку, в которой был пистолет. В это время сзади на женщину набросился Себастьян, обхватил ее за шею и стал душить. Хотя он действовал одной рукой, хватка была настолько мощной, что Скай стала задыхаться.

В этот момент Остин мгновенно выпрямился и, схватив тяжелую бутылку с вином, нанес сокрушительный удар по голове Себастьяна. Бутылка разлетелась на мелкие кусочки, обдав негодяя брызгами с ног до головы. Себастьян замер на мгновение, потом отпустил Скай, которая тут же опустилась на влажный пол пещеры. В его глазах застыло удивление, которое быстро сменилось гримасой боли, после чего убийца рухнул на пол, как ствол огромного дерева.

Эмиль сделал шаг назад, чтобы не наткнуться на распростертое тело слуги, и направил на Остина пистолет. Тот мгновенно бросился вперед и попытался перехватить руку Эмиля, но в этот момент прогремел оглушительный выстрел. Пуля врезалась в стену в нескольких дюймах от лица Остина. Осколки камня впились в его щеку, а сам он был на какое-то мгновение ослеплен вспышкой. Покачнувшись вперед, Остин наткнулся на груду камней и упал на колени. Фошар отскочил в сторону и снова прицелился.

– Очень жаль, что вы не умрете той смертью, которую я для вас приготовил, – злобно прошипел он. – Раз уж вы оказались на коленях, то почему бы вам не попросить меня о пощаде?

– Как-нибудь в другой раз, – тихо произнес Остин, шаря рукой по полу в поисках стрелы от арбалета. К счастью, она оказалась рядом. Схватив стрелу, Остин размахнулся и изо всей силы ударил острием в ногу Фошара. Стрела легко прошила тонкую кожу обуви, Эмиль издал душераздирающий вопль, гулко отозвавшийся в длинных коридорах подземелья.

К этому времени Остин успел вскочить и прижать Эмиля к сырой стене. Как следует прицелившись, он нанес сокрушительный удар кулаком, вложив в него всю массу тела. Удар был настолько сильным, что голова Фошара чуть было не отделилась от туловища. Мерзавец уронил пистолет на землю, потом обмяк и упал на пол рядом со своим преданным слугой. Остин бросился на помощь Скай и помог ей встать на ноги. Она хрипло дышала и жадно хватала ртом воздух, держась обеими руками за горло. Убедившись, что с ней все в порядке, Остин наклонился над Себастьяном.

– Он выглядит так, будто всю его рожу залило вином.

– Эмиль сказал, что это вино было отравлено, как же тебе…

– Я не пил его, просто пролил несколько капель, чтобы обмануть Фошара. Такое старое вино, наверное, давным-давно превратилось в уксус.

Остин схватил Эмиля за ноги и оттащил поглубже в пещеру. Потом подобрал наручники и защелкнул их на Руке Фошара, приковав его к замурованному в стене чугунному кольцу. После этого снял свой шутовской колпак и натянул его на уши Эмиля со словами: «Во имя милостивого Господа!»

Остин выдернул из стены факел, и они пошли по тоннелю. Несмотря на выпитое вино, он отлично помнил каждый шаг. Вскоре они вернулись в последнюю тюремную камеру, а через несколько шагов наткнулись на безжизненное тело Кавендиша. Пухлое лицо англичанина застыло от непереносимого ужаса.

Остин приложил палец к его шее, но пульса не почувствовал.

– Он мертв.

– Не понимаю, – сказала Скай. – Нет ни капли крови.

Остин провел пальцем по лезвию маятника, которое касалось волосатой груди Кавендиша. Похоже, что Фошар сказал правду: лезвие действительно было сделано из дерева. Но, судя по всему, Фошар не захотел поделиться с Кавендишем своей шуткой.

– Полагаю, наш несчастный приятель лорд Кавендиш умер от страха. Ладно, пошли отсюда, мы все равно уже ничем не сможем помочь ему.

Они быстро стали подниматься по скользкой каменной лестнице. Вскоре они смогли вдохнуть приятный свежий воздух, которого так не хватало в этом жутком подземелье. Подошли к какой-то двери и, открыв ее, оказались во дворе замка, откуда все еще доносились веселые голоса и громкий смех гостей, застрявших перед железной решеткой.

Медленно продвигаясь вперед и пошатываясь, как пьяные, Остин и Скай присоединились к остальным гостям, на какое-то время смешались с ними, а потом прошли через ворота и вышли во двор по каменному мосту. Перед замком выстроился длинный ряд автомобилей, которые уже ждали своих хозяев, весело прощавшихся друг с другом. Еще через несколько минут все уехали, а во дворе остались только Остин и Скай. В этот момент из-за угла появился еще один автомобиль. Оба облегченно вздохнули, узнав «роллс-ройс» Дарнье. Водитель, должно быть, подумал, что этот автомобиль принадлежит кому-то из гостей. Остин подошел к машине и открыл дверцу для Скай. В этот момент позади раздался громкий крик. Он обернулся и увидел, что по мосту бежит Марсель и что-то кричит по-французски, отчаянно размахивая руками. Слуга, который доставил их машину, услышал предупреждающий вопль и встал между Остином и автомобилем, лихорадоч-220 но шаря рукой под униформой.

Не долго думая, Остин ударил его под дых, потом крикнул Скай, чтобы та поскорее села в автомобиль. Сам же он быстро захлопнул дверцу, еще раз ударил слугу в челюсть, обежал автомобиль, *сел* на водительское место и нажал на газ «роллс-ройс» взвизгнул шинами, резко развернулся на стоянке, рассыпав вокруг себя сноп гравия, и помчался мимо фонтана к воротам. В этот момент Остин краем глаза уловил слева от себя какое-то движение. Кто-то бежал к машине со стороны замка. Он резко вывернул руль и рванул в противоположном направлении, но снова наткнулся на охранника, который уже целился в него из пистолета.

Остин нагнулся, сунув голову под рулевое колесо, и еще сильнее нажал на педаль газа. Только по звуку глухого удара он понял, что сбил охранника, и тот всей своей массой обрушился на ветровое стекло, после чего свалился на землю. К счастью, стекло выдержало удар, только покрылось тонкой паутиной трещин. Вокруг послышались выстрелы. Боковое стекло со стороны пассажира рассыпалось на кусочки, но Остина уже ничто не могло остановить. Резко вывернув руль вправо, он снова сбил какого-то охранника. В этот момент яркая вспышка ослепила его. Тем не менее Остин продолжал давить на газ, думая, что едет к выходу с территории замка. На самом деле в этой суматохе он потерял ориентацию. Мощный «роллс-ройс» вырулил к ограде, пробил решетку, пролетел над рвом и грохнулся в воду, взорвав вокруг себя сноп брызг. Мгновенно сработала воздушная подушка, и Остин, отчаянно отталкивая ее от лица, почувствовал, что салон быстро заполняется водой. Пули продолжали вонзаться в крышу машины, но вода замедлила их движение. Остин наклонился над приборной доской и вдохнул. Через мгновение автомобиль полностью скрылся под водой.

Глава 23

Длинный нос «роллс-ройса» вошел в воду, как субмарина при экстренном погружении, и через несколько секунд уткнулся в толстый слой грязи и мусора, скопившихся на дне канала за многие века. Остин с трудом выбрался из-под рулевого колеса и перелез на заднее сиденье, где было больше места. Ощупывая руками все вокруг, он наткнулся на мягкое тело Скай и потянул ее на себя. В ответ она сжала его руку, давая понять, что пока цела. Одновременно она подтолкнула его вверх, где под крышей машины остался небольшой воздушный пузырь Остин выплюнул попавшую в рот грязную воду и сделал пару вдохов.

– Ты слышишь меня?

Последовавшее бульканье было похоже на «да».

Вода медленно подбиралась к его подбородку, подсказывая, что промедление смерти подобно. Остин поднял голову, прижавшись к шершавой поверхности крыши, и поспешил

проинструктировать Скай.

– Никакой паники. Не отставай от меня ни на шаг. Если начнешь задыхаться, сожми мою руку. Поняла?

Снова послышалось бульканье.

– А сейчас сделай три глубоких вдоха, после третьего задержи дыхание.

Одновременно набрав в легкие побольше воздуха, практически полностью использовав весь его запас в воздушном мешке, они стали быстро двигаться. Остин нащупал ручку, поднажал плечом, и дверца машины с трудом распахнулась, выпуская пленников. Остин выплыл первым и потащил за собой Скай. Вода в канале казалась снизу зеленой от многочисленных фонарей и факелов на берегу. Остин знал, что, как только они появятся на поверхности, в них тут же вопьются десятки пуль, поэтому крепко сжал руку Скай и отчаянно поплыл в сторону, подальше от предательских огоньков, мерцающих на поверхности воды.

Не успели они проплыть и нескольких ярдов, как Скай сжала его руку. Остин ответил ей тем же и продолжал двигаться вперед. Скай снова сжала ему руку, давая понять, что задыхается. Остин огляделся, а потом потащил ее в темное место. Наклонив голову, он осторожно высунулся из воды, стараясь, чтобы на поверхности были только его ухо и один глаз. Марсель и его банда палили из пистолетов по пузырькам воздуха, которые поднимались на поверхность из затонувшей машины. Остин подтолкнул Скай к себе, и она вынырнула из воды, как пробка. Позволив ей сделать несколько глубоких вдохов, он снова погрузил ее под воду.

Они поплыли под водой, время от времени выныривая на поверхность, чтобы наполнить легкие воздухом. Но и Марсель не стоял на месте. Он решил расширить зону поиска и на всякий случай прочесать весь канал. Зеленые огоньки стали быстро догонять беглецов, угрожая обнаружить. Остин подплыл к стене замка и, ощупывая одной рукой скользкие камни фундамента, стал продвигаться вдоль стены. Вскоре они свернули за угол и укрылись под большим каменным выступом.

– Сколько еще нам плыть? – тихо спросила Скай, едва выговаривая слова. Она глубоко дышала и не скрывала своей ярости по поводу случившегося.

– Еще одно погружение, – успокоил ее Остин. – А потом постараемся выбраться из этого вонючего рва.

Скай выругалась по-французски. Остин схватил молодую женщину за руку и потащил за собой под воду. Они переплыли канал и вынырнули на противоположной стороне, где берег был покрыт густым кустарником. Остин отпустил Скай, протянул вверх руку и, ухватившись за ветку, подтянулся, преодолевая высокий каменный берег, как альпинист, который взбирается на вершину скалы. Перевалившись через камни на травянистую поверхность, он опустил обе руки вниз и вытащил Скай. Не успели они как следует отдышаться, как кусты осветил яркий луч фонаря. Остин перекатился под большой куст и потащил за собой Скай, но было уже поздно. Послышались громкие голоса охранников и топот ног. Их засекли. Преследователи бросились толпой на другую сторону канала. К счастью, они перестали палить из пистолетов, опасаясь перестрелять друг друга в кромешной тьме. Единственным спасением для Остина и Скай был темный лес, окружавший замок со всех сторон. Они бросились к деревьям, не разбирая пути, но через несколько секунд Остин заметил на земле серую полоску. Это была посыпанная гравием дорожка, которая вела от замка в лесную чащу. Конечно, обессилевшие во время плавания да еще в мокрой одежде, они не могли поставить олимпийский рекорд по бегу на длинную дистанцию, но чувство опасности и страх перед бандой Марселя придавали сил. Беглецы неслись в лес, не чувствуя под собой ног.

Позади слышались разъяренные голоса преследователей, но поначалу было трудно понять, пустились ли они в погоню, или решили оставить их в покое. Дорожка привела к развилке, где соединялись еще три тропинки.

– Куда теперь? – растерянно спросила Скай.

Выбор был ограничен, голоса быстро приближались.

– Прямо, – выпалил Остин и бросился вперед, увлекая за собой спутницу. По пути он вглядывался в окружающий лес, надеясь увидеть хоть какую-то прогалину, но вокруг стояла плотная стена деревьев и непроходимого кустарника. Затем лес вдруг закончился, и тропинка вывела их на небольшую поляну с очередной развилкой. Правда, на этот раз дорожек было только две. Остин припустил по одной из них, потом вернулся и сделал несколько шагов по второй. Обе тропинки были отгорожены высоким, как стена замка, забором.

– У-гу, – неуверенно промычал он.

– Что значит «у-гу»?

– Думаю, мы оказались в садовом лабиринте, который приведет нас в тупик…

Скай оглянулась назад.

– O merde![18] – выругалась она. – Что же теперь делать?

– К сожалению, у нас нет лабораторной крысы, которая помогла бы проверить каждую из этих дорожек, поэтому я предлагаю двигаться по любой. Рано или поздно куда-нибудь выйдем.

Поскольку им было совершенно безразлично, по какой дорожке продолжать свой путь, они побежали по левой тропинке, мимо высокого забора. И вскоре оказались у новой развилки. Остин подумал, что этот лабиринт не сулит им ничего хорошего. Так можно было часами бежать по кругу, ни на шаг не удаляясь от замка и преследователей.

По звуку голосов было слышно, что люди Марселя уже в лабиринте. Несколько раз Остин и Скай останавливались, переводя дыхание, но голоса преследователей доносились с другой стороны, и они снова бежали вперед, не представляя, куда их выведет тропа. Однажды они оказались рядом с охранниками, и их разделяла только стена непроходимого кустарника.

Остин знал, что Марсель может вызвать подмогу, и тогда их поимка станет лишь делом времени. Они никак не могли оторваться от преследователей в этом заколдованном лабиринте, и выйти из него они тоже не могли – их наверняка стерегли.

– Проклятие!

В этот момент он споткнулся о какой-то твердый предмет с веревкой и, отчаянно чертыхаясь, опустился на колени, чтобы выпутаться. И тут его гнев мгновенно сменился радостью: это была деревянная лестница, оставленная здесь, вероятно, беспечным садовником.

Не долго думая, Остин поднял лестницу, приставил к высокому забору и быстро взобрался наверх. Там он лег лицом вниз, чувствуя, как острые шипы впились в его живот. Забор закачался, но все же выдержал его вес. Сверху было видно, как факелы и фонари обступают их с разных сторон. Он наклонился вниз и тихо сказал Скай, чтобы она быстро поднималась к нему. Через минуту оба улеглись на вершине стены и подняли с собой лестницу. Сделали это своевременно – внизу как раз послышались топот ног, глухие проклятия и тяжелое дыхание преследователей.

Когда голоса стихли, Остин посмотрел на противоположную стену, взял лестницу и осторожно перекинул ее, образовав таким образом не очень устойчивый, но все же спасительный мостик. Он сумел проползти по лестнице на противоположную стену и сделал знак рукой, чтобы Скай следовала за ним. Через минуту они перебрались на третью стену. Наконец-то перед ними показалась прямая дорожка, которая могла вывести их из этого проклятого лабиринта. Осталось преодолеть еще несколько высоких заборов, и они могли выбраться из тупика. Руки и ноги были разодраны в кровь, но они не чувствовали боли.

Через некоторое время впереди показалась темная полоса леса, до которого было рукой подать. Но в этот момент со стороны замка послышался громкий шум вертолета. Аппарат

---

[18] О черт! *(фр.)*

летел низко над лабиринтом и ярко освещал двумя мощными прожекторами все пространство внизу. Остин попытался быстро перекинуть лестницу на другую стену, но в спешке промахнулся, не рассчитав расстояние, и рухнул на гравий вместе с лестницей. Быстро вскочив на ноги, он снова приставил лестницу к стене и мигом взлетел на нее, но, конечно, потерял при этом драгоценное время. Вертолет был уже рядом, освещая все вокруг. Остин перебрался на последнюю стену и обернулся, чтобы помочь Скай. Она поскользнулась и чуть было не упала, но Остин успел подхватить ее и вытащить на стенку.

А вертолет был уже рядом.

Остин опустил лестницу вниз с последнего препятствия, и Скай, как ловкая обезьянка, стала быстро спускаться. Он последовал за ней, почти наступая ногами на ее пальцы. Спрыгнув на землю, беглецы мгновенно спрятали лестницу у стены и сами прижались к ней на земле.

Вертолет с грохотом пролетел над их головами. Он был так низко, что их обдало горячим воздухом. Машина, сделав разворот, снова полетела над лабиринтом, шаря по нему лучами прожекторов. Остин помог Скай встать на ноги, и они припустили по вымощенной гравием дорожке, потом свернули на узкую тропинку и помчались в лес. не зная толком, куда бегут и что их там ждет, но радостные, что наконец-то удалось вырваться из лабиринта.

Через несколько минут они оказались на опушке, за которой начиналось поле или луг. Оглядевшись, они заметили вдали смутные очертания какого-то темного здания.

– Что это? – прошептала Скай.

– Во время шторма любая гавань хороша, – так же тихо ответил Остин.

Он приказал ей оставаться на месте, а сам зашагал через поле по направлению к строению, контуры которого едва проступали в слабом лунном свете.

Глава 24

Остин благополучно пересек поле и остановился перед большим каменным строением на самом его краю. Обойдя вокруг здания, он обнаружил незапертую дверь и осторожно вошел внутрь. В нос ударил застоявшийся запах машинного масла и бензина, как в гараже. В этот момент он позволил себе небольшую дозу оптимизма – в гараже можно было бы найти легковой автомобиль или по крайней мере грузовик. Остин пошарил рукой по стене у двери, нащупал выключатель и включил свет. Это оказался не большой гараж, а небольшой авиационный ангар.

Посреди ангара стоял небольшой биплан, выкрашенный в ярко-красный цвет, его фюзеляж украшали изображения черных трехголовых орлов. Остин подошел поближе, провел пальцами по матерчатой обшивке и отметил великолепную работу реставраторов, которые немало потрудились над восстановлением старинного аэроплана. К каждому крылу снизу был прикреплен большой металлический бак, напоминающий по форме длинную торпеду. И на каждом баке были нарисованы череп и перекрещенные кости, что могло означать лишь одно: в них содержится яд.

Остин заглянул в кабину и убедился, что система управления воздушным судном столь же примитивна, как и его внешний вид. Она состояла из единственного рычага управления, который находился непосредственно перед сиденьем пилота, и единственной педали, с помощью которой можно было контролировать уровень подачи горючего и, соответственно, скорость вращения винта. А рычагом пилот мог регулировать высоту полета и положение элеронов, с помощью которых аэроплан мог осуществлять повороты. Эта система управления действительно казалась примитивной, но при этом имела ряд существенных преимуществ. Она была доступна практически любому человеку и к тому же позволяла управлять машиной одной рукой. Правда, в этом аэроплане имелось несколько важных инструментов, которых и в помине не было в оригинальной модели, – вполне современная радиостанция, например, а также компас и навигатор. Кроме того, кабина самолета была оснащена системой внутренней связи, без чего любой полет в современных условиях был бы

практически невозможен.

Осмотрев аэроплан, Остин обошел весь ангар, уставленный запасными частями и самыми разнообразными инструментами. В дальнем углу он обнаружил небольшой склад, где хранились большие бочки, помеченные черепом и костями. По всему было видно, что в этих емкостях хранились пестициды, предназначенные для опрыскивания виноградников и других сельскохозяйственных угодий.

Остин снял со стены электрический фонарь, выключил свет и направился обратно к двери. Все было спокойно. Он направил фонарь на опушку, три раза включил и выключил его и облегченно вздохнул, увидев, как темная фигурка отделилась от темной полосы леса и направилась к ангару. Когда Скай подошла к нему, Остин еще раз огляделся и, убедившись, что погони нет, впустил девушку в ангар, плотно прикрыв за собой дверь.

– Почему ты был здесь так долго? – спросила она с тревогой. – Я стала беспокоиться, когда увидела, как ты мигаешь огнями.

Остин спокойно отнесся к ее раздражению и принял его за добрый знак: Скай возвращалась к своей обычной манере поведения.

– Приношу свои извинения, – сказал он, улыбнувшись. – Забыл, что мог позвонить тебе по телефону.

Скай удивленно заморгала, пытаясь приспособиться к темноте.

– Что здесь такое?

Остин включил фонарь и направил луч света на аэроплан, полностью осветив его – от деревянного пропеллера до такого же деревянного хвоста.

– Воздушные силы семейства Фошаров. Полагаю, этот старый аэроплан использовали для опрыскивания своих виноградников.

– Он прекрасен, – сказала она с восхищением.

– Он не просто прекрасен. Это наш единственный шанс вырваться отсюда.

– Ты сможешь управлять этой машиной?

– Думаю, да.

– Думаешь? – воскликнула она и недоверчиво покачала головой. – А Ты когда-нибудь летал на таких самолетах?

– Много раз, – без колебаний сказал он и тут же поправился, увидев в ее глазах сомнение: – Ну не то чтобы много, а только однажды, на ярмарке нашего округа…

– На ярмарке? – еще больше удивилась она, эхом повторив его слова.

– Это была большая ярмарка. Послушай, самолет, на котором я тогда летал, был, конечно, не такой старый, но система управления очень похожа.

– Надеюсь, ты летаешь лучше, чем водишь автомобиль.

– Ты же понимаешь, что у меня не было ни малейшего желания искупаться в этой ледяной вонючей воде. Не забывай, что нас преследовала целая банда до зубов вооруженных охранников Фошара!

Она погладила Остина по щеке.

– Как я могу забыть об этом, мой дорогой? Ну, так чего же мы ждем? Что я должна сделать?

Остин показал на висевшую на стене доску, где все надписи были на французском языке.

– Прежде всего переведи, что здесь написано.

Остин внимательно выслушал Скай, а потом подвел ее к аэроплану. Там он попросил ее взяться руками за деревянный пропеллер и сильно повернуть его, когда он запустит двигатель, после чего быстро отскочить назад, убедившись в том, что молодая женщина правильно поняла инструкцию, он залез в кабину, запустил двигатель, а потом сделал ей знак рукой, подняв вверх большой палец. Скай изо всех сил толкнула пропеллер и отскочила в сторону, как приказал ей Остин. Мотор чихнул несколько раз и заглох.

Остин снова включил зажигание и показал Скай, что все нужно повторить с самого начала. Она недоверчиво улыбнулась, всем своим видом показывая, что сомневается в

успехе предприятия. Тем не менее снова вцепилась обеими руками в пропеллер, что есть силы повернула его по его команде и отскочила. Мотор чихнул, но на этот раз завелся, огласив ангар невыносимым ревом.

Отмахиваясь от едкого сизого дыма, Скай подошла к электрической панели, нажала кнопку, – ворота открылись, – а потом включила огни на взлетной полосе. После этого она забралась в кабину, уселась рядом с Остином и пристегнулась ремнями безопасности.

Аэроплан стал медленно выезжать из ангара, а потом вырулил на взлетную полосу. Остин решил не останавливаться перед взлетом, как того требовали правила, а сразу нажал на педаль газа и стал набирать скорость. Он старался управлять самолетом как можно более аккуратно, но из-за неопытности пилота тот все равно подпрыгивал на ровном месте и дергал хвостом, словно сопротивляясь попыткам поднять его в воздух. Остин прекрасно понимал, что, если не успеет набрать достаточную для взлета скорость, то самолетик врежется в деревья и рухнет. Поэтому он решил полностью довериться своему чутью и не насиловать машину. Вскоре колеса аэроплана оторвались от земли, но этого было явно недостаточно, чтобы не задеть верхушки деревьев. Остин снова потянул на себя рычаг управления, взмолившись про себя, что машина в конце концов подчинилась ему и поднялась в воздух. Аэроплан покачал крыльями и неохотно взмыл, натужно ревя мотором. Остин посмотрел вправо и влево. Все вокруг было покрыто мраком, и только окна шато Фошаров светились вдали, напоминая ему о цели полета. Он попытался воссоздать в памяти карту местности, которую запомнил еще по дороге в этот замок. Вспомнил двор перед замком и фонтан, от которого узкая дорога в виде обрамленной высокими деревьями аллеи вела вниз к главному шоссе.

Над длинными рядами виноградников Остин развернул самолет и направил его вдоль узкой дороги, разрезающей посадки на две равные части. Теперь легкий ветер дул навстречу, что снижало скорость полета до восьмидесяти миль в час. Убедившись в том, что они взяли верное направление, Остин взял микрофон внутренней связи, чтобы поговорить со Скай.

– Извини за слишком неловкий взлет, – крикнул он в микрофон, чтобы пересилить шум мотора. – Надеюсь, я не вытряс из тебя все внутренности?

– Все нормально! Хотя мне пришлось плотно сжать зубы, чтобы этого не случилось…

– Рад это слышать. Боюсь, после посадки тебе могут понадобиться зубные протезы, чтобы мы могли наконец-то поужинать!

– У тебя только одно на уме. Ты, вообще говоря, понимаешь, куда мы летим?

– Возвращаемся тем путем, которым ехали сюда. Внимательно следи за городскими огнями. Я попытаюсь посадить самолет на дороге возле города и очень надеюсь, что в это время движение не будет слишком оживленным. А пока сиди спокойно и наслаждайся путешествием.

Остин сосредоточился на том, чтобы посадить этот старый аэроплан. Несмотря на бравое настроение, он ни на минуту не забывал о том, какие проблемы ждут их впереди. Он летел в темноте над совершенно неизвестной ему территорией, на старом аэроплане, управлять которым практически не умел, несмотря на давний полет на сельскохозяйственной ярмарке. Практически он летел как с завязанными глазами на неизвестном летательном аппарате. К тому же в кабине было очень холодно, а ветер дул прямо в лицо. Более того, Остин сидел в буквальном смысле слова на двигателе, который издавал оглушительный шум. Только сейчас он по достоинству оценил мужество пилотов прошлого, которые не просто летали на таких аппаратах, а еще и принимали участие в боевых действиях. Он хотел выжать из этой машины еще несколько узлов в час, чтобы сократить время путешествия в ночном небе, но боялся, что не справится с управлением. Через несколько минут под ними засверкали огоньки поместья Фошаров, и это усилило его тревогу. Успокаивал только голос Скай, которая поддерживала с ним контакт по внутренней связи.

В то же самое время краем глаза он уловил какое-то движение и повернул голову. Как будто из тумана на расстоянии не более тридцати футов появился тот самый вертолет, который преследовал их в садовом лабиринте. Кабина была ярко освещена, и Остин без

труда разглядел одного из охранников замка Фошаров, который сидел на пассажирском сиденье. Он держал в руках автоматическую винтовку, но не предпринимал никаких попыток открыть стрельбу по самолету, хотя для него это была бы прекрасная мишень.

Еще через минуту в наушниках Остина зазвучал трескучий и уже хорошо знакомый голос Эмиля Фошара.

– Добрый вечер, мистер Остин. Рад снова видеть вас в наших краях.

– Приятный сюрприз, Эмиль, – отозвался Остин. – Но я почему-то не вижу вас в кабине вертолета.

– Совершенно верно, я нахожусь на пункте управления системой безопасности замка и наблюдаю за вами с помощью видеокамеры, установленной на борту вертолета.

Остин посмотрел на вертолет и, заметив под его брюхом небольшую видеокамеру, приветливо помахал в ее сторону рукой.

– А я думал, вы все еще в грязном подвале вместе с другими крысами.

Эмиль проигнорировал оскорбительный выпад.

– Остин, как вам нравится мой «фоккер-авиатик»?

– Откровенно говоря, сейчас я бы предпочел «F-16» с полным набором ракет класса «воздух – воздух», но ничего, и этот сойдет. Очень мило с вашей стороны, что вы позволили нам воспользоваться этим раритетом.

– Не стоит благодарности. Мы, Фошары, всегда отличались редкой щедростью по отношению к нашим дорогим гостям. А сейчас убедительно прошу вернуться, иначе мне придется сбить вас.

Охранник в кабине вертолета целился в них через открытое окно из винтовки, похожей на АК-47.

– Похоже, вы давно уже следите за нами, почему же не сбили нас еще во время взлета?

– Очень хотелось бы сохранить этот старый самолет.

– Мальчики и их игрушки.

– Что?

Остин пролетел еще несколько ярдов, а вертолет вынужден был срочно уйти в сторону, чтобы избежать лобового столкновения.

– Прошу прощения, – сказал Остин. – Я еще не привык к такой старой технике.

– Ваши по-детски наивные маневры не помогут вам, Остин. Поверьте, я хорошо знаю все особенности и технические характеристики своего «авиатика». Разумеется, очень не хотелось бы терять его, но в крайнем случае я переживу эту потерю. Осторожно.

Последний приказ Эмиль отдал своему пилоту, так как в этот момент вертолет резко взмыл вверх, едва не задев колесами кабину аэроплана. Самолет задрожал от мощного потока воздуха и опасно накренился. Остин выровнял машину и немного снизился, но вертолет неотступно следовал за ними.

В наушниках снова послышался голос Эмиля.

– Вы сами видите, Остин, что я могу посадить вас в любое время. Советую немедленно повернуть назад, иначе от вас и вашей дорогой леди мокрого места не останется!

– Конечно, я не представляю для вас никакого интереса, но вместе с моей леди может навсегда уйти в небытие и тайна вашего шлема.

– Да, в этом есть определенный риск, но я люблю рисковать, – заявил Фошар.

– Может быть, вам лучше посоветоваться с мамашей? – не без ехидства осведомился Остин.

Эмиль выругался по-французски, а через несколько секунд над бипланом нависла темная тень вертолета. Мощная машина стала прижимать легкий самолетик своей массой, вынуждая его снижаться. Потом вертолет взмыл вверх и снова обрушился на аэроплан. Остин с трудом удерживал самолет в горизонтальном положении, прекрасно понимая, что они находятся в неравном положении: аэроплан из дерева и ткани никак не мог соперничать с гораздо более мощным и маневренным вертолетом. Эмиль будет долбить его до тех пор, пока не разрушит самолет или не заставит повернуть обратно.

Немного подумав, Остин схватил микрофон:

– Ладно, Эмиль, вы выиграли. Что я должен сделать?

– Немедленно повернуть назад и посадить аэроплан на полосу возле ангара. И без шуточек, Я буду ждать вас там.

«Не сомневаюсь», – с ухмылкой подумал Остин.

Он развернул самолет и полетел в обратном направлении. Скай все это время внимательно прислушивалась к их разговору.

– Курт, мы не можем вернуться, – решительно заявила она по внутренней связи. – Он убьет тебя.

– А если я этого не сделаю, он убьет нас обоих.

– Не хочу, чтобы ты делал это только ради меня.

– Я тоже не хочу. И делаю это ради себя.

– Черт бы тебя побрал, Остин, ты упрям, как француз.

– Воспринимаю это как комплимент, – пошутил он. – Правда, до сих пор не могу заставить себя съесть улитку или лягушачьи лапки.

– Ну ладно, поступай как знаешь, – сказала она, взмахнув в отчаянии руками. – Но имей в виду, я не намерена сдаваться им без боя.

– Я тоже. Проверь, надежно ли закреплен ремень безопасности.

Он выключил внутреннюю связь и полностью сосредоточился на высоких башнях дворца, который был родным домом человека, так страстно желавшего покончить с ним. Когда аэроплан приблизился к замку, впереди показались два ряда огней, обозначавших посадочную полосу. Остин сделал разворот, как бы заходя на посадку, но перед замком резко повернул и полетел прямо на ближайшую башню.

Вертолет последовал за ним. В наушниках захрипел негодующий голос Эмиля, сыпавший проклятиями на французском языке. Остин улыбнулся, пожал плечами, а потом выключил радиостанцию и сосредоточился на своей главной задаче.

Вертолет обогнул самолетик в тот самый момент, когда, казалось, тот вот-вот врежется в башню. Когда до башни оставалось несколько ярдов, Остин резко повернул в сторону, едва не задев ее, и полетел над замком по направлению к противоположной башне. Там он обогнул высокий шпиль и снова вернулся, описав в воздухе восьмерку. Через некоторое время он повторил маневр, решив описывать восьмерки до тех пор, пока Эмиль не прояснит каким-то образом свои дальнейшие намерения. Одно было ясно: Эмиль ни за что не посмеет сбить самолет над замком и уж тем более посадить его.

Конечно, Остин знал, что не сможет бесконечно описывать в воздухе замысловатые виражи. Впрочем, он и не собирался этого делать. После каждого разворота он внимательно изучал территорию, а потом снова включил радиостанцию. Во время последнего виража он выровнял самолет, обогнул одну башню, а потом неожиданно повернул в сторону, пролетел над подъездной дорогой, огибавшей фонтан, и направился в сторону огней, которыми была обозначена дорога к замку.

Все это время вертолет кружил где-то над самолетом, а потом завис прямо над аэропланом. Остин быстро снизился и летел в нескольких ярдах от мощеной дороги. Пилот вертолета мог посадить его в любую минуту, но не сделал этого, очевидно, подумав, что «авиатик» решил сесть на дорогу. Эта ошибка в оценке намерений противника обошлась ему очень дорого.

Вместо приземления Остин развернул самолет и ворвался в длинную аллею, где кроны высоких деревьев сплелись в вышине. Вертолет взмыл, натужно ревя двигателем и едва не касаясь колесами верхушек. Потом он развернулся и снова пролетел над аэропланом, не имея возможности опуститься ниже.

В наушниках гремел голос Фошара:

– Достань его!

Следуя приказу, пилот вертолета стал преследовать аэроплан, гоняясь за ним, как охотничья собака за лисой, спрятавшейся в норе. Используя преимущество в скорости,

вертолет быстро нагнал аэроплан, и Остин уже отчетливо слышал громкий рокот винтов, заглушавших рев его мотора. Его губы растянулись в едкой ухмылке. Он опасался, что вертолет будет лететь сверху и встретит его на противоположном конце аллеи, но Фошар, вероятно, так распалился, что утратил чувство здравого смысла, решив во что бы то ни стало покончить с аэропланом. Никому бы не понравилось, если бы его назвали маменькиным сыночком, тем более если это сущая правда. Остину гнев Эмиля был на руку. В таком состоянии противник просто обречен на ошибки.

Остин продолжал лететь над дорогой, не поднимаясь выше шести футов. Впереди показалась небольшая поляна, но она была настолько узкой, что самолет просто не смог бы повернуть, не рискуя задеть деревья. Вертолет настырно продолжал висеть на хвосте, но Остин предпочитал не думать об этом. Все его внимание было сосредоточено на темном пятне впереди – том, что, судя по всему, обозначало конец тоннеля. Незадолго до конца аллеи Остин поднял самолет вверх и потянул на себя рычаг, открывавший закрепленные под крыльями разбрызгиватели. Струи пестицидов вырвались из баков и рассыпались в воздухе белым облаком. Ядовитая жидкость залепила стекло кабины вертолета, ослепила пилота, мгновенно проникла внутрь сквозь открытое окно, превратив кабину в самую настоящую газовую камеру.

Пилот взвизгнул от боли и, отпустив рычаги управления, стал лихорадочно тереть руками глаза. Вертолет бросило в сторону, длинные винты врезались в стволы деревьев и мгновенно сломались. Какое-то время корпус вертолета вращался над деревьями, потом рухнул на землю, расколовшись на две части. Горючее мгновенно вспыхнуло, и на месте падения образовался огромный ярко-красный шар пламени.

Пока «авиатик» медленно набирал высоту, Остин бросил взгляд на землю, ярко освещенную взрывом. Языки пламени стали перебираться на соседние деревья, и вскоре вся аллея полыхала.

Он снова включил внутреннюю связь.

– Ну вот и все, – радостно объявил он в микрофон оторопевшей Скай.

– Я все время пыталась связаться с тобой! – закричала она. – Что это было?

– Я подбросил им немного пестицидов, – весело сообщил Остин.

Вдали появились крошечные огоньки шоссе и какого-то городка. Вскоре стали видны и фары проезжающих по шоссе автомобилей. Остин долго высматривал удобное для посадки место и наконец нашел пустынный, но при этом достаточно хорошо освещенный отрезок шоссе. Он повернул самолет в сторону от главной магистрали и приблизился к краю небольшого поля. Едва шасси коснулись земли, Скай бросилась пилоту на шею и поцеловала в губы, причем так страстно, что этот поцелуй никак нельзя было назвать просто дружеским.

Наконец Скай и Остин выбрались из аэроплана и направились к шоссе. Несмотря на многочисленные синяки и царапины, настроение у них было превосходное. Остин крепко обнимал Скай за плечи и жадно вдыхал приятный запах сена и травы.

Через полчаса они добрались до скромного домика, который, к счастью, оказался мотелем. Дежурный клерк встретил их с заспанными глазами, выслушал сбивчивую просьбу насчет свободной комнаты. Все это время он с изумлением таращился на изорванный в клочья шутовской костюм Остина и потом так же пристально изучал наряд Скай – та походила на лесную кошку, которая вернулась к хозяину после долгой схватки с себе подобными.

– Американцы? – догадался он.

– Да, – ответил Остин с усталой улыбкой.

Клерк понимающе кивнул, словно ничего другого и не ожидал от американцев, и протянул им гостевую книгу для регистрации.

Глава 25

Траут растянулся на койке, заложив руки за голову, и обдумывал сложившуюся

ситуацию, когда монотонное жужжание двигателей субмарины сменила едва уловимая вибрация. В следующую минуту он почувствовал толчок, будто огромное тело подводной лодки внезапно натолкнулось на какое-то препятствие, и наступила тишина.

– Что это? – удивленно спросила Гэмей, дремавшая на верхнем ярусе.

– Думаю, мы стоим, – ответил Траут и, медленно встав с койки, подошел к двери и приложил ухо. Поскольку снаружи ничего не было слышно, он решил, что подводная лодка прибыла к месту назначения. Через несколько минут дверь каюты распахнулась, и два вооруженных охранника приказали им быстро выйти в коридор. Там уже стояла Сэнди в окружении еще одной пары охранников. Ее с самого начала перевели в другую каюту, и сейчас Трауты впервые видели ее после появления Маклина.

Траут подмигнул ей, пытаясь приободрить, она ответила нервной улыбкой. Сэнди выглядела неплохо и держалась молодцом, что, впрочем, нисколько не удивило Траута. Человек, который много лет управлял глубоководным аппаратом, мог встревожиться по какому-то конкретному поводу, но запугать его полностью было практически невозможно. В сопровождении молчаливых охранников все поднялись на верхний уровень субмарины, где их препроводили на командный пункт, находившийся под башней.

Длина подводной лодки составляла не менее четырехсот футов, и вся эта махина пришвартовалась в каком-то длинном доке с огромной крышей в виде арки. В дальнем конце дока виднелось несколько конвейеров, черные ленты которых исчезали в стене. Охранники показали пленникам, что они должны подняться наверх и сойти на причал, где их уже ждал Маклин.

– Добрый день, уважаемые пассажиры, – поприветствовал их химик с лучезарной улыбкой на лице. – Если позволите, мы сейчас перейдем ко второй фазе нашего замечательного приключения.

Маклин повел их к большому грузовому лифту. Двери закрылись, он озабоченно посмотрел на часы. От добродушной улыбки не осталось и следа.

– У нас есть тридцать две секунды для разговора, – сообщил он.

– Лично мне требуется всего пара секунд, чтобы вы сообщили, где именно мы находимся, – ответил Траут.

– Не могу сказать точно, – замялся тот, – но, судя по особенностям местного климата и по характеру почвы, это может быть район Северного моря или Скандинавии. Впрочем, вполне возможно, что мы в Шотландии. – Он снова посмотрел на часы. – Наше время истекло.

Двери лифта отворились, и они вошли в небольшую комнату. Вооруженный охранник гаркнул что-то в переговорное устройство, а потом буквально вытолкал ученых наружу к небольшому мини-автобусу. Приказал сесть в него, а сам устроился в самом конце салона, откуда мог следить за каждым движением пленников. Пока другой охранник опускал металлические шторы на окнах, Траут успел заметить в конце длинной дороги небольшую бухту.

По неровной проселочной дороге ехали не более двадцати минут, после чего автобус остановился и охранник приказал им быстро выйти. Они оказались внутри целого комплекса серых зданий. Территория была ограждена высоким забором из колючей проволоки, а по углам периметра виднелись трансформаторные будки. Везде сновали вооруженные до зубов охранники, а все вокруг напоминало концентрационный лагерь. Конвойный показал рукой на серое бетонное здание, отдаленно напоминающее склад. Направляясь к нему, они прошли мимо нескольких рядов колючей проволоки, по которой, судя по всему, был пропущен электрический ток. Когда путники были уже у входа, воздух вспорол истошный звериный рев, за которым последовал целый хор леденящих кровь завываний и воплей.

Лицо Сэнди перекосилось от страха.

– Здесь что, зоопарк? – спросила она.

– Полагаю, вы недалеки от истины, – загадочно ответил Маклин с угрюмой ухмылкой. – Зоопарк особого рода. Вы увидите здесь таких животных, о которых

Лондонский зоосад и мечтать не может.

– Не понимаю, – сказала Гэмей.

– Скоро поймете.

Траут схватил химика за рукав:

– Прошу, не морочьте нам голову.

– Простите за мои неуклюжие попытки шутить, – сказал тот. – Я так часто бывал здесь, что невольно выработал в себе циничное отношение ко всему происходящему. Но могу дать вам один совет – постарайтесь не принимать близко к сердцу то, что вы сейчас увидите. Вы должны понять, что звериная «выставка» предназначена вовсе не для того, чтобы напугать вас до смерти. Просто эти люди хотят сделать вас более покорными и послушными, вот и все.

Траут слабо улыбнулся:

– Вы просто не понимаете, доктор Маклин, как вы нас успокоили.

Тот удивленно поднял брови:

– Вижу, вы не лишены чувства юмора.

– Да, во всем виновато воспитание в духе истинного янки. Наши долгие мрачные зимы уничтожили в нас способность к солнечному и светлому восприятию окружающего мира.

– Что ж, – сказал Маклин, – в таком случае вам потребуется собрать воедино все крупицы вашего пессимизма, чтобы выжить в этом аду. Добро пожаловать на наш остров доктора Моро, – добавил он, цитируя заголовок фантастического романа о сумасшедшем ученом, который превращал людей в животных.

Охранник тем временем открыл двойную стальную дверь, и изнутри на них полился такой жуткий запах, что все мысли мгновенно улетучились. Но даже зловоние не шло ни в какое сравнение с теми душераздирающими воплями, которые наполняли огромное помещение.

Вдоль стен были установлены металлические клетки, в которых бесновались странные человекообразные существа, яростно бросавшиеся на толстые прутья и кусавшие их огромными острыми клыками. В этих клетках находилось от двадцати пяти до тридцати животных. Существа стояли на двух ногах и были одеты в какую-то грязную и рваную дерюгу. Их перекошенные от ярости лица были покрыты белыми волосами, а на телах виднелись какие-то продолговатые темные пятна. Они злобно рычали, раскрывая огромные пасти, в которых виднелись желтые, чрезвычайно острые зубы. Глаза были налиты кровью и сверкали невыразимой яростью.

Сэнди уставилась на них с ужасом в глазах, потом повернулась и бросилась к двери, но путь ей преградил высокий человек в армейской камуфляжной форме. Он бесцеремонно схватил девушку за руку и втолкнул обратно в помещение. У него были крупный нос, острый подбородок и широкий рот с золотыми зубами, а на голове плотно натянутый черный берет. Его появление произвело на человекообразных животных довольно странный эффект: они умолкли и попятились к задним стенкам клеток. – Добрый день, доктор Маклин, – сказал златозубый с отчетливым европейским акцентом и, окинув беглым взглядом Траута, обратил все свое внимание на Гэмей. – Это наши новые сотрудники?

– Да, они крупные специалисты в нашей области, – ответил Маклин.

У двери началось какое-то странное оживление.

– Какая удача! Вы и наши новички прибыли как раз во время кормления.

В помещение вошла группа охранников, они толкали огромную телегу с клеткой, в которой повизгивали крысы. Подойдя к первой клетке, приставили к ней свою тележку и открыли дверцу. Беловолосые существа мгновенно переместились к дверцам клеток и жадно вперились в добычу. Они, должно быть, уже привыкли к голосу златозубого, так как мгновенно настроились на принятие пищи. Получив доступ к крысам, они набросились на грызунов, как обезумевшие от голода тигры, и стали раздирать их на части.

Сэнди снова не выдержала и бросилась к двери, подальше от жуткого зрелища. На этот раз высокий человек в черном берете не стал препятствовать ей, а просто отошел в сторону,

заливаясь громким смехом. Гэмей готова была последовать за ней, но не была уверена в том, что не набросится на златозубого с кулаками, если тот вздумает задержать ее.

– Молодая леди, вероятно, не оценила нашу систему рециклирования продуктов, – заметил человек в берете. – Мы контролируем размножение крыс и тем самым кормим наших домашних животных. – С этими словами он повернулся к Маклину – Надеюсь, вы сообщили нашим дорогим гостям, какие замечательные условия мы создали для наших подопечных.

– Да. Но вы, полковник, гораздо более красноречивы и убедительны, чем я, – сдержанно ответил тот.

– Это верно, – самодовольно ухмыльнулся полковник и повернулся к Трауту: – Позвольте представиться. Полковник Стрега, начальник этой лаборатории. А все эти грязные черти, которые сейчас с таким удовольствием поглощают свою прекрасную еду, когда-то были такими же людьми, как и вы. Так вот, если вы и ваши симпатичные дамы не будете покорно выполнять свои непосредственные обязанности, мы посадим вас в одну из этих клеток, и со временем вы присоединитесь к этому аристократическому сообществу Впрочем, есть еще один выход – мы можем просто-напросто скормить вас этим замечательным леди и джентльменам. И все это будет зависеть исключительно от моего расположения духа и моей щедрости. Правила в этом заведении очень просты. Вы будете работать без стонов и сожалений, а мы – мы великодушно позволим жить. Вы поняли меня?

Траут сделал все возможное, чтобы проигнорировать зловещий смысл его последних слов, и сосредоточился на – клетках с человекообразными существами.

– Я понял вас очень хорошо и постараюсь передать смысл вашего сообщения коллегам, которые не могут похвастаться крепкими желудками.

Стрега уставился на Траута желтоватыми, как у волка, глазами, будто пытаясь запомнить его лицо. Одарил Гэмей широкой ухмылкой, продемонстрировав все золото во рту, а потом повернулся и направился к двери. Охранники стали выталкивать чету Траут из зверинца, хотя ошеломленные ученые даже не пытались оказывать сопротивление. Полковник Стрега тем временем подошел к «мерседесу» с открытым верхом. Сэнди стояла на углу здания согнувшись. Ее тошнило. Гэмей подошла и по-дружески обняла ее за плечи.

– Прошу прощения, – сказал Маклин. – Стрега всегда ведет себя так со всеми новенькими. Он считает, что это гарантирует покорность и послушание.

– У меня возникли чувства посильнее, – скривилась Сэнди. – Я чуть не обделалась от страха. Боюсь, в следующий раз придется надевать памперсы.

Маклин грустно вздохнул:

– У всех нас бывают трудные дни. Давайте я отведу вас в ваше новое жилище, а после того, как вы примете душ и переоденетесь, соберемся у меня и выпьем чего-нибудь.

Автобус проехал еще полмили, миновав ряд заборов с колючей проволокой, по которой был пропущен электрический ток, и наконец остановился возле комплекса зданий, в центре которого возвышалось строение с круглой крышей.

– Это наша лаборатория, – пояснил Маклин, а потом показал пальцем на стоявшее неподалеку небольшое здание сероватого цвета. – А это дом полковника Стрега. Рядом с ним жилые помещения команды охранников. А в этих коттеджах живут ученые и исследователи. Внешне выглядят как бункеры, но вы сами увидите, что они вполне комфортабельны.

Охранник приказал всем выйти из автобуса, а потом показал Трауту и обеим женщинам на близлежащие коттеджи, расположившиеся рядом с домом Маклина. Траут и Гэмей направились в свой коттедж, который состоял из одной комнаты, металлической кровати, небольшого стола и ванной комнаты. Обстановка была спартанской, зато внутри все было чисто и аккуратно убрано. Они быстро сбросили с себя пыльную одежду и долго наслаждались горячим душем, после чего Траут тщательно побрился специально оставленной для него безопасной бритвой.

На кровати лежала пара аккуратно сложенных костюмов, до отвращения похожих на робы заключенных. Полу и Гэмей совсем не хотелось надевать тюремную униформу, но их

собственная одежда так пропахла потом и смрадом животных, что пришлось снять ее. Костюм Траута оказался немного коротковат в руках и ногах, но в остальном показался ему вполне удобным. Галстук-бабочка совершенно не подходил для такого наряда, но упрямец все-таки надел его. Что же до Гэмей, та выглядела элегантно даже в тюремной робе.

Сэнди находилась в соседнем коттедже, но, когда супруги зашли за ней, уже крепко спала. Они решили не беспокоить ее и навестили Маклина. Тот встретил их с радостью и показал свое жилище. Оно практически ничем не отличалось от их собственного; правда, в его комнате был бар, забитый самыми разнообразными напитками. Во время разговора он попросил их называть его просто Мак, а потом налил три стакана шотландского виски и даже прихватил с собой бутылку, когда они вышли на свежий воздух. Воздух действительно был свежий и даже прохладный, но при этом они никакого дискомфорта не испытывали.

– Боюсь, что мою комнату прослушивают, – пояснил он, когда они вышли во двор. – Полковник Стрега очень осторожный и подозрительный человек.

– А мне совсем не понравилось его чувство юмора, – заметила Гэмей.

– Да, но он известен своими другими качествами. Международный суд до сих пор разыскивает его в связи с массовыми убийствами в Боснии. Как вам виски?

– Прекрасно, лучше, чем в частном клубе, – пошутила она.

– Когда мне совсем плохо, я пытаюсь представить, что нахожусь на отдыхе на каком-нибудь отдаленном курорте, – сказал Маклин.

– На тех курортах, где мне приходилось бывать, – вмешался Траут, – обед доставляли не в клетках для крыс.

Наступило неловкое молчание, которое нарушила Гэмей:

– Скажите, пожалуйста, кто эти ужасные существа, которых мы видели в клетках?

Маклин ответил после продолжительной паузы:

– Это ошибки.

– Будучи сами человеком науки, – деликатно заметил Траут, – вы, вероятно, не станете возражать, если мы попросим вас быть более обстоятельным и точным.

– Извините, может быть, мне действительно стоило бы начать с самого начала.

Маклин налил себе еще немного виски, выпил его одним большим глотком и уставился рассеянным взглядом куда-то в пространство.

– Сейчас мне кажется, что все началось очень давно, хотя на самом деле всего лишь три года назад… Небольшая научно-исследовательская компания, офис которой расположен неподалеку от Парижа, наняла меня для изучения свойств энзима, фермента протеина, который производят живые клетки организма. Точнее, нас интересовала роль этого фермента в старении организмов. Компания имела ограниченные возможности для проведения масштабных исследований, и вскоре она была поглощена огромным конгломератом.

– Кто же стоял за этим конгломератом? – решил уточнить Траут.

– Мы этого не знали и знать не хотели, – откровенно признался Маклин. – Не знали даже имени владельца этого конгломерата. Нам пообещали щедрое финансирование и практически безграничные ресурсы для продолжения исследований. Разумеется, мы не стали возражать против работы на новых владельцев даже тогда, когда нам настойчиво предложили совершенно новые условия.

– О каких именно условиях вы говорите?

– Новое руководство навязало нам постоянную охрану и чрезвычайно жесткий график работы. Эти люди находились в лаборатории, были одеты в такую же форму, что и мы, но на самом деле были вооруженными до зубов охранниками. Все наши передвижения были строго ограничены. Мы жили в одном большом доме рядом с лабораторией. Нас отвозили на работу и привозили обратно на специальных машинах. Правда, семейным сотрудникам изредка позволяли встречаться со своими родными и близкими, но при условии соблюдения строжайшей секретности. Мы не имели права сообщать о своей работе и даже подписали на этот счет специальный контракт. Конечно, это было глупо с нашей стороны, но вы должны понять: в то время мы были крайне легкомысленны и не понимали сути происходящего. Речь

шла не о каком-то заурядном исследовании, а об открытии настоящего философского камня!

– Я думала, что вы химик, а вы, оказывается, алхимик, – удивилась Гэмей. – Насколько я помню, философский камень представляет собой субстанцию, с помощью которой можно превращать любой металл в драгоценный.

Маклин кивнул:

– Это общее заблуждение. Многие древние люди полагали, что на самом деле философский камень представлял собой легендарный «эликсир жизни». Если смешать это таинственное вещество с вином, то этим составом можно успешно лечить раны и болезни, восстанавливать молодость и продлевать жизнь. Так вот, мы искали именно такой философский камень.

– Бессмертие, – снисходительно хмыкнул Траут. – Думаю, было бы легче превратить свинец в золото, чем отыскать такое средство.

На губах Маклина промелькнула слабая улыбка.

– Во время наших исследований меня тоже часто посещали подобные сомнения. И я всегда приходил к выводу о принципиальной невозможности решения этой задачи.

– Вы далеко не первый, кто потерпел неудачу, пытаясь найти ответ на этот вопрос, – глубокомысленно заметил Траут.

– О нет, доктор Траут, вы меня не поняли. У нас не было неудачи!

– Да бросьте вы, Мак, – отмахнулся Траут. – Уж не хотите ли вы сказать, что получили этот загадочный эликсир жизни?

– Да, именно это я и хочу сказать. Мы нашли его на дне океана, возле гидротермальных источников Затерянного города.

Супруги уставились на Маклина, как будто желая понять, не повлияла ли атмосфера этого ужасного острова на рассудок шотландца.

– Я много раз брал пробы с океанского дна, – сказал Траут после долгого молчания. – И никогда мне не попадалось вещество, которое хотя бы отдаленно напоминало по своим свойствам этот загадочный «фонтан молодости».

Гэмей сокрушенно покачала головой.

– Вы должны понять мой скептицизм, но я, как специалист в области морской биологии, лучше знакома с гидротермальными подводными источниками, чем Пол, и скажу честно: понятия не имею, о чем вы говорите.

Голубые глаза Маклина сверкали от удовольствия.

– На самом деле вы знаете гораздо больше, чем вам кажется. Скажите, пожалуйста, почему многие ученые всего мира так взбудоражены открытием микроорганизмов, обнаруженных вокруг океанских гидротермальных источников?

– Очень просто, – ответила Гэмей, пожимая плечами. – Эти бактерии не похожи ни на одну из форм жизни, которые были известны раньше. Точнее, их можно рассматривать как «живые окаменелости». Дело в том, что условия вокруг Затерянного города очень близки к тем, которые существовали при зарождении жизни вообще. Иначе говоря, если вы наблюдаете, как зарождается жизнь вокруг этих источников, вы тем самым можете составить представление о зарождении жизни на Земле и, возможно, на других планетах.

– Совершенно верно. Моя исследовательская работа началась с самого простого предположения. Если вы имеете в своем распоряжении некое вещество, способствующее созданию жизни, то почему оно же не может служить ее продолжению? Наша компания получила доступ к образцам тех микробов, которые были добыты во время ранних экспедиций в район Затерянного города. А ключом к решению проблемы стал энзим, который вырабатывали эти микробы.

– Ключом? Каким образом?

– Все живые существа на нашей земле запрограммированы на одну задачу – воспроизводить себя в максимально возможном количестве экземпляров. Как только эта задача ими выполнена, они становятся излишними. Таким образом, все живые организмы имеют в *себе* встроенный ген саморазрушения, который ускоряет их гибель, чтобы

освободить место для будущих поколений. Что же до человеческих существ, то у них ген саморазрушения может активизироваться намного раньше, и тогда мы имеем синдром Вернера, когда восьмилетний ребенок выглядит, как восьмидесятилетний старик. Вот мы и предположили, что, если этот ген старения можно активизировать, стало быть, его можно с таким же успехом «выключить». И в результате мы можем самым серьезным образом замедлить процесс старения.

– И как вы проверите эту теорию на практике? – допытывался Траут. – Ведь придется сперва подвергнуть опыту какие-либо существа, а потом десятилетиями ждать, чтобы определить степень старения их организма и сравнить полученные результаты с данными контрольной группы.

– Хороший вопрос, – согласился Маклин. – Здесь еще и проблема терпения. Просто ваше терпение может иссякнуть задолго до того, как вы получите нужный продукт и он поступит на соответствующий рынок. Но этот фермент, энзим, не только «выключает» ген саморазрушения, но и служит в качестве сильнейшего антиоксиданта, нейтрализующего пагубные воздействия свободных радикалов. Другими словами, он не только замедляет процесс старения, но и восстанавливает молодость организма.

– Тот самый философский камень?

– Да. Надеюсь, теперь вы поняли, в чем тут дело?

– И вы действительно преуспели в получении этого фермента? – недоверчиво спросил Траут.

– Да, все испытано на лабораторных животных. Мы взяли мышей, которых можно считать старыми по человеческим меркам, и в значительной степени вернули им молодость.

– В какой именно степени?

– По человеческим стандартам эти мыши находились в возрасте примерно девяноста лет, а мы сократили их возраст до сорока пяти.

– То есть вы хотите сказать, что наполовину омолодили их?

– Именно. Мышечная активность. Структура костей. Уровень жизненной активности. Репродуктивная способность. При этом сами мыши были даже больше удивлены этими переменами, чем мы, исследователи.

– Впечатляющее достижение, – задумчиво сказала Гэмей. – Но человеческие существа намного сложнее, чем мыши.

– Да, – согласился Маклин и тяжело вздохнул. – Теперь мы это сами хорошо понимаем.

Гэмей подхватила эту мысль, почувствовав недосказанное.

– Вы провели эксперименты на людях, не так ли?

– Да, но это сделали не члены моей первоначальной исследовательской группы. Прежде чем начинать эксперименты на людях, должно было пройти много лет. Мы могли бы пойти на это только при самых благоприятных обстоятельствах. – Он поспешно сделал большой глоток виски, будто хотел стереть из памяти какие-то неприятные воспоминания. – Мы представили хозяевам полученные нами предварительные результаты и долго ждали ответа. Потом нам сообщили, что наша группа распускается, лаборатория закрывается. Все было сделано вполне цивилизованно. Нам жали руки, добродушно улыбались и даже выплатили хорошие премиальные. А некоторое время спустя, когда один из коллег стирал файлы с нашего компьютера, он совершенно случайно наткнулся на видеозапись эксперимента с участием людей. Опыты проводились на каком-то безлюдном острове.

Траут ткнул пальцем себе под ноги:

– Здесь?

– Вполне разумное предположение, – грустно улыбнулся Маклин. – Разумеется.

– И что случилось дальше?

– Дальше мы сделали вторую фатальную ошибку, явно недооценив жестокость и коварство этих людей. Мы отправились всей командой в главный офис компании и потребовали прекращения эксперимента. Нам сказали, что все участники – добровольцы и что это дело нас вообще больше не касается. Тогда мы пригрозили, что предадим огласке

результаты исследования, и в особенности то, что эксперименты ставятся на людях. Нас попросили немного подождать, а потом с учеными стали происходить загадочные несчастные случаи. Одни попали в автомобильные аварии, другие погибли во время пожара, третьи стали жертвами неумелого обращения с электрическим током или инструментами в домашних условиях, а несколько человек умерли от сердечных приступов. В общей сложности погиб двадцать один человек.

Траут даже присвистнул от удивления.

– Вы полагаете, все были убиты?

– Я точно это знаю.

– А полиция поняла, что речь идет о какой-то грязной игре? – спросила Гэмей.

– Да, в отдельных случаях они о чем-то догадывались, но так и не смогли ничего доказать. Некоторые из моих коллег вернулись домой, в разные страны. К тому же, как я уже сказал, мы работали в обстановке полной секретности.

– Но вы же все-таки уцелели?

– Мне просто повезло, я был на археологических раскопках, чем увлекаюсь уже много лет. А когда вернулся домой, то обнаружил послание от одного из своих коллег, в котором он предупреждал о грозящей мне опасности. Чуть позже он тоже погиб при невыясненных обстоятельствах. Я сбежал в Грецию, но прежние хозяева каким-то образом выследили меня и силой заставили вернуться на этот остров.

– Почему же вас не убили, как остальных?

Маклин рассмеялся, но это был грустный смех.

– Мне решили поручить создание новой исследовательской группы. Похоже, что они пострадали от собственной глупости. Уничтожив почти всех ученых, они вдруг обнаружили, что не в состоянии справиться с возникающими научными проблемами. Нужно было изучить новый комплекс полученных материалов, а без нас они этого сделать не могли. Их ужасные «ошибки» вы имели возможность наблюдать недавно… в клетках.

– Вы хотите сказать, что открытый вами эликсир жизни стал причиной появления этих ужасных монстров? – поразился Траут.

Маклин вяло улыбнулся:

– Да, мы предупреждали этих идиотов, что требуется много исследований, прежде чем приступать к опытам на человеческом организме. Вы ведь сами только что сказали, что люди гораздо более сложные существа, чем мыши, и энзим мог оказать на них совсем другое влияние. Если уточнить, речь идет об оптимальном балансе фермента. При неправильной пропорции это может убить подопытных или запустить механизм ускоренного старения организма. Что же касается этих несчастных существ, то неправильное использование полученного препарата привело к возрождению каких-то древних первобытных инстинктов и фактически вернуло их в те времена, когда главным фактором выживания наших предков были ярость и безудержная агрессивность. И пусть вас не вводит в заблуждение их внешний вид. Полковник Стрега хорошо знает, что у них все еще сохранился человеческий интеллект!

– Что вы имеете в виду?

– Есть два типа подобных существ. Группа «Альфа» была частью первоначального эксперимента, который начат много лет назад, а «Бета» – существа, созданные в ходе последних опытов. Это было недавно, и некоторым из них удалось сбежать. Вероятно, во главе группы беглецов стали представители группы «Альфа». Они соорудили примитивный плот и перебрались на другой остров, где убили несколько случайно оказавшихся там людей. Полковник Стрега долго охотился за подопытными и в конце концов вернул их обратно. В качестве назидания для остальных он зверски истязал их, а потом убил. И все это происходило на глазах остальных существ.

– Если они доставляют так много хлопот, то зачем вообще их держат в клетках? – спросила Гэмей.

– Вероятно, наши работодатели считают, что они могут представлять какую-то ценность… или что-то вроде того. Сейчас их держат просто как использованный материал.

Кстати, последние опыты проводились на нелегальных иммигрантах из бедных стран. Беднягам сказали, что они едут в Америку или Европу, где их ожидают высокооплачиваемая работа и лучшая жизнь.

Траут сжал зубы.

– Это самый отвратительный эксперимент из всех, о которых я когда-либо слышал, – сказал он. – Но я одного не могу понять. – почему ваши работодатели, эти мерзавцы, решили похитить наш подводный аппарат вместе с нами?

– Дело в том, что полученный нами энзим имеет очень короткий срок годности. Они построили подводную лодку, с помощью которой можно извлекать этот препарат в любых количествах и в любое время. Похоже, что они знали о вашей экспедиции и испугались, что все это подводное предприятие будет раскрыто. Вы совершенно случайно оказались в двух шагах…

– Далеко не случайно, – запротестовала Гэмей. – Мы искали источник распространения водорослей-«сорняков», которые получили у нас название горгоны.

– Ну, теперь моя очередь удивляться, – улыбнулся Маклин. – Что такое горгона?

– Мутация самой обыкновенной морской водоросли, – пояснила Гэмей. – Но этот мутант так быстро расползается по Мировому океану, что стал представлять собой огромную опасность для всего живого. Источник этой водоросли был локализован в районе Затерянного города. А мы решили провести исследования, выяснить причины мутации и раскрыть механизмы ее распространения. Разумеется, мы не рекламировали экспедицию, чтобы не вызвать у людей преждевременную панику. На самом деле ситуация намного хуже, чем обычно говорят об этом открытым текстом.

– Почему?

– Если позволить растению свободно развиваться, – ответила Гэмей, – то вскоре весь Мировой океан станет огромным резервуаром для этой гадости. Океанская торговля станет совершенно невозможной, все морские порты будут закрыты, бесследно исчезнут многие виды рыбы, что неизбежно нарушит веками создававшуюся пищевую цепь. Кроме того, это приведет к резким изменениям климата, начнется голод, города будут охвачены беспорядками, падут правительства и в конечном итоге это приведет к гибели миллионов людей по всему миру…

– Боже мой! – воскликнул Маклин. – Я давно подозревал, что нечто подобное должно рано или поздно случиться.

– Что вы хотите этим сказать? – насторожилась Гэмей.

– В своем естественном окружении открытые нами микроорганизмы являются совершенно безвредными, но велика вероятность того, что они начнут мигрировать, если кто-то разрушит среду их обитания. По всей видимости, они скрестились с более развитыми организмами и распространились…

– Этот процесс обратимый?

– Есть вероятность того, что результаты нашей нынешней работы могут помочь в решении этой проблемы.

– Как вы думаете, полковник Стрега примет наше предложение исследовать пути возможного спасения мира от неконтролируемого распространения горгоны? – спросил Траут.

Маклин громко рассмеялся:

– Полковник Стрега считает, что весь мир – его лагерь, а себя мнит богом.

– Тем более есть причины для бегства, – сказал Траут.

– Те люди, которые нас похитили, должны знать, что скоро начнутся интенсивные поиски нашего подводного аппарата и пропавших людей, – вмешалась Гэмей.

Маклин посмотрел на дно пустого стакана, а потом перевел взгляд на нее.

– Стрега сказал, что справится с этой ситуацией. Правда, он не вдавался в подробности, но совсем недавно с острова были вывезены несколько мутантов. Полагаю, это каким-то образом связано с их планом по срыву поисковых работ.

– И никаких подробностей?

Маклин покачал головой.

Траут заставил себя продолжить.

– Вы сказали, что вас привезли сюда для организации новой исследовательской группы? – спросил он.

– Да, здесь сейчас находятся еще шесть несчастных душ, которые заняты нашими опытами, как, впрочем, и те иммигранты, которым обещали хорошую работу. Вы увидите всех во время ужина. Наши работодатели оказались очень предусмотрительными и сделали все, чтобы этих несчастных не искали ни члены семьи, ни знакомые.

– Сколько у нас осталось времени?

– Мы все прекрасно понимаем, что будем уничтожены сразу же после получения чистого эликсира жизни. Конечно, мы делаем все возможное, чтобы максимально затянуть окончание работы, но вместе с тем вынуждены демонстрировать хоть какие-то результаты. Понимаете, это очень деликатная проблема. Пока мы находились на субмарине, отсюда ушло одно судно с эликсиром.

– Что это может означать для нас?

– Как только хозяева убедятся, что эликсир получен и нужный эффект достигнут, мы станем лишними.

– А он действительно будет получен?

Маклин кивнул:

– О да, в этом нет никаких сомнений. Уже первые результаты будут иметь для нас самые драматические последствия. Как только полковник Стрега получит соответствующий приказ, он сразу же начнет скармливать нас по одному этим чудовищам. – Шотландец сокрушенно покачал головой. – Боюсь, я спас вас только для того, чтобы впутать в этот кошмар.

Траут встал на ноги, внимательно обвел взглядом лагерь и подумал, что первозданная красота этого острова совершенно несовместима с тем ужасом, который он недавно видел.

– Есть какие-нибудь идеи? – спросил он.

– Думаю, было бы хорошо, если бы Мак рассказал нам как можно больше об этом острове, – предложила Гэмей. – Я имею в виду каждую деталь, каждую мелочь, какой бы глупой или бессмысленной она ни показалась.

– Если вы все еще надеетесь сбежать, – грустно сказал Маклин, – забудьте. Отсюда нет обратного пути.

Гэмей посмотрела на мужа.

– Выход есть всегда, – сказала она с загадочной улыбкой. – Просто мы иногда не знаем, в чем он состоит и где находится.

Глава 26

К тому времени, когда Остин залез под толстое одеяло на широкую старую кровать в номере мотеля, Скай уже погрузилась в беспокойный сон. Иногда она бормотала что-то насчет Красной Смерти и темной воды и потом прижималась к нему всем телом и успокаивалась. Нервы Остина тоже были на пределе. Несколько раз он вставал с постели, деликатно отстраняя руку Скай, и подходил к окну, пристально вглядываясь в темноту. Вокруг было спокойно и тихо, не считая тихого жужжания мотыльков вокруг ламп на фонарных столбах. Однако Остина нисколько не успокаивала тишина: он отлично понимал, что Фошар использует все средства, чтобы настичь беглецов.

После беспокойной ночи они проснулись рано утром от яркого солнечного света, обильно заливавшего небольшую комнату. Быстро умылись, привели себя в порядок, а потом оделись в домашнюю одежду, которую Скай обнаружила в гардеробе. После этого они заказали завтрак в комнату, а Остин тем временем собрал их маскарадные костюмы и швырнул в мусорную корзину. Подкрепившись легким завтраком и крепким кофе, Скай

обрела прежнюю бодрость, но воспоминание о шато Фошаров все еще давило на ее сознание тяжким грузом.

– Может, нам стоит сообщить властям о приключениях в замке? – спросила она Остина.

– Не забывай, что это богатая и весьма влиятельная семейка, – урезонил ее Остин.

– Что вовсе не означает, что они находятся выше закона, – попыталась возразить она.

– Согласен. Как ты думаешь, в какую часть наших приключений полиция поверит больше всего? В «Маску Красной Смерти» или «Бочонок амонтильядо»? Если мы поднимем шум, то нас самих могут обвинить в хищении самолета Эмиля Фошара.

– Понимаю, к чему ты клонишь, – кивнула она, насупившись. – Так что же нам теперь делать?

– Возвращаться в Париж, перегруппировать силы и откопать все грязное белье семейства Фошаров. – Остин сделал паузу и откашлялся. – Кто должен сообщить твоему другу Дарнье, что его старый голубой «роллс-ройс» лежит на дне зловонного рва, окружающего замок Фошаров?

– Не волнуйся, я сама скажу ему. Честно говоря, Шарль давно уже хотел продать его и купить себе «бентли». Он может сообщить в полицию, что его автомобиль угнали. – Губы Скай растянулись в привычной солнечной улыбке. – Хорошо зная Шарля, могу предположить, что история с кражей машины будет только началом. – Лучезарная улыбка неожиданно омрачилась. – Ты веришь во все то, о чем сказал этот бедный англичанин Кавендиш? Я имею в виду, что Фошары начали Первую мировую войну и фактически способствовали развязыванию второй?

Остин обдумывал этот вопрос, тщательно пережевывая круассан.

– Вряд ли, – сказал он через некоторое время. – Чтобы развязать мировую войну, требуются усилия не одной пары людей. Большую роль в этом деле сыграли глупость политиков, их алчность и ошибки в расчетах.

– Все верно, Курт, но ты пораскинь мозгами над следующим фактом. В 1914 году во главе всех великих держав стояли самые ничтожные, глупые лидеры в истории, а окончательное решение о начале войны находилось в руках горстки людей, которых нельзя назвать умными или хотя бы достаточно образованными. Германский кайзер или русский царь не спрашивали у своих подданных разрешения на объявление войны. Разве не могла небольшая, но очень могущественная и богатая группа людей, к которым, безусловно, принадлежало семейство Фошаров и других производителей оружия, успешно манипулировать этими монархами? Разве не могли они оказать самое серьезное влияние на принятие важных решений, непосредственно затрагивающих их шкурные интересы? И разве не могли они организовать серию событий – как, например, убийство австрийского эрцгерцога, – что и послужило поводом для развязывания войны?

– Вполне возможно, – согласился с ней Остин. – Правда, Вторая мировая война началась при несколько иных обстоятельствах, но все равно можно найти ту спичку, которая привела к взрыву порохового погреба.

– Значит, ты допускаешь, что кто-то несет полную ответственность за все эти трагические события?

– Сейчас, когда я ближе познакомился с этими мерзавцами и негодяями Фошарами, вполне могу согласиться, что если кто и мог спровоцировать ту или иную войну, то, конечно, они. Чудовищное обращение с англичанином Кавендишем, который имел неосторожность открыть рот в неподходящий момент, говорит само за себя.

Скай вздрогнула, вспомнив перекошенное от боли лицо британского лорда.

– Кавендиш сказал, что Жюль Фошар пытался каким-то образом остановить войну, – задумчиво сказала она. – Нам известно, что он сумел долететь только до Спящего Человека. Если бы он перелетел через Альпы, то скорее всего сел бы в Швейцарии.

– Нейтральная страна, где он мог безбоязненно известить мир о зловещих планах собственного клана. – Остин умолк и задумался. – Давай обдумаем этот вариант. Фошар был

богат и влиятелен, но ему требовались доказательства своей правоты. Это могли быть документы или какие-то секретные бумаги.

– Конечно! – воскликнула Скай. – Они хранились в том металлическом контейнере, который был обнаружен рядом с Жюлем. А семейство Фошаров не могло допустить, чтобы их грязные интриги стали достоянием общественности.

– Однако меня беспокоит другой вопрос, – сказал Остин после долгих размышлений. – Предположим, что нам удалось извлечь тело Жюля Фошара и получить доступ к компрометирующим документам. Его семья делает все возможное, чтобы не допустить огласки, и нанимает высокооплачиваемого журналиста из какой-нибудь пиар-компании, который должен заболтать всю эту историю. Они могли бы сказать, что все эти документы являются фальшивыми. Думаю, подобная информация мало кого заинтересовала бы, за исключением, может быть, небольшой группы профессиональных историков. Но зачем нужно было затапливать тоннель, убивать Рено и пытаться устранить нас с тобой?

Остин сделал многозначительную паузу, а потом продолжил:

– А вот еще одна теория. Давай представим, что компания «Спиар индастриз» разрабатывает какой-то новый проект. Какой-нибудь очень дорогостоящий и выгодный новый продукт… или даже замышляет новую войну. – Остин устало улыбнулся. – В таком случае любая информация о неприглядном прошлом этой компании может испортить все дело и нарушить их планы.

– Да, в этом есть определенный смысл, – согласилась с ним Скай.

– В чем я не вижу пока никакого смысла, так это в том, что Жюль так бережно хранил этот древний шлем.

– Фошарам свойственны эксцентричные поступки, – предположила Скай.

– Ты очень добра ко мне. – Остин нахмурил брови. – Они жестокие маньяки и убийцы, но при этом никогда не действуют без определенной цели и хорошо продуманного плана. Думаю, что Фошары беспокоятся не только о семейной истории, которая может стать достоянием общественности. Они ведь отчаянно пытаются вернуть этот злополучный шлем. В этом старом стальном котелке заключена тайна, нечто такое, что представляет для них исключительную важность. И нам предстоит раскрыть эту тайну.

– Возможно, Шарль открыл эту тайну, изучая шлем, – задумчиво предположила Скай. – Я должна как можно скорее встретиться с ним.

Стук в дверь прервал их беседу. В комнату вошла горничная с большими пакетами в руках. У Остина осталось немного наличных и кредитная карточка, которую он хранил в бумажнике вместе с паспортом. Он поблагодарил горничную, вручил ей весьма щедрые чаевые, а когда девушка ушла, они стали примерять новую одежду. Красивое красное платье обтягивало стройную фигуру Скай, как дорогая лайковая перчатка. Остин надел черные брюки и белую рубашку. Немного старомодно, зато без риска привлечь к себе внимание.

Дежурный администратор арендовал для них автомобиль, и хотя старенький «пежо» не шел ни в какое сравнение с их затонувшим «роллс-ройсом», поездка в Париж по залитой солнечными лучами живописной сельской местности помогла им немного забыть о превратностях бала-маскарада и ужасных катакомбах в родовом поместье Фошаров. Остин не переставая давил на газ, и чем больше они удалялись от злополучного места, тем легче становилось на душе. А когда вдалеке показалась Эйфелева башня, Остин чуть было не запел от радости «Марсельезу». Через некоторое время они подъехали к дому Скай, откуда та позвонила антиквару и радостно сообщила, что намерена немедленно выехать в Прованс. Дарнье с нескрываемым удовольствием одобрил ее планы и сказал, что им предстоит обсудить массу интересных вещей. Закончив разговор, Скай быстро собрала в дорожную сумку самые необходимые вещи, после чего Остин отвез ее на вокзал. Там они крепко расцеловались и расстались. Скай села в поезд, он вернулся в гостиницу.

Дежурный администратор широко улыбнулся, увидев перед собой усталого, но бодрого постояльца, который пришел за ключом.

– А, месье Остин, мы очень рады, что вы наконец-то вернулись. Тут вас давно уже

дожидается какой-то джентльмен, – сказал администратор, посмотрев куда-то в глубь фойе.

В самом углу большого зала в огромном кожаном кресле растянулся мужчина. Он спал, прикрыв лицо газетой «Фигаро». Остин подошел к нему, снял газету и увидел смуглое, в мелких морщинках лицо Джо Завалы.

Остин постучал пальцами по его плечу.

– Служба безопасности, – сообщил он с интонациями инспектора Клозо. – Вам придется пройти со мной.

Завала поморгал сонными глазами, потом радостно улыбнулся:

– Давно пора.

– Я тоже рад тебя видеть, дружище. А мне казалось, ты все еще в Альпах и успешно улучшаешь франко-американские отношения.

Завала поудобнее устроился в кресле.

– Дениз захотела познакомить меня со своими родителями, а ты ведь знаешь, для меня это всегда дурной знак. Где ты болтался? Я пытался звонить тебе, но твой мобильный не отвечал.

Остин устало опустился в соседнее кресло.

– Мой телефон покоится на дне грязного рва с вонючей водой.

– Должен признать, никогда еще не слышал подобного объяснения. Могу я полюбопытствовать, как он там оказался?

– Длинная история. Лучше скажи, что заставило тебя так долго ждать меня здесь, в фойе?

Лицо Завалы стало печальным.

– Мне позвонил Руди, сказал, что никак не может дозвониться до тебя. – Руди Ганн был вторым человеком в команде Питта. – В районе Затерянного города произошел несчастный случай. Пол и Гэмей спустились туда на «Элвине», и больше их никто не видел. Они куда-то пропали, а вместе с ними, разумеется, пилот субмарины.

– Черт возьми, – выдохнул Остин. – Что же там случилось?

– Никто ничего не знает. Примерно в то же самое время, когда прервалась связь с подводным аппаратом, было совершено нападение на исследовательское судно.

– Что за чушь. Кому нужно атаковать мирное научно-исследовательское судно?

– В том-то и дело. В общем, вчера вечером я сел на скорый поезд до Парижа, пришел сюда и уже замучил администратора своими расспросами о тебе…

– Сколько времени прошло с тех пор, как исчезли Трауты?

– Больше двадцати четырех часов.

– Я надеюсь, Дирк и Руди в курсе дела?

Завала кивнул.

– Дирк попросил, чтобы мы сообщали ему обо всех подробностях, а сам уже обратился за помощью к военным морякам. Полчаса назад я разговаривал с Руди. Он уже отправил в этот район поисковое судно «Искатель», так что мы можем в любую минуту ожидать новостей.

– На какое время рассчитана система жизнеобеспечения на «Элвине»?

– Еды и воздуха осталось примерно на сорок восемь часов, – сказал Завала и посмотрел на часы.

Остин выругался про себя. Пока они со Скай наслаждались круассанами, Траут с женой попали в беду. Хорошо, если вообще еще живы.

– Надо немедленно ехать туда.

– В аэропорту Шарля де Голля нас уже ждет самолет агентства НАПИ. Через несколько часов можем быть на Азорских островах, а дальше нас доставит специальный транспорт, этим сейчас занимается Руди.

Остин сказал, чтобы Завала оставался на месте, а сам быстро поднялся в номер, переоделся в привычные джинсы и свитер, швырнул одежду в дорожную сумку и уже через несколько минут был в фойе.

Когда они приехали в аэропорт, самолет уже разогревал двигатели, и после короткого полета до Азорских островов друзья пересели на гидросамолет и помчались в центральную часть Атлантики.

Исследовательское судно агентства НАПИ «Искатель» возвращалось домой из Европы, когда телефонный звонок Руди Ганна заставил его изменить маршрут и направиться к Срединно-Атлантическому хребту. Остин был рад, что в этой операции задействован именно «Искатель», спущенный на воду всего несколько месяцев назад и оснащенный новейшим поисковым оборудованием и современными автономными подводными аппаратами.

Когда гидросамолет стал снижаться, Остин посмотрел в окно и увидел, что военные моряки не теряли зря времени: они приступили к поиску пропавшей субмарины вместе с «Атлантисом» и «Искателем».

Гидросамолет сел на воду неподалеку от «Искателя», Завалу и Остина подобрала моторная лодка и быстро доставила на борт. Там их ждал высокий калифорниец с оливкового цвета кожей, Пол Гутьерес. Командир судна капитан Гутьерес не стал тратить время на пустые разговоры, а сразу проводил прибывших на капитанский мостик. Переступив порог рубки рулевого, Остин посмотрел на море и увидел, как от военного корабля отделилась большая моторная лодка и быстро направилась к «Атлантису».

– Похоже, к нам гости.

– Военные прибыли сюда несколько часов назад, – пояснил капитан. – Позвольте, я покажу, чем мы занимались тут все это время. – Он расстелил на столе карту, поделенную черным карандашом на отдельные 258 квадраты. – Нам крупно повезло сегодня с погодой, – начал он издалека. – Именно поэтому удалось обыскать довольно большое пространство прилегающей акватории. Кроме того, мы провели исследование местности с помощью мощного сонара и отправили под воду подводный аппарат с дистанционным управлением.

– Впечатляет.

– Благодарю. Установленное на нашем судне поисковое оборудование может легко обнаружить монету на дне моря. Мы исследовали всю территорию Затерянного города и даже некоторые прилегающие зоны, где обнаружили немало новых гидротермальных источников. «Атлантис» тоже занимался исследованием подводного хребта, однако наши результаты оказались более полезными, так как мы обладаем более сложной техникой подводного исследования. – Капитан сделал паузу и покачал головой. – И никаких следов. «Элвин» является самым современным подводным судном такого класса в мире. Он опускался под воду сотни раз, и никогда у нас не было никаких проблем.

– Значит, до сих поршне обнаружено никаких следов?

– Да. Но это еще не конец истории.

Гутьерес протянул Остину отпечатанный на компьютере снимок океанского дна, который появился на мониторе сонара.

– Как только мы исследовали всю территорию Затерянного города, сразу же перешли к изучению прилегающего пространства, там примерно такие же поля гидротермальных источников, а то и больше. Посмотрите, что мы обнаружили на одном из таких полей, который обозначили «ЛС И». Этот снимок вызвал у нас чувство паники.

Остин взял со стола огромную лупу и стал рассматривать снимок. За многие годы поисковой работы ему часто приходилось иметь дело с сонарными снимками, но то, что он увидел сейчас, озадачило его.

– Что означают эти странные двойные линии?

– Мы задали себе тот же вопрос, отправили туда подводный аппарат, который и отснял все это.

Остин долго смотрел на снимки размером восемь на десять. На них отчетливо были видны высокие колонны, а также какие-то странные следы, ведущие мимо башен куда-то вдаль.

– Похоже на следы огромного бульдозера или танка, – заметил Остин.

– Да, действительно что-то большое, – кивнул капитан. – Сравнив эти следы с

размерами колонн, мы пришли к выводу, что расстояние между ними не менее тридцати футов.

– Какая здесь глубина?

– Две с половиной тысячи футов.

Завала даже присвистнул от удивления:

– Весьма впечатляющее инженерное достижение, но при этом вполне возможное. Тебе это что-нибудь напоминает, Курт?

– «Большого Джона», – улыбнулся Остин и, поймав на себе вопрошающий взгляд капитана, пояснил, что «Большим Джоном» они назвали глубоководный аппарат, разработанный агентством НАПИ несколько лет назад с целью изучения океанского дна. Это было до того, как у них появилась мобильная глубоководная лаборатория. Он показал пальцем на фотографию в том самом месте, где следы подводного трактора внезапно обрывались. – Что бы там ни было, эта штука потом куда-то поднялась. Похоже, в отличие от нашего «Большого Джона» эта механическая черепаха может не только ползать по дну, но и плавать.

– А я могу предположить, что подводный вездеход поднялся не один, а вместе с нашим «Элвином», – высказался Завала.

– Да, совпадений слишком много, – кивнул Остин. – Вряд ли можно считать случайностью тот факт, что наша субмарина пропала как раз возле этих следов.

– Когда мы только приступили к поиску «Элвина», – добавил Гутьерес, – к нам приблизилось странное судно. похожее на ржавое корыто для грузоперевозок. На борту было отчетливо видно название «Кельтская радуга», а на флагштоке развевался мальтийский флаг. Они подали сигнал бедствия, но, когда мы послали запрос, никто не ответил. Этот сигнал они повторяли еще долгое время, потом мы заметили клубы дыма, который шел, судя по всему, из трюма.

– А кто-нибудь пытался покинуть это судно?

– В том-то все и дело, что нет. Это поразило нас больше всего. На палубе не было ни души, и я решил послать небольшую команду, посмотреть, что там стряслось. Капитан Бек изъявил желание лично проверить это судно со своими парнями.

– Бек?

– Да, он руководит компанией по обеспечению безопасности морских перевозок. Вы же знаете, в последнее время на научно-исследовательские суда стали нападать пираты. Вот мы и обратились в эту компанию, чтобы обезопасить себя во время продолжительных исследовательских работ. У Бека были три человека, и все в прошлом военные моряки. Помимо прочего, они обучали наш экипаж мерам безопасности и способам поведения во время нападения пиратов. На меня он произвел впечатление способного и весьма энергичного человека.

– Более того, – сказал человек в форме военного моряка, который только что переступил порог рулевой рубки. – Если верить тому, что я слышал, он настоящий профессионал в своем деле. Позвольте представиться: Инсайн Пит Мюллер. Я командир корабля, который пришел вам на подмогу. – Он показал рукой на крейсер.

Остин первый протянул ему руку.

– Рад познакомиться, Инсайн.

– А я всегда рад сотрудничать с людьми из агентства НАПИ.

– Ну, так что же случилось с капитаном Беком и его командой? – продолжил Остин.

– Боюсь, что они все погибли, – угрюмо буркнул Инсайн.

– Жаль, – тихо сказал Остин.

– Мы нашли тело капитана в воде, но на судне не обнаружили никаких следов его команды, – сказал Мюллер.

– А что потом произошло с этим грузовым судном?

– Наш крейсер был недалеко, когда мы получили с борта «Атлантиса» сигнал о помощи. Но к тому времени, когда мы добрались сюда, грузового судна уже след простыл.

Мы бросились в погоню и были абсолютно уверены, что настигнем его, так как знали направление движения, следили за ним по экрану радара и имели существенное преимущество в скорости. Но когда нам показалось, что мы приблизились к нему, изображение на экране исчезло. Позже мы обнаружили на поверхности воды пятна масла, обломки, но самого корабля на поверхности не было.

– Не понимаю, – задумчиво сказал Остин. – Эта компания прославилась храбрым и высококвалифицированным персоналом, для которого захват вражеского судна является самым обычным делом. Они только тем и занимаются, что спасают торговые суда от пиратов.

– Думаю, на сей раз они столкнулись с чем-то таким, к чему не были подготовлены.

Остин пристально посмотрел в глаза Инсайну Мюллеру и заметил нечто такое, чего никогда не видел в глазах кадрового морского офицера. Страх.

– У меня такое чувство, что во всем этом деле есть нечто большее, чем то, о чем мне доложили, – тихо сказал военный. – Может быть, капитан расскажет нам более подробно об этом странном нападении.

– Я могу не только рассказать вам, – предложил Гутьерес, – но и показать.

Глава 27

Изображение на экране видеокамеры не оставляло сомнений в том, что съемка велась в чрезвычайных обстоятельствах. Камера дергалась, а размытые фигуры мелькали так быстро, что трудно было уловить смысл происходящего. И все же объектив уловил смутные очертания трех человек, показанных сзади. Все они, в банданах и с автоматами на плечах, плыли в моторной лодке, медленно приближаясь к грузовому судну средних размеров, с облупившейся краской на бортах. На фоне рокота мотора едва слышался хриплый голос человека, инструктировавшего остальных членов команды.

– Приближаемся к цели. Выше голову, парни, похоже, это будет не очень приятная прогулка. Попытаемся имитировать нападение, чтобы понять, можно ли применять оружие.

Человек, который находился ближе всех к видеокамере, повернулся и поднял вверх указательный палец, обозначая стоп-кадр.

Инсайн Мюллер встал со стула и подошел поближе к настенному экрану.

– Это Сол Руссо, – сказал он, указывая на смуглого мужчину, который улыбался прямо в объектив. – Крепкий парень, хорошо подготовленный и знающий свое дело. В свое время служил в группе спецназа по борьбе с терроризмом и получил кучу медалей за участие в боевой операции в Персидском заливе. После этого перешел на работу в спасательную компанию Бека.

– А голос, должно быть, самого Бека, – догадался Остин.

– Совершенно верно. Бек всегда брал с собой видеокамеру» он использовал отснятый материал в качестве учебного пособия, тщательно анализируя все ошибки и промахи. Камера всегда висела у него на груди и была там, когда мы вытащили из воды его тело. К счастью, она была в водонепроницаемом футляре. Конечно, запись не очень хорошего качества, но все же дает какое-то представление о том, что случилось дальше.

Мюллер нажал кнопку на пульте дистанционного управления и вернулся на место. Человек на экране возобновил движение и вскоре повернулся к камере спиной. Шум на лодке заметно усилился, сама она мчалась к борту грузового судна, высоко задрав нос. Приблизившись к борту, где в воду спускался трап, моторка быстро развернулась и помчалась прочь.

– Наша попытка вызвать на себя огонь противника закончилась неудачей, – послышался голос Бека. – Давайте посмотрим название судна на корме.

Камера показала, как моторная лодка обошла вокруг грузового судна. На борту отчетливо виднелись надписи: «Кельтская радуга», а чуть ниже: «Мальта». Затем лодка развернулась и снова направилась к трапу. Два члена команды надели противогазы и стали

медленно взбираться вверх. Рулевой отвел лодку подальше от борта судна и направил на палубу ствол автомата, изготовившись ответить огнем на любую попытку сбросить с трапа людей. Оба бойца без проблем поднялись на палубу, и один из них показал, что лодка может подойти поближе.

– Сопротивления пока нет, – послышался голос Бека. – Сейчас мы тоже поднимемся на палубу.

Бек и Руссо привязали моторную лодку к трапу, а потом стали подниматься наверх. Борт судна стал покачиваться на экране, отчетливо слышалось тяжелое дыхание Бека.

– Я староват для таких упражнений, – послышался голос Бека. – Фу, и все же это интереснее, чем сидеть в офисе за письменным столом.

Через минуту камера показала группу спасателей, которые шли по безлюдной палубе с оружием на изготовку. Клубы дыма все еще поднимались откуда-то снизу и заполнили уже почти всю палубу. Руссо взял одного человека с автоматом, они обошли вокруг палубной надстройки, а Бек с другим членом команды проделали то же самое с другой стороны, и вскоре все четверо встретились на корме.

– На палубе все чисто, – сказал Руссо и посмотрел на клубы дыма. – Похоже, что источник огня где-то внутри.

– Ты прав, – согласился с ним Бек. – А дым почти развеялся. Можно снять противогазы.

Все быстро выполнили его приказ и прикрепили противогазы к ремням.

– Ладно, давайте поднимемся на мостик и посмотрим, кто там сигналит.

Камера дотошно отражала все происходящее. Спасатели стали медленно подниматься вверх, постоянно оглядываясь и прикрывая друг друга на случай внезапного нападения. Через открытую дверь стали доноситься настойчивые звуки тревоги.

С давних пор главными преимуществами команды спасателей были внезапность, быстрота и решительность. Высадка на палубу чужого судна средь белого дня упрощала задачу, поэтому они не стали терять времени и сразу же ворвались в помещение рулевой рубки.

– Черт возьми, здесь никого нет, – донесся через микрофон удивленный голос капитана Бека. Камера продемонстрировала все помещение рулевой рубки, повернувшись на 360 градусов, а потом и самого Бека – тот подошел к судовой радиостанции. Там рядом с микрофоном стоял небольшой магнитофон. Было видно, как рука Бека потянулась к нему и выключила запись, повторявшую одну и ту же фразу.

– Боже мой! – воскликнул один из членов команды. – Что за вонь!

Голос Бека по-прежнему был за кадром, тон был бесстрастным, но вместе с тем чувствовалась напряженность. Капитан приказал бойцам приготовить оружие к бою, держать ухо востро и потихоньку отступать к моторной лодке, не спуская глаз с палубы.

Потом неожиданно открылись врата ада.

В дверь рубки ворвалось чудовище и заорало так, что даже у тех, кто смотрел запись, уши заложило. Послышались громкие выстрелы, крики, показались смутные тени на палубе. На экране мелькнули длинные белые волосы и перекошенные от ярости звериные рожи каких-то страшилищ, которые могли привидеться только в кошмарном сне.

– Сюда, капитан!

На экране возникла широкая спина Руссо. Раздались новые выстрелы, такие же жуткие вопли, после чего весь экран заполнили свирепые чудовища.

К этому моменту Бек был уже за пределами рубки и спускался вниз по лестнице на полусогнутых ногах. Его дыхание было прерывистым, иногда казалось, что он задыхается. Где-то рядом слышался отчаянный голос Руссо:

– Скорее, кэп, скорее! Я пристрелил одну из этих тварей с красными глазами, но они наседают.

– Мои люди…

– Слишком поздно, кэп! Живее! Проклятие!

Еще одна очередь из автомата, чей-то вопль…

Бектем временем спустился на палубу и помчался к корме, где их ждала спасительная моторная лодка. Он дышал, как паровоз, и громко топал по палубе ботинками. Он уже был возле трапа, когда рядом раздался леденящий душу крик. На экране замелькали белые волосы, смуглые тела и звериные рожи, которые переплелись в один жуткий комок. Еще выстрел, и на экране на мгновение показались яростно сверкающие красные глаза монстра. Камера дернулась, промелькнули облака, море на горизонте, а потом наступила темнота.

Остин долго смотрел на потухший экран и первым нарушил гробовую тишину:

– Видеозапись вызывает больше вопросов, чем дает ответов.

– Бек почти успел добежать до моторной лодки, – тихо сказал Мюллер, – когда кто-то или что-то набросилось на него. Он уже начал спускаться по трапу. Когда мы подняли его тело… горло было разорвано в клочья.

– Вы можете вернуть запись назад на несколько секунд? – спросил Завала.

Мюллер выполнил просьбу.

– Хватит, остановите здесь.

На экране снова появилась перекошенная морда с красными от ярости глазами. Изображение существа было размытым, но даже этого было достаточно, чтобы заставить содрогнуться любого нормального человека. В комнате воцарилась мертвая тишина, нарушаемая только слабым жужжанием вентилятора.

Первым нарушил тишину Остин:

– Инсайн, что скажете?

Мюллер покачал головой, будто его только что попросили объяснить все тайны Вселенной.

– Единственное, что я могу сейчас сказать, – капитан Бек и его люди оказались в какой-то адской ловушке. Однако те, кто заманил их туда, явно не ожидали встретить хорошо вооруженных и подготовленных спасателей.

– А у меня такое впечатление, что они планировали совершить нападение на «Атлантис», но передумали после вооруженной стычки с людьми Бека, – предположил Остин.

– Полностью согласен с таким выводом, – поддержал его Мюллер.

Капитан Гутьерес медленно встал со стула.

– Мне нужно вернуться на капитанский мостик, а вы, джентльмены, дайте знать, если понадобится моя помощь.

Остин поблагодарил Гутьереса и повернулся к Мюллеру, когда капитан ушел.

– Полагаю, вы тоже скоро вернетесь на свой корабль?

– Пока еще нет, – ответил тот. – Нам на смену идет другой корабль поддержки, но он будет здесь через несколько часов, так что у меня пока еще есть время. А сейчас, когда капитан Гутьерес покинул нас, я бы хотел обсудить с вами сложившуюся ситуацию, если, конечно, не возражаете.

– Разумеется, нет, – охотно откликнулся Остин. – Мы видели совсем немного, но обсудить предстоит очень многое.

Мюллер улыбнулся:

– Когда я впервые услышал эту жуткую историю, мне показалось, что мы имеем дело с пиратами, хотя их никогда не было раньше в этом районе Мирового океана.

– Теперь вы изменили свое мнение насчет пиратов? – спросил Остин.

– Да, пришлось оставить эту идею, – признался Мюллер. – Не хотелось бы лишний раз напоминать, но я офицер военно-морской разведки и поэтому сразу же после просмотра видеозаписи связался со своим штабом в Вашингтоне и попросил их проверить по своим каналам любую информацию, касающуюся «красноглазых демонов» или человекообразных животных. Вы бы слышали, что мне ответили через некоторое время. Разумеется, они проверили все, даже всякие легенды насчет Дракулы и других голливудских героев. Вы слышали, например, о существовании рок-группы под названием «Красноглазые демоны»?

– Нет, мои познания в области рок-музыки ограничиваются группой «Роллинг стоунз», – улыбнулся Остин.

– Мои тоже. Как бы то ни было, я провел несколько часов над изучением полученных сведений и в конце концов остановился вот на этом.

Мюллер открыл кейс, вынул лист бумаги и протянул его собеседнику. Тот развернул его и прочитал заголовок:

ВСЕ ЕЩЕ НЕ НАЙДЕНА СЪЕМОЧНАЯ ГРУППА. ПРОПАЛИ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТЫ И УЧАСТНИКИ ПРОГРАММЫ.
ПОЛИЦИЯ В НЕДОУМЕНИИ.

Это было сообщение агентства Рейтер из Лондона. Остин прочел текст:

> **Власти заявили, что до сих пор не имеют никакой информации относительно таинственного исчезновения четверых тележурналистов и еще семи человек, которые участвовали в съемках одного из эпизодов телевизионного реалити-шоу «Изгои» на безлюдном островке неподалеку от берегов Шотландии.**
>
> **В соответствии с правилами телеигры все члены так называемого «клана» должны были каждую неделю изгонять с острова очередного участника – «изгоя». Вертолет, который прибыл на остров, чтобы забрать последнего изгнанного участника, не обнаружил на нем ни единой живой души. Позже полиция, работавшая в контакте с ФБР, обнаружила на камнях следы крови и высказала предположение о возможности каких-то насильственных действий.**
>
> **Единственная оставшаяся в живых свидетельница, которая долго скрывалась на острове, сейчас дома и с трудом приходит в себя. По некоторым слухам, она неохотно отвечает на вопросы и утверждает, что на участников телепередачи напали какие-то «красноглазые демоны». Власти отвергают подобные объяснения и считают, что женщина страдает приступами галлюцинаций, вызванными каким-то шоком.**
>
> **Популярное телевизионное шоу, которое было создано на основе ранее известных развлекательных программ типа «Последний герой», было подвергнуто серьезной критике за то, что всячески поощряет жестокое обращение участников друг с другом и подвергает их весьма рискованным испытаниям, вызывающим у человека глубокий стресс. Телекомпания уже предложила вознаграждение** в **размере 50 тысяч долларов за любую информацию о судьбе участников передачи.**

Курт передал публикацию Завале, который быстро прочитал ее от начала до конца, а потом сказал:

– Не понимаю, каким образом это может быть связано с исчезновением «Элвина»?

– Да, непосредственная связь здесь не просматривается, – согласился с ним Остин, – но ты попытайся проследить ход моих мыслей. Я возвращаюсь к тем самым следам на дне океана, которые мы только что видели на экране. Совершенно ясно, что на территории Затерянного города происходят странные события, суть которых кто-то очень хочет сохранить в тайне.

– Похоже на правду, – кивнул Завала. – Разумеется, люди, которые оставили следы на дне океана, делают все возможное, чтобы никто не совал нос в их дела и не рыскал вокруг геотермальных источников.

– Но если у тебя есть какая-то тайна, то что бы ты сделал, узнав, что туда спустилась миниатюрная подводная лодка с видеокамерой и совершенно ясными изыскательскими целями?

– Это ясно, – без колебаний ответил Завала. – Если бы я знал, что экспедиция

находится под контролем средств массовой информации, то просто-напросто убрал бы оттуда всю подводную технику.

– Не все так просто, – возразил Остин. – На дне океана остались вполне различимые следы деятельности, которые могли быть обнаружены исследователями, после чего неизбежно встал бы вопрос об их происхождении. Так или иначе тебе пришлось бы ограничить доступ в этот район всех нежелательных лиц. Кроме того, тебе пришлось бы позаботиться о судьбе возможных свидетелей, которые уже видели эти следы.

– В таком случае становится ясно, почему грузовое судно, заполненное красноглазыми монстрами, должно было напасть на «Атлантис», – задумчиво произнес Завала.

– Предположим, «Атлантис» внезапно исчезает, – продолжал рассуждать Остин. – Но когда подводный аппарат «Элвин» достигнет поверхности и обнаружит, что судна нет, члены экипажа поднимут тревогу и позовут на помощь, что вполне естественно. Вскоре в этом районе начнут разворачиваться широкомасштабные поиски, и не исключено, что в ходе расследования будут обнаружены следы На дне океана, что привлечет к себе еще больше внимания со стороны властей и прессы.

– Из этого можно сделать единственный вывод, – поддержал его Завала: – «Элвин» был захвачен теми, кто оставил следы вокруг подводных геотермальных источников.

– Но капитан Гутьерес сказал, что на дне сейчас нет ни одного подводного аппарата, – вмешался в разговор Мюллер. – И я верю ему.

Остин снова посмотрел на газетную статью.

– Здесь красные глаза и там красные глаза. Слишком поверхностная связь…

– Согласен, – кивнул Мюллер. – Именно поэтому я приказал сделать со спутника ряд снимков этого острова и прилегающей к нему акватории. – Он вынул из кейса стопку фотографий и разложил их на столе. – На многих маленьких островках расположены небольшие рыбацкие поселки, основанные много лет назад. Но есть и такие, где единственными обитателями являются большие колонии морских птиц. А этот остров привлек мое внимание… показался каким-то странным.

Он пододвинул к Остину одну из фотографий, где был виден ряд приземистых серых зданий, отдаленных от морского берега. К ним вели какие-то примитивные дороги.

– У вас есть какие-то мысли насчет предназначения этих зданий? – спросил Остин.

– Когда-то этот остров принадлежал британскому правительству, которое устроило там базу подводного флота в годы Второй мировой войны, а по том продолжало эксплуатировать ее во время «холодной войны». А недавно остров был продан частной корпорации, владельцев которой мы пытаемся сейчас отыскать Предположительно остров использовался для исследования миграций морских птиц, но точно никто ничего сказать не может, так как доступ в частное владение закрыт.

– А это, должно быть, патрульный катер, который обеспечивает закрытый режим, – сказал Остин, показывая пальцем на крохотную белую черточку у берега острова.

– Вполне возможно, – согласился Мюллер. – У меня есть фотографии, сделанные в разное время суток, и на них хорошо видно, как эта точка меняет свое положение курсируя вдоль береговой линии.

Внимательно рассматривая прибрежные скалы и отмели, опоясывающие остров, Остин обратил внимание на темный объект овальной формы, расположенный неподалеку от входа в бухту. На других фотографиях он видел его совсем в другом положении. Контуры объекта были смутными, будто он находился под водой и постоянно перемещался вдоль берега. Он протянул снимки Завале.

– Джо, взгляни на этот предмет.

Будучи крупным знатоком подводных аппаратов, Завала мгновенно определил характер объекта.

– Нет никаких сомнений, это подводная лодка, – уверенно заключил он, разложив на столе фотографии.

– Дайте-ка мне взглянуть еще раз, – опомнился Мюллер. – Будь я проклят! Я был так

сосредоточен на тех объектах, которые находились на суше и на поверхности воды, что совершенно не заметил того, что находилось под водой. Вероятно, я принял этот предмет за какую-то рыбину или что-нибудь в этом роде.

– Да, это действительно рыбина, – улыбаясь, сказал Завала. – Колоссальная рыбина, на мощных аккумуляторах и хорошо механизированная. Думаю, что-то вроде АПА.

– Автономный подводный аппарат?

– Да, первоначально их использовали для коммерческих и научно-исследовательских целей. Этот тип небольших подводных лодок стал образцом применения самых современных технологий подводного назначения. На самом деле эти подводные аппараты являются роботами, которые могут осуществлять самые разнообразные операции, действуя автономно и под управлением сложных компьютерных программ. Этим они существенно отличаются от аналогичных аппаратов с дистанционным управлением – там решения принимают специально подготовленные операторы. АПА, как правило, имеют довольно сложные сонарные и акустические системы слежения и могут легко обнаружить любой предмет, перемещающийся на воде или под водой в прилегающей к острову акватории. Кроме того, они могут подавать сигнал тревоги на мониторы, расположенные на специально оборудованных базах слежения.

– В военно-морском флоте АПА используют вместо дельфинов, которых раньше обучали распознавать мины по запаху, – уточнил Мюллер. – Я где-то слышал, что некоторые АПА могут быть запрограммированы для нанесения атакующих ударов по противнику.

Остин долго смотрел на снимки, разложенные на столе, потом твердо сказал:

– Ситуация требует от нас принятия срочных решений.

– Послушайте, – взмахнул рукой Мюллер, – я, конечно, не могу навязывать вам свое мнение и советовать, что предпринять в такой ситуации, – речь идет о судьбе ваших друзей, – но мне кажется, что сейчас вы ничего не можете сделать. Капитан Гутьерес будет продолжать поиски и непременно известит вас, если обнаружит хоть что-нибудь, имеющее непосредственное отношение к делу.

– Вы хотите, чтобы мы оставили этот район?

– Дело в том, что военно-морские силы США не могут просто так нагрянуть на этот остров, являющийся частным владением. Зато это вполне может сделать парочка хорошо натренированных и подготовленных специалистов.

Остин повернулся к Завале:

– А ты, Джо, что думаешь по этому поводу?

– Это очень сложная игра, – ответил тот. – Мы будем охотиться за этими тварями со свирепыми красными глазами, а Пол и Гэмей могут оказаться совсем в другом месте.

Остин понимал, что Джо прав, но инстинкт охотника упрямо вел его к острову.

– Мы попросили бы, чтобы поблизости всегда был гидросамолет, – сказал он Мюллеру. – Вернемся на Азоры, а там можно без труда найти подходящий рейс. Если повезет с расписанием, то уже завтра мы сможем собственными глазами осмотреть ваш таинственный остров.

– Я не сомневался, что вы поступите именно так, – с восхищением заключил Мюллер и улыбнулся.

Менее чем через час гидросамолет взмыл над водой сделал круг почета над научно-исследовательским судном и военным крейсером и вскоре исчез за горизонтом, направляясь в сторону Азорских островов вместе с Остином и Завалой. Может быть, впервые в жизни друзья отправлялись в путешествие с настолько непредсказуемым финалом.

Глава 28

Дарнье жил в старом фермерском доме с красной крышей и оштукатуренными белыми стенами, который стоял на возвышенности и выходил окнами на старинный городок Экс-ан-Прованс. Скай предусмотрительно позвонила антиквару с железнодорожной станции,

чтобы он знал, что она уже приехала, и тот уже ожидал гостью на веранде. Таксист остановился перед домом, высадил ее и умчался прочь, а они по-дружески обняли друг друга и обменялись поцелуями. После традиционного приветствия Дарнье пригласил Скай на широкую террасу, возле которой располагался окруженный цветочными клумбами бассейн. Он усадил ее в кресло и поставил на стол два бокала, в которые налил кремовый коктейль.

– Даже не представляешь, дорогая, как я рад видеть тебя здесь, – сказал он, изучающе глядя на гостью.

Они чокнулись и отхлебнули охлажденный сладковатый напиток.

– Да, Шарль, я тоже рада, что наконец-то навестила тебя, – отозвалась Скай, закрыв глаза и подставляя лицо мягким лучам солнца. Она с удовольствием вдыхала чистый прохладный воздух, насыщенный приятным ароматом цветов и влагой Средиземного моря.

– Ты была не слишком многословна, когда звонила мне в последний раз, – сказал Дарнье. – Насколько я понимаю, ваш визит в родовое поместье Фошаров прошел успешно.

Она распахнула глаза.

– Он прошел так, как мы и ожидали.

– Хорошо. Надеюсь, мистер Остин получил удовольствие от моего «роллс-ройса»?

Скай немного замялась:

– И да, и нет.

Дарнье удивленно поднял бровь.

– Знаешь, прежде чем я расскажу тебе обо всех наших приключениях, налей нам обоим еще по коктейлю.

Дарнье наполнил бокалы, после чего Скай в течение сорока пяти минут описывала ему события, которые произошли в родовом замке Фошаров, начиная с того момента, когда Эмиль встретил их у парадного входа, и заканчивая безумным полетом на старом аэроплане. И с каждым новым событием лицо Дарнье становилось все угрюмее.

– Они самые настоящие чудовища, этот Эмиль и его мамаша! – воскликнул он, когда Скай закончила свой рассказ.

– Шарль, мы очень сожалеем, что загубили твой автомобиль, но ты сам видишь – при таких обстоятельствах просто не оставалось другого выхода.

Широкая улыбка на лице антиквара мгновенно сменила прежнее угрюмое выражение.

– Самое главное, что вы остались целы и невредимы, – быстро произнес он. – А потеря моего «роллса» не имеет никакого значения. На самом деле я заплатил только часть его истинной стоимости. Купил «по дешевке», как выразился бы твой американский друг.

– Я так и думала.

Дарнье немного помолчал, а потом продолжил:

– Меня заинтриговал портрет Жюля Фошара, который ты мне только что обрисовала. Ты действительно уверена, что на нем изображен тот самый шлем?

– Да. А тебе удалось выяснить что-нибудь интересное?

– Да, я добился немалого прогресса в идентификации этой вещи. – Антиквар осушил до дна свой бокал. – Если ты уже отдохнула и освежилась, пойдем к Вибелю.

– А что такое Вибель?

– Не что, а кто. Оскар Вибель – эльзасец, который живет в нашем городке. Шлем сейчас находится у него.

– Не понимаю.

Дарнье встал с кресла и взял Скай за руку.

– Поймешь, когда с ним познакомишься.

Через несколько минут они сели в «ягуар» и помчались по узкой проселочной дороге, которая петляла между холмами. Дарнье лихо управлял автомобилем, умело объезжая рытвины.

– Расскажи мне подробнее об этом человеке, – попросила Скай, когда они въехали на окраину городка и повернули на улочку между Ателье-де-Сезанн и кафедральным собором Сен-Совер.

– Вибель – замечательный мастер и знаток оружейного ремесла, – пояснил Дарнье. – Один из лучших, кого мне доводилось встречать. Мастер своего дела. Он уже много лет создает копии старинного оружия и военной техники и успешно торгует ими. Однако его изделия настолько искусные и точные, что их приобретают не только частные коллекционеры, но и многие современные музеи мира. Многие даже понятия не имеют, что покупают у него не оригинальные произведения античности, а вполне современные копии, изготовленные в его мастерской.

– Подделки?

Дарнье возмущенно заморгал.

– Не понимаю, как эти прекрасные уста могут источать такие жестокие слова. Я всегда предпочитаю называть подобные вещи высококачественными репродукциями.

– Шарль, прости за назойливость, но хотелось бы знать: ты тоже впариваешь эти замечательные репродукции музеям и своим многочисленным клиентам?

– А я никогда не распространяюсь насчет подлинности своих товаров. Подобные вещи могут довести меня до тюрьмы за подделку предметов антиквариата. Я просто намекаю клиентам, что нужные им предметы могут иметь не вполне оригинальное происхождение, а все остальное они должны домыслить сами. Как сказал известный американский комедиограф Филдз, «нельзя обманывать честного человека»… Вот мы и приехали.

Он свернул на обочину, припарковался, а вскоре повел Скай к двухэтажному кирпичному дому, выстроенному в средневековом стиле. У двери Дарнье позвонил, и через секунду на пороге появился крепыш лет шестидесяти, одетый в рабочую спецовку. Он широко распахнул дверь и приветливо улыбнулся гостям, широким жестом приглашая их в дом. Дарнье представил ему Скай и объяснил цель их визита.

Вибель, казалось, был собран из самых разных и не всегда подходящих друг другу запасных частей. Лысая голова казалась слишком большой на узких плечах, а когда он снял старомодные очки с толстыми стеклами, оказалось, что добрые глаза слишком маленькие для такого крупного лица. Зато прекрасные ухоженные зубы вполне соответствовали уровню какого-нибудь модного дизайнера. Пальцы его были тонкими и длинными, как у пианиста а руки и ноги – толстыми и короткими. Вся внешность Оскара Вибеля напоминала Скай героя по имени Моул из классического английского произведения Кеннета Грехэма «Ветер в ивах».

Вибель бросил в сторону Скай застенчивый взгляд и сказал:

– Теперь я понимаю, Шарль, почему ты так долго не наведывался ко мне. Похоже, ты действительно был занят чем-то более интересным.

– Если хочешь знать, мой дорогой друг, мадемуазель Лабель приехала ко мне совсем недавно, и все это время я рассказывал ей о твоем замечательном мастерстве.

Вибель недоверчиво хмыкнул, но по всему было видно, комплимент пришелся ему по душе.

– Спасибо, Шарль. Я как раз заварил тут экзотический чай, – похвастался он и повел гостей на кухню, которая с первого взгляда поражала необыкновенным порядком. Они уселись за небольшой столик, хозяин налил гостям крепко заваренный чай, а потом засыпал Скай вопросами о ее работе. Она терпеливо отвечала на вопросы и никак не могла избавиться от впечатления, что Вибель аккуратно рассортировывает полученную информацию по файлам своей памяти.

– Шарль мне тоже успел немало рассказать о вашей работе, месье Вибель.

Когда Вибель начинал волноваться, он слишком часто вставлял в свои фразы словечко «ага», что делало его речь несколько вычурной, если не сказать странной.

– Ага, значит, он уже все рассказал. Ага, ну что ж, в таком случае я просто покажу вам свою мастерскую.

Он повел их вниз по узкой лестнице в подвальное помещение, ярко освещенное мощными флуоресцентными лампами. Изначально это была кузница, оснащенная печью, наковальней, всевозможными молотами и длинными щипцами – то есть всем, что

требовалось для работы с раскаленным металлом. Стены мастерской были увешаны кольчугами, панцирями, латами, самыми разнообразными шлемами, наплечниками, наручниками, налокотниками и прочими защитными средствами средневекового рыцарства. Дарнье сразу посмотрел на длинные полки, где были выставлены самые разнообразные шлемы и другие головные уборы античных воинов.

– Где шлем, который я тебе оставил? – спросил он хозяина после беглого осмотра полок.

– Такие редкие вещи я никогда не выставляю напоказ, – пояснил Вибель. – Они требуют особого обращения. – Он подошел к доспехам огромного средневекового рыцаря, поднял забрало и просунул внутрь руку. – Это предмет массового производства. Ага, я сделал их специально для Китая, где они будут украшать интерьер каких-то дорогих ресторанов.

Через минуту он нащупал пальцами выключатель, повернул, и деревянная панель стены шириной примерно четыре фута стала медленно отодвигаться, открывая за собой стальную дверь. Вибель, став так, что собственной фигурой заслонил замок, набрал секретный код и потянул на себя дверцу огромного сейфа. Затем снял с полки большую квадратную коробку, закрыл дверцу сейфа и положил коробку на стол. Убедившись, что вся процедура произвела на гостей должное впечатление, он открыл коробку и вынул оттуда шлем Фошара.

Скай долго смотрела на забрало и пыталась сравнить его формы с теми чертами семейства Фошаров, которые врезались ей в память в результате недавнего визита в замок.

– Прекрасное произведение, – лирически произнес Вибель и провел рукой над шлемом, как предсказатель над хрустальным шаром, не касаясь его рукой. – Ага, уникальная вещь. Причем сейчас я оцениваю эту вещь только с точки зрения мастерства металлообработки, не более. Дело в том, что использованный для изготовления этого шлема металл является в высшей степени необычным. Нет никаких сомнений, что источником стал какой-то метеорит.

Дарнье улыбнулся и посмотрел на Скай:

– Именно этой теории придерживается и мадемуазель Лабель. Тебе удалось определить возраст этой вещи?

– Некоторые черты этой весьма необычной формы являются совершенно неизвестными нам, как вы сами уже отметили. Но все же я бы оценил возраст этого шлема примерно в полторы тысячи лет, когда на лицевой части подобных военных головных уборов впервые появляются более или менее четкие черты лица. При этом, разумеется, сам металл может принадлежать более древнему периоду времени. Эта отметина является самым обыкновенным свидетельством прочности, поскольку выдержала удар пули. А вот это отверстие является более сложным образованием. Оно могло быть сделано либо с небольшого расстояния, либо с помощью современного и довольно мощного оружия. Вполне возможно, что кто-то использовал этот шлем в качестве специальной мишени для стрельбы из крупнокалиберного пулемета.

– А что ты можешь сказать насчет возможного изготовителя?

– Не скрою, этот шлем является величайшим произведением искусства металлообработки из всех, которые мне приходилось видеть. Посмотрите на его внутреннюю сторону: здесь нет ни единой отметины от молота или другого инструмента, который обычно используется для ковки. Но даже без этого я могу с уверенностью сказать, что таким мастерством обладали только производители оружия из клана Фошаров.

– А что вам известно об этих оружейниках? – встрепенулась Скай.

– Семейство Фошаров было одним из трех знаменитых родов, которые основали своеобразную гильдию, известную сегодня под названием «Спиар индастриз». При этом каждая семья специализировалась в определенной области. Но металл плавили только Фошары. Фошары были и продавцами оружия, а их торговые агенты колесили по всей Европе. В результате они превратились в довольно сплоченную политическую группу,

которая практически полностью отказалась от своей торговой марки – они считали, что хорошее качество оружия говорит само за себя. Именно поэтому я нахожу довольно странным, что этот замечательный шлем помечен их родовым символом. Надо полагать, он действительно играл для семьи чрезвычайно важную роль.

– Мадам Фошар сказала мне во время беседы, что каждая голова орла обозначает одну из семей – основоположников этой оружейной гильдии, – задумчиво сказала Скай.

Вибель прищурился.

– Вы говорили с мадам Фошар? – уточнил он.

Скай молча кивнула.

– Невероятно. Говорят, что она стала абсолютной отшельницей. Как она выглядит?

– Похожа на сложную смесь ядовитого скорпиона и не менее ядовитого паука под названием «черная вдова», – без колебаний ответила Скай. – Она сказала, что изображенный в центре орел символизирует могущество Фошаров и полный контроль над компанией в результате смерти соперников и весьма удачных браков.

Вибель разразился нервным смехом.

– А она не сообщила вам, что большая часть этих смертей была, так сказать, скоропостижной, а все брачные союзы заключались исключительно по расчету, с единственной целью – укрепить власть над компанией?

– Видите ли, когда речь заходит о делах семьи, мадам Фошар демонстрирует исключительную избирательность и никогда не вдается в подробности. Так, например, она напрочь отрицает широко известное мнение, что именно Фошары развязали Первую мировую войну и приложили руку ко Второй мировой.

– Да, эти слухи циркулируют уже много лет, – согласился Вибель. – Конечно, нет никаких сомнений, что ряд крупных торговцев оружием так или иначе спровоцировали начало войны, и среди них, безусловно, были Фошары. Ага, и где вы услышали эту историю?

– В их замке, от одного англичанина по имени Кавендиш. Он также сказал, что семейство Фошаров выкрало у его семьи секрет производства стали.

– А, сэр Кавендиш. Да, это именно так Его семья действительно лидировала в производстве высокопрочной стали, пока Фошары не выкрали у них технологию. – Вибель нежно погладил пальцами матовую поверхность шлема. – Скажите мне, пожалуйста, вы сами видите что-нибудь необычное в изображении этого орла?

Скай внимательно посмотрела на шлем и не заметила ничего такого, чего не видела раньше. Вдруг ее осенило:

– Постойте, кажется, я нашла одно различие. В одной лапе орла стрел больше, чем в другой.

– У вас острый взгляд, ага, – улыбнулся мастер. – Я заметил это с самого начала и сравнил с традиционными изображениями герба семейства Фошаров. Так вот, первоначально количество стрел в когтях каждой лапы было одинаковым. Потом я исследовал изображение более тщательно и обнаружил, что последняя стрела была добавлена к одной лапе гораздо позже. Не исключено, что это случилось в течение последнего столетия или около того.

– А зачем? – недоуменно спросила Скай.

Вибель загадочно ухмыльнулся и подсунул шлем под огромное увеличительное стекло, закрепленное на штативе.

– А вы сами посмотрите, мадемуазель Лабель.

Скай уставилась на шлем сквозь толстую линзу и поначалу никак не могла уловить, в чем, собственно, разница. И только потом до нее дошел смысл этого символа.

– Стрелы расположены так, что отдаленно напоминают какое-то странное письмо. Здесь можно видеть какие-то буквы и цифры. Шарль, посмотри, пожалуйста.

Дарнье посмотрел в увеличительное стекло.

– Как будто алгебраическое уравнение.

– Да-да! – радостно воскликнул Вибель. – Я тоже так подумал, но, к сожалению, так и не смог расшифровать… Здесь нужен хороший специалист.

– Курт сказал, что этот шлем может заключать в себе ключ к разгадке тайны семейства Фошаров, – задумчиво произнесла Скай. – Я должна забрать его в Париж, чтобы показать нашим университетским криптологам или математикам.

– Как жаль, – грустно заметил Вибель. – Я намеревался создать точную копию этого шлема. Может быть, вы позволите мне сделать это позже?

Скай улыбнулась:

– Конечно, месье Вибель, это можно сделать позже.

Он положил шлем в коробку и протянул ее Скай. Они поблагодарили старого мастера за проявленный интерес и попрощались. Во дворе Скай попросила Дарнье отвезти ее на железнодорожную станцию. Антиквар, конечно, был расстроен и всячески пытался отговорить ее от столь поспешного отъезда, но Скай была непреклонна. Она заявила, что хочет побыстрее вернуться в Париж, чтобы закончить дела. Правда, она пообещала, что скоро приедет погостить на более продолжительное время.

– Если ты так решила, то я вынужден подчиниться обстоятельствам, – с неудовольствием сказал он. – Ты еще увидишь мистера Остина?

– Надеюсь. У нас запланирован ужин… А почему ты спросил?

– Боюсь, тебе может угрожать опасность, и очень хотел бы, чтобы кто-нибудь присматривал за тобой.

– Я сама могу позаботиться о себе, Шарль, – заверила Скай и поцеловала его в щеку. – Но если тебя это успокоит, могу позвонить Курту по мобильному.

– Да, я бы чувствовал себя намного спокойнее, – тихо сказал он. – Пожалуйста, позвони мне, когда вернешься домой.

– Ты напрасно беспокоишься, Шарль, но я, конечно. позвоню.

Верная своему слову, Скай набрала номер телефона Остина в тот момент, когда поезд уже отошел от станции и быстро набирал скорость. Администратор отеля сообщил, что мистера Остина сейчас нет, но тот оставил ей сообщение.

– Он сказал, что занят сейчас чрезвычайно важным делом и непременно свяжется с вами позже, – добавил администратор.

Скай не могла понять, что за срочное дело могло отвлечь Остина до такой степени, что он оставил ей всего лишь короткое сообщение, но, с другой стороны, она привыкла считать его человеком слова и действия и принимать таким, как есть. Она ни минуты не сомневалась, что он действительно позвонит ей, как только представится возможность. Возвращение в Париж отняло не менее трех часов, а на вокзале она поймала такси и назвала адрес своего дома.

Расплатившись с таксистом, Скай вышла из машины и направилась к двери, когда кто-то произнес громким голосом на ломаном французском языке:

– Мой извинить. Вы говорить английский?

Она повернулась назад и увидела перед собой незнакомого высокого мужчину средних лет, рядом с которым стояла улыбающаяся женщина с большим пакетом «Мишлен-Грин».

Туристы. Возможно, американцы. Только они могут говорить с таким жутким акцентом.

– Да, я говорю по-английски, – ответила она. – Вы, наверное, заблудились?

Мужчина сонно улыбнулся:

– Как всегда.

– Мой муж не любит спрашивать дорогу даже дома, – просияла дама. – Мы никак не можем найти дорогу к Лувру.

Скай не ответила им улыбкой, так как не могла понять, почему у нее спрашивают дорогу к Лувру среди ночи и в таком неподходящем месте.

– Лувр находится на правом берегу. Это не очень близко отсюда, но на метро вы доберетесь туда очень быстро. Я могу показать вам, где находится станция метро.

– У нас есть карта города в машине, – быстро сказала женщина. – Может, вы покажете, где мы сейчас находимся?

Эта фраза насторожила ее еще больше. Париж невозможно объяснить человеку, который не знает город. Немного поколебавшись, Скай все-таки пошла вслед за ними к машине, которая была припаркована у обочины. Женщина открыла дверцу, сунула туда голову, а потом резко выпрямилась.

– Вы не могли бы сами посмотреть на карту, дорогая? Моя спина…

– Разумеется, – согласилась Скай и наклонилась над сиденьем, придерживая правой рукой коробку со шлемом. Однако никакой карты на сиденье она не увидела. Зато почувствовала острую боль в бедре, будто ее укусила пчела. Она инстинктивно дернула рукой, защищая ужаленное место, а потом повернула голову и увидела перед собой ухмыляющиеся лица американцев. После этого они стали расплываться и вскоре полностью исчезли.

– С вами все в порядке, моя дорогая? – послышался издалека голос женщины.

– Я… – пыталась сказать Скай, но язык не слушался ее, разбухая во рту и занимая почти все его пространство. Мысли ее тоже стали распадаться на мелкие фрагменты.

– Почему бы вам не присесть на минутку? – донесся до нее вопрос мужчины. Он говорил без акцента.

В ту же минуту Скай втолкнули в автомобиль, и она уже не имела абсолютно никаких сил для сопротивления, когда кто-то вырвал из ее рук коробку со шлемом. Женщина села в машину рядом с ней и захлопнула дверцу Скай уже не видела, как мужчина обошел вокруг машины, сел на место водителя, и автомобиль, скрипнув шинами, рванул с места. Она все еще смотрела в окошко, но уже ничего не могла разглядеть, кроме каких-то размытых предметов.

А потом перед ее глазами повисла темная пелена.

Глава 29

Проверяя графики на мониторе компьютера и аккуратно занося все данные в блокнот, Траут демонстрировал истинную научную добросовестность и усердие. Он уже третий раз анализировал те образцы минералов, которые были взяты с территории Затерянного города, однако вносимые им в блокнот данные не имели ничего общего с полученными результатами. Вспоминая подробности недавнего разговора с Маклином, он старался начертить более или менее подробную схему острова.

С внешней стороны исследовательский центр выглядел невзрачно. Он размещался в трех небольших строениях, которые некогда служили жилищем для технической команды, обслуживавшей британскую подводную лодку. Два из них представляли собой полуцилиндрические постройки, покрытые стальными листами и примыкающие друг к другу в виде длинного ангара. Третье здание стояло чуть поодаль, образуя вместе с первыми двумя некую геометрическую фигуру в виде большой буквы «Т». Здесь находились и жилье для научных работников, и сама лаборатория, где проводились анализы океанских образцов.

Внешне здания казались заброшенными старыми строениями, покрытыми ржавчиной и пылью, но внутри все было по-другому. В помещениях царил порядок, они были хорошо освещены и обогреты. Что же касается собственно лаборатории, она была оснащена самым современным техническим оборудованием, которое. по мнению Траута, ничем не уступало тому, что применялось в агентстве НАПИ. Единственным отличием были охранники, которые маячили возле каждой двери с автоматами в руках.

Маклин сказал, что его доставили сюда на самолете, из иллюминатора он видел остров с высоты птичьего полета. Когда самолет шел на посадку, ученый заметил, что остров по форме напоминает чашу, окруженную со всех сторон скалами. И только в одном месте горная гряда прерывалась, образуя небольшую и хорошо скрытую от посторонних глаз бухту. А между бухтой и следующей скалой, поверхность которой казалась белой от многочисленных отходов жизнедеятельности птиц, располагался пляж длиной не более полумили.

Длинное тело субмарины покоилось у самого входа в бухту, куда вела узкая дорога, соединявшая жилые помещения с берегом. Чуть выше эта дорога проходила мимо старого заброшенного храма и развалин рыбацкого поселка и соединялась с другой дорогой, ведущей в глубь острова. Она поднималась вверх, превратившись в узкую тропинку, а потом спускалась вниз к самому центру острова, где находился кратер давно потухшего вулкана.

В отличие от скалистой поверхности внешнего круга горной гряды, которая защищала остров с моря, внутреннее пространство было ровным; лишь изредка пустынный пейзаж нарушали небольшие вкрапления высоких сосен и разлапистых дубов. Дорога заканчивалась возле бывшей военно-морской базы, в зданиях которой сейчас располагались виварий и лаборатория под командованием полковника Стреги.

Маклин пересек помещение лаборатории и подошел к Трауту.

– Прошу прощения, что прерываю работу, – сказал он. – Как идут анализы?

Траут постучал ручкой по блокноту.

– Пока ничего интересного, Мак.

Маклин склонился над Траутом, делая вид, что внимательно изучает исследуемые образцы.

– Я только что разговаривал с полковником Огретой, – сказал он тихим голосом. – Похоже, проверка формулы дала положительные результаты.

– Ну поздравляю, – угрюмо буркнул Траут. – Значит, мы уже перестали быть полезными для них? Почему же мы еще живы?

– Стрега, конечно, отъявленный мерзавец и жестокий убийца, но при этом он обладает хорошим чутьем и уникальными организаторскими способностями. Он сделает все возможное, чтобы еще много раз проверить все детали этой операции, а между тем будет наслаждаться своей властью на этом острове, где его никто не смеет беспокоить. Есть основания полагать, что завтра он устроит нам роскошный пикник, а потом заставит нас вырыть себе могилу.

– Значит, остается только одна ночь, – задумчиво произнес Траут и протянул блокнот Маклину. – Посмотри, насколько точно эта карта совпадает с тем, что ты видел с борта самолета.

Маклин внимательно посмотрел на карту.

– У тебя несомненный дар картографа. Здесь все правильно до самых мелких деталей. И что дальше?

– Вот как я вижу наш дальнейший план, Мак. ДВПД, как выражается Курт Остин.

– Прости, не понял.

– «Делай все просто, дурачок!» Мы пойдем по этой узкой тропинке, – как мне кажется, это единственный выход из кратера. Потом доберемся до бухты, где, по твоим словам, должна быть небольшая пристань.

– Я не совсем уверен в этом, нас привезли сюда в сумерках.

– Но это вполне соответствует здравому смыслу. Предположим, что здесь действительно есть причал, а раз так, стало быть, должна бытъ и какая-нибудь лодка. Так вот, мы позаимствуем эту лодку и выйдем в море, а там уже посмотрим, что дальше.

– А как насчет непредвиденных обстоятельств?

– Какие там обстоятельства! Если что-нибудь пойдет не так, то всем нам конец. Но другого выхода нет, учитывая столь печальную для нас альтернативу. Стоит попробовать.

Маклин долго смотрел на Траута. За внешне невозмутимым спокойствием этого ученого явно скрывались сила воли и готовность к решительным действиям. Через секунду его губы растянулись в грустной улыбке.

– Мне нравится простота этого плана, однако не может не беспокоить его принципиальная осуществимость.

Траут вздрогнул.

– Я предпочитаю не использовать в данной ситуации слово «осуществимость».

– Извини, что открыто выражаю свой пессимизм, – тихо сказал Маклин. – Эти люди

выбили из меня чувство правого смысла. Готов все отдать ради реализации этого плана.

Траут откинулся на спинку стула и задумчиво посмотрел на Гэмей и Сэнди. Обе сидели рядом и увлеченно изучали полученные со дня океана образцы грунта. Затем он перевел взгляд в конец лаборатории, где находились другие ученые, не догадывавшиеся о приближающейся трагической развязке.

Маклин поймал его взгляд и наклонился еще ниже.

– А как насчет этих несчастных?

– Интересно, мог ли Стрега внедрить кого-нибудь из них в нашу группу, чтобы они следили за нами?

– Я неоднократно говорил с каждым из них. Их страх за свою жизнь показался мне таким же неподдельным, как и наш собственный.

Траут глубоко задумался над предстоящим побегом, словно пытаясь просчитать все возможные варианты неудачи и вытекающих из нее последствий.

– Конечно, слишком рискованно посвящать в план побега всех… Большая группа людей привлечет к себе гораздо больше внимания. Наша единственная надежда заключается в том, чтобы выбраться из лаборатории всем вместе. Главное – захватить катер. Там обязательно должны быть радиостанция и навигатор. Мы тут же вызовем подмогу.

– А если не сможем?

– Значит, пойдем на дно вместе с катером.

– Ладно, а как ты предлагаешь пройти мимо охранников? А забор из колючей проволоки, по которой пропущен электрический ток?

– Я сейчас это обдумываю. Надо как-то отвлечь их.

– Это должно быть что-то грандиозное. Стрега сделал из них хладнокровных профессиональных убийц.

– Каждый из них должен быть занят спасением собственной шкуры, – тихо произнес Траут и поделился с другом своим планом, после чего лицо последнего мгновенно посерело.

– Боже мой, старина, а ты не боишься, что события могут полностью выйти из-под контроля?

– Именно на это я и рассчитываю. Если мы не сможем использовать транспортные средства, придется топать пешком, а это значит, что дорога будет каждая минута.

– Не смотри на меня, – тихо прошептал Маклин. – Один из охранников пристально наблюдает за нами. Сейчас я стану размахивать руками и делать вид, что недоволен ходом работы. Но ты не волнуйся.

– Бога ради.

Маклин показал на экран компьютера и замахал рукой, грозно насупив брови. Затем схватил блокнот Траута, швырнул его на пол и громко выругался, после чего резко повернулся и быстро направился в другой конец лаборатории. Траут вскочил со стула, поднял блокнот и с недовольным видом уставился в спину уходящему Маклину. Охранник улыбнулся, наблюдая за этой сценой, затем вынул из кармана пачку сигарет и вышел во двор покурить.

А Траут тем временем быстро подошел к Гэмей и Сэнди и коротко поделился с ними планом бегства.

Глава 30

Остин вошел в паб под названием «Кровожадная морская змея» и сразу направился через весь прокуренный зал в дальний угол, где за столиком сидел Завала, беседуя с каким-то беззубым типом, который был похож на шотландскую версию главного героя повести «Старик и море». Увидев Остина, Завала поспешил пожать руку собеседнику, который присоединился к своим друзьям у стойки бара.

Остин сел на освободившееся место и улыбнулся другу:

– Рад видеть, что ты не теряешь зря времени, уже успел завести друзей.

– Для американца мексиканского происхождения это не такое уж простое дело. У них жуткий акцент, такой же густой, как соус чили, а в этом городе нет ни единой порции текилы. – Джо поднял стакан, словно пытался пожаловаться.

– Впечатляющее зрелище, – улыбнулся Остин без каких бы то ни было признаков участия. Он подозвал официанта и заказал себе кружку пива.

– Ну и как твоя миссия? – спросил Завала.

Вместо ответа Остин полез в карман куртки, вынул оттуда кольцо с ключом зажигания и положил на стол.

– Ты видишь перед собой последнее дополнение к глобальному флоту агентства НАПИ, включая знаменитые его научно-исследовательские суда.

– У тебя были какие-то проблемы? – поинтересовался Завала.

Остин покачал головой:

– Я просто прогулялся по пирсу и выбрал там самое ужасное судно, которое только было в наличии. А потом я нашел его владельца и сделал ему предложение, от которого он не смог отказаться.

– И это не вызвало у него никаких подозрений?

– Я сказал ему, что являюсь продюсером американского телевидения, который снимает программу «Изгои», и с этой целью нам срочно понадобилась небольшая посудина. А после того как я показал ему стопку долларов, мне осталось добавить, что я представляю фирму «Планета НАПИ», но ему было уже все равно. На эти деньги он сможет купить себе совершенно новое судно. После этого мы совершили формальности, чтобы все было вполне легально, я попросил его не распространяться об этом деле и даже пообещал пригласить для участия в телевизионном шоу.

– А у него не было каких-либо идей насчет таинственного исчезновения всей предыдущей съемочной группы шоу «Изгои»?

– Более чем достаточно, но все это досужие сплетни, которые он слышал от своих друзей. Правда, он говорил, что полиция прочесала весь остров, но власти запретили распространять какую-либо информацию. Но если верить слухам, которые циркулируют в прибрежных поселках, полиция обнаружила на острове следы крови и отдельные части человеческих тел. Кстати сказать, местные жители не очень-то обеспокоены подобными слухами; они абсолютно уверены, что все это вранье, часть игры, и вполне соответствует новейшим рекламным технологиям, нацеленным на привлечение максимальной телеаудитории. Они не сомневаются, что вскоре якобы пропавшая съемочная группа объявится на каком-нибудь, тропическом острове для съемки очередного телешоу. Что же касается единственной выжившей свидетельницы, то они считают, что это актриса, которой заплатили кучу баксов, чтобы она придумала историю с какими-то красноглазыми чудовищами. А что говорят твои источники.

– Примерно то же самое рассказал мне парень, с которым я сидел за столом, – пожал плечами Завала. – Он живет в этих краях с незапамятных времен и знает практически все, что здесь происходит. Я представился ему спортсменом-ныряльщиком и сказал, что намерен потренироваться в окрестных водах.

– А твой друг, случайно, не упоминал о какой-либо связи между инцидентом с группой «Изгоев» и этим островом? – полюбопытствовал Остин.

– Да, сначала здесь поползли какие-то слухи, но всё быстро забыли.

– А как далеко находится интересующий нас остров от места съемок телешоу «Изгои»?

– Примерно в пяти милях. Местные жители почему-то уверены, что это полуофициальное мероприятие и что остров до сих пор принадлежит правительству, – добавил Завала. – Откровенно говоря, это похоже на правду, если учесть его недавнее прошлое. Во всяком случае, местные рыбаки до сих пор обходят его стороной, так как стоит только подумать о высадке на остров, как появляется какой-то патрульный катер с вооруженными до зубов людьми. А некоторые рыбаки уверяют, что собственными глазами видели, как их преследовала небольшая подлодка.

– Это вполне соответствует тому, что мы видели на фотографиях из спутника, – задумчиво сказал Остин. – Похоже, для охраны острова широко используют подводные аппараты с автономным управлением.

Дверь паба отворилась, и на пороге показалась крупная фигура того самого рыбака, который выгодно продал Остину свое потрепанное судно. Остин испугался, что этот везунчик начнет сейчас угощать всех выпивкой, а ему очень не хотелось привлекать к себе внимание досужей публики – начались бы расспросы, поползли сплетни. Он осушил стакан с пивом и жестом показал Завале, чтобы тот сделал то же самое. После этого приятели покинули паб через черный ход и, быстро заглянув в свой номер, чтобы забрать заранее приготовленные сумки с вещами и снаряжением, через несколько минут уже шагали по узкой аллее к окутанной туманом гавани.

Остин пошел по причалу вдоль длинного ряда рыбацких лодок и остановился перед небольшим старым судном длиной не более двадцати пяти футов. Деревянный корпус суденышка, сбитый из соединенных внахлестку досок, имел высоко приподнятую корму и был рассчитан на неблагоприятные погодные условия в этих широтах. Палуба была пуста, за исключением небольшой рулевой рубки, расположенной на самой корме. Даже в густом тумане было хорошо видно, что корпус красили много раз.

– Это корыто местные жители называют забавным словом «криллер», то есть корзина для рыбы, – ухмыльнулся Остин. – Бывший владелец сообщил мне по секрету, что судно построено еще в семьдесят первом году.

– Это в каком же семьдесят первом? В 1871-м или 1971-м? – хмыкнул Завала. – Очень бы хотелось посмотреть на удивленное лицо Питта, когда он получит счет за эту роскошную яхту.

– Я хорошо знаю Питта и думаю, что он нас поймет, – возразил Остин.

Завала посмотрел на борт судна и громко прочитал:

– «Спутер»?

– Да, это местное словечко, так они называют острого, как бритва, моллюска. Говорят, что он не только съедобный, но и обладает какими-то чудодейственными свойствами, усиливая половое влечение.

– Правда? – заинтересовался Завала. – Наверное, в нем столько же пользы, что и в пресловутых рогах носорогов.

Они забрались на палубу судна и стали осматривать его. Пока Завала изучал палубу, Остин заглянул в рубку, которая была не больше, чем пара телефонных будок. Крошечное помещение было пропитано запахом табака и дизельного топлива. Когда Остин вернулся на палубу, Завала смотрел куда-то вдаль, поставив ногу на обшитый досками борт.

– Нормально.

– Да, эта старая ржавая посудина на самом деле более устойчива и прочна, чем может показаться на первый взгляд. Кстати, надо посмотреть, нет ли здесь морской карты.

Остин вернулся в рулевую рубку и нашел там промасленную старую карту, на которой нужный им остров был обозначен в десяти милях от гавани. Остин показал пальцем на бухту и коротко изложил Завале суть плана, над которым ломал голову последнее время.

– Что скажешь?

– Низкотехнологичное решение высокотехнологичной проблемы, – шутливо ответил тот. – Думаю, стоит попробовать. Когда отчаливаем?

– Нет времени лучше, чем сейчас, – так же шутливо ответил Остин. – Я попросил владельца доверху заполнить бак горючим.

Он снова отправился в рулевую рубку, запустил двигатель, чтобы он как следует прогрелся, проверил работу бортовых приборов и сверил по компасу курс. Конечно, суденышко немало повидало на своем веку, но вся бортовая электроника была новой и работала исправно, что позволяло им успешно преодолеть значительный участок неизвестного им моря даже в условиях непроглядного тумана.

Через минуту Завала отвязал канаты, и Остин аккуратно повел судно из гавани.

Двигатель гудел и чихал, словно спотыкаясь о невидимые препятствия, но в целом «Спутер» уверенно продвигался по направлению к таинственному острову, упрямо рассекая тупым носом пелену густого тумана.

Глава 31

Для человека ростом семь футов Траут двигался чрезвычайно быстро и тихо. Только очень острый глаз мог заметить, как он выскользнул из жилища заключенных вскоре после полуночи и мелкими перебежками направился к другому концу лагеря, стараясь не попадать на освещенную фонарями территорию. Впрочем, предосторожности были излишними: на площадке не было ни одного охранника, и сторожевая вышка была пуста. Из большого серого здания, где охранники устроили себе шумную вечеринку, доносились пьяные выкрики, хохот и громкая музыка. Траут догадался, что их тюремщики праздновали окончание опостылевшей службы на этом Богом забытом острове.

По мере удаления от серого здания звуки становились все тише. Траут быстро преодолел оставшееся расстояние по узкой и грязной тропинке. Здесь он мог Не скрываться и понесся изо всех сил, отталкиваясь длинными ногами. Когда в нос ударил уже знакомый смрад, он понял, что почти достиг цели. Сейчас нужно было полностью сосредоточиться на выполнении невероятно сложной задачи, иначе придется иметь дело с этим садистом; Стрега без колебаний скормит его своим тварям в этом самом виварии, который он с нежностью называл «зоопарком».

Перед освещенным пространством вокруг небольшого бетонного здания Траут перешел на шаг и направился прямо к входной двери. Там он посветил карманным фонарем на замок, убедился, что на двери нет никакой сигнализации, и облегченно вздохнул. Никто в этом лагере даже представить себе не мог, что кто-то захочет взломать дверь старого блокгауза. А именно это Траут собирался сделать сейчас.

Двойная дверь, изготовленная из прочной стали, могла выдержать даже орудийный залп, но запиралась она на самый обыкновенный амбарный замок. Траут достал молоток и зубило, которые прихватил с собой из лаборатории, и в считанные секунды сорвал замок. Затем огляделся, испытывая смутное желание, чтобы кто-нибудь остановил его в этот момент, осторожно открыл дверь и вошел.

Ужасный запах ударил ему в нос, как бейсбольной битой. Пришлось закрыть лицо рукой, чтобы не спровоцировать рвоту. Большое помещение было погружено в полумрак, который разгоняли лишь несколько слабых лампочек на потолке. Его вторжение, вероятно, не прошло незамеченным: в дальнем конце послышалось шуршание, а из самой близкой к нему клетки на него яростно уставилась пара красных глаз. Они следили за каждым его шагом и все больше наливались кровью. Траут ощутил себя съедобным моллюском перед голодными чудовищами.

Он посветил фонарем по стене, отыскал выключатель и включил свет. В ту же секунду перепуганные существа зашевелились, задергались и забились в самые дальние углы своих клеток. Однако, убедившись, что Траут не представляет для них угрозы, они припали звериными мордами к металлическим прутьям клеток.

Траут не мог не заметить, что животные смотрели на него с каким-то странным чувством, словно ожидали чего-то большего, чем утоления элементарного чувства голода. Он также обратил внимание, что они весьма любознательны, а гортанное рычание означало что они общаются друг с другом. Он напомнил себе, что эти дикари уже совершили однажды кровавую вылазку на соседний остров, и сейчас было бы большой ошибкой считать их просто дикими животными. Когда-то они были людьми и даже сейчас не утратили способности думать и размышлять.

Траут приложил немало усилий, чтобы не реагировать на их кровожадные взгляды. Он осмотрел все помещение и на большой металлической настенной панели наконец нашел то, что искал, – длинный ряд кнопок, номера которых соответствовали кнопкам на клетках. Они

были помечены буквами «Альфа» и «Бета». Траут остановился на мгновение, подумав, какую чудовищную силу собирается сейчас выпустить на свободу. Сейчас или никогда. Он протянул руку к выключателю с надписью «Альфа» и повернул его. Послышался тихий шум мотора, а за ним металлический щелчок. Дверца клетки поднялась, а испуганное до смерти животное забилось в дальний угол. Через минуту существо сообразило, что его не будут наказывать, подошло к открытой двери и остановилось, будто ожидая какого-то подвоха.

Траут повернулся к панели и стал быстро поворачивать все остальные выключатели, слыша за собой щелканье замков и скрип металлических дверей. Однако ни одно из животных так и не посмело выйти наружу. Они что-то кричали друг другу, размахивали руками и жестикулировали, но пока не решались выйти. Траут не стал прислушиваться. Быстро открыл оставшиеся клетки и бросился к выходу.

Маклин ждал Траута вместе с Гэмей и Сэнди примерно в ста ярдах от ворот лагеря в густой роще под деревьями. Траут проинструктировал всех на этот счет, строго предупредив, что они должны покинуть свои дома и спрятаться в роще, где он присоединится к ним.

Маклин отлично слышал пьяные крики, доносившиеся из дома охранников, но все же заметно нервничал, так как имел дело с этими непредсказуемыми людьми дольше, чем Траут. Услышав топот ног, он было подумал, что начинают сбываться его худшие опасения. Кто-то явно спешил к ним по тропинке, и он не знал, что теперь делать, – убегать или вернуться.

Однако вскоре успокоился: это оказался Траут.

Гэмей вышла из-за дерева и крепко обняла мужа.

– Я так рада, что ты здесь, – прошептала она.

– Боже мой, что там случилось? – спросил Маклин дрожащим от волнения голосом. – Я подумал, что нам всем конец.

Траут с трудом перевел дыхание.

– Все оказалось намного проще, чем я предполагал.

В этот момент он увидел, как из-за деревьев показалась одна темная фигура, затем вторая, третья… Вскоре все шестеро коллег-исследователей обступили их.

– Извини, – тихо сказал Маклин, – я не мог оставить их там.

– Это была моя идея, – оборвала его Гэмей.

– Не волнуйтесь, – успокоил их Траут. – Я и сам успел передумать и собирался пойти туда и освободить их. Здесь все собрались?

– Да, – ответил один из ученых. – Нас никто не видел. Что теперь делать?

– Ждать, – приказал Траут и пошел к большому дубу, откуда открывался хороший вид на территорию лагеря. Он спрятался за толстым деревом и стал наблюдать за происходящим. Перед воротами лагеря расхаживали два пьяных человека с автоматами в руках.

Траут вернулся к своим и приказал набраться терпения. Он знал, что, освобождая из клеток их свирепых обитателей, идет на серьезный риск. Как только те почувствуют свободу, они могут удрать в горы – но это было бы слишком по-человечески. Чувство голода, жажды и звериная ярость по отношению к своим обидчикам должны заставить их действовать определенным образом.

Траут снова подошел к дубу и посмотрел на ворота. Часовые курили сигареты, передавали друг другу бутылки и оживленно болтали между собой. Судя по всему, им не разрешили покинуть пост, поэтому они коротали время с бутылкой на свежем воздухе. Траут встал так, чтобы видеть блокгауз с человекообразными существами. Дверь в «зоопарк» была приоткрыта, наружу пробивалась узкая полоска света. Через минуту из проема стали потихоньку появляться темные фигуры, которые потянулись к дому, где пировали охранники.

А вечеринка тем временем была в полном разгаре. Траут было подумал, что просчитался, когда музыка внезапно стихла, а потом послышались дикие вопли, стоны, грязная ругань и несколько выстрелов. Траут живо представил, что сейчас там творится, и ухмыльнулся не без злорадства, хотя по большому счету ему было жаль этих мерзавцев.

Постовые у ворот лагеря услышали крики в доме охранников, посовещались, но потом застыли на месте, не зная, как поступить. Они понимали, что происходит что-то непредвиденное, но не могли нарушить приказ и отлучиться. Их ожесточенные споры прекратились в ту минуту, когда они увидели мчащиеся в их сторону огоньки фар. Оба вскинули автоматы и прицелились в автомобиль, который петлял по дороге и беспрерывно сигналил.

Машина ворвалась на освещенную вокруг ворот территорию лагеря. Траут сразу узнал открытый автомобиль полковника Стреги, передние и задние сиденья которого были забиты до отказа грудой переплетенных тел. Сзади на машине висели несколько человекоподобных существ. которые дико визжали и всеми силами пытались воспрепятствовать намерению водителя сбросить их.

Часовые у ворот открыли по автомобилю ураганный огонь. Два тела дикарей слетели с автомобиля и покатились по земле, оставляя темные пятна крови, однако остальным удалось удержаться на капоте. Автомобиль сделал крутой поворот, потерял управление и врезался в домик контрольно-пропускного пункта. Удар был настолько сильным, что все существа слетели на землю, а из открывшейся дверцы вывалился полковник Стрега. Он вскочил на ноги, поднял руку с пистолетом и стал озираться. Коричневая униформа была разорвана в клочья и забрызгана кровью.

Полковник сделал несколько шагов в сторону КПП. выстрелил в одного из нападающих, но в этот момент остальные набросились на него и повалили на землю. Траут видел, как руки и ноги садиста дергались в агонии из-под кучи тел разъяренных существ, но вскоре движения замедлились, а потом и вовсе прекратились. Монстры потащили то, что осталось от некогда всемогущего полковника, куда-то под забор. А два постовых, которые с ужасом наблюдали за происходящим и видели агонию своего начальника, сделали несколько выстрелов в сторо-294 ну чудовищ, а потом бросились наутек. Несколько человекообразных монстров бросились в погоню, и по всему было ясно, что далеко уйти охранникам не удастся.

Не теряя ни секунды, Траут повел группу ученых на территорию лагеря. Они миновали несколько изуродованных тел охранников и направились к черному «мерседесу»– Он сел за руль и попытался тронуться, но колеса машины застряли в обломках КПП. Тогда он попросил всех подтолкнуть автомобиль. Беглецы долго раскачивали его и в конце концов освободили.

Траут полностью утопил педаль газа и рванул с места. Машина пронеслась по территории лагеря, снесла ворота, будто их и не было, а потом помчалась к берегу моря, где, как очень надеялся Траут, их ждала свобода.

Глава 32

Последнее пополнение к флоту агентства НАПИ дало протечку в первые же минуты после того, как оказалось в открытом море. В тихой и спокойной гавани, где глубина не превышала нескольких метров, «Спутер» производил неплохое впечатление, но в открытом море все его недостатки стали мгновенно проявляться. Стоявший за штурвалом Остин заметил, что рулевое колесо неохотно подчиняется его командам, а трюм заполняется просачивающейся водой. Он включил насос для откачки, но мотор не заработал.

– Надо было бы назвать эту прелесть «Дырявым корытом», – проворчал Остин.

– Я сейчас проверю. – Завала, который, как и любой другой талантливый инженер, в душе был хорошим механиком, всегда с удовольствием копался в различных машинах и сейчас не упустил случая продемонстрировать свое мастерство. Он спустился в трюм судна и через минуту прокричал оттуда Остину: – Попробуй еще раз.

Мотор насоса несколько раз чихнул, а потом заурчал и задергался, как будто недовольный тем, что его потревожили. Над палубой появилось счастливое лицо Завалы, перепачканное машинным маслом.

– Починка номер сто один, – гордо заявил он. – Если еще что-нибудь откажет, то прежде всего надо проверять дряхлую проводку.

Правда, этот ремонт не привел к увеличению скорости, и дырки остались на прежних местах, зато насос теперь работал вполне сносно, откачивая из трюма постоянно просачивающуюся воду. «Спутер» выровнялся и уверенно пошел вперед, покачиваясь на волнах.

К этому времени Остин убедился, что судно, хоть и не отличается хорошими мореходными качествами, управляется сносно и довольно легко скользит по поверхности воды, высоко задрав нос. Благодаря нормальной работе двигателя и попутному ветру «Спутер» резво пересек залив и направился в сторону острова.

Остин еще раз посмотрел на экран радара и убедился, что они держат правильный курс, хотя вокруг была непроглядная темнота. Когда Завала сменил его у штурвала, Остин вышел на палубу. Холодный, сырой воздух обжег лицо. Он скорее почувствовал, чем увидел, как за бортом колышется огромная масса холодной воды. Остин поежился и вернулся в рулевую рубку.

– Остров должен быть где-то поблизости, – сказал он.

«Спутер» упрямо продвигался вперед, и вскоре Остин стал различать впереди смутные очертания береговой линии, которая выделялась на фоне светлеющего неба. Остин повернул штурвал влево, чтобы создать видимость, что их рыболовецкое суденышко собирается обогнуть остров. Он не исключал возможности, что за ними могут наблюдать сторожевые катера. Конечно, он понимал, что очень трудно обмануть электронные глаза и уши хорошо оснащенной подводной лодки, но все же надо было попытаться. Он внимательно изучил полученные со спутника фотографии, а потом подсчитал время перемещения субмарины и надеялся, что какое-то время им удастся оставаться незамеченными. Тем более что автономному подводному аппарату придется время от времени заходить в порт, чтобы подзарядить аккумуляторы.

Остин посмотрел на часы. Подводный аппарат должен находиться сейчас на дальнем конце острова. Надеясь проскочить мимо радарных установок неприятеля, он направил судно ближе к высоким береговым скалам и молил Бога, чтобы его расчеты оказались верными.

Командный пункт охраны острова от несанкционированного проникновения находился в небольшом сером здании с плоской крышей, которое располагалось почти у самого входа в бухту. Более пятидесяти процентов его внутреннего пространства было заполнено самой современной электронной техникой слежения, а остальная часть здания использовалась в качестве теплого помещения для двенадцати техников и охранников, которые несли здесь свою службу.

Вся группа охраны была разделена на три команды по четыре человека в каждой. В три смены они несли круглосуточное дежурство. Кроме того, в дневное время три человека постоянно патрулировали на катере вокруг острова, а четыре человека в это время находились на контрольном пункте. Ночью люди менялись местами.

По ночам патрульный катер бывал надежно пришвартован к причалу, так как капризные морские волны и острые скалы могли в любую минуту разнести его в щепки. Именно поэтому не предпринимались попытки патрулировать прибрежные воды в темноте. Правда, несмотря на все меры предосторожности, катер можно было легко вывести в море в том случае, если бы поступил сигнал тревоги с борта автономного подводного аппарата или от радарной установки. Обычно в ночное время происходила подзарядка аккумуляторных батарей миниатюрной субмарины, а электростанция находилась на палубе сторожевого катера.

Оператор радарной установки обратил внимание на мигающую точку задолго до того, как она, резко изменив направление, приблизилась к берегу. В тот день за пультом управления находился немецкий вольнонаемный служащий по имени Макс. По многолетнему опыту он знал, что рыболовецкие суда редко приближались к острову в

ночное время, и поначалу насторожился, потом успокоился, увидев, что мигающая точка направляется вдоль берега острова.

Он зажег сигарету, глубоко затянулся сладковатым дымом, а потом стал листать изрядно потрепанный порножурнал. Через несколько минут снова бросил взгляд на экран и выругался. На экране радара не было никакой светящейся точки. Макс со злостью ткнул в пепельницу окурок и так близко наклонился к экрану, что чуть не коснулся его кончиком носа. Он даже постучал пальцем по монитору, как будто это могло помочь делу.

Но экран радара был по-прежнему пуст. Пока Макс изучал анатомию женского тела, судно, должно быть, спряталось за высокими скалами и вошло в мертвую зону, недоступную для радара. Конечно, неприятно для него, но никакой трагедии он в этом не видел. В конце концов за прибрежной акваторией следил не только он, но и подводная лодка.

Макс посмотрел на другой монитор, который показывал местонахождение субмарины. Во время патрулирования вокруг острова субмарина постоянно передавала соответствующие сигналы на надводные маяки, а те, в свою очередь, транслировали их на контрольный пункт. Таким образом, местонахождение подводной лодки было известно в любой момент и с точностью до одного метра.

Автономная подводная лодка представляла собой широкий плоский аппарат длиной около двенадцати футов, по форме напоминающий нечто среднее между акулой и электрическим скатом. На верхней площадке аппарата находилась высокая башня для контроля над поверхностью моря. Как-то один из охранников пошутил, что эта лодка как по форме, так и по содержанию напоминает ему его тещу по имени Гертруда, и с тех пор прозвище накрепко прилипло. «Гертруда» курсировала на глубине нескольких футов под уровнем моря, сканируя поверхность воды на расстоянии сотни футов с обеих сторон. А ее телевизионная камера фиксировала все, что происходило над водой.

С другой стороны, команды с контрольного пункта регулярно поступали на борт субмарины, и это позволяло «Гертруде» выполнять функции не только сторожевого судна, но и вооруженного средства защиты. На борту аппарата находились четыре миниатюрные торпеды, каждая из которых была способна потопить небольшое военное судно.

Макс послал на «Гертруду» сигнал о неопознанном объекте, который некоторое время назад находился близ острова, а потом нажал кнопку включения внутренней связи.

– Извините, парни, что помешал вам играть, – сказал он в микрофон, – но я тут обнаружил какую-то посудину в зоне нашей ответственности.

Группа охранников на командном пункте как раз играла в покер, когда в динамике раздался треск, а потом сиплый голос Макса. Двое из них некогда служили в рядах французского Иностранного легиона, остальные считались вольнонаемными из Южной Африки. Один из южноафриканцев с нескрываемым раздражением швырнул карты на стол и подошел к интеркому.

– Где находится цель?

– Судно вошло в зону безопасности с северной стороны, а потом неожиданно оказалось в мертвой зоне и исчезло с экрана радара. Я уже послал сигнал «Гертруде».

– Черт бы вас побрал, – выругался наемник. – Похоже, мне сегодня не дадут отдохнуть.

Остальные патрульные подхватились с места, быстро надели куртки, ботинки и, прихватив с собой автоматы, выбежали из здания. Через минуту все уже были на причале, где их ждал сторожевой катер береговой охраны. Чертыхаясь и проклиная все на свете, они быстро запрыгнули на палубу, и катер рванул с места, быстро набрав скорость не менее сорока узлов в час.

Катер находился в море несколько минут, когда с командного пункта поступил сигнал, что неизвестная цель обнаружилась на экране радара неподалеку от входа в бухту. Оператор направил катер к обозначенной цели и молча наблюдал за тем, как две светящиеся точки стали быстро сближаться.

Пока два охранника стояли в полной боевой готовности, полные решимости дать отпор любому незваному гостю, рулевой вел сторожевой катер к неопознанному судну. Наконец

патрульные смогли разобрать даже самые мелкие детали. Южноафриканский наемник сначала при – целился, а потом громко рассмеялся, указывая на судно. Остальные присоединились к нему.

– «Спутер», – развеселился он. – Черт возьми, эта старая посудина помешала нам закончить партию в покер?

– Ты недоволен? – спросил один из охранников. – Ведь чуть было в штаны не наложил.

Все громко захохотали, опустив оружие.

– Приготовиться к захвату старого корыта! – скомандовал рулевой.

Все патрульные имели большой военный опыт, и никакие шутки не могли отвлечь их от главной цели. Они были хорошо подготовлены и могли без особого труда противостоять любому противнику. Как только сторожевой катер прикоснулся к борту рыболовецкого суденышка, два охранника спрыгнули на его палубу с орудием на изготовку, остальные прикрывали их с борта катера. Они быстро проверили рулевую рубку – пусто, а потом заглянули в трюм.

– Здесь никого нет! – крикнул один из охранников командиру, который остался на катере. После этого он прикурил сигарету и облокотился на перила палубы.

– Я бы не стал торчать здесь на твоем месте, – предупредил его коллега.

– Черт возьми, двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Французский легионер ухмыльнулся и молча перелез на борт сторожевого катера.

– Как хочешь, – проворчал он. – Смотри ноги не замочи.

Наемник из Южной Африки удивленно посмотрел на свои ботинки и только в эту минуту заметил, что стоит в луже. Вода быстро прибывала из-под палубы судна и уже заполнила почти все пространство. «Спутер» быстро погружался. Южноафриканец громко заорал, чем вызвал новый взрыв хохота на борту катера, а командир быстро отошел от тонущего судна, делая вид, что они оставляют слишком ретивого наемника на произвол судьбы. Тот бросился к корме судна, стал что-то кричать на родном языке африкаанс и размахивать руками, требуя забрать его.

Натешившись вдоволь, командир катера приказал приблизиться к рыболовному судну, и южноафриканец буквально свалился на палубу, чертыхаясь и проклиная все на свете. Через минуту все члены сторожевого катера молча наблюдали за тем, как «Спутер» опустился до уровня рулевой рубки, а потом и вовсе исчез под водой, оставив после себя лишь пузыри воздуха, масляные пятна и какой-то мусор.

– Ну ладно, парни, повеселились – и хватит, – заключил крепкий южноафриканец. – Предлагаю вернуться на базу и откупорить еще одну бутылочку.

– Не получится, – раздался голос оператора радарной установки. – Неопознанное судно движется в том же направлении, в котором я засек его некоторое время назад.

– Ты что, выпил лишнего?

– Ну выпил, конечно, но не до такой же степени.

Команда сторожевого катера отмечала окончание дежурства.

– Тогда все ясно.

– Но…

– Вокруг этого проклятого острова очень сильное течение, значит, судно просто подхвачено им, вот и все.

– Я тоже так думаю, – сказал Макс.

– Ничем не можем тебе помочь, дружище. Дырявое корыто давно на дне, на глубине не менее шести футов. Возвращаемся домой.

В этот момент с командного центра донесся скрипучий голос оператора:

– Осторожно, впереди «Гертруда», смотрите в оба.

Через несколько секунд серебристое тело субмарины прорезало воду совсем рядом с корпусом катера. Охранники уже не раз видели этот подводный аппарат, но никогда не испытывали особого чувства радости, видя смертоносную машину возле своего борта. Их волновала огромная военная мощь этого аппарата, а также тот факт, что махина всегда

действовала автоматически, то есть как бы по собственному усмотрению.

Тем временем подводная лодка остановилась в пятидесяти футах от катера и стала передавать полученные в ходе разведки данные.

– Держу пари, что на ней нет никакого грозного оружия.

Раздался громкий смех.

Зашумел дизель, катер развернулся на сто восемьдесят градусов и направился к острову. Подводная лодка еще какое-то время курсировала вдоль берега, а потом все успокоились, увидев на экране радара светящуюся точку, неподвижно застывшую на дне. Оператор радара долго смотрел на нее, а потом дал команду «Гертруде» перейти в режим обычного патрулирования прилегающей акватории.

Через несколько минут после того, как подводная лодка ушла прочь, из каюты затонувшего «Спутера» появились две темные фигуры, которые мощными толчками стали продвигаться в сторону острова.

Глава 33

Прорываясь через ворота лагеря, Траут до отказа нажал педаль газа «мерседеса» Стреги. Сидевший на переднем пассажирском сиденье Маклин с тревогой посмотрел на спидометр.

– Доктор Траут! – предупредил он. – Не забывайте, что впереди крутой поворот. Если вы не сбавите скорость, можем взлететь в воздух.

Гэмей положила руку на плечо мужа.

Траут посмотрел на спидометр, который показывал более семидесяти миль в час, и, немного сбавив скорость, включил фары. Опасный поворот оказался не просто крутым, а прямоугольным. Справа от него на дороге не было абсолютно никаких ограждений.

Шины «мерседеса» пронзительно завизжали, но автомобиль удержался на дороге, а потом стал медленно спускаться вниз. Траут облегченно вздохнул и стал разжимать онемевшие пальцы, которыми до боли в суставах сжимал рулевое колесо.

– Спасибо за предупреждение, Мак.

Маклин растянул губы в слабой улыбке:

– Мне не хотелось прерывать эту гонку на выживание, но свалиться в пропасть именно сейчас было бы непростительной глупостью.

Траут посмотрел через плечо на заднее сиденье, до отказа набитое людьми.

– Все на месте? – спросил он с улыбкой.

– А куда мы можем деться? – не без ехидства отозвалась Сэнди. – Мы будем сидеть здесь до тех пор, пока вы не выбросите нас вместе с кучей металлолома.

На этот раз Траут позволил себе еще большую роскошь и громко рассмеялся. Несмотря на внешне спокойный вид, внутри он был натянут как струна. Совет Маклина поостеречься вернул его на грешную землю. Конечно, мощный выброс адреналина в кровь помог им всем прорваться через ворота и благополучно покинуть территорию лагеря, но, если он хотел так же благополучно вывезти пленников с острова, следовало быть более осмотрительным и хладнокровным. Дорога меж тем продолжала спускаться вниз, пока наконец не приблизилась к береговой линии, где разветвлялась.

Траут резко остановил машину и посмотрел на ту, которая вела влево.

– Нас везли сюда по этой дороге?

– Верно, – кивнул Маклин. – Она пролегает вдоль берега, огибает бухту и ведет непосредственно к месту стоянки подводной лодки. Там небольшой гарнизон охранников. Если же мы поедем по правой дороге, то попадем прямо в бухту. Там находятся командный центр и док, где обычно швартуется сторожевой катер.

– Вы хорошо выполнили свою домашнюю работу, – признался Траут.

– Вы не единственный, кто всеми силами пытался найти выход из положения и сбежать отсюда.

– Похоже, вы сделали правильный выбор. Патрульный катер может оказаться нашей единственной возможностью покинуть этот проклятый остров.

– Верно, – энергично поддержала мужа Гэмей. – Кроме того, если мы намерены разворошить это осиное гнездо, то чем меньше ос останется после этого, тем лучше для нас!

Траут молча кивнул и повернул руль «мерседеса» вправо. В течение примерно получаса они ехали вдоль берега моря, а потом он увидел вдали огоньки причала, свернул с дороги и остановил машину. Повернувшись к пассажирам, коротко рассказал, что намеревается делать дальше. А потом предложил всем выйти и немного размять ноги, но при этом не отходить далеко от автомобиля.

Пока все разминались, Траут стал спускаться вниз к причалу. Воздух был наполнен запахом моря, а на душе была радость от того, что лагерь остался позади. Правда, у Траута не было никаких иллюзий – пока их свобода была эфемерна, как накатывающиеся на берег волны моря.

Вскоре он обнаружил, что свет на причал падает от фонарей, установленных возле серого бетонного здания, окна которого были наглухо закрыты ставнями. Траут внимательно осмотрел здание, а потом стал осторожно пробираться к деревянному пирсу, который уходил далеко в море. На причале не оказалось не только сторожевого катера, но и какой бы то ни было захудалой лодки с веслами. Морской бриз показался ученому сущим пустяком по сравнению с тем холодком, который пробежал по его спине в этот момент. Через некоторое время он вернулся к «мерседесу» и устало опустил руки на руль.

– Патрульный катер ушел, – объявил он присутствующим. – Конечно, мы можем подождать здесь, пока он вернется, но скоро взойдет солнце, и все наши преимущества мгновенно превратятся в недостатки. Предлагаю отправиться к месту стоянки подводной лодки и посмотреть, что там происходит.

– Да, это именно то место, где нас ожидают меньше всего, – поддержала его Гэмей.

– Именно то место, где всем нам хотелось бы оказаться, – возразил Маклин. – Не забывайте, что мы не отряд специального назначения.

– В Аламо тоже было около ста неподготовленных людей.

– Я знаю историю Америки, Пол. Всех защитников Аламо зверски убили, и не говори мне про Скотса и Каллодена. Они тоже погибли.

Траут грустно улыбнулся. Жестокие времена требуют жестоких действий.

– Понятно, только я в толк не возьму, что именно вы задумали на этот раз.

– Я попытаюсь проникнуть на борт подводной лодки и найти там радиостанцию. Если ничего не получится, придумаю что-нибудь другое.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Маклин, пристально рассматривая Траута, словно перед ним был какой-то редкий лабораторный образец. – Вы мне кажетесь слишком хладнокровным и храбрым для обычного геолога-глубоководника.

– Я пытаюсь быть таким, – сухо сказал Траут и решительно повернул ключ зажигания.

Они поехали вдоль берега до самого конца бухты, пока не уперлись в заброшенную церковь и старое кладбище. Там Траут припарковал машину позади разрушенного здания и приказал остальным сидеть тихо и не высовываться. Но на этот раз Гэмей настояла на том, что пойдет вместе с ним. Они направились вниз по засыпанной щебнем дороге, которая вывела их на небольшую круглую площадку, освещенную фонарями. Вдали виднелось какое-то серое бетонное здание, также освещенное по периметру. Траут осторожно подошел к зданию и увидел, что оно стоит рядом с высокой скалой, откуда открывается вид на бухту. Вниз спускалась узкая деревянная лестница.

– Давай проверим, куда ведет эта лестница, – предложил он жене.

– Не думаю, что нам стоит волноваться насчет неожиданной встречи с охраной, – кивнув, тихо сказала Гэмей. – Похоже, и здесь вечеринка в полном разгаре.

Как и охранники в лагере, обслуживающий персонал подводной лодки, вероятно, узнав об окончании дежурства, решил немного расслабиться. Никто и понятия не имел, какая страшная судьба постигла их коллег в лагере. Гэмей и Траут осторожно спустились вниз по

лестнице и остановились под деревянной платформой. Дальше нужно было спускаться по скале – лестница заканчивалась у обрыва. Они полезли вниз, нащупывая ногами надежные выступы, и вскоре оказались на металлической дорожке, которая возвышалась над водой и вела непосредственно к причаленной вдалеке субмарине. Причал был ярко освещен двумя рядами фонарей, и вскоре Трауты увидели, что это та самая гигантская подводная лодка, которая захватила «Элвин» на дне океана и доставила их на этот остров.

На верхней палубе подводной лодки горело несколько прожекторов, поэтому они без труда отыскали трап, поднялись на палубу и направились к входному люку. Там Траут поднял крышку люка и осторожно заглянул внутрь. Внутреннее пространство субмарины было едва освещено, но этого было достаточно, чтобы убедиться, что поблизости нет ни души.

Немного подождав, Пол и Гэмей проникли в подводную лодку. Они старались ступать как можно тише. Разумеется, Траут шел первым, останавливаясь перед каждым поворотом. К счастью, никого из обслуживающего персонала поблизости не было. Комната, где находился пульт управления, тоже была пуста. Там было темно, и им пришлось немного подождать, чтобы привыкнуть к тусклому свету, исходящему от панели инструментов и приборов. Рация находилась в дальнем углу. Не теряя ни секунды, Траут поставил Гэмей у входа, а сам уселся перед радиостанцией, быстро набрал номер агентства НАПИ и отправил вызов, после чего с затаенным дыханием стал ждать ответа.

– Национальное агентство… подводных исследований, – бодро отозвался приятный женский голос, немного искаженный, вероятно, толстыми стенками и потолком субмарины.

– Руди Ганна, пожалуйста, – попросил Траут и ту же добавил-. – Скажите ему, что это Пол Траут.

– Один… мент.

Этот «один момент» показался Трауту долгим, словно целый день. Он живо представил себе вестибюль здания, в котором располагалось агентство НАПИ, с огромным прозрачным куполом в центре. Затем в трубке послышался голос помощника директора агентства, и Траут как бы увидел тщедушную фигуру Ганна в его огромном кабинете. Этот выдающийся аналитик использовал свой талант для решения безумно сложных проблем.

– Траут? Где ты был все это… черт возьми? Мы искали тебя… миру. Ты в порядке?

– Все нормально, Руди. Гэмей со мной. У меня мало времени. Слушай внимательно. «Элвин» был захвачен неизвестными лицами. Сейчас мы находимся на каком-то острове. Думаю, он расположен в водах Шотландии или Скандинавии. Здесь со мной еще семеро ученых, которые тоже были захвачены в плен и работали по принуждению. Мы проводили какие-то жуткие эксперименты. Нам удалось бежать, но не думаю, что это продлится долго.

– Я плохо слышу… но все понял. Ты можешь еще… связь по радио?

– Мы должны вернуться к остальным членам нашей группы.

– Оставь включенной рацию… Мы попытаемся вычислить вас по… сигналу.

Траут не успел ответить – Гэмей толкнула его в бок К комнате приближался какой-то человек, насвистывая веселую мелодию. Траут осторожно положил на стол микрофон и прикрыл листком бумаги горящую лампочку рации. Затем они дружно упали на пол и заползли под широкий пульт управления. Свист медленно приближался, потом прервался на какое-то время, очевидно, вполне достаточное, чтобы убедиться, что внутри никого нет, а потом стал удаляться.

Траут осторожно выглянул из укрытия, встал на ноги и, снова усевшись за стол, вызвал Ганна, коротко изложил ему суть дела, после чего добавил, что оставляет радиостанцию включенной, и направился к двери, сделав жене знак рукой, чтобы она следовала за ним.

Обратный путь был более трудным – Траут все время ожидал внезапного появления охранников и контролировал каждый шаг. К счастью, обошлось. Они быстро добрались до люка, очень тихо выбрались из подлодки, спустились по трапу на пирс и через минуту уже взбирались по деревянной лестнице.

Еще через пять минут – Трауты были возле разрушенной церкви и быстро

приближались к оставленной машине – ночную темень прорезал яркий луч света. Он ослепил Пола и Гэмей, но они все же успели разглядеть несколько вооруженных фигур, вынырнувших из-за острых скал, как бестелесные призраки. В ту же секунду сильные руки охранников схватили Траутов и потащили в разрушенную церковь. Перед алтарем стоял огромного роста наемник и ухмылялся, что совершенно не соответствовало обстановке и автомату, который он держал на уровне бедра.

– Привет, коллега, – прохрипел он, ткнув в живот Траута стволом, после чего бросил короткий выразительный взгляд на его жену. – Вы прибыли в конечный пункт своего путешествия. И ваши друзья тоже.

Сова сидела высоко на дереве, у самого берега моря, скрытая от посторонних глаз густыми ветками, и прислушивалась к тихому шороху – под опавшими листьями бегали мыши. Эта крупная хищная птица была в нескольких метрах от беззащитных созданий и уже готовилась к броску, когда желтые глаза заметили какое-то странное движение на берегу. Что-то большое и блестящее вылезло из воды и замерло на мокром песке. Сова расправила крылья и полетела в глубь острова, мыши бросились врассыпную, даже не подозревая о том, кому обязаны своим спасением.

В этот момент из воды появилась еще одна фигура в черном, которая, словно некое примитивное существо, поползла на берег и замерла рядом с первой. Остин и Завала сняли маски, вдохнули свежего воздуха, а потом расстегнули водолазные костюмы и вытащили 9-миллиметровые пистолеты системы «ЗИГ-зауэр», которые были оставлены на борту исследовательского судна членами охранной команды. Убедившись в том, что никто за ними не следит, мужчины быстро сбросили кислородные баллоны, а потом освободились и от водолазных костюмов.

Они выпрыгнули за борт «Спутера» в тот самый момент, когда сторожевой катер вплотную приблизился к их суденышку, но предварительно открыли все кингстоны. Они хорошо видели, как «Спутер» идет на дно, потом еще некоторое время наблюдали, как миниатюрная подводная лодка обошла вокруг затонувшего судна, после чего ушла. И только после этого они направились к острову, преодолевая очень сильное в этих водах течение. Впрочем, Остина течение мало волновало, он знал, что так или иначе они все равно доберутся до нужного места.

Посмотрев на часы, он прикинул, что до наступления рассвета осталось не менее шести часов. Сделав знак рукой Завале, Остин быстро зашагал вдоль берега и остановился только тогда, когда под ногами зашуршал гравий. Вынул из кармана портативный компьютер и еще раз посмотрел на полученные со спутника фотографии.

– По этой дороге мы вскоре выйдем к лагерю, – сообщил он другу. – Если верить этой карте, то до лагеря около двух миль.

Не дождавшись ответа, он быстро зашагал вперед.

Человек, направивший на Траута автомат, был похож на ящерицу. У него было много зубов, но при этом почти отсутствовали губы.

– Мы уже давно вас дожидаемся, – сказал он с сильным австралийским акцентом.

– Как вы узнали, где мы? – спокойно спросил Траут.

Человек расхохотался.

– Вы даже себе не представляете, но на этом острове мы повсюду расставили видеокамеры! Если бы наши парни не перепились вусмерть, мы бы обнаружили вас еще раньше.

– Извините, что прервали ваше застолье.

– А ваши друзья почему-то менее словоохотливы, – заметил он. – Кстати, как вам удалось захватить машину полковника Стреги?

– Полковник ею не пользовался, вот мы решили взять ее и немного покататься.

Охранник резко развернул автомат и ударил Траута прикладом в нижнюю часть живота. Тот попятился, потом согнулся в три погибели, обхватив обеими руками живот. Ему

вдруг показалось, что сердце останавливается. Траут медленно опустился на колени и с большим трудом подавил приступ тошноты. Через несколько минут он пришел в себя и медленно поднялся на ноги. Охранник с автоматом схватил Траута за воротник куртки и сильно притянул к себе, обдав едким запахом перегара.

– Не люблю умников, – прошипел он в лицо ученому, а потом резко оттолкнул его от себя и направил автомат на Гэмей. – Где вы взяли машину?

– Стрега мертв, – процедил сквозь зубы Траут.

– Мертв? – воскликнул охранник, выпучив глаза. – И кто же его, интересно, убил?

Траут знал: если он сейчас скажет правду, тот все равно не поверит.

– Будет лучше, если я сам покажу вам.

Охранник подозрительно посмотрел на него.

– Что вы задумали? – крикнул он, поднимая автомат.

– Ничего. В нашем положении мы никак не можем причинить вам вред.

Аргумент показался охраннику вполне убедительным, на что Траут и рассчитывал.

– Ладно, пошли.

Охранники повели Траута и Гэмей вокруг церкви, где был припаркован «мерседес». Сэнди, Маклин и другие исследователи сбились плотной группой у машины под охраной двух конвоиров. А рядом с «мерседесом» стоял грузовик-пикап с длинным кузовом. Гэмей и всем остальным приказали залезть в кузов, где они находились под присмотром двух охранников. Несколько человек уселись на заднее сиденье «мерседеса». Австралиец – он устроился на переднем пассажирском сиденье – приказал Трауту сесть за руль и ехать в лагерь.

– Почему бы вам не оставить нас в покое? – осторожно спросил Траут. – Ведь эксперимент практически завершен.

– Хороший вопрос, – ухмыльнулся тот. – Мы оставим вас, а на следующий день какой-нибудь болван будет гулять на берегу и увидит, как вы размахиваете своим нижним бельем. Моя задача заключается в том, чтобы не спускать с вас глаз. А теперь крути баранку и держи язык за зубами.

Траут молча подчинился приказу, и вскоре они въехали на территорию лагеря, где австралиец приказал ему остановиться. Он выдернул ключ зажигания и вышел из машины. Остальные охранники тоже вышли из машины и стали пристально вглядываться в темноту, держа оружие наготове.

Австралиец подошел к воротам, пнул ногой обломки, потом обошел перевернутую будку контрольно-пропускного пункта. Стояла поразительная тишина. Не было слышно ни криков птиц, ни жужжания насекомых, ни шума веток на деревьях. А самое главное – нигде не было видно следов того кошмарного побоища, которое произошло здесь совсем недавно. Впрочем, Траут быстро успокоился и подумал, что ему наплевать, куда подевались тела Стреги и его сообщников.

Австралиец вернулся к «мерседесу».

– Что здесь случилось, черт возьми? – раздраженно спросил он.

– А вам известно, чем мы занимались в лаборатории? – ответил Траут вопросом на вопрос.

– Да, разработкой бактериологического оружия. Если не ошибаюсь, это имеет какое-то отношение к тому дерьму, которое наша субмарина доставляет сюда со дна океана. Но не могу поручиться за точность, нас никогда не пускали на территорию лагеря. Говорили, что здесь мы можем подцепить какую-нибудь заразу.

Траут горько рассмеялся.

– Что тут смешного? – возмутился австралиец, и в его голосе Траут безошибочно уловил угрозу.

– Вам лгали, – ответил он после небольшой паузы. – Мы занимались исследованием препарата энзим.

– Что это такое?

– Вы когда-нибудь слышали о философском камне?

Ствол автомата больно воткнулся под ребра Траута.

– Вот вся моя философия!

Траут скривился от боли, но продолжал:

– Это такая секретная формула, с помощью которой можно превращать в золото любой металл.

– Такого никогда не было и быть не может.

– А вы думаете, что те люди, которые наняли вас для охраны острова, пошли бы на такие огромные затраты, если бы не надеялись получить нечто подобное?

Охранник задумался.

– Ладно, парень, покажи нам это золото.

– Я отведу вас на склад, где они обычно хранят готовый продукт. Может быть, это поможет вам изменить свое мнение и отпустить нас на все четыре стороны.

Австралиец широко осклабился:

– Можете не сомневаться.

Траут знал, что *ч* он сам, и все его товарищи будут обречены даже в том случае, если бы им удалось извлечь все золото, хранящееся в Форт-Ноксе. Никакая другая причина не заставила бы его снова вернуться в «зоопарк». Он включил мотор и подъехал к зданию, двери которого были открыты нараспашку.

– Вот мы и приехали, – спокойно сказал он.

Охранники вышли из машины, австралиец предусмотрительно вынул ключ зажигания и оставил одного охранника в грузовике, приказав открывать огонь на поражение в случае бунта. Затем он велел Трауту войти в здание первым, а сам последовал за ним.

– Боже мой, что за вонь? – спросил один из охранников.

– Так пахнет золото, – ответил австралиец и глупо расхохотался.

Траут вошел в «зоопарк» как будто в трансе. Конечно, он рисковал, но вместе с тем надеялся, что человекообразные существа вернулись в свои клетки, в которых провели так много времени. И он не ошибся. Сделав несколько шагов в темном помещении, он услышал возню в клетках и увидел уставившиеся на него свирепые красные глазки, слабо мерцавшие в темноте. Траут прошел вдоль стены, нащупал выключатель и повернул.

Подчиняясь инстинкту и ослепленные ярким светом, монстры отпрянули к задним стенкам клеток. Некоторые держали в волосатых лапах обглоданные кости полковника Стреги и членов его команды. Вошедшие вслед за Траутом охранники стали прикрывать руками рты, с трудом сдерживая тошноту.

Австралиец схватил Траута за руку и прижал к стене.

– Ты поплатишься жизнью за то, что сделал это, – прорычал он. – И твои приятели тоже!

Траут схватился обеими руками за ствол автомата и попытался вырвать его из рук австралийца, но тот крепко держал оружие и во время борьбы нечаянно нажал на спусковой крючок. В огромном помещении прозвучал оглушительный выстрел, а от стены полетела штукатурка. Пока они вырывали автомат друг у друга, существа в клетках стали постепенно приближаться к открытым дверцам. Вид одетых в ненавистную униформу охранников вызвал у них очередной приступ ярости. Твари вырвались из клеток, злобно сверкая глазами и щерясь острыми клыками.

Стоявший неподалеку охранник успел сделать несколько выстрелов, но в мгновение ока был сбит с ног и оказался под грудой разъяренных монстров. Еще два существа набросились на австралийца, повалили его на бетонный пол и принялись раздирать на мелкие куски. Третье существо бросилось к Трауту, но остановилось на полпути и стало пристально разглядывать его. Траут мог поклясться: в эту минуту на перекошенном от злобы лице появилось что-то человеческое. Животное посмотрело на одежду Траута и, удовлетворившись тем, что она никак не напоминала униформу охранников, присоединилось к тем, кто терзал бедного австралийца.

Траут бросился к двери и сбил с ног наемника, который охранял остальных пленников. Преследовавшее его существо увидело упавшего человека в униформе и мгновенно вцепилось ему в глотку.

А Траут тем временем заорал что есть мочи, чтобы Гэмей заводила грузовик и поскорее уводила отсюда. Сам же запрыгнул в «мерседес» и только потом вспомнил, что ключ зажигания остался у австралийца. В это время Гэмей прокричала ему, что у нее тоже нет ключа. Траут выскочил из машины, схватил за руку жену и закричал остальным, чтобы они бежали без оглядки куда глаза глядят.

По наступившей в «зоопарке» зловещей тишине Траут догадался, что там в буквальном смысле слова наступил обеденный перерыв. Ему очень не хотелось оказаться в качестве десерта.

Остин и Завала были примерно в миле от лагеря, когда впереди на дороге послышался топот множества ног. Поскольку в темноте было сложно разглядеть бежавших, они свернули в высокую траву и залегли. Через некоторое время они уже могли различить приглушенные голоса и по некоторым признакам сообразили, что физическое состояние этих людей оставляло желать лучшего.

– Живее, умоляю вас, – донесся до них знакомый голос. – Отдохнем потом…

Сразу после этой фразы Траут остановился, увидев перед собой две темные фигуры, которые выросли будто из-под земли.

– Вы оказались слишком далеко от Затерянного города, – радостно заявил Остин.

– Курт? – оторопело спросил Траут. – Джо? Откуда вы тут. черт возьми?

Гэмей бросилась к коллегам и повисла на их плечах.

– Это мои друзья, Мак и Сэнди. – Траут показал на запыхавшихся коллег. – С остальными познакомлю позже. У вас есть какая-нибудь лодка?

– Нет, мы сожгли за собой все мосты, – спокойно ответил Остин. – Но видели возле острова какой-то сторожевой катер. Ты не знаешь, случайно, где стоянка?

– Я могу лишь догадываться. – Траут насторожился и поднял руку в предостерегающем жесте. – Думаю, нам нужно поскорее удирать.

Остин тоже услышал странный звук, отдаленно похожий на завывание ветра в высоких кронах деревьев.

– Что это? – спросил он и снова прислушался. – Такое впечатление, что стая волков преследует оленя.

– Если бы, – угрюмо буркнул Траут. – У вас есть оружие?

– Только пистолеты.

Завывание становилось все громче. Траут внимательно посмотрел назад на дорогу.

– Стреляйте во все, что движется, – сказал он без каких бы то ни было объяснений. – В особенности по тем, у кого сверкающие красные глаза.

Только сейчас Остин и Завала вспомнили морду того монстра, в которую вглядывались, пытаясь понять причины гибели спасателей, и не заставили себя долго убеждать.

Траут тем временем схватил Гэмей за руку и припустил дальше, показывая жестом, чтобы остальные следовали за ним. Остин и Завала остались замыкающими и приготовились к отражению атаки.

Они бежали молча минут пятнадцать, подгоняемые ужасным воем преследующих их существ, пока наконец не увидели свет в окнах барака, где должны были находиться патрульные со сторожевого катера. Злобный вой был уже так близок, что можно было без труда различить голоса отдельных преследователей. Еще через несколько минут он стал таким сильным, что его услышали даже находившиеся в бараке охранники. Двое выскочили во двор и вскинули автоматы, а беглецы в это время обошли вокруг барака и быстро направились к причалу, где в темноте виднелся патрульный катер.

Напуганные до смерти охранники увидели на дороге темные тени и закричали, что

будут стрелять, если те не остановятся. Потом один из них бросился в здание и позвал на помощь еще двоих охранников с автоматами. Один, вероятно, спал, так как выбежал во двор в одном нижнем белье, а второй – с огромной курчавой бородой – лихорадочно натягивал форму.

– Похоже, полковник Стрега решил сделать нам подарок, – недовольно проворчал он, с трудом справляясь с одеждой.

Его коллеги заржали, но в ту же минуту смех превратился в вопль ужаса – злобное завывание раздавалось совсем рядом. Казалось, ужасный вой доносился со всех сторон. Люди сгрудились в одну кучу, выставили вперед автоматы и в панике уставились на сверкающие в темноте красные угольки.

Первым не выдержал бородач. Он вскинул автомат и выпустил в темноту длинную очередь. Последовавшие за этим вопли и рычание свидетельствовали о том, что некоторые пули попали в цель, но они же послужили сигналом для начала атаки. Огромные животные с горящими красными глазами набросились на одетых в униформу охранников практически со всех сторон, не оставив им никаких шансов.

Пока возле барака шла кровавая расправа, Траут с друзьями подбежали к катеру. Остин первым прыгнул на палубу и завел двигатель, после чего вернулся и стал помогать остальным, поддерживая их за руки. А со стороны причала им помогал Маклин. Когда все были уже на палубе, шотландец собрался прыгнуть туда сам, но в этот момент со стороны барака послышались выстрелы, и он тяжело осел.

Стрелял полуодетый охранник с разлапистой бородой, который со всех ног мчался от барака к катеру, размахивал руками и поливал огнем все вокруг. То, что он не успел напялить форму, вероятно, помогло избежать печальной участи, которая постигла его товарищей. Остин прицелился и выстрелил в него из пистолета, но промахнулся. Охранник не ожидал ответного удара и на какое-то мгновение замер на месте, но быстро пришел в себя, встал на колено и тщательно прицелился.

Рядом с Остином громыхнул выстрел, от которого у него заложило в ушах. Гэмей слыла отличным снайпером, но на сей раз даже она не смогла поразить цель с первого раза. Пуля вонзилась в левое плечо охранника, и на какое-то мгновение бородач потерял равновесие. Вскрикнув от боли, он схватился рукой за раненое плечо, а потом снова прицелился в беглецов.

Оглушенный громким выстрелом над ухом, Остин одним прыжком прикрыл собой группу людей и одновременно стал целиться в него из пистолета. Однако потребность в стрельбе отпала сама собой, – позади охранника показалась стая разъяренных животных Они налетели на него так быстро, что он даже автомат развернуть не успел.

Остин не стал дожидаться развязки, а быстро спрятал пистолет в кобуру, потом схватил раненого Маклина и перетащил на палубу. В этот момент одно существо отделилось от стаи и, прихрамывая, направилось к катеру. Гэмей подняла пистолет, чтобы прикончить монстра, но стоявший рядом Траут перехватил ее руку. Несмотря на темноту, он узнал в этом животном то самое существо, которое фактически спасло ему жизнь в «зоопарке».

– Не надо, он ранен, – сказал он жене.

Грудь звероподобного существа была покрыта огромным красным пятном крови. Оно продолжало ковылять в сторону катера, а потом остановилось и посмотрело на Траута грустными глазами. По всей вероятности, рана была серьезной – существо пошатнулось, сделало несколько шагов вперед, а потом замертво рухнуло на палубу катера.

Остин приказал Трауту стать у штурвала, а сам склонился над раненым Маклином. Гэмей сбросила на причал швартовые канаты, и через секунду они вырулили в открытое море. Катер мчался на полной скорости, оставляя позади ужасный остров с выпущенными на свободу кровожадными существами. Когда причал был уже далеко позади, Траут передал штурвал Гэмей, а сам поспешил на помощь Маклину. Все почтительно расступились, давая ему возможность осмотреть рану. Остин подложил под голову Маклина скомканный спасательный жилет и пытался помочь смертельно раненному ученому.

– Он хочет поговорить с тобой, – сказал Остин, увидев рядом с собой Траута.

Траут опустился на колени перед умирающим другом.

– Нам удалось уйти, Мак, – тихо прошептал он. – Не волнуйся, мы доставим тебя к врачам, и они быстро поставят тебя на ноги.

Маклин улыбнулся, а в уголках его губ показались две струйки крови.

– Не надо обманывать старого шотландца, дружище, – с трудом выдавил он.

Траут хотел было что-то ответить, но тот приподнял вверх ладонь.

– Не надо ничего говорить.

Ученый в последний раз собрался с силами и поднял глаза на Траута.

– Формула, – едва слышно произнес он.

– Что «формула»?

Но Маклин уже смотрел остекленевшим взглядом.

Глава 34

«Гертруда» вышла проводить сторожевой катер. Подводная лодка перехватила сигнал выходящего из бухты катера и вышла навстречу ему примерно в миле от острова. Первым лодку заметил Завала. Он светил вокруг мощным фонарем, чтобы нечаянно не нарваться на скалы, и вдруг увидел впереди высокую башню подводного аппарата. Сперва он подумал, что это кит или какое-нибудь другое морское животное, но, заметив металлический блеск башни, сразу догадался, что перед ним.

Подводная лодка шла за катером около ста футов, затем погрузилась под воду и отправилась на обычное дежурство вокруг острова. А на сторожевом катере в это время никто даже представить себе не мог, как близко они были от катастрофы. Вернувшись на командный пункт. Макс послал «Гертруду» для преследования только что удравшего сторожевого катера и приказал использовать все четыре торпеды. Он подготовил соответствующий приказ и уже был готов нажать кнопку «ОГОНЬ», когда в его горло вцепилось красноглазое чудовище.

А сторожевой катер продолжал свой путь еще полчаса, пока наконец Остин не запросил помощи у береговой охраны. Через несколько минут сторожевое судно «Скапа» Британской береговой службы приняло сигнал тревоги и помчалось в указанный квадрат со скоростью не менее тридцати узлов в час. По опыту шкипер береговой охраны судна решил было, что сигнал тревоги подан с борта какого-нибудь рыболовецкого траулера. Но когда капитан Джон Брюс увидел в луче прожектора странный катер, он подумал, что ничего подобного никогда не было вокруг Оркнейских островов. А самыми странными на этом судне оказались его пассажиры.

Капитан Брюс быстро прикинул в уме, что длина катера составляла не менее тридцати футов, а пассажиры на его борту были одеты в какую-то странную униформу. Капитан не знал ни одной расположенной поблизости тюрьмы, но по виду эти люди явно напоминали заключенных и поэтому не могли не вызвать подозрений. Опыт капитана Брюса приучил его к осторожности. Именно поэтому он приказал своим людям находиться рядом и на всякий случай держать поближе оружие.

Как только патрульное судно приблизилось к странному катеру, Брюс поднес к губам мегафон и громко заявил:

– Пожалуйста, назовите себя.

Широкоплечий мужчина с суровыми чертами загорелого лица и седыми волосами отделился от группы и помахал, чтобы привлечь к себе внимание.

– Курт Остин, Национальное агентство подводных исследований, – громко объявил он, стараясь перекричать шум двигателей. – Эти люди страдают от истощения и переохлаждения. Вы можете помочь нам выбраться отсюда?

Капитан Брюс, конечно же, слышал об агентстве НАПИ и даже несколько раз встречал в море специальные суда этой далекой американской научной организации, но все же решил

сохранять бдительность, несмотря на искренний тон незнакомца. Тем более что эти измученные люди на борту катера совершенно не походили на исследователей, которых ему доводилось видеть на научных судах агентства.

Капитан Брюс был коренастым, приземистым шотландцем, совершенно лысым, со светло-голубыми глазами и квадратным подбородком, который свидетельствовал о твердом и решительном характере его обладателя. Он придирчиво осмотрел судно с кормы до носа и пришел к выводу, что странные люди его не обманывают. Они действительно выглядели уставшими и не обнаруживали абсолютно никаких признаков агрессивности. После недолгих размышлений он дал команду спустить на воду лодку и забрать пассажиров, а своим людям приказал не спускать с них глаз.

Им понадобилось совершить несколько рейсов, чтобы пересадить на сторожевой катер всех пассажиров. Пока люди осваивались на палубе, Брюс еще раз убедился, что они не представляют никакой угрозы. Им сразу же была оказана первая медицинская помощь, потом всем раздали теплые одеяла и провели на камбуз, где дали перекусить и напоили горячим черным кофе.

Последним на палубу сторожевого судна поднялся Остин в сопровождении симпатичной рыжеволосой женщины и двух мужчин, первый из которых был чернокожим и мускулистым, а второй таким высоким, что торчал на лодке, как мачта.

Остин пожал руку капитану береговой охраны и представил своих друзей.

– Это Пол и Гэмей Мортон-Траут, а это Джо Завала, – сказал он, показывая на них. – Мы все сотрудники агентства НАПИ.

– Понятия не имел, что ваше агентство ведет какие-то операции в районе Оркнейских островов, – откровенно признался капитан, пожимая поочередно всем руки.

– Вы, конечно, правы, это неплановая операция, – согласился Остин и, сказав друзьям, что присоединится к ним через несколько минут, повернулся к капитану. – Эти люди побывали в жутком месте и крайне истощены. Кроме того, мы потерялись в этом густом тумане и вынуждены были обратиться за помощью. Сожалею, что побеспокоили вас.

– Ничего страшного, дружище, это наша работа.

– Благодарю. У меня есть к вам еще одна просьба. Не могли бы вы связаться по радио со штаб-квартирой агентства НАПИ в Вашингтоне и передать срочное сообщение Руди Ганну? Скажите ему, пожалуйста, что Остин и все остальные люди с острова в полном порядке и скоро свяжутся с ним.

– Сейчас распоряжусь насчет этого.

– А я не стал бы возражать против кофе и какой-то горячей еды, – с улыбкой сказал Остин и направился на камбуз, небрежно бросив через плечо: – Кстати, там на нашей лодке два трупа.

– Мертвые тела?

– Мертвее не бывает. Не могли бы вы сказать своим людям, чтобы их перенесли сюда, а саму лодку взяли на буксир?

– Разумеется, – кивнул капитан Брюс.

– Еще раз спасибо, капитан. – И Остин, завернувшись в теплое одеяло, как индеец племени навахо, устало побрел на камбуз.

Капитан недовольно поморщился. Он не привык, чтобы посторонние люди командовали на его судне, но потом немного подумал и улыбнулся. За долгие годы работы в береговой охране он приобрел хороший опыт общения с самыми разными людьми. Столь свободная манера поведения этого человека и то, что можно было бы принять за наглость, на самом деле являлись всего лишь проявлением уверенности в себе и своих силах. Он приказал своим людям вытащить из лодки тела и перенести их в амбулаторию. После этого проследил, чтобы лодку взяли на буксир, а сам поднялся на капитанский мостик и отправил сообщение в агентство НАПИ.

Брюс доложил о случившемся береговой охране, и вскоре в динамике послышался взволнованный голос судового врача, который просил капитана срочно спуститься в

амбулаторию.

Капитан быстро спустился. В ярко освещенном помещении в нос сразу же ударил странный запах. Врач протянул ему тампон с каким-то маслом, который нужно было приложить к носу. На хирургическом столе лежали два тела в черных пластиковых мешках.

– Возьмите себя в руки, – предупредил врач, расстегивая молнию на одном из мешков.

Капитан Брюс не раз видел трупы, причем иногда в таком жутком состоянии, что другие люди падали в обморок, поэтому его нисколько не удивил едкий запах. Но то, что он увидел в эту минуту, было слишком даже для него. Красное обветренное лицо морского волка мгновенно посерело. Брюс был убежденным пресвитерианином, никогда не пил спиртного и не употреблял бранных слов, но сейчас пожалел, что не научился этому в юности.

– Боже мой, что это? – невольно воскликнул он, уставившись на останки монстра. – Что за зверь такой?

– Похоже на кошмарный сон, – согласился с ним врач. – Никогда не видел ничего подобного.

– А второй такой же? – поинтересовался капитан.

Врач расстегнул молнию на втором мешке. Там лежало тело красивого седовласого мужчины лет за пятьдесят.

– Закрой обоих, – не выдержал капитан, прикрыв руками рот. – Отчего они скончались? – спросил он, когда тот выполнил его приказ.

– Оба погибли в результате огнестрельных ранений.

Капитан Брюс поблагодарил медика и быстро направился в каюту. Спасенные им пассажиры, которые совсем недавно выглядели смертельно испуганными, подкрепившись едой, горячим кофе и небольшим количеством рома, улыбались. Остин сидел в дальнем конце каюты и разговаривал с Полом и Гэмей. Точнее сказать, Остин внимательно слушал, а супруги наперебой рассказывали ему, как попали в плен и в конце концов оказались на острове. Увидев Брюса, Остин добродушно улыбнулся.

– Рад вас видеть, капитан, – сказал он. – Ваше гостеприимство оказалось для нас весьма кстати.

– Приятно слышать, – угрюмо буркнул капитан. – Мистер Остин, я хотел бы поговорить с вами наедине.

Остин заметил суровое выражение лица капитана и сразу же догадался о причине.

– Разумеется.

Капитан повел его в небольшую каюту и жестом пригласил сесть.

– У меня к вам несколько вопросов. Речь идет о трупах, которые мы нашли в вашей лодке. Кто они такие?

– Один из них Маклин – шотландец по происхождению и химик по образованию. Ангус Маклин. Что же касается второго, то я ничего не могу вам точно сказать. Мне сказали, что это мутант, который появился в результате каких-то неудачных научных экспериментов.

– Интересно, какие именно научные эксперименты могли привести к появлению такого чудовища? Он больше похож на дьявола, чем на человека.

– К сожалению, я не знаком с подробностями этого дела.

Капитан сокрушенно покачал головой:

– Кто их застрелил?

– Они были убиты при попытке бежать с острова, где исследователей держали в плену. – Остин доложил капитану местоположение острова и замолчал.

– Тот самый запретный остров? – не поверил капитан. – Я хожу в этих водах более двадцати лет и никогда еще не был там. Что эти люди и вы там делали, ради всего святого?

– Мой коллега из агентства НАПИ Пол Траут, его жена Гэмей и пилот подводного аппарата были захвачены неизвестными и насильственно перевезены на этот остров. А мы с Завалой прибыли туда, чтобы вызволить их из плена. Правда, столкнулись с некоторыми проблемами.

– А кто же их там держал?

– Точно не знаю, но полагаю, мы выясним это, как только вернемся домой.

В этот момент в комнату вошел молодой человек в униформе и протянул капитану несколько свернутых листов бумаги.

– Только что получено, сэр.

– Спасибо, – кивнул Брюс, пробежал глазами текст и протянул его Остину.

Это была информация от Руди Ганна: «Рад, что с вами все в порядке. Когда будут подробности? Руди».

А капитан тем временем прочитал другое сообщение и удивленно вскинул бровь:

– Похоже, мистер Остин, вы большая шишка, как выражаются американцы. Центральное командование Британской береговой охраны связалось с адмиралтейством и все выяснило. Мы должны обращаться с вами предельно деликатно и предоставить в ваше распоряжение все, что пожелаете.

– Как приятно, – улыбнулся Остин. – На британском флоте все еще имеется запас грога?

– Грога у нас, к сожалению, нет, но в моей каюте есть бутылка отличного шотландского виски.

– Сойдет, – кивнул Остин.

Глава 35

Совсем другую встречу устроили сторожевому судну «Скапа», когда оно вошло в док столицы Оркнейских островов города Керкуолл. К моменту прибытия судна на причале в ряд выстроились автобус, катафалк и около двух дюжин людей, облаченных в белые костюмы химической защиты.

Остин, стоя на палубе сторожевого катера вместе с капитаном Брюсом, с удивлением наблюдал за принимающей стороной.

– Это либо команда химзащиты, либо последняя британская мода, – сказал он.

– Насколько можно судить издалека, – грустно улыбнулся капитан, – моей команде не скоро удастся сойти на берег. – Судя по всему, экипажу придется пройти карантин – вдруг обнаружится, что вы и ваши друзья привезли с собой какую-нибудь заразу?

– Сожалею, что доставили вам столько неприятностей, капитан.

– Ерунда, – отмахнулся капитан Брюс. – Ваше появление нарушило служебную рутину. К тому же, как я уже сказал, это наша святая обязанность.

Остин благодарно пожал руку Брюсу и стал спускаться по трапу вместе со своими друзьями. Как только последний из исследователей ступил на берег, им тут же предложили надеть на себя белые пластиковые костюмы, такие же головные уборы и респираторы и проводили в автобус, где попросили ни в коем случае не открывать окна. Трупы тем временем погрузили в катафалк. После непродолжительной поездки прибывших вывели из автобуса и проводили в большое здание красного кирпича, которое когда-то служило складским помещением.

Внутри здания была раскинута огромная палатка, где суетились люди в белых комбинезонах. По всей видимости, здесь расположилась лаборатория по обеззараживанию. Всех, кто побывал на острове, попросили принять душ, а одежду собрали в кучу и отправили в лабораторию. После весьма продолжительного душа всем выдали хлопчатобумажные халаты больничного типа, в результате чего люди стали напоминать пациентов психиатрической лечебницы. Прибывших тщательно обследовали несколько врачей, с ними обращались деликатно, однако довольно решительно.

После обследования Остину и его коллегам по агентству НАПИ вернули одежду, которая к этому времени была выстирана и аккуратно сложена в стопки, и препроводили в небольшое помещение, где стояли стол и несколько стульев. Навстречу входящим из-за стола поднялся мужчина в полосатом костюме.

– Энтони Мейхью, – представился он и предложил всем сесть. У него были тонкие аристократические черты лица и изысканное произношение, свидетельствовавшее о принадлежности к высшему обществу. Мейхью сказал, что является сотрудником МИ-5 – британской контрразведки.

– Оксфорд? – предположил Остин.

– Кембридж, – улыбнулся тот и приступил к делу.

– Полагаю, вы с пониманием отнеслись к навязанной вам процедуре. Приношу извинения за настойчивость наших специалистов. Надеюсь, вам не доставили неудобства. – Мейхью говорил краткими, отрывистыми фразами.

– Ни в малейшей степени, – заверил его Остин. – Тем более что мы действительно нуждались в хорошем душе.

– Пожалуйста, передайте тем людям, которые стирали нашу одежду, чтобы в следующий раз не так сильно крахмалили воротнички наших рубашек, – невинным тоном попросил Завала.

Мейхью захихикал, растянув тонкие губы:

– Непременно. Кстати сказать, организация МИ-5 хорошо знакома с работой команды специального назначения агентства НАПИ, но, как только наше начальство узнало от капитана Брюса о трупах, секретных экспериментах на острове и каких-то загадочных мутантах, они впали в состояние панического страха, как это обычно происходит с любыми государственными чиновниками. Короче говоря, они хотели убедиться, что вы не распространите на Британских островах какую-нибудь опасную заразу.

Остин скорчил недовольную гримасу:

– Не думал, что от нас так дурно пахнет.

Мейхью посмотрел на него отсутствующим взглядом, но вдруг рассмеялся:

– Американский юмор. Я должен был ожидать от вас чего-то подобного. Мне пришлось провести в Штатах несколько лет, и мое начальство было больше обеспокоено не исходящим от меня запахом, а наличием самых настоящих смертельных вирусов.

– Поверьте, мы не помышляли о том, чтобы напустить заразу на наших британских братьев, – улыбнулся Остин. – Прошу вас срочно передать своему начальству, что мы не имеем никакого отношения к биологическому оружию.

– Непременно, – снова пообещал тот и пристально посмотрел каждому в глаза. – Итак, может ли кто-нибудь из вас внятно объяснить, что с вами произошло?

Остин повернулся к Трауту.

– Лучше всего это сделает Пол.

Губы Траута растянулись в грустной улыбке.

– Позвольте мне начать с того, что этот остров совершенно не похож на медицинское учреждение.

После этого ученый довольно подробно поведал агенту обо всех перипетиях пребывания на острове, начиная с того момента, когда их субмарину «Элвин» захватили неизвестные люди с оружием в руках, и заканчивая бегством.

Когда Траут рассказывал о проводившихся на острове экспериментах по извлечению философского камня, Остин ожидал увидеть на лице сотрудника МИ-5 признаки недоверия или замешательства, но ничего подобного не произошло. Вместо этого Мейхью хлопнул рукой по колену и сказал с совершенно не характерной для британца эмоциональностью:

– Все сходится, как перчатки нужного размера! Я всегда подозревал, что за таинственной смертью ученых скрывается нечто большее.

– Боюсь, нам трудно понять, о чем вы говорите, – заметил Остин.

– Извините. Дело в том, что несколько месяцев назад моему департаменту поручили расследовать загадочные происшествия – погибли несколько ученых. Первым был сорокалетний специалист в области компьютерной техники и информационных технологий: он вышел в сад, обмотал себя оголенными электрическими проводами и воткнул вилку в розетку. При этом не было обнаружено никаких личных мотивов для самоубийства.

– Оригинальный поступок, – хмыкнул Остин.

– Да, и это было только начало. Следующим стал ученый-химик, он ехал на машине домой с вечеринки в Лондоне и почему-то упал с моста. Правда, полиция установила, что количество алкоголя в его крови несколько превышало допустимый уровень, однако его друзья в один голос утверждали, что на той вечеринке он вообще ничего не пил. То же самое говорили и родственники, по словам которых бедняга в рот не брал ничего крепче пива: его всегда тошнило от спиртного. В довершение всего следствие установило, что кто-то поставил на его машину старые шины, хотя сам он держал свой «ровер» в прекрасном состоянии.

– Вы меня заинтриговали, – признался Остин.

– О, это не все. Самое интересное впереди. Еще один ученый, тридцати пяти лет, врезался в стену на автомобиле, доверху наполненном газовыми баллонами. Власти поспешили заявить, что произошло самоубийство. Другой молодой человек был найден мертвым под мостом… Его тоже объявили самоубийцей, а доказательством послужили алкогольное опьянение и глубокая депрессия. Однако родственники утверждают, что погибший был глубоко верующим человеком, никогда не злоупотреблял алкоголем и не страдал депрессией. А вот еще один случай. Парень лет двадцати с небольшим привязал один конец нейлонового шнура к дереву, второй обмотал вокруг шеи, сел в машину и нажал на газ. Удавился.

– И сколько подобных случаев вы обнаружили во время расследования?

– Около двух дюжин. И все погибшие были учеными. Остин присвистнул:

– И какая тут может быть связь с проводившимися на острове экспериментами?

– Тогда нам казалось, что никакой. Двое из этих ученых были американцами, поэтому мы обратились за помощью в ваше посольство, а депутаты нашего парламента потребовали проведения полномасштабного расследования, после чего к делу подключили мой департамент. Правда, попросили не поднимать шум и не привлекать к этому делу слишком много сотрудников. Кроме того, мне приказали докладывать о ходе расследования непосредственно в канцелярию премьер-министра.

– Похоже, высшее начальство не испытывало большого желания раскрыть это дело, – предположил Остин.

– Да, у меня сложилось такое же впечатление, – согласился Мейхью. – Я поговорил с родственниками погибших и выяснил, что все ученые недавно работали в какой-то химической лаборатории.

– На бывших хозяев Маклина? – насторожился Траут.

– В точку. Мы долго искали Маклина, потом решили, что он либо погиб, как многие его коллеги, либо каким-то непостижимым образом связан с их смертью. А теперь стало ясно, что он оказался на этом таинственном острове, но, к сожалению, уже мертв. Значит, он все же был связан с этой загадочной лабораторией.

Траут подался вперед на стуле.

– А каков был характер этих исследований?

– По косвенным данным, работа велась в лаборатории на территории Франции, там занимались исследованием особенностей иммунной системы. Очевидно, эта лаборатория принадлежала какой-нибудь крупной транснациональной корпорации, но докопаться до хозяев очень трудно, – все было организовано через множество подставных фирм и офшоров. Нам до сих пор не удалось проследить финансовые корни этой собственности.

– А когда это наконец удастся, – закончил его мысль Остин, – вы предъявите владельцам корпорации обвинение в убийстве.

– По меньшей мере, – кивнул Мейхью. – По мнению доктора Траута, эта корпорация занималась не только устранением «опасных» ученых, но и проведением запрещенных экспериментов над людьми, что привело к появлению мутантов.

– Позвольте мне подвести некоторый итог сказанному, – предложил Остин. – Эта лаборатория нанимала ученых для реализации научного проекта, связанного с получением

так называемого философского камня, иначе говоря, эликсира молодости, основанного на добываемом со дна океана энзиме. Судя по всему, исследователи весьма преуспели в производстве вещества, которое позволяет продлить жизнь человека. Именно это открытие стало причиной их гибели. Правда, Маклину удалось сбежать, но хозяева лаборатории все-таки отыскали его и насильно вернули в новую лабораторию, где он занимался завершением работы над этим уникальным средством. Однако в ходе эксперимента произошел сбой, в результате которого на свет появились свирепые мутанты. А Пол совершенно случайно наткнулся на дне океана на их следы и был захвачен для работы в лаборатории.

– Да, все детали сходятся, как в механизме настенных часов, – заключил Мейхью. – Могу я задать вам один вопрос, мистер Остин? Почему вы сразу не передали британским властям эту важную информацию?

– Могу ответить на ваш вопрос своим собственным. Вы поверили бы мне, если бы я ввалился в ваш офис и рассказал жуткую историю про красноглазых демонов?

– Вряд ли, – откровенно признался тот.

– Благодарю за честный ответ. Вы же прекрасно знаете, как проходит информация по официальным каналам: требуются определенное время и тщательная проверка. Конечно, мы понимали, что любое промедление может иметь фатальные последствия. А Пол Траут не просто мой коллега, но еще и давний друг.

– Я вас прекрасно понимаю, – смутился Мейхью. – Я же сказал, что хорошо осведомлен о работе отряда специального назначения вашего агентства и с самого начала понимал, что здесь нечто большее, чем обычная рутинная операция. А этот вопрос я был обязан задать.

– Ваше правительство намерено расследовать события на острове? – вмешалась в разговор Гэмей.

– Да, военно-морское судно уже в пути, – ответил Мейхью. – На борту находится большой отряд морских пехотинцев Королевского ВМФ, они должны высадиться на острове и навести там порядок. Помимо всего прочего, они должны отыскать там упомянутую вами субмарину, опечатать помещения, включая лабораторию, разоружить охранников и нейтрализовать оставшихся в живых мутантов.

– Если исходить из того, что я видел собственными глазами, – заметил Траут, – разоружать там уже практически некого. Почти все охранники были истерзаны мутантами.

После этих слов в комнате воцарилась мертвая тишина. Первым ее нарушил Мейхью:

– Доктор Траут, вы имеете наибольший опыт общения с мутантами. Что вы можете рассказать нам о них?

– Это совершенно дикие существа, чрезвычайно сильные, агрессивные и к тому же каннибалы. Они могут общаться между собой, а если судить по тому, как они захватили остров, где снималось телешоу «Изгои», можно с уверенностью сказать, что они способны планировать свои действия. – Он сделал паузу, вспоминая свои встречи с мутантами в «зоопарке». – Не думаю, что в них уничтожены абсолютно все человеческие качества.

Мейхью загадочно улыбнулся:

– Поразительно. Откровенно говоря, тема исчерпана, но, если вы не против, я хотел бы пообщаться с вами еще несколько минут. У меня есть нечто такое, что я хотел бы показать вам.

Мейхью попросил всех выйти из комнаты, потом долго вел их по длинным коридорам, пока наконец они не вошли в холодное помещение, отдаленно напоминающее медицинскую лабораторию. Посреди комнаты стоял большой металлический стол, ярко освещенный лампами, а на нем лежало тело, накрытое белой полиэтиленовой пленкой. Рядом со столом стоял мужчина средних лет в белом медицинском халате.

Мейхью сделал знак рукой, и врач снял покрывало, открыв перекошенное и покрытое кровавыми пятнами лицо того самого мутанта, который был застрелен на причале. Правда, с закрытыми глазами монстр не казался таким ужасным, как прежде. Только сейчас они

сообразили, что мертвое лицо было перекошено не от злобы, а скорее от боли.

– Неплохо выглядит, – прокомментировал Мейхью, глядя на труп. – Во всяком случае, для француза.

– Следует ли это понимать как ваше пристрастное отношение к англичанам, или вы знаете наверняка, что он был французом? – прищурился Остин.

Мейхью улыбнулся и, сунув руку в карман, вынул оттуда тонкую металлическую пластинку с прикрепленной к ней цепочкой. Задумчиво посмотрев на жетон, он протянул его Остину.

– Это было на шее джентльмена. Правда, жетон поистерся от времени, но разобрать текст можно.

Остин повернул пластинку к свету и вслух прочитал: «Капитан Пьер Леван, армия Французской Республики, род. 1885 г.».

– Этот парень, похоже, украл какую-то собачью бирку.

– Я тоже так подумал сначала, – признался Мейхью. – Но проблема в том, что этот медальон действительно принадлежит этому человеку.

Остин недоверчиво посмотрел на лежавший перед ним труп, а потом перевел взгляд на англичанина. Тот никак не напоминал человека, который решил пошутить.

– Хотите сказать, что этому мутанту более ста лет? – спросил Остин внезапно охрипшим от волнения голосом.

– Если быть точным, то ему сейчас около ста двадцати.

– Не может быть, – запротестовал Остин. – И вообще, почему вы так уверены, что это тот самый человек, имя которого обозначено на этой табличке? Миллионы людей до сих пор считаются без вести пропавшими в годы Первой мировой войны!

– Совершенно верно, но армейское командование проделало огромную работу, чтобы сохранить списки погибших и не допустить хаоса в этом деле. Очень часто погибших идентифицировали с помощью сослуживцев, друзей и офицеров. После каждого сражения погибших осматривали специальные подразделения, потом составлялись списки захороненных, и при этом обязательно присутствовал армейский капеллан. Кроме того, существуют карты захоронений. Все сведения о погибших тщательно проверялись медицинскими работниками, соответствующими службами, кладбищенскими чиновниками и так далее и тому подобное. В последнее время вся эта информация была внесена в компьютерную базу данных. Так вот, мы самым тщательным образом проверили и установили, что во французской армии действительно служил капитан Пьер Леван и что он без вести пропал после одного из сражений.

– Да, но на фронтах пропадало много других офицеров.

– Ох уж этот американский скептицизм, – ухмыльнулся Мейхью и, порывшись в кармане, вынул большие карманные часы и протянул их Остину. – Мы обнаружили это в его кармане. Этот монстр когда-то был довольно симпатичным мужчиной.

Остин внимательно осмотрел часы, а потом прочитал выгравированную на обратной стороне футляра надпись:

– «A Pierre, de Claudette, avec amour».[19] – Он щелчком открыл крышку часов и на обратной стороне увидел миниатюрную фотографию молодого парня и красивой женщины.

Через некоторое время он показал часы другим членам агентства НАПИ.

– Ну, что скажете?

Гэмей внимательно осмотрела часы, потом медальон.

– Первое, что я узнала, занимаясь подводной археологией, это то, что с самого начала необходимо точно установить источник происхождения того или иного артефакта. К примеру, монета эпохи Древнего Рима, найденная на кукурузном поле штата Коннектикут, может означать, что ее потерял там какой-то древний римлянин, но это вряд ли будет

---

[19] «Пьеру от Клодетт, с любовью» *(фр.).*

соответствовать действительности. Скорее всего ее посеял там какой-нибудь коллекционер колониальной эпохи…

Мейхью тяжело вздохнул.

– Возможно, доктору Блеру удастся убедить вас.

– Я тоже не очень-то верю в эту версию, – неожиданно заявил патологоанатом в белом халате. – Мы провели вскрытие этого существа и обнаружили, что клетки тканей его внутренних органов вполне сравнимы с клетками двадцатилетнего парня, однако структура мозга и соединения черепной коробки свидетельствуют о том, что этому человеку было… – он прокашлялся, – э-э-э… более ста лет.

– Значит, работа над созданием эликсира молодости началась намного раньше, чем мы предположили, – сделал вывод Остин.

– Невероятно, но вполне допустимо, – поддержал его Мейхью. – Помнится, в годы Первой мировой войны усиленно распространялись слухи о попытках создания берсеркера[20] – супервоина, который мог врываться в траншеи противника, несмотря на ураганный огонь.

– Вы полагаете, это имеет какое-то отношение к экспериментам по продлению жизни?

– Пока не знаю, – признался Мейхью, прикрывая тело мутанта.

– Бедняга, – пробормотал Завала, разглядывая счастливые лица молодой пары на снимке. – Как много он потерял за эти сто лет.

– Сейчас на поверхности только верхняя часть этого айсберга, – продолжал Мейхью. – Кто знает, сколько людей погибло в ходе ужасного эксперимента и кто еще пострадал, чтобы сохранить все в тайне.

– А я не виню исследователей за то, что они не афишировали свои неудачи в этой области, как, например, этого мутанта, – задумчиво сказала Гэмей.

– Дело не только в этом, – возразил Мейхью. – Представьте себе, что эксперимент прошел успешно и кто-то получил чудодейственный эликсир молодости. И что произошло бы с нашим миром, если бы одни люди стали жить значительно дольше, чем простые смертные?

– Мир утратил бы свое естественное равновесие, – согласилась Гэмей.

– Вот именно, – воодушевился Мейхью. – Но я самый обыкновенный сыщик… Я просто передам эту информацию аналитикам и начальству, а они пусть ломают голову, что делать. Как долго вы намереваетесь оставаться в Соединенном Королевстве? – спросил он Остина официально.

– Думаю, что недолго, – коротко ответил тот. – Мы обсудим наши планы, а потом известим вас о принятом решении.

– Буду премного благодарен. – Мейхью вынул из кармана визитную карточку и вручил ее Остину. – Пожалуйста, звоните в любое время дня или ночи. А пока обязан попросить вас держать язык за зубами. Все произошедшее должно остаться между нами.

– От меня информация поступит только Дирку Питту и Руди Ганну, – предупредил Остин. – Полагаю, что Океанографический институт имеет право знать о судьбе своего подводного аппарата.

– Согласен. А я обещаю держать вас в курсе дела относительно того, что обнаружат на этом острове наши морские пехотинцы. Не исключено, что мы найдем там еще какие-нибудь интересные факты. Я имею в виду убийства, похищения, захват заложников, использование рабского труда ученых и так далее. – Он хмыкнул и развел руками. – Бессмертие всегда является потенциальным мотивом для совершения преступлений. Готов держать пари, что многие из присутствующих здесь с удовольствием променяли бы свою единственную жизнь на весьма впечатляющий шанс обрести вечность.

– Не все, – горько усмехнулся Остин.

– Что вы хотите сказать? – удивился Мейхью. – Неужели есть люди, которые не

[20] В древнескандинавской мифологии – неустрашимый герой, витязь, отважный воин.

согласились бы жить вечно?

Остин показал на лежащее под покрывалом тело мутанта:

– А вы спросите этого старого солдата.

Глава 36

– Мне очень не хотелось бы охлаждать пыл горячих сердец, – шутливо заметила Гэмей, – но за всеми этими разговорами про красноглазых монстров и философский камень мы совершенно забыли о своих незаконченных делах. А между тем они требуют внимания.

После встречи с Мейхью все направились в отель, чтобы общими усилиями выработать хоть какую-то стратегию поведения. Сэнди хотела бросить все и уехать домой. Мейхью не стал отговаривать ее и отправил на самолете в Лондон, где она могла без труда сесть на первый же рейс в США. Остальные ученые еще ничего не решили.

– Вы правы, – Завала поднял полный бокал, – я все еще далек от исполнения своего давнего желания выпить всю текилу, которая существует в мире.

– Похвальная цель, Джо, – ехидно улыбнулась Гэмей, – но лично я больше заинтересована в спасении мира, а не в поставках текилы. Можно, я сформулирую стоящую перед нами проблему одним словом? Это горгона.

– Да, помню, – кивнул Остин. – Я не хотел вмешиваться в ваши исследования, но, коль скоро ты сама затронула этот вопрос, скажи, пожалуйста, как обстоят дела?

– Ничего хорошего, – тихо отозвалась Гэмей. – Я разговаривала с доктором Осборном, и он сказал, что распространение этой водоросли идет гораздо более быстрыми темпами, чем предполагалось ранее.

– Все работы на дне океана сейчас прекратились, – произнес Остин. – Может ли это хоть как-то замедлить распространение горгоны?

Гэмей вздохнула:

– Хотелось бы надеяться. Но мутировавшие гены этого растения обнаружили способность к самовоспроизведению, стало быть, они будут распространяться и дальше. Сначала мы увидим, как они захватят отдельные заливы на восточном побережье США, потом доберутся до Европы, а в конце концов поглотят все побережье Тихого океана. После этого горгона начнет распространяться по всему бассейну Мирового океана.

– Сколько времени у нас осталось?

– Не знаю, – откровенно призналась Гэмей. – Океанские течения быстро разносят эту заразу.

Остин живо представил себе любимый океан, превратившийся в затянутое тиной соленое болото.

– В этом есть какая-то ирония, не так ли? – грустно улыбнулся он. – Фошары отчаянно хотели продлить себе жизнь, а в результате создали мир, который им вряд ли понравится. – Он посмотрел на сидевших вокруг стола друзей. – Есть какие-нибудь мысли относительно того, как остановить эту напасть?

– Главным средством, с помощью которого можно остановить распространение горгоны, может быть добываемый в районе Затерянного города энзим, – высказалась Гэмей после долгих раздумий. – Если мы вычислим его молекулярную структуру, то, вполне вероятно, сможем найти способ обращения процесса вспять.

– Все еще ноющие на моем теле синяки и ссадины подсказывают, что семейство Фошаров так легко не расстанется со своими секретами, – возразил Остин.

– Именно поэтому мы с Гэмей должны как можно скорее вернуться в Вашингтон и организовать в НАПИ конференцию с участием доктора Осборна, – вмешался Траут. – Мы могли бы вылететь отсюда первым же рейсом завтра утром.

– Валяйте, – кивнул Остин и еще раз обвел глазами уставшие лица. – Но прежде всем нам необходимо хорошенько выспаться.

Пожелав друзьям спокойной ночи, Остин спустился в вестибюль отеля, нашел

компьютерный зал и отправил Руди Ганну электронной почтой короткое сообщение о событиях на острове, а в конце пообещал, что непременно позвонит рано утром и расскажет подробности. И все это время он устало потирал глаза, чувствуя, что силы его уже на исходе.

Вернувшись в номер, он увидел, что кто-то звонил ему на мобильный. Оказалось, что это был Дарнье – антиквар отыскал его через главный офис агентства НАПИ.

– Слава Богу, что я нашел вас, месье Остин, – послышался в трубке взволнованный голос Дарнье. – Вы слышали что-нибудь о Скай?

– Нет, в последнее время мы с ней не связывались, – насторожился Остин. – Я был в море. А что случилось? Я думал, она с вами.

– Нет, она уехала от меня в тот же день, когда и приехала. На шлеме мы обнаружили какое-то химическое вещество, и она поехала в Париж, чтобы проконсультироваться со специалистами в Сорбонне. Я посадил ее в поезд, и мы договорились, что она мне позвонит вечером. Не дождавшись от нее звонка, я сам позвонил в университет на следующий день, но там сказали, что Скай не появлялась.

– Может быть, приболела?

– Хотелось бы в это верить. Я позвонил ей домой, но и там никто не отвечает. Потом я поговорил с хозяйкой дома и выяснил, что мадемуазель Скай не вернулась домой после поездки ко мне в Прованс!

– Думаю, нужно позвонить в полицию, – посоветовал Остин без колебаний.

– В полицию? – ужаснулся тот.

– Да. Я знаю, что вы всячески избегаете любых контактов с представителями власти, – твердо сказал Остин, – но сейчас вы должны это сделать хотя бы ради Скай. Если хотите, позвоните анонимно из какого-нибудь уличного автомата, но вы все равно обязаны это сделать. Нужно заявить о ее исчезновении. Вполне вероятно, что от этого может зависеть ее жизнь.

– Да-да, разумеется. И я непременно перезвоню им. Ведь она мне как дочь. Я предупредил, чтобы девочка была осторожной, но вы ведь знаете, как ведут себя молодые люди…

– Я сейчас в Шотландии, но завтра вылечу во Францию и сразу позвоню вам, как только доберусь до Парижа. – Остин отключился и какое-то время тупо смотрел в пространство, пытаясь собраться с мыслями. Но понять, почему пропала Скай, не мог. Его грустные размышления были неожиданно прерваны еще одним телефонным звонком. На сей раз позвонил менеджер ледниковой электростанции.

– Это Лессар. Слава Богу, а я уже отчаялся дозвониться до вас, – обрадовался управляющий электростанцией.

– Сожалею, я был в командировке, – угрюмо буркнул Остин. – Как там дела на леднике?

– Да с ледником, как всегда, все в полном порядке, – торопливо сказал Лессар. – А вот со всем остальным творится что-то странное.

– Что вы имеете в виду?

– Несколько дней назад на озере появилась лодка с какими-то водолазами. Поначалу мне показалось, что это сотрудники агентства НАПИ решили все-таки закончить свои исследования, но потом я вспомнил, что у вашего катера был совсем другой цвет.

– Да, наши исследования на Спящем озере завершены, – подтвердил Остин. – Насколько мне известно, в этом районе не должно быть никаких судов нашего агентства. Что еще?

– Невероятная вещь. Недавно затопленный тоннель под ледником стал высыхать.

– Так вы же сами говорили, что это в принципе невозможно!

– Нет, вы неправильно меня поняли. Я сказал, что это невозможно сделать быстро, чтобы спасти оказавшихся в западне людей. Обычно уходит несколько дней, чтобы отвести воду по другому каналу, а потом выкачать оставшуюся. Но сейчас помещение лаборатории практически сухое.

– Может быть, это результат усилий электротехнической компании?

– Мое начальство довольно прозрачно намекнуло, что такое решение было принято под давлением каких-то чрезвычайно влиятельных сил, а финансирование всех работ взял на себя некий частный научный фонд.

– И доктор Леблан вовлечен в это дело?

– Сначала я сам подумал, что без него не обошлось, – «Фифи» снова появилась перед входом в электростанцию, но потом оказалось, что это не так. А однажды к нам пришел один из тех ныряльщиков, показал мне разрешение на производство исследований, а потом его люди оккупировали практически всю электростанцию вместе с пультом управления. Знаете, мистер Остин, это какие-то странные угрюмые типы, они следят за каждым моим шагом. Я боюсь за свою жизнь. Даже сейчас я разговариваю с вами в условиях огромного риска. Мне строго-настрого приказали не общаться с посторонними и не звонить по телефону.

– А вы сообщили о своих подозрениях своему непосредственному начальнику?

– Да, но он подтвердил, что я должен оказывать им всемерную помощь и содействие. А потом намекнул, что данное решение выходит за рамки его компетенции. Я просто не знаю, что делать и к кому обратиться за советом. Вот и позвонил вам…

– Вы можете выйти из здания электростанции?

– Думаю, это будет непросто. Они отправили по домам всех моих помощников, так что сейчас вся работа исключительно на мне. Я попытаюсь остановить турбины. Может, хоть тогда в главной конторе обратят внимание на сложившуюся здесь обстановку.

– Делайте, как считаете нужным, только не рискуйте жизнью.

– Я буду крайне осторожен.

– А как зовут того человека, который пришел к вам?

– Фошар. Эмиль Фошар. Он напоминает мне какую-то ядовитую змею.

Эмиль Фошар.

– Ведите себя так, будто ничего страшного не случилось, – проинструктировал его Остин. – Завтра же я прилечу к вам.

– Merci beaucoup,[21] мистер Остин. Думаю, будет не очень умно с вашей стороны появляться у входной двери на виду у всех. Как я могу узнать, когда вы прибудете?

– Я дам вам знать.

Отключившись, Остин задумался над столь неожиданным поворотом событий. Потом снял трубку внутренней связи и сообщил Джо Завале и Траутам, что их планы претерпели серьезное изменение. Когда все трое вбежали в его номер, Остин вкратце пересказал им содержание двух последних телефонных разговоров.

– Думаешь, это Фошары похитили Скай? – спросил Завала.

– Вполне логичное предположение, учитывая их настойчивый интерес к шлему.

– Но если этот шлем уже у них, зачем им понадобилась Скай? – резонно заметила Гэмей.

– Догадайтесь сами.

Гэмей насупилась и тут же просияла-.

– А, знаю. Они решили использовать ее в качестве наживки, чтобы завлечь вас в ловушку!

Остин медленно кивнул.

– Мой первый импульс был, чтобы немедленно отправиться в шато Фошаров, – признался он. – Но потом я подумал, что именно этого от меня и ожидают. И тогда я решил, что нужно изменить план и вместо замка навестить Эмиля. Кроме того, я тоже волнуюсь за Лессара. Полагаю, он действительно оказался в серьезной опасности. Что же касается Скай, ее не тронут, пока в наших руках будет Эмиль.

– Что мы должны делать? – с готовностью спросил Пол.

---

[21] Большое спасибо *(фр.)*.

– Проверить систему безопасности вокруг замка. Вы должны посмотреть, есть ли возможность проникнуть в шато незамеченным. Только будьте предельно осторожны: мадам Фошар гораздо опаснее, чем ее полоумный сынок. Он просто садист и психопат, а она и умна, и коварна.

– Какая прелесть, – улыбнулась Гэмей. – Просто сгораю от нетерпения поскорее встретиться с ней.

Они еще раз пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по номерам. А Остин тем временем позвонил по тому номеру, который был указан на визитке Мейхью, кратко сообщил о своем намерении как можно скорее вылететь из Шотландии и попросил помощи. Мейхью ответил, что завтра утром он вылетает спецрейсом в Лондон и будет рад видеть на борту самолета Остина и всех его друзей. А оттуда они смогут на рейсовом самолете попасть в Париж.

Остин поблагодарил Мейхью и пообещал, что непременно вернет должок в один прекрасный день. Договорившись обо всем, он решил хоть немного вздремнуть, лег на кровать и закрыл глаза. Тревожные мысли не давали ему покоя, но усилием воли он все же отбросил их и попытался сосредоточиться на главном – как спасти Скай. Вскоре его сморил беспокойный сон.

Глава 37

Самолет, вылетающий спецрейсом, поднялся в воздух рано на рассвете. Но направился не в лондонский аэропорт Хитроу, а прямо в Париж. Еще до взлета Остин уговорил Мейхью изменить курс. Он не стал вдаваться в подробности, так как времени было очень мало, но заметил, что речь идет о жизни и смерти.

Мейхью задал только один вопрос:

– Это имеет какое-либо отношение к теме нашего предыдущего разговора?

– Это может иметь отношение к чему угодно.

– Значит, я могу ожидать от вас достоверной информации о ходе расследования?

– Да, я предоставлю информацию в том же объеме, в котором обычно отсылаю в агентство НАПИ, – пообещал Остин.

Мейхью улыбнулся, а потом решительно взмахнул рукой, давая согласие на изменение курса. Через несколько часов американцы уже были в международном аэропорту Шарля де Голля. Супружеская чета Траут сразу же отправилась в замок Фошаров, а Остин и Завала успели на чартерный рейс самолета, который отправлялся в небольшую альпийскую деревню, расположенную неподалеку от ледника.

Завала позвонил своей подруге Дениз, которая находилась в парламенте, и та быстро организовала им небольшую, но достаточно мощную моторную лодку, которая должна была ждать их на берегу Спящего озера. Правда, при этом Джо пришлось поклясться, что он ее не забыл и скоро они встретятся в Париже.

На быстроходной лодке, длина которой составляла не менее восемнадцати футов, друзья поднялись вверх по реке и ближе к вечеру уже достигли Спящего озера. Остин менее всего хотел афишировать свое прибытие, поэтому они медленно обогнули озеро по периметру, аккуратно обходя небольшие, но весьма опасные айсберги, верхушки которых поднимались над зеркальной поверхностью воды. Двигатель лодки работал очень тихо, но Остину в тот момент казалось, что шум от него разносится по всем окрестностям.

Остин вырулил к небольшому одномоторному гидросамолету, который бросил якорь в нескольких метрах от берега. Подойдя поближе, он схватился обеими руками за крыло и забрался в кабину пилота. Это был гидросамолет марки «Хэвиленд Оттер», где могли разместиться девять человек. Три первые сиденья были завалены водолазным снаряжением, что подтверждало информацию Лессара, – самолет использовался в качестве платформы для погружения под воду. После тщательного осмотра Остин вернулся в лодку и внимательно осмотрел берег озера. В сгущающихся сумерках пляж казался совершенно безлюдным. Он

направил лодку к выступающей из воды скале, спрятал ее там, а сам вместе с Завалой стал быстро подниматься по тропинке, ведущей к зданию электростанции.

Они шли налегке, захватив с собой лишь немного воды, фонари, пистолеты и значительный запас патронов. Но даже при быстрой ходьбе до электростанции добрались, когда над ледником повисла ночная тьма. Дверь в здание станции была открыта. Внутри было тихо, за исключением глухого жужжания турбин.

Остин первым вошел в здание и остановился, прислушиваясь к каждому звуку. Внезапно его голубые глаза сузились.

– Что-то здесь не так, – тихо сказал он другу. – Турбина работает.

– Ничего удивительного, – возразил Завала. – Это ведь электростанция.

– Да, но Лессар пообещал мне по телефону, что постарается отключить турбины. Падение напряжения в сети должно было, по его мнению, вызвать тревогу в главном офисе, после чего сюда должны были выслать специальную группу для расследования причин остановки генераторов…

– Может быть, этот Лессар просто передумал, – предположил Завала.

Остин покачал головой:

– Вряд ли.

Обследовав офис и жилые помещения, Остин и Завала направились к пульту управления. Остин вынул пистолет и снял с предохранителя, посоветовав другу сделать то же самое. Мужчины осторожно вошли в просторное помещение и огляделись. В дальнем конце они увидели Лессара, тот сидел за пультом управления, опустив голову на руку. На первый взгляд им показалось, что француз просто вздремнул на рабочем месте, но присмотревшись, они увидели на его спине красное пятно. Правая рука Лессара была вытянута вперед и замерла в нескольких дюймах от черной ручки – тумблера, с помощью которого можно было отключить турбины. Подойдя поближе, они увидели, что почти весь пульт управления залит кровью несчастного менеджера.

На посеревшем лице Остина стали проявляться признаки с трудом сдерживаемого гнева. Он молча поклялся, что виновник поплатится за убийство доброжелательного и веселого француза, с помощью которого удалось вытащить из затопленного тоннеля и Скай, и всех остальных специалистов.

Остин прикоснулся пальцами к шее Лессара и убедился, что тело уже остыло. По всей вероятности, инженер был убит вскоре после телефонного звонка Остину. Немного утешало лишь то, что он все равно не успел бы спасти беднягу. Все произошло слишком быстро. Он подошел к пульту управления и сел за компьютер. Монитор показывал сложную систему тоннелей. Остин понял, что Лессар проделал грандиозную работу, чтобы отвести воду из ледника по отводным каналам и осушить помещение лаборатории и прилегающих тоннелей.

– Все тоннели окрашены в разные цвета, – пояснил он Завале. – Вот эти синие мерцающие линии обозначают затопленные водой тоннели, а красные – свободные от воды. – Он навел курсор на красную линию и щелкнул мышью. – А это тот самый тоннель, который мы использовали для спасения людей.

Завала склонился над монитором и провел пальцем по изогнутому контуру тоннеля, который начинался у помещения лаборатории и вел непосредственно к зданию электростанции.

– Настоящий лабиринт. Нам придется постоянно лавировать по этим поворотам.

– А ты представь себе, что это самый обыкновенный кросс по пересеченной местности, – пошутил Остин. – Мы должны выйти в том самом месте, где наш друг Себастьян взорвал металлическую перегородку. Оттуда недалеко до помещения лаборатории. А теперь самая плохая новость: судя по всему, нам придется преодолеть водную преграду протяженностью не менее пятнадцати миль. Иначе говоря, придется плыть по затопленному участку этого тоннеля.

– Думаю, на это уйдет уйма времени. А если мы заблудимся в лабиринте, то можем потратить несколько дней.

– Не обязательно, – покачал головой Остин, вспомнив слова Лессара, сказанные тем в адрес доктора Леблана.

Он встал из-за пульта управления, отключил монитор, бросил последний взгляд на бездыханное тело Лессара и вышел из комнаты, показав жестом, чтобы Завала следовал за ним. Через несколько минут они были на смотровой площадке, где некоторое время назад Лессар демонстрировал Остину всю мощь стекающей с ледника воды. Бурный поток, который тогда напомнил Остину неукротимую реку Колорадо, сейчас был похож на мелкий ручеек глубиной не более фута и шириной несколько ярдов.

С удовольствием отметив про себя, что нужный им тоннель сухой, Остин вернулся в вестибюль электростанции, а потом друзья быстро вышли из здания и направились в обшитый металлическими щитами гараж, расположенный в двухстах ярдах от главного входа. Дверь гаража была открыта, внутри стояли два автомобиля. Один – тот самый грузовик, который привез Остина к зданию электростанции ёо время его первого визита, а второй – «Ситроен-2С», любимая игрушка доктора Леблана.

Остин снял с машины полиэтиленовую пленку и повернулся к Завале:

– Знакомься, это «Фифи».

– «Фифи»? – эхом повторил тот.

– Да, любимая подруга одного из специалистов по ледникам. Он души в ней не чает.

– Я видел немало красивых женщин, – ухмыльнулся Завала, – но всегда считал, что самое главное не внешняя красота, а внутренняя, что, собственно, и делает человека личностью. Только это следует брать в расчет.

С толстым задом и слегка опущенным передком, маленький «Ситроен-2С» был одним из самых оригинальных автомобилей своего времени. Разработчик этой машины как-то сказал, что он хотел получить «четыре колеса под зонтиком», то есть автомобиль, на котором можно было бы проехать по грязному полю и не разбить при этом сложенные в корзину, яйца. «Фифи» действительно немало повидала на своем веку. Изрядно поношенные шины исколесили много миль по бездорожью, а некогда красная краска выгорела почти до розового цвета и была в царапинах от гравия и песка. И тем не менее эта машина все еще производила впечатление видавшей виды женщины, которая никогда не отличалась особой красотой, но знала толк в жизни.

Ключ торчал в замке зажигания. Американцы сели в машину, и она мгновенно завелась. Остин вырулил из гаража и поехал по покрытой гравием дороге вдоль подножия горы, пока они не уперлись в двойную металлическую дверь. Остин сверился с картой и выяснил, что сейчас они находятся у того места, которое на карте было обозначено как Porte de Sillon.[22] Он не был уверен в правильности перевода этого словосочетания, но, по всей видимости, оно имело отношение к работе огромных бурильных машин, с помощью которых строители прорубили ход в чрево гигантской горы.

Створки двери были сделаны из толстой сверхпрочной стали, но так хорошо подвешены и сбалансированы на петлях, что Остин и Завала легко открыли их. Остин осторожно въехал в тоннель на «Фифи». В условиях закрытого пространства ее моторчик стал звучать, как гром среди ясного неба, гулко отражаясь от каменных стен и потолка. Тоннель шел прямо, все глубже в недра горы, проходил мимо машинного отделения, где натужно гудели мощные турбины, и выводил непосредственно к главной системе. Если бы не подробная карта, они легко бы запутались в лабиринте. При этом Завала безропотно выполнял обязанности штурмана, хотя Остин и без его указаний быстро двигался по тоннелю, безошибочно выбирая тот или иной поворот. Минут через пятнадцать после начала путешествия Завала подсказал Остину, что на следующей развилке нужно повернуть налево.

– Мы почти в том месте, где на карте обозначена лаборатория, – сказал он, облегченно вздохнув.

---

[22] «Дверь с бороздой» *(фр).*

– И сколько до нее?

– Примерно полмили.

– Думаю, нам нужно оставить «Фифи» здесь, дальше пойдем пешком.

Как и все прочие тоннели, этот проход был слабо освещен редкими тусклыми лампочками, прикрепленными к потолку. Многие из них давно перегорели. Поэтому друзьям пришлось продвигаться с предельной осторожностью, пристально вглядываясь в мрачное пространство тоннеля. Выкрашенные в оранжевый цвет стены отбрасывали на их лица загадочные отблески, а холод медленно, но верно проникал сквозь легкие куртки, которые они нашли в жилом помещении для обслуживающего персонала.

– Когда я поступил на работу в агентство НАПИ, – ворчал Завала, – мне обещали, что я увижу интересные места, но мне никогда еще не приходилось бродить по таким мрачным норам.

– Можешь считать, что ты посетил уникальное подземное сооружение, являющееся шедевром инженерной мысли, – подбодрил его Остин.

Через несколько минут ходьбы по этому шедевру инженерной мысли они наконец добрались до каменной лестницы, которая поднималась вверх до какой-то узкой площадки, внешняя сторона которой была закрыта пластиком и стеклом. Остин вспомнил слова Лессара о том, что под ледником повсюду разбросаны небольшие будки с пультами управления. Они продолжали продвигаться вперед, когда острый слух Остина неожиданно уловил странный звук, который резко выделялся на фоне падающих капель и журчания воды под ногами.

– Что это? – спросил он, остановившись и приложив руку к уху.

Завала тоже остановился и прислушался.

– Похоже на звук приближающегося локомотива.

Остин покачал головой.

– Нет, это не призрак мчащегося поезда, – сказал он и вдруг резко повернулся. – Бежим!

Завала оторопело смотрел куда-то вдаль, еще не понимая, в чем дело. И только громкий призыв друга вывел его из ступора. Он тоже повернулся и бросился вслед за Остином, как опытный спортсмен, рванувший с низкого старта. Они неслись сломя голову, не обращая никакого внимания на хлюпавшую под ногами воду и промокшую верхнюю одежду.

Через несколько минут шум заметно усилился и вскоре превратился в оглушающий грохот. Остин резко повернул в другой тоннель, Завала хотел было последовать за ним, но упал, поскользнувшись на мокром полу. Остин вернулся и, схватив его за руку, потащил за собой. Земля, казалось, дрожала под ногами, грохот стал просто невыносимым. В этот момент острый глаз Остина заметил высокую металлическую лестницу, которая поднималась до вырубленной в стене площадки. Не долго думая, он схватился за поручни и стал быстро взбираться вверх, как заправский акробат. Завала попытался проделать то же самое, но боль в колене мешала ему. Остин спустился вниз и протянул руку, вытаскивая Завалу на площадку.

К счастью, оба успели укрыться на пункте наблюдения и плотно закрыть за собой толстую водонепроницаемую дверь – даже, скорее, люк. В следующее мгновение огромная синяя волна обрушилась в тоннель, поднялась до уровня пункта наблюдения и захлюпала по водонепроницаемым окнам. Будка покачнулась от мощного удара, но выдержала напор и устояла на выступе скалы, хотя Остин и Завала были напуганы: в какой-то момент обоим показалось, что строение не выдержит натиска и будет смыто в тоннель.

Через несколько минут напор воды уменьшился, но ее уровень все еще доходил до пола. Остин подошел к контрольной панели управления и посмотрел на диаграмму. Он никак не мог понять, почему не выдержала запорная металлическая перегородка, которая должна была преграждать путь потоку воды от ледника. Если произошла авария, то им не поздоровится. Придется сидеть здесь, дожидаясь, пока растает весь ледник.

К счастью, на компьютерной схеме линия отвода воды была окрашена в красный цвет. Значит, поток прорвался из какого-то потайного кармана и должен был через некоторое

время иссякнуть.

Но если его предположение было верно, то подземная емкость должна быть чрезвычайно большой. Уровень воды заметно снизился минут через пять, которые, как показалось друзьям, длились целых пять лет. А еще через пять минут они смогли покинуть спасительную будку, не опасаясь того, что их смоет.

Завала долго смотрел на все еще шумный поток внизу.

– Мне казалось, ты обещал мне комнату смеха, – громко закричал он другу, пытаясь перебороть грохот воды. – Но я что-то не вижу здесь ни комнаты, ни смеха.

– Я обещал тебе не только комнату смеха, но и водные аттракционы!

Через десять минут вода упала настолько, что они могли спуститься в тоннель. Остин спустился первым и немного подождал, раздумывая над тем, возможен ли еще один такой прорыв воды. Однако выбора у них не было, и, отбросив дурные мысли, оба быстро пошли вперед, петляя по извилистым коридорам. В одном месте воды было столько, что им пришлось преодолевать препятствие чуть ли не вплавь. Остин снова посмотрел на карту. Судя по всему, до лаборатории осталось несколько минут ходьбы. Наконец они добрели до огромной металлической двери, каких было немало в этом тоннеле. Но эта отличалась от всех остальных – металл был разорван на части и свисал с петель, как кожура на апельсине.

Завала подошел к двери и провел рукой по рваному краю.

– Это, должно быть, та самая дверь, которую взорвал кто-то из боевиков Фошара.

Остин снова раскрыл карту.

– Мы здесь, – ткнул он пальцем. – Если пройдем через эту дверь и свернем направо, через полмили будем в лаборатории. Думаю, нужно вести себя как мож-344 но тише и быть начеку.

– Я постараюсь, крепко сожму зубы, чтобы не стучали, – пошутил Завала, – хотя сделать это будет очень трудно.

Легкомысленная болтовня была обманчивой. Оба прекрасно сознавали – опасность может подстерегать за каждым поворотом. Именно поэтому они еще раз проверили оружие и стали продвигаться вперед с предельной осторожностью. Как только вошли в главный тоннель, Остин коротко обрисовал другу внутреннее помещение лаборатории, не исключая того ледяного щита, в который вмерзло тело Жюля Фошара.

Уже на подходе к лаборатории Завала снова стал припадать на одну ногу. Сказывался сильный ушиб колена. Он попросил Остина идти вперед и пообещал, что догонит его через пару минут. Остин хотел было проверить лабораторные трейлеры, но в окнах было темно, и он решил, что Эмиль со своими бандитами поджидает их в помещении лаборатории. И только через минуту понял, что ошибся. Не успел он открыть дверь лаборатории, как сзади послышался чей-то голос, потребовавший по-французски поднять руки вверх. Остин подчинился и медленно повернулся.

В слабом свете лампы он различил грузную фигуру Себастьяна, который стоял, нацелив на него пистолет.

– Привет, – сказал Себастьян подчеркнуто деликатно. – Господин Эмиль уже ждет вас.

Глава 38

Для Траутов, которые большую часть дня провели на колесах, небольшое придорожное бистро было как источник свежей воды в знойной пустыне. Они оставили машину на стоянке и поспешили внутрь, где заняли уютный столик возле окна, с чудесным видом на цветочную клумбу. Их вели голод и жажда, но им еще и крупно повезло: готовили в этом заведении превосходно, а молодой владелец оказался настолько словоохотливым, что мог заменить собой информационный справочник Торговой палаты.

Услышав, что Пол и Гэмей говорят по-английски, он тут же подошел к ним и представился. Его звали Бертран, или просто Берт. Несколько лет он проработал шеф-поваром в одном из ресторанов Нью-Йорка, а потом вернулся во Францию и открыл

свое небольшое заведение. Берт был рад поговорить с гостями на американском английском, и они терпеливо ответили на его вопросы. Особенно он интересовался американским футболом и был самым настоящим фанатом команды «Джетс». А будучи истинным французом, он выразил восхищение внешним видом Гэмей и ее необычным именем.

– C'est belle, – лопотал он. – C'est très belle.[23]

– Да, это была идея моего отца, – призналась она. – Он был крупным знатоком вин и всегда говорил, что мои волосы напоминают ему о знаменитом сорте винограда «божоле».

Берт посмотрел на Гэмей оценивающим взглядом, а ПОТОМ МИЛО улыбнулся:

– Ваш отец был счастливым человеком, имея такую замечательную дочь. А вы, месье Траут, несомненно, являетесь счастливым человеком, имея такую прекрасную жену.

– Благодарю вас, – сказал Пол и обнял жену за плечи, как бы давая понять хозяину, что тот может сколько угодно смотреть на его сокровище, но прикасаться к ней не имеет права.

Берт понимающе улыбнулся и вновь превратился в профессионального и гостеприимного хозяина:

– Вы здесь по делам или путешествуете?

– И то и другое, – уклончиво ответила Гэмей.

– У нас в районе Вашингтона есть несколько винных магазинов, – поспешил пояснить Пол, используя специально придуманную ими легенду. С этими словами он протянул Берту визитную карточку, которую в спешке отпечатал в одной из мастерских на территории парижского аэропорта. – Мы просто ездим по вашей стране и присматриваемся к местным винам, которые могли бы заинтересовать наших покупателей.

Берт восторженно захлопал в ладоши:

– В таком случае вы и ваша супруга попали именно туда, куда вам нужно, месье Траут. Вино, которое вы сейчас пьете, производится в небольшом поместье недалеко отсюда. Могу дать вам рекомендательное письмо владельцу.

Гэмей сделала глоток из бокала.

– Крепкое красное, из ранних сортов винограда, очень живое, немножко невыдержанное и с сильным привкусом малины…

– Да, в нем есть какой-то привкус, что мне всегда нравится, – добавил Пол. – Мне кажется, это объясняется небольшим количеством перца.

Откровенно говоря, Пол и Гэмей предпочитали светлое пиво, а их познания в вине ограничивались содержащейся на этикетке информацией, но Берт деликатно кивнул головой:

– Сразу видно, что вы истинные ценители и знатоки.

– Благодарю, – мило улыбнулась Гэмей. – А у вас есть еще какие-нибудь редкие сорта вин?

– Да, мадам Траут, – быстро отреагировал он. – И немало. – Берт написал на салфетке несколько названий, а Пол тут же спрятал ее в карман.

– Нам тут много рассказывали еще об одном винодельческом поместье, – спокойно продолжала Гэмей. – Как оно называется, дорогой?

– Фошар? – сказал Пол после небольшой паузы.

– Да, именно так. – Она повернулась к Бертрану. – У вас, случайно, нет такого вина?

– Mon Dieu.[24] К великому сожалению, ничего подобного у меня нет. Знаете, это превосходное вино производится в очень ограниченных количествах и продается только самым богатым клиентам, в основном европейцам и американцам. Даже если бы оно было у меня, я все равно не предложил бы его моим посетителям ввиду его фантастической дороговизны. Думаю, речь может идти о тысяче долларов за бутылку.

– Неужели? – воодушевилась Гэмей. – Нам бы очень хотелось посетить это хозяйство и

---

[23] Это красиво, очень красиво *(фр.).*

[24] Боже мой *(фр.).*

посмотреть, из каких сортов винограда делают такое дорогое вино.

Берт задумался, и на его красивом лице появилось что-то вроде тревоги.

– Вообще говоря, эти виноградники не так далеко отсюда, но семейство Фошаров… как бы сказать… Короче говоря, они немного странные люди.

– В каком смысле?

– Не очень доброжелательны. Их практически никто не видит. – Он развел руками. – Это очень древний род, о его представителях ходят самые разные слухи.

– Слухи?

– Нелепые бабьи сплетни… Вы же знаете, что фермеры очень суеверны. Говорят, что Фошары – кровопийцы.

– Что вы имеете в виду? Вампиры? – уточнила Гэмей с недоверчивой улыбкой.

– Да, мадам. – И Берт несколько нервно рассмеялся. – Мне кажется, что у них чересчур много денег и они очень опасаются, что их могут украсть. Откровенно говоря, они не совсем типичные люди для этих мест. Местные жители отличаются исключительным дружелюбием и мирным нравом. Очень надеюсь, что это семейство не произведет на вас дурное впечатление.

– О, это невозможно после вашего прекрасного вина, очень вкусной еды и поразительного гостеприимства, – сказала Гэмей с вежливой улыбкой.

Берт зарделся от удовольствия и набросал на второй салфетке план дороги до поместья Фошаров. При этом он добавил, что гости, конечно, могут взглянуть на их виноградники издалека, но как только приблизятся к поместью, увидят строгое предупреждение-. «Проход запрещен». После этого они по-дружески распрощались, обнялись, поцеловали друг друга в щеку на французский манер и направились к машине.

В машине Гэмей начала подтрунивать над мужем.

– Значит, тебе нравится вино с привкусом? – хохоча спросила она. – Не могу поверить, что ты мог сказать такую ерунду!

– Ну, я предпочел бы вино с привкусом невыдержанному. – Пол поморщился и снисходительно хмыкнул.

– Но ты должен признать, в нем действительно чувствуется некоторый привкус малины, – доказывала она.

– И некоторый привкус перца, – упорствовал Пол. – И вообще мне кажется, что Берт не заметил наших глубоких познаний в области виноделия. Если откровенно, он только и делал, что глазел на тебя. «У вас прекрасная жена», – передразнил Пол хозяина с акцентом известного киноактера Чарлза Бойера из одного старого фильма.

– А мне он показался весьма учтивым и милым молодым человеком, – игриво сказала Гэмей.

– Мне тоже, – согласился с ней Пол. – К тому же он абсолютно прав: мне с тобой крупно повезло.

– В этом нет никаких сомнений, – уже серьезно сказала Гэмей и развернула салфетку, на которой Берт изобразил расположение замка Фошаров. – Примерно в десяти милях отсюда поворот, а потом дорога ведет прямо к шато.

– Берт говорил это так, словно речь идет о знаменитом замке графа Дракулы.

Через двадцать минут они катили по проселочной дороге мимо невысоких холмов и аккуратно подрезанных виноградников. В отличие от других виноградных полей, которые Трауты проезжали раньше, на этом не было абсолютно никаких указателей с именем владельца. Но как только они миновали виноградники и приблизились к лесу, повсюду стали мелькать таблички на французском, английском и испанском языках, строго предупреждающие, что здесь начинается частная собственность.

Дорога закончилась у больших металлических ворот с фонарными столбами по бокам. На воротах висел плакат, гласящий, что территория поместья охраняется вооруженными людьми и сторожевыми собаками и что любое несанкционированное вторжение чревато самыми серьезными последствиями.

Пол внимательно прочитал надпись и повернулся к жене:

– Похоже, Берт был прав насчет этого семейства. Они действительно не отличаются дружелюбием и гостеприимством.

– Ну, не знаю, – пожала плечами Гэмей. – Если ты посмотришь в зеркало заднего обзора, то увидишь, что они уже выслали людей, чтобы поприветствовать нас.

Пол посмотрел в зеркало и увидел, что сзади их арендованный «пежо» нагнал черный «мерседес» с тонированными стеклами, который перекрыл им путь к отступлению. Из «мерседеса» выскочили два человека. Один остался у машины, а второй – коренастый, широкоплечий, с бритым наголо черепом – направился к ним упругой походкой. На поводке он вел грозного вида ротвейлера, неудержимо рвавшегося к незнакомой машине. Второй мужчина был высокого роста, смуглый, с большим мясистым носом профессионального боксера. Оба были в камуфляжной форме военного стиля, на ремнях висели пистолеты.

Коренастый лысый охранник подошел к машине со стороны водителя и что-то сказал. Во французском Пол не был силен, но все же сообразил, что его просят выйти из машины. Гэмей прекрасно знала французский, но предпочла промолчать. Когда бритый спросил, что они здесь делают, она отреагировала первой, протянула ему визитную карточку, потом показала схему, которую нарисовал на салфетке Берт, и наконец показала на виноградники.

Охранник долго пялился на их имена, затем подозрительно осмотрел машину.

– Это поместье Фошаров, а место, которое вы ищете, вон там, – показал он рукой куда-то в сторону.

Гэмей разыграла искреннее удивление и быстро затараторила по-французски, постоянно показывая на Пола. Охранники разразились хохотом, и Пол догадался, что смеются над ним. Затем бритый тип окинул Гэмей плотоядным взглядом с ног до головы, на что та ответила игривой улыбкой. После этого оба охранника вернулись к «мерседесу» и съехали на обочину, давая возможность Полу сдать назад. Когда их машина проезжала мимо охранников, Гэмей приветливо помахала рукой, и мужчины ответили ей тем же.

– Похоже, мы встретились с бритоголовым другом Курта Марселем, – прокомментировал Траут, когда они отъехали на безопасное расстояние.

– Похоже на то, – согласилась Гэмей.

– А мне он показался дружелюбнее, чем я ожидал, – уколол ее Траут. – Ты даже удостоилась его собачьей ухмылки. Что ты ему сказала?

– Что ты оказался полным идиотом и завез нас в тупик.

– О, – удивился Пол, – ну и что же он тебе ответил?

– Сказал, что был бы очень рад лично показать мне дорогу. Кажется, он решил пофлиртовать со мной.

Траут пристально посмотрел на жену:

– Это уже второй случай сегодня, когда ты так беспардонно используешь свой женский шарм. Сначала было с Бертом, а сейчас с этим бритоголовым наглецом и его сообщником.

– В вопросах войны и любви все средства хороши!

– Меня сейчас волнуют не вопросы войны, – поморщился Траут. – По-моему, все французы, с которыми нам приходилось встречаться, так или иначе оценивают тебя как бы с постели.

– Боже мой, что за ерунда, – отмахнулась Гэмей. – Я просто спросила, можем ли мы объехать виноградники, чтобы оценить их с точки зрения профессиональных виноделов. Он ответил, что это не запрещено, но посоветовал нам держаться подальше от ограды.

Траут свернул на первом повороте, и машина запрыгала по грязному проселку. Через несколько минут подъехали к сборщикам винограда, которые устроили *себе* небольшой перекур, и остановились на обочине. Это была группа чернокожих людей, которые курили и возбужденно разговаривали с белым человеком, вероятно, их начальником. Гэмей вышла из машины и представилась, объяснив, что они с мужем – американские закупщики французских вин. Когда она упомянула, что Марсель разрешил им проехать по виноградникам, белый неожиданно насупился.

– А, этот тип, – недовольно проворчал бригадир. Его звали Ги Маршан. – Это наши сборщики, они из Сенегала? – пояснил он. – Работают очень хорошо, у меня нет с ними никаких проблем.

– Мы заехали в местное бистро, познакомились с владельцем Бертраном, – в свою очередь сказала Гэмей. – Так вот, он говорит, что в вашем поместье производят самое хорошее и к тому же самое дорогое вино.

– Oui. C'est vrai,[25] – ответил он. – Пойдемте, я покажу вам наш виноград.

Он махнул, чтобы сборщики приступали к работе, а сам повел гостей вдоль длинного ряда виноградных кустов. К счастью, он оказался весьма словоохотливым собеседником и мог говорить о любимой работе часами, а Траутам это было совершенно ни к чему, и они лишь молча кивали в знак согласия, пока Ги посвящал их в тайны виноградарства, хвалил местный климат, почву, лозу и местные сорта винограда. Неожиданно он остановился, сорвал гроздь спелого винограда и протянул Полу и Гэмей, а потом раздавил несколько ягод, понюхал их и даже лизнул языком. Они последовали его примеру и заохали от восторга. После этого вернулись к машине и увидели, что рабочие-иммигранты загружают в грузовик ящики с собранным виноградом.

– А где делают вино? – поинтересовался Пол.

– На территории поместья, – ответил Ги. – Месье Эмиль строго следит за тем, чтобы все делалось как положено.

– Месье Эмиль? – переспросила Гэмей нарочито удивленным тоном.

– Эмиль Фошар, он является хозяином всех этих виноградников.

– А как вы думаете, можем ли мы рассчитывать на встречу с месье Фошаром? – наивным тоном поинтересовалась Гэмей.

– Он не принимает гостей.

– Значит, вы никогда не видите своего хозяина?

– Нет, отчего же, мы часто его видим, – сказал Маршан, подняв взгляд к небу.

Пол и Гэмей тоже посмотрели вверх.

– Не понимаю, – помолчав, сказала она.

– Он летает на своем самолете и сверху контролирует нашу работу.

Ги стал подробнейшим образом объяснять, что Эмиль Фошар собственноручно опрыскивает виноградники, а однажды полил ядохимикатами даже одну из бригад рабочих. После этого некоторые рабочие заболели, их пришлось отправить в больницу. Поскольку они были нелегальными иммигрантами, никаких жалоб не последовало, но Маршан пригрозил увольнением, и этим несчастным были выплачены солидные компенсации. Правда, ему заявили в замке, что произошел несчастный случай, хотя по тону хозяина можно было понять, что Эмиль Фошар сделал это преднамеренно. Ему господин Эмиль тоже хорошо заплатил, поэтому он не стал раздувать шумиху.

Пока Маршан рассказывал им эти жутковатые подробности, рабочие закончили грузить виноград. Пол долго смотрел вслед грузовику, пока тот вилял по грязной дороге. Проехав около полумили, грузовик свернул направо и въехал в ворота поместья. У Пола всегда был острый взгляд, и он прекрасно запоминал даже самые мельчайшие детали. Пара охранников вышла к грузовику, который замедлил движение у ворот, потом они махнули рукой, и машина въехала на территорию поместья.

– Думаю, нам пора, – сказал он, похлопав Гэмей по плечу.

Они поблагодарили Ги за интересную беседу, сели в машину и направились к главной дороге.

– Интересный был разговор, – сказала Гэмей через несколько минут. – Этот Эмиль тоже оказался в точности таким, как описал его Курт.

Пол только хмыкнул в ответ. Гэмей давно уже привыкла к хладнокровию мужа,

---

[25] Да, это правда *(фр.)*.

которое она приписывала характеру первопроходцев Новой Англии, но сейчас она отметила в интонации Пола что-то новое.

– Что-нибудь не так? – спросила она.

– Да нет, – спокойно ответил тот. – Просто эта история с ядохимикатами снова навела меня на мысль о тех ужасных последствиях, к которым может привести поведение этого семейства. Ведь они ответственны за недавнюю смерть доктора Маклина и других ученых. Кроме того, они хладнокровно убили лорда Кавендиша. Кто знает сколько еще людей они погубили?

Гэмей молча кивнула.

– Да, я никак не могу забыть несчастных мутантов, – призналась она после продолжительной паузы. – Они, конечно, не погибли, но жизнь в облике монстров, по-моему, хуже смерти.

Пол сильно ударил ладонями по рулевому колесу.

– Мне так и хочется врезать по морде этим мерзавцам!

Гэмей с удивлением посмотрела на мужа, который всегда отличался необыкновенной сдержанностью. Давно она не видела Пола таким расстроенным.

– Прежде чем бить по морде этим мерзавцам, – улыбнулась она, – нужно придумать, как мы можем обмануть охранников и проникнуть на территорию поместья.

– Это может произойти гораздо раньше, чем ты думаешь, – заявил Пол с загадочной ухмылкой и начал излагать жене свой план.

Глава 39

Себастьян одной рукой обыскал Остина, забрал у него пистолет, потом приказал подняться по лестнице. Наверху они прошли по У-образному проходу, а потом еще раз поднялись по деревянной лестнице прямо к тому месту, где находилась ледяная пещера. Изнутри доносилось какое-то шипение, а вход в пещеру застилало плотное облако пара. Остин закрыл глаза, чтобы защититься от обжигающего облака, а когда снова открыл их, то сквозь туман разглядел фигуру человека.

Себастьян окликнул пленника, и в то же мгновение перед ними появился Эмиль Фошар, словно материализовавшись из облака. Увидев Остина, он перекосился от ненависти, бледное лицо мгновенно превратилось в древнегреческую маску злости. По всему было видно, ярость закипает в нем, как масло на сильном огне, и он с большим трудом сдерживается, чтобы не наброситься на американца. В следующее мгновение тонкие губы растянулись в ядовитой ухмылке, что было еще хуже. Фошар перекрыл кран в трубе, подающей горячий пар, и облако быстро рассеялось.

– Привет, Остин, – процедил он сквозь зубы. – Мы с Себастьяном надеялись, что рано или поздно еще встретимся… после вашего слишком поспешного отъезда с костюмированного бала. Откровенно признаться, я думал, что вы рискнете снова пробраться в наш замок, чтобы спасти свою дорогую подругу.

– Да, я не мог противиться вашему змеиному обаянию, – бесстрастно заметил Остин. – Как не имел раньше случая выразить свою благодарность за столь теплый прием в вашем родовом поместье. Зачем вы убили Лессара?

– Кого?

– Управляющего электростанцией.

– А, сам во всем виноват. Для нас он стал бесполезен после того, как осушил тоннели. Я и так позволил ему жить слишком долго, а он отблагодарил меня тем, что хотел остановить турбину и позвать на помощь посторонних людей. – Фошар зловеще рассмеялся.

Остин тоже улыбнулся, по достоинству оценив черный юмор Фошара. При этом он приложил немало сил, чтобы не вцепиться мерзавцу в горло. Было бы непростительной глупостью нападать сейчас, когда у него не было абсолютно никаких преимуществ.

– Я видел на озере гидросамолет, – сказал он тихо. – Вам не кажется, что сейчас

холодновато для подводного плавания?

– Ценю вашу заботу о моих людях, – ухмыльнулся тот. – К счастью, аэроплан «Моран-Солнье» оказался именно на том месте, на которое вы указали.

Остин оглядел помещение ледяной пещеры.

– Вам стоило немалых усилий затопить все тоннели, так зачем же вы снова осушили их?

Язвительная улыбка на губах Фошара превратилась в злобный оскал.

– Тогда мы хотели скрыть от посторонних зевак тело несчастного Жюля.

– И что же заставило вас изменить планы?

– Моя мать изъявила желание вернуть домой тело нашего бедного родственника.

– Никогда не думал, что ваша семья так бережно относится к памяти своих предков.

– Вы многого не знаете о нашей семье.

– Очень рад, что хоть в какой-то степени помог вам решить эту задачу. Кстати, как поживает этот парень?

– Сами посмотрите, – сказал Эмиль с едкой ухмылкой и сделал шаг в сторону.

Часть ледяного щита была растоплена, в результате чего в нем образовался небольшой грот синеватого цвета. Жюль Фошар оказался на возвышении, словно человеческая жертва, принесенная всемогущему божеству ледника. Тело лежало на боку в позе эмбриона и по-прежнему было облачено в кожаный комбинезон летчика, а высокие сапоги блестели так, словно их начистили несколько минут назад. На погибшем было парашютное снаряжение, хотя сам парашют, по всей вероятности, был сорван при падении мощной силой ледника. Тело пролежало во льдах около ста лет, но именно поэтому прекрасно сохранилось. Даже впалые щеки имели красноватый оттенок, а усы все еще топорщились, покрытые толстым слоем инея.

Орлиный нос Жюля Фошара и квадратный подбородок вполне соответствовали тем чертам, которые были запечатлены на портретах в одном из коридоров их родового гнезда. Однако наибольший интерес Остина вызвало отверстие, которое зияло в кожаном шлеме с меховой подкладкой.

– Очень мило со стороны вашего сентиментального семейства, – сказал Остин, – что вы все-таки решили отдать последние почести своему славному предку.

– Что вы имеете в виду?

Остин показал рукой на дыру в голове покойника.

– В его голове застряла пуля. Эмиль снисходительно хмыкнул:

– Жюля застрелили в тот самый момент, когда он направлялся для встречи с папским эмиссаром. Он вез с собой очень важные документы, свидетельствующие о некоторой причастности нашего семейства к развязыванию мировой войны. Кроме того, он решил подарить миру фантастическое научное открытие, которое могло бы изменить все человечество. Иначе говоря, он страстно хотел предотвратить приближение мировой войны.

– Не совсем обычная задача для клана Фошаров, – не без сарказма заметил Остин.

– Жюль был глупцом и поплатился за это. Вот куда завел его идиотский альтруизм.

– А что случилось с документами, которые были при нем?

– Они были уничтожены водой.

– Значит, вы зря потеряли время?

– Напротив, – осклабился Эмиль. – Вы сейчас здесь, а через некоторое время, когда я закончу все дела, вы очень пожалеете, что не остались прикованным в катакомбах нашего замка. – Эмиль показал на острые края растопленного во льду грота. – Видите? Лед очень быстро возвращается на свое место. А это означает, что через несколько часов эта ледяная гробница будет полностью восстановлена, но на сей раз там будет не только наш бедняга Жюль, но и вы за компанию.

Остин передернулся.

«Куда же пропал Завала?» – подумал он.

– А мне казалось, ваша мать хочет вернуть себе тело покойного…

– Да какое мне дело до этого трупа? – неожиданно вспылил Эмиль. – Маменька не вечно будет держать бразды правления в своих цепких руках. Я намерен во что бы то ни стало вывести семью Фошар в мировые лидеры и обеспечить ей абсолютное господство. Хватит воровать наши достижения! И я не позволю вам, с вашими патетическими усилиями, Остин, разрушить мои планы и предотвратить неизбежное. Вы украли мой любимый аэроплан, сломали его и вообще доставили мне массу хлопот. Так что ваше место сейчас здесь, рядом с Жюлем! Можете укладываться.

Остин остался на месте, лихорадочно обдумывая сложившуюся ситуацию.

– По-моему, вашей семье наплевать на все обвинения в развязывании войны. Ни для кого не является секретом, что именно вы наряду с другими производителями и торговцами оружием сделали все возможное, чтобы ваша продукция нашла применение. Правда, тогда вы запланировали нечто большее, чем просто войну. Жюль увез с собой формулу вечной молодости, да?

Эмиль вздрогнул от неожиданности.

– Что вам известно? – прошипел он.

– Например, то, что ваша семейка готова уничтожить любого, кто окажется на пути к вечной молодости. – Остин посмотрел на замерзшее тело Жюля Фошара. – Вы пожертвовали даже своим дорогим родственником, чтобы в конце концов продлить собственное существование.

Эмиль напряженно вглядывался в лицо Остина.

– Вы умный человек и должны хорошо понимать: секрет вечной жизни того стоит.

– Да, – сказал Остин с неприятной усмешкой, – но только в том случае, если убиваете вы, а не вас.

– Ну вот, наконец-то под лоском цивилизованного человека показалась звериная сущность, – заметил Эмиль и злорадно захихикал. – А теперь представьте себе следующую картину. Миром правит небольшая группа людей, достигших бессмертия и накопивших вековую мудрость. Это будет настоящая элита человечества – в истинном смысле слова. Мы будем как боги, возвышающиеся над толпой смертных.

Остин покосился на вооруженного слугу Эмиля.

– А как насчет преданного вам Себастьяна? – осведомился пленник с едкой ухмылкой. – Он тоже войдет в вашу элитную группу или присоединится к толпе простых смертных, как вы изволили выразиться?

Вопрос застал Эмиля врасплох.

– Конечно, – сказал он после некоторого замешательства, – преданность Себастьяна, несомненно, дает ему право занять почетное место в нашем пантеоне. Ты присоединишься ко мне, мой друг?

Коренастый слуга растерялся, а потом открыл было рот, но промолчал. Судя по всему, он уловил колебания в голосе хозяина, и в его глазах появилась неуверенность.

Остин решил использовать просчет Эмиля.

– Можешь не рассчитывать на бессмертие, Себастьян. Мамаша Эмиля ни за что на свете не согласится продлить твое бренное существование!

– Он лжет, – вскипел Эмиль.

– Зачем мне лгать? – спокойно отреагировал Остин, по-прежнему обращаясь к слуге. – Твой босс убьет меня, что бы я ни сказал. Мадам Фошар сама призналась мне во время костюмированного бала, что велела Эмилю от тебя избавиться. А нам всем хорошо известно, что сын всегда выполняет указания своей мамаши.

На сером лице Эмиля стали проявляться признаки беспокойства. Он понимал, что теряет контроль над ситуацией, и решил прекратить спор.

– Выстрели ему в руки и ноги, – гаркнул он слуге. – Только не убивай. Я хочу видеть, как он будет молить о пощаде.

Себастьян стоял, раздумывая над словами Остина.

– Нет, я хочу услышать от него… еще что-нибудь интересное.

Эмиль грязно выругался и, вырвав оружие из рук Себастьяна, прицелился в колено Остина.

– Сейчас сам убедишься, что твоя жизнь слишком затянулась!

Попытки настроить Себастьяна против его хозяина дали Остину возможность выиграть время, но закончились неудачей. Впрочем, на многое он и не рассчитывал. Отношения между слугой и хозяином были слишком крепки, чтобы можно было разрушить их парой слов. Остин согнулся и закрыл глаза, приготовившись к выстрелу, но его не последовало. Вместо выстрела он услышал глухое шипение, донесшееся откуда-то из-за пещеры, потом в узкий проход ворвался мощный поток горячего пара.

Эмиль машинально повернул голову в сторону входа, а Остин в этот момент сделал выпад, как заправский боксер, и нанес кулаком мощный удар под дых. Фошар охнул, выпучил глаза и рухнул на колени, уронив на пол пистолет. Себастьян, увидев, что на его хозяина совершено нападение, бросился к Остину и попытался схватить его за шею. Остин увернулся и нанес мощный удар в челюсть, но сбить с ног великана ему не удалось. Тогда он толкнул его в струю пара, а сам рванулся через нее, закрыв лицо руками.

– Курт, скорее сюда! – послышался из глубины пещеры голос Завалы.

Джо стоял в проходе, держа в руках обрезанный шланг с вырывающимся из него раскаленным воздухом – тот, с помощью которого растапливали лед в пещере. Увидев друга, Завала отбросил шланг в сторону и, схватив его за плечи, отвел через клубы пара подальше. А в пещере в это время неистовствовал Эмиль, заполняя подземелье оглушительным криком. Вслед за ним прогремело несколько выстрелов. Остин и Завала спускались вниз по лестнице, пули прошли поверх их голов. Остальные охранники из группы Эмиля, услышав выстрелы, выбежали из помещения лаборатории и стали озираться, пытаясь понять, что происходит. А когда увидели Завалу и Остина, решили не искушать судьбу и бросились прочь по узкому тоннелю. Завале осталось лишь выстрелить пару раз им вдогонку, чтобы отбить охоту возвращаться. Он все еще прихрамывал на одну ногу, но, несмотря на это, друзья быстро добрались до ворот, которые были взорваны боевиком Эмиля. Это было весьма своевременно, вдогонку им полетели пули боевиков Фошара.

Остин пошарил в карманах в поисках карты, но ее нигде не было. И лишь тогда он вспомнил, что оставил ее в салоне «ситроена». Значит, нужно было как можно быстрее добраться до «Фифи». Он попытался вспомнить расположение тоннелей, понимая, что система водоотвода должна функционировать примерно Так же, как электрический ток в электросети.

Они быстро побежали в том направлении, где, по их мнению, должна была стоять «Фифи», а позади еще долго звучали дикие вопли охранников и оглушительные звуки выстрелов. Через некоторое время Остин свернул налево. Завала послушно следовал за ним, совершенно запутавшись в хитросплетениях лабиринта. В одном месте они заблудились и потеряли драгоценное время, что позволило Эмилю организовать погоню. Остин ничуть не удивился, услышав позади себя пронзительный голос Фошара, – тот подгонял охранников.

Пришлось ускорить шаг, напрячь все силы, чтобы оторваться от преследователей. Они бездумно петляли по узким проходам, сворачивая то налево, то направо. При этом Остин руководствовался прежде всего тем, что подсказывало ему чутье и куда вел его инстинкт самосохранения, никакие разумные доводы сейчас не действовали. У него просто не было времени вспоминать карту подземных ходов.

Однако врожденное чутье на этот раз подвело его. Несмотря на все усилия, они окончательно запутались в подземных тоннелях, а осипший голос Эмиля все приближался. Остин был на грани отчаяния, когда вдруг обозначился перекресток, откуда тоннели шли в четырех направлениях. Он остановился и, с трудом переводя дыхание, тупо уставился вперед.

– Этот проход кажется мне знакомым, – прохрипел Завала.

– Мы недалеко от среднего контрольного пункта, – сказал Остин.

Они свернули направо и прошли несколько метров, потом в недоумении остановились.

Впереди раздавались громкие голоса. Остин с Завалой немедленно вернулись к развилке и побежали по прямому тоннелю, но на их пути выросла металлическая решетка. Они снова вернулись назад и поняли, что окончательно запутались. Голоса становились все громче, а выхода они не видели.

– Мы окружены, – обреченно сказал Завала.

Но Остин не хотел сдаваться и лихорадочно обдумывал план действий. В конце концов он повернул в левый тоннель.

– Постой, Курт, – попытался остановить его Завала. – Как раз по этому тоннелю идут бандиты Эмиля.

– Иди за мной, – тихо скомандовал Остин, – но только быстро. Другого выхода нет. Мы не можем терять ни секунды.

Завала недоуменно пожал плечами, но подчинился и побежал вслед за другом, низко наклонив голову и чертыхаясь по-испански, когда наступал в глубокие лужи. За время службы в агентстве НАПИ им не раз доводилось вместе участвовать в операциях, но никогда еще Завала не попадал в такие переделки. Правда, он не перестал доверять чутью Остина, хотя умом понимал, что тот поступает неправильно. Иногда Джо казалось, что тот ведет себя нерационально – как, например, сейчас, – но спорить с другом было некогда. Он уже почти ощущал, что они вот-вот окажутся в лапах боевиков Эмиля, но этого почему-то не случилось. Друзья благополучно добрались до пункта управления и выбрались по деревянной лестнице. Люди Фошара появились через пару минут и радостно заорали, предвкушая близкую победу. Из последних сил они бросились на штурм будки.

Пули отскакивали от металлических стен бункера и взрывались, как фейерверк. Остин ворвался внутрь, затащил Завалу и закрыл дверь. Люди Фошара, услышав стрельбу, присоединились к нападающим и открыли ураганный огонь по пункту управления. Они выпустили по сотне пуль, сопровождая их дикими воплями. Стекла разлетелись на мелкие осколки, а лавина свинца грозила разрушить даже мощные стены.

Остин, припав к полу, пополз к пульту управления, не обращая внимания на куски битого стекла и низко пригибая голову, а потом стал шарить рукой по панели. На экране монитора появилась схема всей системы тоннелей, но он не сразу смог сосредоточиться из-за оглушительных выстрелов и свиста шальных пуль. В конце концов он набрал онемевшими пальцами нужную команду и обрадовался, когда резко изменился цвет на экране.

В этот момент Завала привстал, чтобы ответить на пальбу парой выстрелов, но Остин приказал Джо лечь на пол и не высовываться.

– Тебе сейчас все мозги выбьют! – крикнул он другу, и его голос был едва слышен в грохоте стрельбы.

– Это все же лучше, чем прострелят задницу, – шутливо ответил тот.

– Погоди, – попросил его Остин.

– А чего ждать? – возмутился Завала. – Какой смысл?

– Весь смысл в гравитации.

Завала что-то ответил, но Остин его уже не слышал из-за новой вспышки стрельбы. Через минуту стрельба внезапно прекратилась, и они услышали насмешливый голос Эмиля:

– Остин! Как тебе нравится вид оттуда?

Остин посмотрел на Завалу и приложил палец к губам. Не дождавшись ответа, Эмиль снова закричал:

– Только не говори мне о своей врожденной скромности. Кстати, хочу познакомить тебя с планом, который моя дорогая маменька придумала для твоей не менее дорогой подруги. Она хочет сделать ей подтяжку лица. Ты просто не узнаешь ее, если, конечно, вообще с ней встретишься.

К этому времени Остин порядком устал от Эмиля и показал жестом Завале, чтобы тот передал ему пистолет, а сам тем временем перебрался поближе к разбитому окну. Противореча собственному приказу, он просунул пистолет в окно и нажал на курок, а потом выглянул на секунду и снова спрятался. Он ориентировался на голос Фошара, но вскоре

убедился, что цель осталась невредимой. Эмиль укрылся за скалой вместе со своими боевиками, но, как только те поняли, что ответной атаки не будет, снова стали поливать свинцом металлическую будку.

– Ну ты и задал им жару! – прокричал Завала с другого конца комнаты.

– Эмиль стал раздражать меня, – извиняющимся тоном ответил Остин.

– Ты попал?

– В Эмиля? К сожалению, нет. И в Себастьяна тоже промахнулся. Правда, свалил охранника, который стоял рядом с ним.

– Да, действительно жаль! – закричал Завала, заметно повысив голос. – Прекрасная стратегия, должен сказать. Может быть, у них скоро закончатся патроны.

Как раз в этот момент пули стали пробивать деревянный пол будки. Остин сообразил, что надо во что бы то ни стало добиться прекращения стрельбы, выиграть время.

– У тебя есть белый носовой платок? – спросил он друга.

– Нашел время для соплей, – хмыкнул тот, пригибаясь от очередной пули, которая врезалась в стену. – Потом будем нос вытирать. – Но, увидев серьезное лицо Остина, отбросил шутки в сторону. – У меня есть мексиканский платок типа банданы. – Он протянул Остину небрежно сложенный кусок красной материи.

– Сойдет, – сказал Остин, привязывая бандану к стволу автомата. Через минуту он высунул импровизированный флаг из двери и помахал.

Стрельба мгновенно прекратилась, а по тоннелю эхом разнесся злорадный смех Эмиля.

– Что за шутки, Остин? Я не бык, чтобы бросаться на твою красную тряпку!

– У меня просто нет белого флага, – громко ответил Остин.

– Белого флага? Хочешь сказать, что ты и твой дружок решили пойти на переговоры?

Остин внимательно прислушивался к его словам. Звуки, которые он ждал, доносились издалека, как шепот на берегу бурного моря. Но в его ушах по-прежнему стоял шум от выстрелов, и он не был уверен в своей правоте.

– Нет, ты меня неправильно понял, Фошар! – закричал он в ответ. – Я не готов сдаваться на милость победителя!

– Так зачем же ты машешь этой красной тряпкой?

– Хотел попрощаться, пока грузовой поезд не раздавил вас!

– Ты что, Остин, совсем спятил?

Вслед за этим послышался шепот. Эмиль отдал приказ снова открыть стрельбу.

Пули веером прошлись по их убежищу, срывая со стен куски штукатурки. Остин с ужасом понял, что через несколько минут будка перестанет защищать их от пуль.

И вдруг стрельба снова прекратилась.

Стрелявшие неожиданно ощутили какую-то странную вибрацию. В наступившей тишине нарастал рокот, отдаленно напоминающий раскаты грома.

Остин медленно поднялся на ноги и вышел из убежища. Эмиль Фошар стоял внизу и растерянно озирался. Увидев над собой Остина, он понял, что опять остался с носом.

– Ты опять выиграл, Остин, – заорал он что есть мочи, потрясая в воздухе кулаком. – Но ты еще услышишь о семье Фошар!

Американец ухмыльнулся, отступил обратно в комнату и, схватившись обеими руками за металлические ножки стола, приказал Завале сделать то же самое.

А Эмиль, выкрикнув последнее проклятие в адрес Остина, резко повернулся и побежал прочь, уводя своих бандитов. Последним побежал Себастьян, но было слишком поздно.

Через мгновение огромная мутная волна накрыла Фошара и его боевиков. Над слоем пены какое-то время еще мелькали их головы, а руки беспомощно колотили по вздыбленной воде, но вскоре все было кончено. Последним в мутном потоке промелькнуло перекошенное лицо Себастьяна, но оно исчезло вслед за Эмилем и его слугами.

В отличие от предыдущего потока, когда Остин и Завала остались сухими, укрывшись за водонепроницаемыми стенами будки, сейчас вода хлынула внутрь сквозь разбитые окна, и им стоило немалого труда удержаться на поверхности. Они всеми силами держались за

металлические ножки стола и отчаянно боролись со стихией.

В тот момент, когда их легкие, казалось, готовы были лопнуть от нехватки воздуха, поток воды стал ослабевать, уровень ее внезапно понизился. Какое-то время оба стояли на дрожавших от напряжения ногах и молча смотрели на темные глазницы окон, не веря до конца тому, что вода наконец-то пошла на убыль.

Первым опомнился Завала. Он долго смотрел на бурлящую внизу воду, не скрывая удивления.

– Как ты узнал, что сюда хлынет вода? – спросил он, повернув голову к другу.

– Я просто открыл, а потом закрыл несколько металлических заслонок в другой части подземной системы и направил сюда этот поток.

Завала недоверчиво ухмыльнулся:

– Надеюсь, Фошар и его боевики хорошенько помоются.

– Думаю, что их уже просто смыло, – сказал Остин и оглядел помещение. К его вящему удивлению, поток не затронул пульт управления, который находился под водонепроницаемым колпаком. Остин подошел к компьютеру и набрал на клавиатуре несколько команд. После этого бурный водный поток превратился в небольшой ручеек, но Остин и Завала продолжали дрожать от холода – оба промокли до нитки. Сейчас им нужно было поскорее выбраться из тоннеля и как следует отогреться, чтобы не подцепить воспаление легких или что-нибудь в этом роде. Мужчины спустились вниз, совершенно не опасаясь внезапного нападения. Однако выбраться из тоннеля было не так-то просто. Они продвигались вперед, плохо себе представляя, где находятся и как выбраться. Зубы предательски стучали от холода, лампочки на шлемах стали тускнеть на глазах, но они упрямо продолжали свой путь, так как другого выбора просто не было. И когда, казалось, силы уже окончательно покинули их, в полутьме вдруг обозначился какой-то странный предмет.

– «Фифи»! – радостно закричал Завала.

Это действительно был оставленный ими «ситроен», но находился автомобиль у стены, куда его оттеснил мощный поток воды. Кроме того, он весь был покрыт толстым слоем грязи и ила, краска была содрана, а сам автомобиль, казалось, прилип к мокрой стене.

Остин подошел к машине, осторожно открыл дверцу и заглянул внутрь. На полу блестела вода, а на ее поверхности плавала оставленная им карта. Ключ все еще торчал в замке зажигания, но все попытки Остина завести машину ни к чему не привели.

Завала открыл капот, порылся в моторе, потом попросил Остина попробовать еще раз.

Мотор машины запыхтел, а Завала поднял руку.

– Были оборваны провода аккумулятора, – гордо пояснил он.

Через полчаса они стали понимать, где находятся, а еще через полчаса наконец-то выбрались из тоннеля.

– И куда мы теперь? – спросил Завала, глядя на друга. Остин не раздумывал:

– В шато Фошаров.

Глава 40

Когда Скай была еще девочкой, отец часто водил ее в собор Парижской Богоматери, где она впервые увидела горгулью.[26] Гротескные лица показались ей похожими на каких-то монстров из самых страшных кошмаров. Она немного успокоилась, когда отец объяснил, что это всего лишь водосточная труба. Правда, девочка никак не могла понять, почему архитекторы и скульпторы сделали страшных чудовищ, вместо того чтобы посвятить свое искусство изображению прекрасного. Потом детские кошмары постепенно забылись. И вот сейчас, когда Скай открыла глаза, перед ней снова вспыхнул давно забытый образ горгульи.

---

[26] В готической архитектуре выступающая водосточная труба в виде фантастической фигуры.

Более того, ужасная горгулья разговаривала с ней.

– Добро пожаловать, мадемуазель, – произнес человек, не разжимая губ. – Нам очень не хватало вас.

Ужасное лицо горгульи принадлежало Марселю, начальнику охранного отряда шато Фошаров.

– Я скоро вернусь, – пообещал он, ухмыляясь. – Не заставляйте меня ждать слишком долго.

Она закрыла глаза, всеми силами пытаясь подавить подступающую к горлу тошноту, а когда справилась с недомоганием и снова открыла глаза, громилы поблизости не было. Скай обвела глазами комнату и узнала: здесь она совсем недавно переодевалась для костюмированного бала. А потом вспомнила, как ездила в Прованс, как уже подошла к своему дому, где ее подозвала какая-то американская супружеская пара, почувствовала легкий укол в бок и провалилась в темную бездну.

«Господи, значит, меня похитили и привезли сюда».

Она села на койке и свесила вниз ноги. Во рту чувствовался горьковатый привкус меди, вероятно, оставшийся от какого-то вещества, которое ввели, чтобы она потеряла сознание. Скай сделала глубокий вдох и встала с койки. Комната поплыла перед глазами, но она все же добралась до ванной комнаты.

После того как тошнота отпустила ее, Скай подняла голову и посмотрела на себя в зеркало. Лицо было мертвенно-бледным, а на него мокрыми спутанными прядями спадали волосы. Она умылась холодной водой и ощутила некоторое облегчение. Поправила пальцами волосы, расправила смятую юбку.

Когда через несколько минут в комнату без стука вошел Марсель, Скай была почти в порядке. Здоровяк кивнул, приказывая следовать за ним. Они вышли в длинный коридор, прошли мимо портретной галереи. В самом конце коридора Скай хотела было посмотреть на портрет Жюля Фошара, но его там уже не было. Вместо него на стене выделялось темное пятно. Еще через минуту оба остановились перед дверью кабинета мадам Фошар.

Марсель улыбнулся, окинул молодую женщину взглядом с ног до головы, а потом деликатно постучал в дверь и, открыв ее, втолкнул туда Скай.

Она сразу заметила, что в комнате не одна. Спиной к ней за огромным столом мадам Фошар сидела какая-то светловолосая женщина и смотрела в окно. Услышав шум, она резко повернулась к двери и уставилась на Скай.

Женщина лет сорока с небольшим, с кремовой кожей, на фоне которой ярко выделялись серо-голубые глаза. Она с трудом разжала красные от помады губы.

– Добрый день, мадемуазель. Мы давно ждали вашего возвращения. Вы так неожиданно покинули нас в тот вечер.

Скай с недоумением уставилась на незнакомку, пытаясь сообразить, что все это значит и не является ли следствием наркотического опьянения.

– Садитесь, – решительно сказала та, указывая на стул перед ее письменным столом.

Скай молча подчинилась, двигаясь, как зомби.

Женщина с любопытством разглядывала ее.

– Что с вами? Вы выглядите слегка рассеянной.

А Скай ощущала себя скорее растерянной, чем рассеянной. Голос этой особы средних лет чем-то напоминал ей уже знакомый голос мадам Фошар, но в нем не было абсолютно никаких признаков сухости, и только твердость произносимых слов напоминала о прежней владелице. В голове Скай промелькнуло даже сумасшедшее предположение, что у Расин, вероятно, есть дочь или по крайней мере талантливый двойник.

В конце концов она обрела дар речи:

– Это что-то вроде трюка?

– Никаких трюков, – мило улыбнулась женщина. – Все, что вы видите, – истинная правда.

– Мадам Фошар? – невольно вырвалось у Скай.

– Она самая, моя дорогая, – сказала женщина с кривой усмешкой. – Только сейчас я молодая, а вы – старая.

Скай все еще недоверчиво таращила глаза.

– Вы должны сообщить мне имя вашего пластического хирурга.

Мадам Фошар покраснела от гнева, но быстро справилась с собой и, встав из-за стола, грациозно обошла его вокруг. Затем остановилась перед Скай, наклонилась, взяла ее руку и провела по своей щеке.

– Ну что, вы все еще полагаете, что это результат работы пластического хирурга?

Кожа была теплой и упругой, без каких бы то ни было шрамов, не говоря уже о морщинах.

– Невероятно, – едва слышно прошептала Скай.

Мадам Фошар отпустила ее руку, а потом выпрямилась и вернулась на свое место, демонстрируя попутно гонкие прямые пальцы без малейших следов старческих морщин.

– Не волнуйтесь, – сказала она, – вы не сошли с ума. Я та самая хозяйка дома, которая пригласила вас с мистером Остином на свой костюмированный бал. Надеюсь, с ним все в порядке?

– Понятия не имею, – откровенно призналась Скай. – Я не видела его уже несколько дней. А как вы?…

– Хотите знать, как я превратилась из злобной старухи в цветущую красавицу? – перебила ее мадам Фошар с мечтательной улыбкой на губах. – О, это долгая история. Впрочем, она не была бы столь долгой, если бы Жюль Фошар не потерял наш замечательный шлем. – Имя своего родственника она произнесла с нескрываемым раздражением. – Мы бы могли сэкономить много лет и денег, потраченных на дополнительные исследования.

– Не понимаю вас.

– Вы ведь эксперт по античному оружию, – улыбнулась мадам Фошар. – Скажите откровенно, что вам известно об этом шлеме?

– Ну, он сделан очень давно, – неуверенно протянула Скай. – Лет пятьсот назад, а может, и больше. Сталь самого высокого качества. Могу предположить, что такой стали тогда просто не было, а для изготовления шлема использовали металл из какого-нибудь метеорита.

Мадам Фошар удивленно вскинула бровь.

– Очень хорошо. Этот металл действительно космического происхождения, и он спас жизни многих представителей рода Фошаров. Шлем неоднократно переделывали, а в конце концов он достался истинным лидерам нашего семейства. И поэтому, если хотите знать, он по праву принадлежит мне, а не моему брату Жюлю!

Последние слова долго доходили до сознания Скай, все еще затуманенного наркотиком.

– Ваш брат! – воскликнула она.

– Совершенно верно, Жюль был на год моложе меня.

Скай попыталась произвести в уме расчеты, но ничего не получилось. Мозги отказывались работать после случившегося.

– Значит, вам сейчас…

– Никогда не говорите так с пожилой женщиной, – предупредила ее мадам Фошар с загадочной улыбкой. – Но я избавлю вас от подобных проблем. Да, я давно перешагнула столетний рубеж.

Скай изумленно покачала головой:

– Не могу поверить.

– Меня поражает ваш скептицизм, – сказала мадам Фошар, но удовлетворение на ее лице свидетельствовало об обратном. – Хотите услышать некоторые подробности?

Скай колебалась – любознательность ученого вступила в противоречие с отвращением к этой особе.

– Я помню, что произошло с бедным Кавендишем только из-за того, что он знал

слишком много о вашем семействе.

– Лорд Кавендиш был занудлив и к тому же чересчур болтлив. Но вы не обольщайтесь, моя дорогая. Вы тоже научитесь предвидеть будущее, когда доживете до моих лет. Вы не нужны мне мертвая, вы мне нужны в качестве наживки, и это сейчас гораздо более ценно.

– Наживки? Для чего?

– Не для чего, а для кого. Для Курта Остина, конечно же.

Глава 41

Вскоре после пяти вечера рабочие окончили свой трудовой день, который начался с восходом солнца. Как только сборщики направились в свои тесные комнатушки, огромные грузовики, груженные только что собранным урожаем, обогнули виноградники по проселку и остановились перед воротами, оснащенными, как вся высокая ограда, защитной системой колючей проволоки с пропущенным по ней электрическим током. Сонный охранник махнул рукой, пропуская грузовики на территорию поместья. Они подъехали к крытой площадке и разгрузили виноград.

Как только под крышей навеса появился последний грузовик, две темные фигуры спрыгнули из кузова на землю и бросились в близлежащую рощицу. Удостоверившись, что их никто не заметил, Остин и Завала стряхнули с себя пыль, грязь и попытались стереть с рук темные пятна свежего виноградного сока. Но это только усложнило дело – пятна стали еще больше и превратились в липкие тонкие корочки.

Завала сплюнул на землю остатки попавшего в рот грунта.

– Все, это последний раз, когда я позволил Трауту втянуть меня в его сумасбродные планы. Сейчас мы похожи с тобой на фиолетовый вариант знаменитой группы «Блу мэн»![27]

Остин усердно очищал волосы от колючих веточек и виноградных листьев.

– Да, но ты все же должен признать, что это на грани гениальности. Кто здесь мог ожидать, что мы с тобой замаскируемся под гроздья зрелого винограда?

План Траута был на редкость простым и в то же время хитроумным. Они с Гэмей совершили еще одну поездку на виноградники Фошаров, но на этот раз вместе с Остином и Завалой, которые укрылись за задним сиденьем автомобиля. Потом Траут и Гэмей остановились на обочине, чтобы поздороваться с Ги Маршаном, который присматривал за работой сенегальцев. Пока они болтали о том о сем, подъехал грузовик для перевозки собранного винограда Остин и Завала терпеливо дождались, пока грузовик загрузят виноградом, а потом выскочили из автомобиля, забрались в грузовик и спрятались в кузове.

Темный лес напомнил им сцену из известного романа Толкиена, а Остин выступил в роли волшебника Гэндальфа, который держал в руках свое гениальное изобретение. На самом деле в руке Остина был прибор глобального позиционирования, который позволял с большой точностью определить свое местоположение. Правда, поначалу хватило обыкновенного компаса, чтобы выйти из рощи и определить правильное направление пути к замку.

Густая роща напоминала скорее лес, чем парк. Создавалось впечатление, что Фошары специально расширили пространство своего господства за счет этого темного и угрюмого леса, окружавшего их зловещий средневековый замок. По мере того как солнце садилось за горизонт, окружавшие их заросли казались все более страшными Медленно продвигаясь вперед, Остин и Завала то и дело натыкались на какие-то пни, коряги и колючие ветки, которые цеплялись за их одежду острыми шипами В конце концов друзья выбрались на проселочную дорогу, которая, судя по всему, довольно часто использовалась местными обитателями и заканчивалась развилкой Остин посмотрел на навигатор и убедился в

---

[27] «Блу мэн» (Blue Man) – знаменитая театральная музыкальная группа, ее участники выступают в масках из синей кожи.

правильности пути, через некоторое время впереди сверкнули огни замка Фошаров.

На опушке леса они остановились, укрывшись за деревьями, и увидели вдали одинокую фигуру охранника, который прохаживался перед замком. Как только часовой завернул за угол, Остин включил таймер на своих наручных часах.

– Повезло, – тихо сказал Завала – Здесь только один постовой.

– А мне это не очень нравится, – возразил Остин – Весь мой предыдущий опыт общения с семейкой Фошаров говорит о том, что это не те люди, которые могут легкомысленно относиться к своей личной безопасности.

Еще большее подозрение вызвал у него тот факт, что мостик был опущен, а металлическая решетка поднята Вокруг стояла странная тишина, которую нарушало только журчание воды в фонтане перед парадным входом. И все абсолютно не было похоже на то, что происходило во время их со Скай побега, когда Остина осыпали пули охранников, а вокруг бушевало море огня и стоял невероятный грохот.

– Думаешь, ловушка? – спросил Завала.

– Да. Единственное, чего здесь не хватает, так это огромного круга сыра, которым обычно встречают долгожданных гостей.

– А какой у нас выбор?

– Практически никакого, – согласился с ним Остин. – Конечно, мы можем повернуть назад, но это не выход. Стало быть, нужно двигаться вперед и попытаться обмануть этих парней с автоматами.

– Я все еще нахожусь под воздействием винограда, – пошутил Завала. – Только сейчас вспомнил, что ты ничего не сообщил мне о возможных вариантах отступления.

Остин похлопал друга по плечу.

– Ну вот, мы еще не проникли в замок, а ты уже об отступлении…

– Извини, но я не такой сумасшедший, как ты, и уже сейчас думаю о том, как достойно выбраться отсюда. Мне совсем не хотелось бы повторить тот путь, когда ты загнал «роллс-ройс» в этот вонючий ров.

Остин подумал.

– Ладно, мой план очень прост. Мы потребуем обмена Эмиля на Скай, вот и все.

– Неплохо, – кивнул Завала. – Но здесь есть одна загвоздка. Ты смыл Эмиля потоком бурной ледниковой воды.

– Мадам Фошар об этом ничего не знает, а когда узнает, мы будем уже далеко.

– Как не стыдно обманывать старую леди, – ухмыльнулся Завала. – Мне нравится этот план, но что мы будем делать, если она не поверит нам? Может, стоит все-таки сообщить жандармам?

– Если бы это было так просто, старина, – покачал головой Остин. – Сам посуди, полицейские стучат в дверь замка, а хозяйка говорит им-. «Ищите, где хотите и как хотите». Я был в этих катакомбах и прекрасно знаю, что там можно спрятать целую армию. Им понадобится несколько недель, чтобы отыскать Скай.

– Да, время, к сожалению, не на нашей стороне.

В глазах Остина промелькнула тревога.

– Здесь один час стоит сотен лет, – пробормотал он и снова посмотрел на часы.

– Это что, из какой-то философской книги? – поинтересовался Завала, вспомнив, что его друг когда-то был студентом философского факультета, а книжные полки его плавучего домика на реке Потомак были забиты произведениями выдающихся древних мыслителей.

– Нет, – задумчиво ответил Остин, – что-то вроде этого мне сообщил доктор Маклин.

В это время из-за противоположного угла замка появился часовой, прервав их беседу. Остин посмотрел на часы. Тот обошел замок за шестнадцать минут. Как только охранник пошел на второй круг, Остин сделал знак Завале, и они стремглав бросились к воротам, обогнули пруд, перешли через каменный мост и ворвались на прилегающий к парадному входу дворик В своей черной одежде они казались невидимыми на фоне силуэтов деревьев, в тени высоких стен замка. В окнах первого этажа, правда, горел свет, но охраны поблизости

не было, что усилило подозрения Остина. Он был абсолютно уверен, что инстинкт самосохранения не подводит его, однако другого выхода сейчас не видел. Остин хорошо помнил, что, когда находился здесь со Скай, решетка была заперта, а сейчас ворота были нараспашку, словно приглашая непрошеных гостей в замок.

Однако у Остина появился другой план. Он обошел вокруг замка, стараясь не нарваться на охранника, и спустился по каменной лестнице к массивной металлической двери. Подергал за ручку – дверь была заперта. Тогда он вынул из сумки небольшую ручную дрель, просверлил несколько отверстий и вскоре без проблем вынул личинку замка. После этого поддел пальцем засов и открыл дверь. В нос ударил затхлый запах сырых подвалов, будто только что подняли крышку гроба. Друзья вошли внутрь, включили фонари и осторожно прикрыли за собой дверь. Осталось спуститься на несколько метров по сырой лестнице. Остин остановился на мгновение в том зале, где Эмиль разыграл свое шоу с героями рассказов Эдгара Аллана По. Правда, на этот раз на столе не было никаких признаков бедного лорда Кавендиша.

Остин направился дальше по узкому темному коридору. Давно выработанное чувство направления помогло не запутаться в темных лабиринтах. Через несколько минут оба поднялись вверх, миновали заполненный костями склеп и направились к оружейной комнате. На этот раз Остин не удивился, увидев, что дверь отперта. Американцы тихо вошли и остановились перед «алтарем». В комнате было темно, только из дальней ниши пробивался тусклый свет, отбрасывавший тени на полированную поверхность рыцарских доспехов и старинного оружия.

Завала с интересом рассматривал выставленные вокруг экспонаты.

– Очень мило, – тихо сказал он. – Люблю сочетание готики и тяжелого металла. Интересно, кто у них тут работает в качестве дизайнера?

– Тот самый малый, который работал еще на маркиза де Сада.

Друзья медленно пошли вдоль стены, рассматривая реликвии. А когда они вплотную подошли к рыцарям в доспехах, величественно восседавших на боевых конях, свет стал гораздо ярче. Остин шел первым и, едва обогнув всадников, вдруг увидел перед собой Скай.

Молодая женщина сидела на большом деревянном стуле, окованном большими медными пластинами, и с испугом смотрела на темные фигуры людей, неожиданно вынырнувших из-за крупов лошадей. Ее руки и ноги были крепко привязаны к стулу веревками, рот заклеен липкой лентой. С обеих сторон от нее стояли два рыцаря в доспехах, словно охраняя пленницу от неожиданного нападения.

Узнав Остина, Скай отчаянно задергала головой и бешено завращала глазами, но мужчину это не остановило. Он подошел поближе и наклонился, доставая нож, чтобы разрезать веревки на ее руках и ногах. Одновременно краешком глаза уловил какое-то странное движение. Стоявший справа рыцарь сделал шаг к ним.

– О черт! – оторопело воскликнул Остин, лихорадочно соображая, что делать.

Рыцарь тем временем продолжал стучать по полу коваными сапогами, как заведенный робот, потом поднял меч для нанесения удара. Остин попятился.

– Что будем делать? – тихо спросил Завала, тоже отступая.

– Может быть, у тебя есть с собой консервный ключ? – пошутил Остин.

– А как же наше оружие?

– Слишком много шума.

К этому времени ожил и второй рыцарь и по примеру первого стал двигаться, грозно поднимая вверх меч. Зловещие фигуры приближались к непрошеным гостям с неожиданной для их веса быстротой. Остин вдруг осознал, что от ножа в его руке примерно столько же пользы, сколько от зубочистки. А Скай отчаянно билась, пытаясь освободиться от пут.

Остину очень не хотелось, чтобы средневековые рыцари сделали из них нарезку. Он опустился на колени, подполз к первому рыцарю, собрался с силами и всей мощью толкнул его под колени, как обычно делают американские футболисты. Рыцарь лязгнул железом, зашатался, опустил вниз меч, а потом рухнул на каменный пол, издав оглушительный

скрежет и лязг. После этого он еще несколько раз дернул руками и ногами и затих.

Второй рыцарь остановился как вкопанный. Не долго думая, Завала проделал с ним то же самое и с таким же эффектом. Пока Остин возился с веревками и освобождал Скай, Завала осмотрел каждого из лежавших на полу железных людей.

– Готовы, – гордо объявил он. – Чем они больше, тем с большей силой падают на пол.

– Такое чувство, что мы остановили боевые машины Брэдли, – пошутил Остин. – Те многочисленные часы, которые мы провели перед телевизором, наблюдая за играми Национальной футбольной лиги, в конце концов не пропали даром.

– Такой грохот, как будто два скелета совокупляются на жестяной крыше…

Остин пожал плечами, осторожно снял липкую ленту со рта Скай, а потом помог ей встать на ноги. Едва держась на дрожащих ногах, она повисла на его шее, осыпала спасителя поцелуями и чуть было не расплакалась от счастья.

– Не думала, что снова увижу тебя.

Остин не успел ответить: в это мгновение из темной ниши раздался серебристый смех, и появилась стройная фигура женщины, лицо которой было закрыто черной вуалью, а тело обернуто какой-то прозрачной тканью. Она вышла на свет, лучи, проникая сквозь тонкую ткань, слегка обнажили прекрасное молодое тело.

– Как это мило, – пролепетала красавица. – Прекрасно и в то же время драматично. Вы всегда столь деликатны во время посещений моего замка, месье Остин?

Рядом с мадам Фошар неожиданно выросла мощная фигура Марселя с пистолетом в руке, а вслед за ним из темных углов оружейной комнаты выступили еще шестеро вооруженных до зубов охранников. Марсель подошел к Остину и отобрал у него пистолет, потом разоружил Завалу.

Остин посмотрел на неподвижно лежавших на полу рыцарей.

– Если судить по этой куче олова и железа, я далеко не единственный, кто здесь имеет склонность к драматическому искусству.

– Вы ведь знаете, я обожаю театр. Именно поэтому и пригласила вас на костюмированный бал-маскарад.

– Бал-маскарад…

Расин медленно сняла черную вуаль, и на ее плечи упали густые волосы, как тончайшие нити золота. После этого она так же медленно и с величайшим удовольствием отбросила в сторону тонкую ткань и осталась в длинном белом платье, обтягивающем стройную фигуру. Узкая талия была перехвачена золотым поясом, а вместо пряжки сверкал трехглавый орел. Все ее движения были соблазнительны и грациозны, словно она открывала миру свой бесценный дар безупречной женской красоты. Остин стоял, словно пораженный ударом молнии, не отрывая взгляда от ее холодных глаз.

Умом он понимал, что видит перед собой престарелую мадам Фошар, но не мог поверить собственным глазам. Конечно, он знал о чудодейственных свойствах энзима, добываемого со дна океана в районе Затерянного города, но давняя привычка к разумному объяснению окружающего мира не позволяла ему до конца поверить в чудо. Ему было легче поверить, что с помощью философского камня можно превратить человека в бессмертное животное, каких было немало на острове, но чтобы вернуть молодость и красоту и фактически обессмертить это чудо природы… Нет, это трудно было принять. Он также знал, что с помощью энзима можно продлить жизнь, но не мог предположить, что так просто отмотать лет пятьдесят назад.

В конце концов Остин пришел в себя.

– Насколько я понимаю, мадам Фошар, работа доктора Маклина оказалась гораздо более эффективной, чем можно было себе представить.

– Не стоит все приписывать только доктору Маклину, – холодно ответила она. – Он сыграл роль бабки-повитухи при родах, не более. Что же до мистической формулы жизни, то ее изобрели до того, как он на свет божий появился!

– Вы сейчас выглядите намного лучше, чем несколько дней назад, – не без ехидства

заметил Остин. – Интересно, сколько времени отнимает процедура полного превращения?

– Продлевающее жизнь вещество слишком мощное, чтобы принимать его за один раз, – улыбнулась она. – У меня должно быть три таких процедуры. Первые две дали мне то, что вы видите сейчас, за двадцать четыре часа, а последнюю дозу я только собираюсь принять.

– Вы хотите позолотить эту прекрасную лилию?

Расин зарделась от неожиданного сравнения себя с прекрасным цветком.

– Дело в том, что третья доза закрепляет все то, что было достигнуто в результате принятия первых двух, и фактически обеспечивает вечную молодость. После третьей процедуры, которая будет продолжаться не более часа, я фактически начну свой долгий путь в вечность. Но хватит болтать о химии. Почему бы вам не представить мне вашего друга? Похоже, он не может оторвать от меня глаз…

Завала не видел мадам Фошар в ее прежнем облике, и она поразила его до глубины души. Сейчас он видел перед собой прекраснейшую женщину из всех, что ему доводилось встречать. Джо был так ошарашен, что от восхищения невольно пробормотал несколько слов по-испански, а потом улыбнулся кончиками губ. Даже наведенные на него пистолеты и автоматы не смогли охладить восхищение столь прекрасным чудом природы.

– Мой коллега Джо Завала, – представил его Остин. – Джо, познакомься с мадам Фошар, хозяйкой это старой и тем не менее великолепной груды камней.

– Мадам Фошар? – переспросил Завала, разинув рот.

– Да, а что вас так взволновало? – кокетливо спросила она.

– Ничего… Просто я ожидал увидеть совсем другого человека.

– Похоже, месье Остин описал меня вам как мешок с костями, – заметила она, холодно блеснув глазами.

– Нет-нет, что вы, – поспешил возразить Завала, все еще тараща глаза на ее великолепную фигуру. – Он сказал, что вы очень умны и просто очаровательны.

Этот ответ, казалось, полностью удовлетворил даму, она мило улыбнулась.

– Насколько я могу судить, ваше агентство НАПИ специально подбирает вежливых и деликатных сотрудников, и, разумеется, настоящих профессионалов. Именно эти качества дали мне возможность надеяться, месье Остин, что вы непременно вернетесь сюда, чтобы спасти вашу даму сердца. – Расин выразительно посмотрела на пурпурные от виноградного сока лица мужчин. – Если вы хотели испробовать вкус моего винограда, то было бы гораздо лучше купить бутылку вина, чем давить ягоды в кузове грузовика.

– Ваше вино, мадам, выше наших финансовых возможностей, – скромно заметил Остин.

– Неужели вы действительно поверили, что можете так запросто проникнуть в замок, оставаясь незамеченными? Видеокамеры засекли вас еще в тот момент, когда вы перебегали по каменному мосту. Марсель предположил, что вы попытаетесь проникнуть в замок с другой стороны, и расставил для вас ловушки.

– Очень мило с вашей стороны, что вы оставили открытыми ворота, – продолжал насмешливым тоном Остин.

– Но вы оказались слишком умным, месье Остин, чтобы заглотить эту приманку. Мы и представить себе не могли, что вы осмелитесь залезть в дом через подвалы. Вы ведь знали, месье Остин, что замок надежно охраняется. На что же рассчитывали, пробираясь сюда?

– Я очень надеялся покинуть ваш замок вместе с мадемуазель.

– Ну что ж, значит, вы потерпели полное поражение в этом романтическом предприятии.

– Похоже на то, – согласился Остин. – Но если говорить о романтике, то, может быть, вы предоставите мне утешительный приз? Помнится, во время нашей первой встречи вы обещали, что когда-нибудь расскажете о своей семье. Почему бы вам не воспользоваться таким случаем? А я, в свою очередь, поделюсь с вами своей информацией.

– Восхищена вашей наглостью, месье Остин, но должна заметить, что мои сведения не идут ни в какое сравнение с тем, что можете сообщить мне вы. – Расин сделала паузу,

величественно скрестила на груди руки и вскинула вверх подбородок. Остин уже видел этот красноречивый жест, свидетельствовавший о глубоких раздумьях. Впрочем, сомнения продолжались не очень долго. В конце концов хозяйка повернулась к Марселю и приказала ему убрать из оружейной комнаты всех посторонних, имея в виду Завалу и Скай.

– Я бы не стал делать этого на вашем месте, – предупредил Остин и сделал несколько шагов в сторону Скай, чтобы в любую минуту броситься на защиту девушки. Охранники вскинули автоматы, но мадам Фошар сделала им знак рукой, приказывая оставаться на месте.

– Ваше благородство, месье Остин, кажется, не знает границ, – ухмыльнулась она. – Но вам не стоит опасаться за судьбу своей дамы. Ваши друзья будут неподалеку, и вы сможете видеть их. Я просто хочу поговорить с вами наедине.

Мадам Фошар жестом предложила американцу сесть на тот самый деревянный стул, к которому совсем недавно была привязана Скай, и щелкнула пальцами. Крепкие охранники притащили огромное и очень тяжелое деревянное кресло, напоминающее королевский трон, и она уселась напротив него, а потом сказала несколько слов Марселю по-французски. Он приказал стражникам отвести пленников в дальний конец зала, где их можно было видеть. Остальные оттащили в сторону поверженных рыцарей.

– Итак, мы наедине, – сказала мадам Фошар, уставившись на Остина холодными глазами. – И, чтобы у вас не было никаких соблазнов: мои люди мгновенно прикончат ваших друзей, если вы посмеете совершить какую-нибудь глупость.

– Ничего подобного у меня и в мыслях не было, – заверил ее Остин. – Спектакль настолько интересен, что просто не может закончиться слишком быстро. Это противоречило бы законам жанра. Скажите, пожалуйста, что за одеяние сейчас на верховной жрице?

– Вы же знаете, месье Остин, что я обожаю красивые костюмы. Вам нравится накидка?

Остин поймал себя на мысли, что не может оторвать глаз от ее изящных форм. Расин Фошар была действительно прекрасна, но при этом напоминала искусную восковую фигуру, в которой все было совершенством, за исключением одной-единственной черты: в ее глазах была та же холодная сталь, из которой поколения ее предков изготавливали свои знаменитые мечи, шпаги и рыцарские доспехи.

– Я действительно нахожу вас в высшей степени очаровательной, но…

– Но все-таки не можете смириться с мыслью, что перед вами столетняя женщина.

– Дело не в этом, – покачал головой Остин. – С возрастом все в порядке, но я все-таки не могу смириться с мыслью, что передо мной хладнокровная и жестокая… убийца.

Она артистично вскинула брови:

– Месье Остин, это что, ваша странная манера флиртовать?

– И в мыслях не держал.

– Очень жаль. За последние сто лет у меня было немало хороших любовников, но вы превосходите всех, вместе взятых. – Дама сделала многозначительную паузу и пристально посмотрела ему в глаза. – Разумеется, вы очень опасный человек, но оттого еще более привлекательны. Впрочем, сейчас не об этом. Прежде всего вы должны выполнить свое обещание и поделиться *со* мной информацией. Что вам известно о моей семье?

– Известно, например, что вы и ваше семейство наняли доктора Маклина для изобретения эликсира жизни, который сам он назвал философским камнем. А потом вы убивали всех, кто имел неосторожность встать на вашем пути, и еще – создали целую группу человекообразных красноглазых мутантов.

– Довольно обстоятельный обзор, но вы все же скользите по поверхности.

– В таком случае расскажите о том, что лежит глубже. Она помолчала, погрузившись в какие-то очень далекие воспоминания, потом произнесла:

– Наш род уходит корнями в минойскую цивилизацию, которая достигла расцвета как раз перед величайшим извержением вулкана на острове Санторин. Мои далекие предки были жрецами минойского культа богини-змеи и славились своим богатством и могуществом, но потом соперники прогнали их с острова. А через несколько недель там началось извержение

вулкана, и весь остров был уничтожен. Тогда мы поселились на Кипре, где начали заниматься оружейным бизнесом. Символ змеи постепенно преобразовался в "копье, а вскоре была основана и фирма «Фошар».

– Как же вам удалось перейти от копья к мутантам?

– Это было логическим продолжением нашего семейного оружейного бизнеса. На рубеже веков наша компания «Спиар индастриз» основала специальную лабораторию для изучения способов создания суперсолдата. Из опыта Гражданской войны в США мы хорошо знали, что затяжная позиционная война в будущем неизбежно заведет в тупик. Сначала будет стрелять одна сторона, потом другая, и в результате позиции сторон останутся неизменными. И все это рано или поздно канет в прошлое под натиском автоматического оружия, – оно уже создавалось в те годы. Поэтому нам нужен был солдат, который смог бы без страха бросаться на укрепления и в окопы противника, как древние викинги. Кроме того, этот солдат должен быть быстрым, выносливым и неуязвимым, обладающим способностью быстро залечивать раны. В конце концов нам удалось создать такую формулу, новое средство даже испытали на добровольцах.

– В том числе, например, на Пьере Леване?

– Не помню этого человека, – сказала она, нахмурившись.

– Капитан Леван был офицером французской армии и стал первым из мутантов, созданных в результате ваших исследований.

– Ах да, смутно припоминаю. Если не ошибаюсь, это был красивый и храбрый молодой человек.

– Сейчас вы бы его ни за что не узнали.

– Прежде чем начнете упрекать меня, вспомните, что это были добровольцы – рядовые и офицеры, которые страстно желали стать первыми в мире суперсолдатами.

– А они знали, что, получив сверхъестественные способности, могут превратиться в отвратительных чудовищ? – Тогда никто из нас этого не знал. Исследования только начинались, необходимых гарантий не было и быть не могло. Солдаты обрели сверхчеловеческую силу и быстроту реакции, но потом стали превращаться в неконтролируемых и весьма опасных тварей. Зверей…

– Да, именно зверей, которые могут вечно наслаждаться своими звериными повадками.

– Средство продления жизни стало побочным продуктом исследований, во многом неожиданным для нас самих. Однако самое удивительное заключалось в том, что это средство позволяло не только продлевать жизнь, но и возвращать молодость. Если бы не Жюль, мы бы давно уже разработали эликсир.

– Значит, ваш брат оказался слишком сознательным человеком?

– Нет, он оказался самым настоящим глупцом, – с нескрываемой злостью отрезала мадам Фошар. – В нашем величайшем научном открытии Жюль почему-то увидел благо для всего человечества. Он долго уговаривал меня и других членов семьи прекратить нагнетание военной истерии и обнародовать результаты наших научных исследований. А я натравила на него весь наш род. В конце концов брат сбежал от нас на своем самолете и прихватил важные документы, изобличающие Фошаров в подготовке к войне. Полагаю, он хотел использовать их для шантажа и непременно сделал бы это, если бы его не сбили над Альпами.

– А почему он забрал с собой шлем?

– Это символ нашей власти, он передавался из поколения в поколение старейшим и наиболее авторитетным представителем рода. Своими безумными действиями Жюль утратил право на этот шлем, и сейчас он должен вернуться ко мне.

Остин откинулся на спинку стула и заложил руки за голову.

– Итак, Жюль сбежал от вас вместе с компрометирующими документами и, стало быть, уже никак не мог помешать вам в научных исследованиях.

– Он очень помешал нам, так как уничтожил все сложнейшие математические расчеты базовой формулы, которые спрятал в шлеме. Умно. Даже слишком. Пришлось начинать

заново, а там были миллионы самых разнообразных комбинаций. Мы специально оставили мутантов живыми, надеясь на то, что однажды удастся раскрыть тайны формулы. Потом наши исследования прерывались войнами, экономическими кризисами. В годы Второй мировой войны мы были близки к успеху, но лабораторию разбомбила авиация союзников. Тот авианалет отбросил наши исследования на несколько десятилетий…

Остин иронично хмыкнул:

– Вы стали жертвой войны, в развязывании которой сыграли далеко не последнюю роль. Здесь действительно есть некая ирония судьбы.

– Если бы только ирония.

– А тем временем вы старели, как и все смертные…

– Да, я стала старой и немощной, – призналась Расин с неожиданной грустью. – Потеряла прежнюю красоту и превратилась в развалину. И все же должна признать, что мы добились некоторого успеха и смогли хоть немного задержать старение организма. Разумеется, я поделилась открытием с Эмилем, но время все равно брало свое. Смерть следовала за нами по пятам. Мы попытались получить настоящий энзим, однако успех был незначительным. И тогда один из моих ученых услышал о Затерянном городе и тех таинственных водорослях, которые там растут. Наконец-то мы получили недостающее звено и стали производить чудодейственный энзим. Я приобрела научно-исследовательскую компанию, приняла на работу доктора Маклина и поручила ему возглавить исследования, которые должны были вестись практически круглосуточно. Потом мы построили специальную подводную лодку для сбора сырья и создали лабораторию для получения нового энзима.

– А зачем убили научных работников из группы Маклина?

– Мы были далеко не первыми, кто устранял исследователей только потому, что они могли разболтать научные секреты. Британское правительство до сих пор ведет расследование таинственной гибели ряда научных сотрудников, которые работали над оборонным проектом создания ракет для «звездных войн». Мы – это был необычный эффект опытов – создали еще одну группу мутантов, ученые угрожали разоблачением, поэтому пришлось убрать их.

– Однако у вас возникла очередная серьезная проблема, – догадался Остин. – Ученые не успели завершить работу. Извините, мадам, но вся эта операция напоминает мне соревнование клоунов на арене цирка.

– Не совсем корректная аналогия. Моя самая большая ошибка заключалась в том, что я позволила руководить исследованиями Эмилю Но когда он провалил проект, я снова взяла бразды правления в свои руки и вернула к работе доктора Маклина и других. К счастью, им удалось быстро восстановить прежние знания и фактически завершить свой труд.

– Значит, это Эмиль решил затопить тоннель подледником?

– Нет, это моя вина, – призналась Расин Фошар. – Я никогда не посвящала сына в тайну нашего родового шлема, поэтому он не искал его до тех пор, пока не затопил тоннель.

– Еще одна ваша ошибка?

– К счастью, мадемуазель Лабель извлекла шлем из толщи льда, и сейчас он в моем полном распоряжении. Это было последнее недостающее звено, и, получив его, мы закрыли лабораторию. Как видите, мы делали ошибки, но всегда учились на них. А вы, очевидно, нет. Благополучно скрывшись отсюда прошлый раз, вы снова вернулись, чтобы остаться здесь навсегда.

– Не уверен, что все будет по-вашему.

– То есть?

– Вы что-нибудь слышали об Эмиле в последнее время?

– Нет. – Впервые за время беседы на лице Расин появилось сомнение. – Где он?

– Если вы нас отпустите, я с превеликим удовольствием расскажу вам.

– О чем вы говорите?

– Перед тем как вернуться в ваш замок, я был на леднике. Так вот, ваш сын Эмиль

находится в моих руках.

– Какой позор, – проворчала мадам Фошар и щелкнула пальцами. – Жаль, что вы не убили его.

– Вы блефуете, мадам Фошар, – улыбнулся Остин. Не забывайте, речь идет о жизни и смерти вашего родного сына!

– Не стоит напоминать мне о моих семейных обязательствах, – процедила она ледяным тоном. – Мне плевать, что случится с Эмилем, и уж тем более с его верным другом и полным кретином Себастьяном. Эмиль хотел захватить власть в семье и лишить меня всех прав: Если хотите знать, я должна была бы убить его своими руках Если это сделали вы, то тем самым оказали мне величайшую услугу.

Остин чувствовал себя так, словно его только что лишили важнейшего козыря в сложной карточной игре.

– Да, мне следовало бы знать, что мать-змея иногда пожирает свои яйца.

– Вам не удастся оскорбить меня своими глупыми насмешками. Несмотря на внутренние раздоры и конфликты, наш род всегда находил выход из затруднений, становясь с каждым столетием все более могущественным.

– Проливая реки крови.

– Какое нам дело до чьей-то крови? Это наиболее дешевый расходный материал на земле.

– Некоторые люди могут с вами не согласиться.

– Вы и представить себе не можете, в какую историю вляпались по собственной глупости, – язвительно заметила мадам Фошар и презрительно поджала губы. – Вы что, действительно считаете, что знаете нас? В нашей истории много скрытых пластов, о существовании которых вы даже не подозреваете. Род Фошаров уходит корнями в далекое прошлое. Когда ваши предки переворачивали гнилые бревна в поисках съедобных жуков, мои уже производили высококачественные клинки и продавали их соседям! У нас нет и никогда не было никакой национальной принадлежности, и в то же самое время в нас растворены все нации. Мы продавали оружие грекам, которые сражались с персами, и персам для борьбы с греками. Римские легионы маршировали по Европе, прокладывая себе дорогу нашими мечами. А теперь мы овладели временем и будем использовать его в своих целях, как когда-то использовали прочную сталь.

– Хорошо, предположим, вы проживете еще сотню лет, а то и тысячу, а дальше что?

– Дело не в том, как долго ты живешь, а в том, чем ты наполняешь отпущенное тебе время. Почему бы вам не присоединиться ко мне, месье? Я высоко ценю вашу смелость и умение держать себя в руках. Может быть, я нашла бы место даже для ваших друзей. Подумайте над моим предложением. Бессмертие! Вечная молодость! Разве не в этом все человеческие мечты и надежды?

– Ваш сын сделал мне точно такое же предложение.

– И что?

На лице Остина появилась холодная усмешка.

– Все мои мечты и надежды заключаются в том, чтобы отправить вас и ваших бандитов в ад к вашему сыночку.

– Значит, вы и впрямь его убили! – воскликнула мадам Фошар и захлопала в ладоши. – Очень хорошо, месье Остин, я на это и рассчитывала. Вы должны знать, что я не отношусь к своему предложению так серьезно, как вы могли бы себе представить. За прошедшее столетие я убедилась, что сознательные люди всегда представляют серьезную опасность. Если вы и ваши друзья хотите быть частью моих замыслов, так тому и быть. В благодарность за то, что вы устранили моего сына, я не убью вас прямо сейчас. Более того, позволю вам присутствовать при рождении человека нового мира. – Расин сунула руку в декольте и вынула небольшой янтарный пузырек, который подняла высоко над головой. – Вот эликсир жизни.

А Остин вспомнил доктора Маклина, и его глаза блеснули от волнения, когда он

подумал над последними словами ученого.

– Ваша безумная идея никогда не будет воплощена в жизнь, – спокойно сказал он.

Расин бросила на американца удивленный взгляд, ее губы растянулись в презрительной ухмылке.

– И кто может остановить меня? Вы? Вы посмеете противопоставить свой скудный умишко интеллектуальной мощи целого столетия?

Она откупорила пузырек, поднесла к губам и одним глотком выпила содержимое. В этот момент ее лицо, казалось, сияло каким-то внутренним светом. Какое-то время Остин как зачарованный смотрел на нее, и ему казалось, что он видит перед собой истинное чудо, но чары быстро рассеялись. Расин с удивлением заметила, что мужчина включил таймер на своих наручных часах.

– Можете смело выбросить свои допотопные часы, – произнесла она вызывающе. – В моем мире время не имеет абсолютно никакого значения.

– Простите, мадам, что пренебрег вашим предложением, но в моем мире время все еще определяет ход событий.

Расин Фошар смерила Остина презрительным взглядом, гордо вскинула голову, затем едва уловимым жестом подозвала Марселя. Охранники вывели пленников из оружейной комнаты и повели по каменной лестнице вниз, в подземелье.

Когда за ними закрылась массивная дубовая дверь, Остин вспомнил предупреждение французского пилота, директора музея авиации: «У семьи Фошар темное прошлое». Затем посмотрел на часы и помолился богам, которые управляют глупцами и авантюристами, чтобы они не подвели его. Если ему и его друзьям улыбнется удача, у дьявольской семейки нет будущего.

Глава 42

Расин сняла со стены факел и грациозно направилась к двери, откровенно наслаждаясь обретенной молодостью. Легко спускаясь по каменным ступенькам в подземелье замка, она являла собой невероятный контраст с мрачными стенами и сырыми потолками. За ней угрюмо шествовала Скай, от которой старался не отставать Остин, а за ним, в свою очередь, пристально следил один из охранников. Процессию замыкали стражники во главе с Марселем, которые не спускали глаз с Завалы. Впрочем, Марсель следил за всеми и вообще вел себя, как опытный пастух, строго наблюдающий за вверенным ему стадом. Они миновали несколько темных камер, уже знакомых Остину, но не остановились, а стали спускаться ниже, в самое чрево подземелья. Воздух становился все более сырым.

Последняя каменная лестница закончилась небольшой площадкой, от которой тянулся узкий проход длиной не менее ста футов. В конце прохода они наткнулись на старинную дверь. Она открылась довольно легко, будто ее петли были хорошо смазаны маслом. За дверью находился еще один узкий тоннель, который они преодолели в течение нескольких минут. Остин механически просчитал в уме все варианты возможного спасения и пришел к выводу, что на самом деле таких возможностей у них не осталось. По крайней мере на данный момент. Траут получил инструкцию оставаться на месте и ждать его звонка.

По мере продвижения по узким коридорам Остин все чаще сомневался в своих расчетах. Все пошло не так, как он предполагал. Расин была беспощадна, вряд ли такая женщина согласится на компромиссы. Остин мог понять, что она убила своего брата, но не мог предположить, что с такой же легкостью Расин готова убить и родного сына. Он поднял голову и посмотрел на идущую впереди Скай. Она тащилась вслед за мадам Фошар, постоянно поправляла спадающие на лицо волосы и, казалось, ни о чем не думала. Остину сейчас больше всего хотелось, чтобы ей не пришлось расплачиваться за его ошибки.

Узкий коридор закончился очередной массивной дверью, которую открыли так же легко, как и предыдущую. Расин вошла первой и помахала факелом, разбрасывая зловещие тени на сырые темные стены. В дальнем конце камеры стоял небольшой каменный стол

шириной около двух футов.

– Я называю эту место «мостиком вздохов», – сказала Расин негромко, но мелодичный голос эхом разнесся по мрачному подземелью. – Он намного старше, чем аналогичное сооружение в Венеции. Послушайте. – Все услышали завывание ветра, напоминающее стоны и вздохи каких-то призраков, которые сливались в заунывный хор и распространялись вокруг, мягко теребя длинные золотистые волосы хозяйки. – Лучше здесь не останавливаться.

Расин быстро перешла через небольшой мостик, освещая путь тусклым светом факела. Скай застыла в нерешительности, но подоспевший Остин подтолкнул ее вперед, туда, где мелькала изящная фигура хозяйки замка. Слабый ветерок теребил края их одежды и подгонял жутковатым завыванием. Им пришлось пройти еще три десятка футов, но иногда казалось, что расстояние составляет несколько миль.

Джо Завала был прирожденным спортсменом и к тому же занимался боксом в колледже, поэтому он легко преодолел это расстояние, твердо ступая по сырому каменному полу. Что же до остальных, им пришлось испытать несколько весьма неприятных минут. Даже охранники во главе с Марселем замедлили шаг и втянули головы в плечи, ясно показывая, что им не по нраву эти служебные обязанности.

Вскоре один из охранников отпер огромную дубовую дверь, и вся процессия перешла из подземелья в большой зал, где воздух был на удивление сухим и пропитанным сильным запахом древесины. В длину помещение составляло не менее двенадцати футов. Расин подошла к невысокой стенке, расположенной между двумя массивными квадратными колоннами, и показала жестом, чтобы остальные следовали за ней.

Все пространство напоминало своей формой амфитеатр с длинными рядами каменных сидений, а впереди открывалась небольшая круглая арена, освещенная множеством факелов. Все сиденья были заняты странными неподвижными фигурами.

Остин с удивлением уставился на арену и на молчаливых зрителей.

– Вы не перестаете удивлять меня, мадам Фошар.

– Знаете, лишь немногие посторонние имели возможность видеть этот склеп. Здесь святая святых древнего рода Фошаров.

Остин заметил, что страх Скай мгновенно сменился профессиональным чувством любопытства.

– Это же точная копия Колизея! – воскликнула она, восхищенно оглядываясь. – Точно такие же колонны, римские арки – все то же самое, кроме, разумеется, размеров.

– В этом нет ничего удивительного, – спокойно отозвалась Расин. – Это действительно уменьшенная копия Колизея, сооруженного измученным ностальгией проконсулом. Когда мои далекие предки искали место для строительства этого замка, они подумали, что, если построить дом на месте, где гладиаторы проливали свою кровь, это укрепит воинственный дух рода. Правда, далекие пращуры несколько модифицировали это здание и создали прекрасную систему естественной вентиляции, которая обеспечивает поступление свежего воздуха, но во всем остальном они сохранили верность традиции.

Остин был настолько поражен видом этого склепа, что ожидал услышать приглушенные голоса зрителей, покашливание или чиханье. Мертвая тишина казалась ему неестественной.

– Кто эти люди? – спросил он Расин.

– Если позволите, я представлю вас, – произнесла она и стала спускаться в амфитеатр по каменным ступенькам.

На самом нижнем уровне охранник открыл перед ними металлическую решетку, и вся группа вошла в темный узкий коридор. Расин объяснила, что именно по этому коридору проходили гладиаторы и другие участники массовых представлений. Узкий проход вывел их на край арены, пол которой был покрыт толстым слоем белого песка.

Посреди арены возвышался мраморный помост высотой примерно пять футов, на прямоугольную вершину которого вели каменные ступеньки. Остин с изумлением

вглядывался в лица стражников – те выстроились по периметру арены, – когда услышал рядом с собой сдавленный возглас Скай. Она не отпускала его руку с тех пор, как пленники прошли по мостику. Сдавив его пальцы, Скай уставилась куда-то в зал. Остин проследил ее взгляд и посмотрел на первый ряд сидений. Желтый свет факелов выделял из темноты сморщенные лица и кости тех, кто заполнял все места в этом жутком амфитеатре. Это были мумифицированные тела.

– Ничего страшного, – успокоил ее Остин. – Они уже не представляют для нас опасности.

Завала тоже был поражен зрелищем.

– Это же огромная гробница, – прошептал он.

– Да, трудно представить себя выступающим перед этой живой публикой, – усмехнулся Остин и повернулся к мадам Фошар: – Джо прав, святая святых вашего рода представляет собой своеобразный мавзолей.

– Напротив, – решительно возразила Расин. – Именно здесь, на этом самом подиуме, я бросила вызов Жюлю в 1914 году. И здесь же он клялся нам всем, что будет неукоснительно соблюдать наказы семейного совета. Если бы Эмиль не натворил глупостей, я поместила бы тело брата на свободное место в амфитеатре, чтобы он мог воочию убедиться в моем триумфе.

Остин живо представил себе, как брат мадам Фошар разъясняет всем этим мумиям смысл своего благородного поступка.

– Должен признать необыкновенное мужество вашего брата Жюля, который посмел восстать против жестокого клана, – тихо сказал он.

Расин проигнорировала его замечание, повернулась на каблуках, как заправская балерина, привыкшая к столь странной аудитории, и показала рукой на нескольких членов рода, которые, по ее словам, отвергли притязания Жюля много лет назад.

– Простите, если я не очень хорошо разглядел, – осторожно заметил Остин, – но на их лицах такое выражение… Кажется, они так и не смогли смириться с предательством вашего брата.

– Жюль не просто предал нас, он выступил против истории нашего рода, насчитывающей пять тысяч лет! Когда Фошары попали во Францию вместе с крестоносцами, то принесли с собой останки всех умерших предков, чтобы те всегда были вместе с живыми.

– Нужно ли было проходить через такие испытания, чтобы поместить здесь эти обтянутые кожей кости?

– Наша семья всегда мечтала о вечной жизни. Как и древние египтяне, Фошары верили, что, если сохранить тело, жизнь рано или поздно снова вернется в него. Мумификация является самым первым и самым грубым способом бальзамирования тела и предвосхитила современную криогенную технику. Первые мастера этого дела использовали сосновую смолу, а не жидкий кислород, как сейчас. – Расин посмотрела поверх плеча Остина. – Я вижу, стали прибывать наши гости. Думаю, можно приступать к церемонии.

Арену стали заполнять похожие на призраков люди в белых одеждах, разделенные на две равные группы – мужчин и женщин. Их было около двух дюжин, а сморщенные бледные лица создавали впечатление, что эти «гости» моложе расположенных здесь мумий всего лишь на несколько десятков лет. Они по очереди подходили к мадам Фошар, смиренно целовали ей руку и выстраивались в круг по периметру арены.

– Вы уже знакомы со многими из них, – сообщила Расин Остину. – Видели их на моем костюмированном балу. Это наследники старых семей – производителей оружия.

– В костюмах они выглядели намного лучше, – ухмыльнулся Остин.

– Превратности судьбы не щадят никого, но скоро они станут элитой и вместе со мной будут править миром. А Марсель позаботится о создании нашей личной армии.

Остин громко рассмеялся, и все гости повернулись к нему.

– Значит, этот безумный спектакль вы затеяли только ради установления господства

над миром? – спросил он.

В глазах Расин плескалась холодная ярость.

– Вам это кажется смешным? – процедила она сквозь зубы.

– Вы далеко не первая сумасшедшая, которая мечтает о господстве над миром, – заметил он. – До вас были Чингисхан и Гитлер, но вы же знаете, чем все закончилось, – массовым кровопролитием, не более того.

Расин взяла себя в руки.

– Представьте себе, каким мог бы быть современный мир, если бы они были бессмертными.

– Не думаю, что большинство людей хотели бы жить в таком мире.

– Вы ошибаетесь. Достоевский был прав, когда говорил, что человечество всегда будет стремиться к тому, чтобы найти себе нового кумира, которому можно было бы поклоняться. Когда весь мир затянет вонючей болотной тиной, люди будут встречать нас как спасителей. Не сомневаюсь, что в агентстве НАПИ есть специалисты, которые уже обратили внимание на те океанские водоросли, которые распространяются по всему миру, как зеленая раковая опухоль.

– Горгона?

– Вы дали ей такое название? Весьма красноречивое и в высшей степени соответствует характеру растения.

– Эта эпидемия еще не стала достоянием широкой общественности. А как вы узнали об этом?

– До чего вы наивны! Я сама создала это растение. Меня никогда не прельщала перспектива вечной жизни в полном одиночестве, а тут мои ученые неожиданно обнаружили растение-мутант, которое явилось побочным продуктом наших экспериментов. Как только мне сообщили, я сразу сообразила, что это прекрасное средство для реализации моих далеко идущих планов. И превратила всю территорию Затерянного города в плантацию для выращивания этих ненасытных водорослей.

Остин с восхищением отметил про себя выдающийся ум Расин Фошар и способность мыслить комплексно, в результате чего эта женщина всегда на шаг опережала остальных.

– Значит, именно поэтому вы решили ликвидировать научную экспедицию Океанографического института «Вудс-Хол»?

– Разумеется. Я просто не могла позволить, чтобы эти недоумки разрушили мои планы!

– Неужели вы хотите править миром, пребывающим в состоянии хаоса?

– Вот в этом-то все и дело. Когда все страны мира окажутся на краю гибели, не выдержав экономического кризиса, всемирного голода и разрушения политической системы, на сцену выйду я и спасу всех от глобальной катастрофы.

– Вы хотите сказать, что можете уничтожить эти водоросли?

– Так же легко, как, например, убить вас и всех ваших друзей. И тогда все обреченные на гибель люди начнут поклоняться нам, бессмертным, какими станут мои сторонники сегодня вечером. Они вернутся в свои благословенные страны и постепенно приберут к рукам бразды правления. Мы высшие существа, и наша мудрость позволит устранить все недостатки демократии с ее опорой на толпу простолюдинов. Мы будем богами!

– Полубогами, которые живут вечно? Не очень привлекательная перспектива.

– Для вас и ваших друзей. Но вы не расстраивайтесь, я могу позволить вам продолжить существование в каком-нибудь другом состоянии. Например, в качестве домашних животных. Вы ведь знаете, что я могу в течение нескольких дней превратить любого человека в звероподобное существо. Весьма увлекательный процесс. Было бы любопытно посмотреть, как вы станете относиться к своей даме сердца, которая превратится в самое настоящее животное. Интересно, захочется ли вам ее обнять?

– Я бы на вашем месте поостерегся, – покачал головой Остин. – Может случиться, что ваш чудодейственный эликсир жизни быстро закончится.

– Ни в коем случае. Мои лаборатории будут производить его в таком количестве,

которое мне потребуется!

– Вы давно связывались со своим островом?

– Мне нет никакой необходимости поддерживать постоянный контакт. Мои люди на острове прекрасно знают свое дело.

– Ваших людей больше нет, а все лаборатории разрушены. Я сам был там и видел это собственными глазами.

– Не верю.

Остин улыбнулся, но его светло-голубые глаза были печальны.

– Ваши мутанты вырвались на свободу и в мгновение ока расправились с полковником Стрегой и остальными охранниками. Потом они разгромили лаборатории, но это уже не важно. Они все равно вам больше не понадобились бы – и этот остров, и ваша подводная лодка находятся в руках Британских военно-морских сил. А гениальный ученый Маклин был застрелен одним из ваших же охранников.

Расин растерянно заморгала, лихорадочно размышляя.

– Ничего страшного, – наконец опомнилась она. – У меня вполне достаточно средств, чтобы построить сотни подобных лабораторий на каких-нибудь других островах. Что же до Маклина, его все равно должны были ликвидировать вместе с другими исследователями. Самое главное, что у меня есть формула эликсира жизни. Стало быть, я победила, а вы и ваши друзья проиграли.

Остин посмотрел на часы.

– Жаль, что вы не сможете увидеть крах своей утопии, – тихо сказал он с вернувшимся к нему чувством уверенности.

– Вас, по-моему, очень беспокоит бег времени, – заметила Расин. – Может быть, вы спешите на деловое свидание, а мы задерживаем вас?

Остин посмотрел на нее покрасневшими от напряжения глазами.

– Нет, это вам предстоит важная встреча.

Расин опешила от такой наглости.

– С кем?

– Не с кем, а с чем. С тем, чего вы больше всего боитесь.

Расин насупилась.

– Я не боюсь ничего и никого.

С этими словами она резко повернулась и грациозно направилась к возвышению.

В тот же момент из круга людей в белых одеяниях отделилась пожилая пара. Женщина держала в руках поднос, на котором стояли янтарные колбочки, точно такие, из какой Расин выпила эликсир в оружейной комнате. А мужчина держал в руках шкатулку резного черного дерева, украшенную слоновой костью с изображением трехглавого орла.

Скай крепко сжала руку Остина.

– Это те самые люди, которые похитили меня в Париже, – прошептала она. – Что делать?

– Ждать, – так же тихо прошептал он и снова посмотрел на часы, хотя и без того знал, что прошла всего лишь минута.

События развивались слишком быстро, и Остин стал лихорадочно обдумывать запасной вариант действий. Он посмотрел на Завалу, словно предупреждая, чтобы тот был начеку. Джо кивнул в ответ, давая понять, что понял: следующие несколько минут станут решающими в их судьбе.

Расин тем временем открыла шкатулку, вынула оттуда шлем и под звуки редких аплодисментов стала подниматься на подиум. Там она остановилась, подняла шлем высоко над головой, а потом осторожно, словно подчеркивая торжественность момента, водрузила себе на голову, после чего обвела взглядом присутствующих.

– Вы проделали нелегкий путь в святая святых нашего рода, и я рада, что все благополучно пересекли «мостик вздохов».

В толпе раздался приглушенный смех.

– Но вам не стоит беспокоиться, – продолжала она. – Вы найдете в себе силы перепрыгнуть через него на обратном пути. Скоро мы все станем богами, которым будут поклоняться смертные, те, кому будут недоступны наша мудрость и наша власть над миром. Совсем недавно я была такой же, как вы сейчас. А вы скоро станете такими же, как я сейчас.

Люди в белых одеждах жадно таращили глаза на ее сияющее лицо и изящную фигуру.

– Последнюю дозу этого чудесного вещества я приняла всего час назад, – продолжала Расин. – А сейчас то же самое предстоит сделать вам, мои благородные друзья. Вы долго верой и правдой служили мне, и поэтому заслужили честь обрести бессмертие. Сейчас вы выпьете настоящий эликсир вечной жизни, который лучшие умы человечества тщетно искали на протяжении многих веков.

Женщина с подносом пошла по кругу, и десятки рук потянулись к пузырькам с чудодейственным средством.

Остин уже был готов наброситься на охранника и повалить его на землю. Завала тем временем собирался схватить за руку Скай и броситься в коридор. Остин понимал, что для него это будет смертельный номер, но он не мог позволить, чтобы пострадали друзья, которых он втянул в эту жуткую историю. Он подал знак Завале и приготовился к броску, когда среди людей в белых одеждах послышался глухой ропот.

Последователи мадам Фошар поднесли было к губам янтарные пузырьки, но вдруг застыли в недоумении. Расин Фошар растерянно провела рукой по тонкой шее, как будто у нее перехватило дыхание, в ее глазах промелькнула тревога, которая быстро сменилась паническим страхом. Она коснулась ладонями щек, и вдруг все увидели, что кожа на ее лице становится дряблой и приобретает желтоватый старческий оттенок, будто ее обильно полили кислотой.

– Что происходит? – выдохнула она и провела рукой по волосам, которые на глазах изумленных гостей стали утрачивать свой золотистый оттенок и превращаться в серовато-пепельные космы. И тонкие изящные пальцы вмиг превратились в костлявые когти хищной птицы. Расин Фошар с ужасом смотрела на свою кожу. – Что происходит?! – вскрикнула она не своим голосом.

– Она стареет на глазах, – прошептал кто-то в толпе, но этот шепот прозвучал как вопль отчаяния.

Расин с ненавистью уставилась в сторону говорящего, ее глаза стали быстро тускнеть, вваливаться в череп. Голова уменьшилась, шлем повис на морщинистой шее. Женщина дергалась всем телом и извивалась, как змея, отчего кожа на теле стала морщиться еще больше.

Наконец мадам Фошар сообразила, что случилось.

– Нет! – пыталась она закричать, но из горла вырвался лишь сухой хрип. – Неееееет! – простонала старуха и стала медленно опускаться на каменный пол – ноги уже отказывались держать дряхлеющую плоть. Оказавшись на коленях, она подняла голову, обвела всех затуманенными от злобы глазами и рухнула навзничь. Потом зашевелилась, проползла вперед около фута, почему-то протянула руку к Остину и наконец затихла.

Остин долго смотрел на умирающую старуху и испытывал искреннее чувство жалости, несмотря на то что она была виновна в многочисленных трагедиях и вполне заслужила подобную участь. Она и так слишком долго избегала встречи со смертью.

– Приятного пути в вечность, – прошептал он.

– Как вы узнали? – едва слышно спросила Расин, не поднимая головы.

– Мне рассказал об этом доктор Маклин незадолго до смерти. Он запрограммировал формулу эликсира таким образом, что это средство значительно ускоряет наступление старости, а не возвращает вечную молодость. Запускает процесс третья доза эликсира, после чего сто лет сжимаются до одного часа.

– Маклин, – пробормотала она, с трудом разжимая губы. После чего дернулась в последний раз и замерла, распластавшись на каменном полу.

В наступившей тишине гости мадам Фошар стали опасливо озираться, швырять

пузырьки с жидкостью на покрытую белым песком арену, а потом с визгом и шумом бросились к выходу из подземелья, оттеснив Марселя и его людей.

Остин решил воспользоваться всеобщей паникой, бросился на стоявшего рядом охранника и свалил на землю мощным ударом под дых. Завала тем временем схватил за руку Скай, и они рванулись к выходу вслед за Остином. Марсель, увидев, что пленники пытаются спастись бегством, и почувствовав ответственность за исполнение приказа хозяйки, выпустил по толпе очередь из автомата. Пули вонзились в тела одетых в белые балахоны соратников мадам Фошар, и толпа заметно поредела, но к тому времени Остин и его друзья уже успели скрыться в узком коридоре. Пока Скай и Завала бежали к лестнице, Остин остановился на мгновение перед металлическими воротами и защелкнул замок на двери, оставив преследователей и последователей наедине друг с другом. Пули щелкали по металлу, высекая снопы искр и разрывая в клочья тела гостей.

Остин остановился, приказал Завале и Скай не медлить ни секунды, а сам свернул в темный коридор, который вел к сиденьям амфитеатра. Как он и ожидал, Марсель и его охранники не стали взламывать металлическую решетку, а просто перелезли через каменную стену и уже поднимались на первый ряд сидений, значительно сократив путь. Остин снова вернулся на верхний этаж подземелья, увидел, что Завала и Скай ждут его, крикнул, чтобы они быстро выметались из катакомб, а сам вернулся в амфитеатр прежним путем. Марсель и его гвардия пробирались по сиденьям, расталкивая ногами мумии. Увидев Остина, Марсель отдал приказ открыть стрельбу, но тот успел укрыться за каменными сиденьями. Пули веером врезались в стену, у которой он только что стоял. Через минуту Марсель мог выбраться из амфитеатра, и тогда им уже не уйти. Надо было во что бы то ни стало остановить верного пса покойной уже мадам Фошар.

Не долго думая Остин выступил из-за укрытия, обращая на себя внимание охранников. Не успели те прицелиться, как он схватил со стены горевший факел и швырнул в середину амфитеатра. Факел, выписав дугу, упал на плотный ряд мумий, выплеснув сноп ярких искр. Пропитанные сосновой смолой мумии мгновенно вспыхнули, ярко осветив все пространство «Колизея». Огонь быстро распространялся по залу, а потом мумии внезапно стали взрываться, разбрызгивая вокруг себя языки пламени, как китайские пиротехнические изделия. Охранники попятились, а потом бросились обратно к арене, надеясь укрыться от огня в темном коридоре. Сам Марсель остался на месте и скрежетал зубами от ярости. Какое-то время он еще стрелял из автомата, но потом пламя поглотило его, и стрельба прекратилась.

Через несколько минут вся чаша амфитеатра была объята пламенем, коридоры и проходы заполнил густой едкий дым. В считанные минуты этот родовой мавзолей грозил превратиться в сущий ад, грозивший поглотить весь замок. В какой-то момент Остину показалось, что он стоит на краю огромной доменной печи. Низко пригнув голову и закрывая нос от едкого дыма, он стал на ощупь пробираться по каменной лестнице вверх. Обеспокоенные Завала и Скай поджидали его у самого входа к подземелье. Они побежали по темному тоннелю к пещере, где находился «мостик вздохов», благополучно пересекли его и стали подниматься. Завала прихватил по пути факел, но тот оказался бесполезным из-за пелены густого черного дыма. Вскоре он и вовсе погас.

Остин, присев на корточки, нащупал рукой гладко отполированные каменные плиты, по которым можно было ориентироваться в полной темноте. Завала и Скай сделали то же самое. Дым попадал в глаза, вызывал острое жжение и приступы кашля, но друзья медленно пробирались вперед. Возвращение на поверхность оказалось для них самым настоящим кошмаром. Задыхаясь и натыкаясь в темноте на какие-то предметы и острые утлы, они почти на четвереньках ползли вперед, понимая, что иного пути к спасению нет. Конечно, можно было свернуть в какой-нибудь проход и попытаться выйти к черному ходу, но Остин не был уверен, что сможет сориентироваться. Поэтому он решил подняться наверх, к оружейной комнате.

Он надеялся, что воздух в верхних помещениях замка будет намного чище, но,

переступив порог комнаты, увидел, что все вокруг заполнено черным дымом, который поднимался из подземелья. Остин вспомнил рассказ Расин Фошар об уникальной вентиляционной системе и понял, что скоро едкий дым заполнит весь замок. Правда, здесь было намного светлее, так что они без труда пересекли комнату и выскочили в коридор, стены которого были увешаны портретами Фошаров. Черный дым струйками стелился под потолком, а жара в коридоре была сравнима разве что с пустыней Сахарой. Остину не понравилось сочетание едкого дыма и высокой температуры, и он скомандовал Скай и Джо быстрее шевелить ногами. Через несколько минут все подбежали к парадной двери, которая, к счастью, оказалась открытой, и выскочили во двор, где какое-то время молча стояли, переводя дыхание и жадно наполняя легкие свежим воздухом.

А воздух с улицы тем временем с шумом ворвался в открытую дверь и вызвал настоящий взрыв огня. Пламя мгновенно охватило коридоры и залы шато. Огонь безжалостно поглощал родовые портреты, подпитывался деревянными рамами и покрытыми маслом холстами. Иногда в коридорах мелькали скрюченные фигуры людей, в которых было легко узнать обезумевших от пожара охранников. Однако их печальная участь Остина и его друзей нисколько не волновала. Немного отдышавшись, они перешли мостик, вышли на стоянку, остановились у фонтана, где освежились холодной водой, промыли покрасневшие от дыма глаза и даже прополоскали рты, чтобы избавиться от едкого привкуса гари.

А пожар в это время только набирал силу. Вскоре весь замок был охвачен огнем. Остин, Завала и Скай медленно пошли по устланной гравием дорожке к темневшему неподалеку лесу, а позади еще долго раздавались взрывы, шум пламени и треск рушившихся перекрытий. Оглянувшись назад, они увидели, что весь замок полыхает, только высокие каменные башни по углам одиноко торчали из-за крепостных стен. Вскоре и они скрылись под густым дымом пожарища.

Огонь поднимался все выше, отдельные языки пламени вздымались до небес и исчезали за тучами. Вокруг было светло, как днем, но через некоторое время пламя стало затухать. Вместо огня в небо поднялся огромный столб пыли и копоти, который стал обретать форму ядерного гриба. – Господи Иисусе! – всплеснула руками Скай. – Что это такое?

– Падение дома Ашеров, – объяснил Остин.

Скай вытерла глаза краешком блузки.

– Что ты сказал?

– Так называется один из рассказов Эдгара По. Семья Ашеров и весь их дом сгнил до основания и рухнул. Как и дом Фошаров, который рухнул под тяжестью накопившихся грехов.

Скай долго смотрела на то место, где совсем недавно стоял замок.

– А мне больше нравится Руссо…

Остин положил руку на ее плечо и прижал к себе. Завала шел впереди, а они брели за ним по тропинке, которая в конце концов должна была вывести их к цивилизованному миру. Через некоторое время все трое вышли из густой аллеи и услышали звук мотора. На небе показался крошечный силуэт вертолета. У них уже не было сил бежать по полю навстречу садящейся машине, они остались стоять и просто помахали руками.

Когда вертолет коснулся земли, из него выпрыгнул Пол Траут и направился к ним, широко расставив руки.

– Вас подбросить? – шутливо спросил он.

Остин устало кивнул:

– Да, и хорошо бы принять душ.

– А мне не помешал бы глоток текилы, – добавил Завала.

– А меня бы устроила горячая ванна, – продолжила Скай.

– Всему свое время, – успокоил их Траут, приглашая в кабину вертолета, где с нетерпением ждала восторженно улыбающаяся Гэмей.

Все расселись по местам, пристегнулись, взмыли в воздух и, сделав круг над

дымящимися развалинами замка Фошаров, направились навстречу долгожданной свободе.

И больше никто из них ни разу не оглянулся.

Глава 43

Выстроенные в одну линию корабли растянулись вдоль всего континентального шельфа Атлантического побережья Соединенных Штатов – от Чесапикского залива до залива в штате Мэн. За несколько дней до этого корабли военно-морского флота и научно-исследовательские суда агентства НАПИ образовали здесь защитный пояс вдоль всей восточной части шельфа, чтобы предотвратить любое незаконное проникновение в акваторию со стороны суши. Но вскоре они были вынуждены отступить под натиском молчаливого неприятеля.

Над всей этой армадой целый день кружил вертолет агентства НАПИ, пристально наблюдая за продвижением судов. Когда вертолет оказался к востоку от мыса Хаттерас, сидевший за рулем вертолета Завала посмотрел в окно и сказал:

– Это похоже на Саргассово море, посаженное на гормоны.

Остин опустил вниз бинокль и грустно улыбнулся:

– По сравнению с этим ужасом Саргассово море выглядит как цветущий сад с благоухающими розами.

Раскинувшийся внизу океан был поделен на две неравные части. К западу от линии кораблей вода была нормальная темно-синяя, лишь изредка разбавленная белыми хлопьями пены, а к востоку от этой линии океан имел болезненный желтовато-зеленый цвет. Плотный слой водорослей горгоны покрывал огромное расстояние, образовав на поверхности воды толстый ковер, уходящий далеко за горизонт.

Остин и Завала наблюдали с борта вертолета, как суда тщетно пытались остановить наступление экспансивных водорослей. Военные корабли даже обстреливали зеленый ковер из мощных артиллерийских орудий, поднимая в воздух огромные фонтаны воды, но образовавшиеся прогалины затягивались в течение нескольких минут. А потом с авианосцев в воздух поднялись самолеты, сбросившие на поверхность океана тонны смертоносного груза в виде глубоководных бомб и ракет, но и это не привело к желаемому результату. По эффективности подобные меры напоминали укусы огромного слона москитами. Бороться с этими жуткими растениями пытались даже с помощью химикатов, которые распыляли над океаном, но пораженная поверхность быстро восстанавливалась, так как основная масса этого зеленого ковра находилась на глубине и в мгновение ока регенерировала.

Остин попросил Завалу сделать несколько кругов над двумя судами, которые пытались остановить наступление водорослей с помощью толстых шлангов, натянутых на поверхности воды. К сожалению, и эта попытка оказалась бесполезной. Импровизированный барьер действовал не более пятнадцати минут – огромная зеленая масса быстро накапливалась перед искусственной преградой, потом переваливалась через нее и продолжала свой путь, похоронив под собой толстые шланги.

– Ладно, я насмотрелся достаточно, – угрюмо проворчал Остин. – Давай обратно на судно.

Расин Фошар была мертва, ее кости давно рассыпались под развалинами родового поместья, но первая часть ее безумной мечты продолжала осуществляться. Как она и грозила, Атлантический океан быстро превращался в огромное болото, затянутое желтовато-зеленой тиной.

Остина сейчас утешало только то, что ни Расин Фошар, ни ее безумный отпрыск Эмиль уже никогда не смогут воспользоваться этой напастью ради своих эгоистических интересов. Однако утешение было слабым, так как запущенный ими разрушительный механизм продолжал действовать, угрожая поглотить весь Мировой океан.

На борт судна летели не менее получаса, и все это время Остин с ужасом наблюдал за тем, как военные корабли и спасательные суда сдают позиции и отступают перед

молчаливым зеленым чудовищем.

– Курт, – предупредил его Завала, – идем на посадку.

Вертолет опустил нос по направлению к большому американскому крейсеру и через несколько минут *сел* на палубу. Там сотрудников агентства НАПИ уже ждал Пит Мюллер, с которым они познакомились еще во время спасения людей у Затерянного города.

– Ну и как все это выглядит? – прокричал Мюллер, перекрывая грохот вертолета.

Ответ был ясен по угрюмому выражению лица Остина.

– Примерно так же, как и прежде.

Остин и Завала проследовали за Мюллером в кают-компанию, расположенную на нижней палубе, где собрались около тридцати членов команды, научных сотрудников агентства НАПИ и еще каких-то людей в военных мундирах. Кроме того, по дорогим костюмам людей в штатском Остин догадался, что сюда прибыли и какие-то важные чиновники правительственных министерств и ведомств, занимающихся обеспечением национальной безопасности. Все расселись на металлические стулья и стали слушать выступавшего.

Перед большим экраном стоял доктор Осборн, ведущий специалист Океанографического института в области экологии морской среды, который в свое время подключил Траута к решению проблемы бесконтрольного распространения горгоны. В одной руке он держал пульт дистанционного управления, в другой – лазерную указку. На экране была схема циркуляции водных масс в акватории Атлантического океана.

– Распространение водорослей начинается вот отсюда, из района Затерянного города, – говорил Осборн. – Канарское подводное течение относит их вниз, мимо Азорских островов, а потом сворачивает на запад и несет через всю Атлантику, где соединяется с Гольфстримом. А Гольфстрим, в свою очередь, переносит водоросли далеко на север вдоль континентального шельфа. Потом Гольфстрим соединяется с Североатлантическим морским течением, оно возвращается к берегам Европы, завершая таким образом Североатлантическую спираль. – Красная точка указки описала круг, завершая обзор. – Есть вопросы?

– С какой скоростью движется Гольфстрим? – спросил кто-то из зала.

– Пять узлов максимум. То есть более сотни миль в день.

– Насколько велико нынешнее распространение экологического загрязнения? – выкрикнул с места Мюллер.

Доктор Осборн щелкнул кнопкой на пульте, и схема океанских течений исчезла с экрана, а вместо нее появилось спутниковое изображение акватории Северной Атлантики. Огромное желтоватое пятно с извилистыми краями расползлось по всему океану, как гигантский лишайник.

– Этот снимок со спутника, сделанный в режиме реального времени, даст вам полное представление о текущем распространении горгоны, – прокомментировал Осборн. – А сейчас я покажу вам компьютерную схему дальнейшего расползания этой гадости. – Он нажал на кнопку, и на экране появилось другое изображение, где желтым была закрашена практически вся акватория Атлантического океана, за исключением небольшой центральной части, сохранившей природный темно-синий цвет.

В зале послышался гул возбужденных голосов.

– Сколько времени пройдет до этого ужасного момента? – вновь спросил Мюллер.

Доктор Осборн прокашлялся, как будто ему было трудно произнести следующие слова.

– Это дело нескольких дней.

В зале воцарилась мертвая тишина.

Между тем доктор Осборн еще раз щелкнул пультом, и картинка увеличилась до масштабов отдельного участка восточного побережья Северной Атлантики.

– Сейчас вы видите зону, вызывающую у нас наибольшие опасения. Как только горгона достигнет мелких вод вокруг континентального шельфа, мы окажемся в безвыходном положении. Прежде всего она разрушит всю рыболовную промышленность вдоль берегов

США, Канады и северо-западной Европы. Сейчас мы предпринимаем все возможные меры, чтобы не допустить этого. Я видел, что несколько минут назад к нам присоединился мистер Остин. Курт, вы можете прояснить ситуацию, складывающуюся в этом районе на данный момент?

«Вряд ли», – подумал Остин, пробираясь между рядами к трибуне. Остановившись перед экраном, он сделал многозначительную паузу и обвел взглядом побледневшие и оттого еще более встревоженные лица присутствующих.

– Вместе с моим напарником Джо Завалой мы только что закончили облет акватории. Вдоль всего континентального шельфа выставлены посты из военно-морских и научно-исследовательских судов, – сказал он, затем коротко обрисовал создавшуюся ситуацию. – К сожалению, – подвел он итог, – у нас нет никакой надежды.

– А как насчет химикатов? – спросил какой-то государственный чиновник.

– Они быстро разлагаются под воздействием ветра и воды, – пояснил Остин. – Конечно, они попадают и на глубину, и даже могут уничтожить какую-то часть корневой системы водорослей, но вся масса горгоны настолько велика, что ликвидировать ее полностью практически невозможно. Кроме того, речь идет об огромных водных пространствах, и если мы зальем их химикатами, то сами отравим воду на многие десятилетия.

– Неужели нет никакого средства, которое могло бы уничтожить эти водоросли на большой площади? – спросил Мюллер.

– Конечно, есть, – грустно улыбнулся Остин. – Атомная бомба. Но даже она бессильна уничтожить эти растения на площади в тысячи квадратных миль. Могу вам предложить использование этого оружия только вокруг основных гаваней. Это даст нам небольшую передышку, позволит хоть на какое-то время спасти крупнейшие порты, а потом надо будет срочно искать более радикальное средство.

В зале встал генерал армии по имени Фрэнк Кайл.

– Какое радикальное средство вы имеете в виду? Вы ведь сами только что сказали, что у нас нет никаких надежд.

– Надежда только на тех людей, которые сейчас работают над генетическими структурами этого растения.

Генерал снисходительно хмыкнул, словно Остин предложил заменить оружие красивыми цветами.

– Генетика! Опять эти пресловутые молекулы ДНК? Какая от этого польза, черт возьми! На это уйдут месяцы, а то и годы!

– Я готов выслушать любое конструктивное предложение, – не без ехидства заметил Остин.

Генерал еще больше растянул рот в ухмылке:

– Рад слышать это от вас. Я готов передать ваше предложение об использовании атомных бомб самому президенту.

Остин много лет общался с высшими офицерами, когда служил в ЦРУ, и хорошо знал, что обычно военные осторожно относятся к безумной идее использования ядерного оружия против реального и потенциального врага. Генерал Кайл был полной противоположностью другому генералу, Кертису Лемэю, но в обстановке панического страха его рекомендации могли найти поддержку других военных.

– Я этого не предлагал, – поправился Остин, с трудом сохраняя спокойствие. – Если помните, я сказал, что ядерное оружие может нанести ограниченный вред этому растению, но не способно уничтожить горгону полностью.

– Я имею в виду не одну бомбу, – процедил генерал Кайл. – Мы накопили огромное количество таких бомб для борьбы с русскими и сейчас можем покрыть ими хоть весь Мировой океан. А если не хватит своих бомб, можно одолжить их у тех же русских!

– Да, но в таком случае вы превратите весь Мировой океан в ядерную помойку, – решительно возразил Остин. – Такая атомная бомбардировка уничтожит в океане всю жизнь.

– Ничего, ваша зараза все равно все уничтожит, – нашелся Кайл. – Если хотите знать,

морское судоходство уже практически разрушено в этой части океана, и сейчас мы теряем миллиарды долларов в час! Эта штука угрожает всем нашим городам, и мы должны во что бы то ни стало остановить ее. В крайнем случае нужно использовать «чистый» атом.

Многие люди в зале закивали в знак согласия. Остин понял, что разговор совершено бесполезен. Он попросил Завалу посидеть в зале и послушать дальнейшее изложение стратегических планов, а сам поспешил на капитанский мостик, где попытался связаться по радио с четой Траут, находившейся в районе Затерянного города на научно-исследовательском судне «Искатель». После короткого разговора с радистом он попросил его срочно позвать Траута, который руководил с палубы работой подводного исследовательского аппарата.

– Привет из дикого и сверхъестественного мира доктора Стрейнджлава, – пошутил Остин.

– Что? – не понял Траут.

– Объясню через минуту. Как дела?

– Идут потихоньку, – уклончиво ответил тот без особого энтузиазма. – Наш подводный аппарат сейчас работает на дне океана и собирает образцы водорослей Горгоны, а Гэмей вместе с другими сотрудниками сидит в лаборатории и проводит необходимые анализы.

– Что она ищет?

– Надеется отыскать в молекулярной структуре Горгоны нечто такое, что поможет изменить ее генетический код. Кроме того, мы постоянно докладываем о результатах исследования руководству НАПИ в Вашингтон и соответствующим научным группам в других странах. А как у вас дела?

Остин грустно вздохнул:

– Мы использовали все возможные меры, но, к сожалению, без желаемых результатов. Ветер сейчас дует с континента, и это дает некоторую передышку, но скоро он сменит направление, и тогда все гавани на восточном побережье будут поглощены этой заразой. Большие пятна этой гадости уже обнаружены в акватории Тихого океана.

– Сколько у нас осталось времени?

Курт коротко пересказал другу слова доктора Осборна и ясно слышал, как Траут грустно вздохнул.

– У вас есть какие-нибудь проблемы в работе с этой гадостью? – спросил он.

– Нет, весь район вокруг Затерянного города относительно чист. Отсюда началось распространение Горгоны, но увеличение биологической массы водоросли происходит в западном и восточном направлениях, а здесь пока все более или менее нормально.

– Скоро это место останется чуть ли не единственным чистым пятном в океане. Советую вам продумать пути к отступлению, когда начнется интенсивное заражение этого района.

– Да, я уже переговорил с капитаном судна на этот счет. К югу от нас есть чистый проход, но если мы хотим благополучно выбраться, стоит сделать это в течение двадцати четырех часов. Так что вы хотели сказать мне об этом докторе Стрейнджлаве?

– Здесь сейчас находится генерал Кайл, – начал Остин. – Так вот, он намерен предложить президенту использовать против этой заразы все имеющиеся в нашем арсенале атомные бомбы.

Траут, опешив от неожиданности, какое-то время напряженно молчал.

– Это несерьезно.

– Я тоже надеюсь на это, но во всем мире сейчас растет давление на наших политиков, чтобы они предприняли эффективные меры. Хоть какие-то меры. Конечно, вице-президент попытается остановить этого безумного генерала, но президент так или иначе вынужден принимать адекватные обстановке решения, даже если они кому-то покажутся глупыми.

– Это не просто глупость, – возразил Траут, – это безумие. К тому же взрывы не приведут к желаемым результатам. С помощью атомного оружия можно разорвать на части плотный ковер водорослей, но их корневая система способна быстро воспроизводить

недостающие элементы и заполнять бреши в надводной части биомассы. В результате мы получим тотально зараженный океан… – Он тяжело вздохнул. – Ну и когда же мы сможем лицезреть ядерные облака над Атлантикой?

– Совещание еще продолжается. Окончательное решение может быть принято уже завтра утром. Как только решение будет принято, все произойдет очень быстро, тем более если горгона начнет наступать на наши прибрежные районы. – Остин сделал паузу, а потом продолжил: – Я тут вспомнил доктора Маклина. Он, случайно, не упоминал в беседе с вами, что может справиться с распространением горгоны с помощью формулы Фошаров?

– Мне показалось, он абсолютно уверен в том, что мог бы сделать это. К сожалению, в нашем распоряжении сейчас нет ни доктора Маклина, ни формулы Фошаров.

Остин вспомнил про шлем, погребенный под руинами замка.

– Ключ к разгадке – в Затерянном городе. Что бы ни являлось причиной мутации, искать ее нужно именно там. Надо во что бы то ни стало найти эту причину, а потом использовать ее для борьбы с этой заразой.

– Давайте порассуждаем, – предложил Траут. – Маклин знал, что изобретенное им вещество может не только продлить жизнь, но и вернуть молодость, однако печальный опыт Расин Фошар доказал: действие эликсира может оказаться непредсказуемым. Это вещество способно ускорять старение организма.

– Именно это я и имею в виду. Природа никогда не находится в состоянии идеального баланса.

– Совершенно верно. Она… эластична. Как резиновая лента, которая всегда сжимается до прежнего размера, когда ее растягивают, а потом отпускают.

Вряд ли Расин Фошар понравилось бы сравнение с резиновой лентой, но мне импонирует мысль о том, что природа всегда ищет определенное равновесие. Мутации происходят каждый день, даже среди людей. Природа встроила в систему корректирующий механизм, в противном случае современные люди ходили бы с двумя или даже тремя головами, что, возможно, было бы не так уж плохо. Говоря о механизме старения, мы должны помнить, что в каждое живое существо «встроены» гены смерти, которые убивают дряхлеющие организмы, чтобы освободить место новым поколениям. Горгона находилась в состоянии стабильности до тех пор, пока Фошары не выделили энзим, нарушивший природный баланс сил. Теперь нам предстоит найти способ вернуть утраченный баланс и остановить распространение водоросли…

– А как же те солдаты-мутанты, которые были обречены на слишком долгую жизнь?

– Это была искусственно созданная ситуация. Если бы эти существа были предоставлены сами себе, то, вероятно, просто уничтожили бы друг друга и утраченное равновесие снова было бы восстановлено.

– Главное здесь, несомненно, энзим, – заключил Траут. – Это преобладающий фактор в процессе старения организма или его омоложения.

– Пусть Гэмей еще раз проверит энзим.

– Попрошу, чтобы она сделала это как можно быстрее, – обещал Траут.

– А я вернусь на совещание и попытаюсь разубедить генерала Кайла в необходимости атомной бомбардировки акватории Атлантики, – задумчиво сказал Остин. – Правда, не испытываю никакого оптимизма на этот счет.

Траут повесил голову. Фошары погибли, а они все еще пытались устранить последствия их бредовых идей. Мертвые держали живых. Он спустился с капитанского мостика на нижнюю палубу, где располагалась импровизированная лаборатория по изучению свойств горгоны. Гэмей работала там вместе с другими членами исследовательской группы, крупными специалистами в области морской биологии.

– Я только что разговаривал с Куртом, – сказал Пол жене и коротко передал ей содержание разговора. – Как видишь, дела хуже некуда. У тебя есть какие-то новости?

– Я исследовала взаимодействие между энзимом и водорослями, но пока ничего путного не вышло, вот решила еще раз проверить структуру ДНК.

Она повела мужа к большому столу, на котором в один ряд стояли около двадцати стальных контейнеров.

– В каждом из этих контейнеров содержатся образцы растений горгоны. Я подвергла их воздействию энзима, который мы добыли со дна океана с помощью подводного аппарата. Теперь посмотрим, что произойдет в результате этого эксперимента. Все последнее время я была занята другими исследованиями и еще не проверяла реакцию водорослей на энзим.

– Если я правильно понял, – задумчиво сказал Траут, – в результате процесса выделения энзима из морских микроорганизмов, вырабатывающих эту зеленую субстанцию, Фошары изменили молекулярную структуру энзима, что, в свою очередь, повлияло на модификацию генетического кода водорослей. В конце концов этот опасный эксперимент привел к появлению морских мутантов.

– Что-то в этом роде. Ты быстро схватил суть.

– Из этого можно заключить, что вплоть до сегодняшнего дня водоросли сосуществуют с энзимом в своем естественном состоянии.

– Совершенно верно, – подтвердила Гэмей. – Только когда энзим был генетически модифицирован, он начал взаимодействовать с окружающими его формами жизни, то есть вполне обычными морскими водорослями, трансформируя их в каких-то растительных монстров. Сначала я надеялась, что чрезмерная доза вещества ускорит процесс старения водорослей и приведет их к преждевременной гибели, как это случилось с мадам Фошар. Но из этого ничего не вышло.

– Предварительные условия эксперимента представляются вполне логичными, – подытожил Траут и глубоко задумался. – Значит, что-то было упущено. А если дело вовсе не в энзиме, а в тех бактериях, которые контролируют процесс взаимодействия? – спросил он после долгих раздумий.

– Не думала об этом, – призналась Гэмей. – Все это время я возилась с химическими элементами, полагая, что именно они являются стабилизирующим фактором. Мне даже в голову не приходило, что они могут вырабатываться бактериями. Извлекая энзим из морской воды, Фошары, вероятно, уничтожали бактерии, которые, возможно, управляли репродуктивным механизмом и обеспечивали устойчивое равновесие в живом веществе.

Она подошла к холодильнику и вынула оттуда прозрачную колбу с жидкостью, окрашенной в светло-коричневый цвет.

– Вот те самые бактерии, которые мы собрали у подножия колонн Затерянного города.

Гэмей плеснула небольшое количество коричневой жидкости из колбы в металлический контейнер, после чего сделала соответствующую запись в журнале.

– И что теперь?

– Нужно подождать, чтобы бактерии успели сделать свою работу, – пояснила Гэмей. – Думаю, это не займет много времени. Я с утра ничего не ела. Может, ты принесешь мне немного перекусить?

– Может, ты оставишь свои дела, и мы пойдем куда-нибудь и поедим как следует?

Гэмей убрала волосы со лба.

– Это самое заманчивое предложение из всех, которые мне делали в течение дня.

Никогда еще чизбургеры не казались им такими вкусными. Через час, повеселевшие и сытые, Трауты вернулись в лабораторию, и Пол сразу же бросился к металлическому контейнеру с бактериями. Зеленоватая масса горгоны внешне казалась такой же, как и прежде.

– Можно как-то поближе рассмотреть это вещество? При таком слабом освещении я ничего не вижу.

Гэмей показала ему на длинные щипцы.

– Можешь взять образец и рассмотреть под лампой в пластиковом тазу.

Траут извлек из контейнера пучок водорослей и осторожно перенес их в пластмассовую емкость. Сами по себе водоросли выглядели совершенно безобидными. Правда, они не отличались особой красотой, но поражали воображение живучестью и

способностью быстро распространяться по поверхности воды, отвоевывая себе жизненное пространство. Траут несколько раз ткнул водоросли щипцами, потом осторожно ухватил за усик и приподнял. Усик мгновенно отвалился у самого основания, и растение плюхнулось обратно в таз.

– Извини, – виновато пробормотал Траут, – я, кажется, испортил один из твоих образцов.

Гэмей удивленно посмотрела на мужа и, взяв у него щипцы, достала из контейнера еще одно растение. Усик оборвался. Она проделала то же самое еще раз, потом еще. И каждый раз усики отпадали от стебля, причем так быстро и легко, словно уже были мертвые. Тогда она взяла щипцами один усик, положила его на стол, сделала продольный разрез скальпелем и положила кусочек под микроскоп.

Через минуту Гэмей оторвалась от окуляра микроскопа и прошептала:

– Это растение погибает.

– Что? – Траут посмотрел в пластмассовый тазик. – А мне оно кажется совершенно здоровым.

Гэмей подхватила щипцами еще несколько усиков.

– Смотри, что происходит. У здорового растения эти усики очень крепкие и эластичные, как резина. Их невозможно оторвать от стебля. А эти похожи на истлевшую ткань.

Она позвала ассистентов и попросила подготовить срезы с нескольких растений. Когда все было готово, Гэмей снова прильнула к окуляру микроскопа и долго рассматривала их.

– Эти водоросли находятся на первой стадии некроза, – сообщила она мужу. – Иначе говоря, это растение вот-вот погибнет. Надо проделать то же самое с другими водорослями, чтобы убедиться в нашей правоте, но даже эти результаты внушают надежду на успех.

Они снова подмешали раствор с бактериями в другие контейнеры и через час повторили опыты. К счастью, предварительные результаты подтвердились. Все водоросли, испытавшие на себе воздействие бактерий, быстро погибали.

– Похоже, что бактерии пожирают какие-то вещества, необходимые для быстрого роста горгоны, – подвела итог Гэмей. – Нужны дополнительные исследования.

Траут взял со стола колбу с коричневатой жидкостью.

– Интересно, в чем заключается наиболее эффективный способ использования этих ненасытных бактерий?

– Полагаю, нам придется вырастить их как можно больше, а потом распылить над поверхностью океана и ждать, пока они сделают свою работу.

Траут усмехнулся:

– Как считаешь, британское правительство позволит нам использовать подводные аппараты Фошаров для рассеивания этого вещества? Там есть для этого все необходимое.

– Надеюсь, у них хватит ума пойти на это, чтобы обезопасить Британские острова и не допустить их полной изоляции от внешнего мира.

– Маклин снова спас нам жизнь, – тихо сказал Траут и покачал головой. – Он дал нам надежду, намекнул, что мы можем справиться с этой заразой.

– Но и Курту надо отдать должное.

– Да, чутье не подвело его, когда он предположил, что причину этого бедствия надо искать в районе Затерянного города. Кроме того, он навел нас на спасительную мысль о равновесии в природе.

Траут повернулся и быстро зашагал к двери.

– Спешишь поделиться с Куртом хорошей новостью? Он кивнул у самой двери.

– А потом я скажу ему, что настало время послать кого-нибудь за старым добрым шотландцем.

Глава 44

Озеро протянулось на несколько миль. В спокойной холодной воде, как в зеркале, отражалось мрачное шотландское небо. Со всех сторон водную гладь окружали холмы, как бы державшие в своих объятиях массу прозрачной, с чуть фиолетовым оттенком, воды.

От скалистого берега отчалила яхта, которая несколько минут спустя бросила якорь в самом глубоком месте озера. На борту находились Пол Траут, его жена Гэмей, Дуглас Маклин и его покойный кузен Ангус, прах которого был заключен в византийскую погребальную урну – ее выдающийся химик привез из одной экспедиции.

Дуглас Маклин видел своего кузена всего один раз, во время семейной свадебной церемонии несколько лет назад. Тогда они хорошо выпили, быстро поладили и даже договорились непременно встретиться, но, как часто бывает с хорошими планами за стаканом виски, осуществить это не удалось. Дуглас оказался единственным живым родственником покойного, которого Трауту удалось разыскать. Не менее важным оказалось и то, что Дуглас играл на волынке. Правда, не очень хорошо, зато громко.

Он стоял на носу яхты, одетый в шотландский килт. уперев в палубу широко расставленные крепкие ноги. По сигналу Гэмей Дуглас поднял волынку и заиграл старую мелодию «Удивительная красота». Когда громкие звуки волынки достигли окрестных гор и, отразившись от них, вернулись к яхте, Пол Траут торжественно поднял урну и высыпал прах в озеро. Какое-то время серовато-коричневый пепел плавал на воде, а потом стал намокать и медленно погружаться.

– Ave atque vale, – произнес Траут. – Здравствуй и прощай.

А в то время, когда Траут прощался с Маклином, отдавая ученому последние почести, Джо Завала с другими мужчинами нес на своих плечах простой деревянный гроб. Процессия двигалась по грунтовой дороге под массивной монастырской стеной в Руане, небольшом провинциальном городке. Остальные участники церемонии принадлежали к роду покойного капитана Пьера Левана.

Не менее двадцати членов старого и весьма многочисленного рода Пьера Левана собрались вокруг свежевырытой могилы у церковной стены, где уже покоились давно усопшие жена и сын доблестного воина. Помимо родственников на похоронах присутствовали представители французских вооруженных сил, они отдавали последние почести своему коллеге. Как только сельский священник прочитал последние молитвы за упокой души, военные отдали честь капитану, и его тело было опущено в могилу.

– Ave atque vale, – прошептал Завала.

А над обширными виноградниками семейства Фошаров в это время кружил небольшой красный двукрылый аэроплан, как хищный ястреб, высматривающий себе добычу. Остин сделал еще один круг над полями, а потом, по предварительно достигнутой договоренности с властями, развеял над зеленым ковром виноградников прах Жюля Фошара, в конце концов извлеченного из ледника.

По поводу этой процедуры разгорелись нешуточные споры. Представители католической церкви возражали против кремации, но, поскольку у покойника не осталось живых родственников, Остин и Скай взяли это дело в свои руки и решили вернуть прах Жюля Фошара на то место, которое он любил больше всего. Как и Траут и Завала, Остин тоже отдал праху этого человека последние почести.

– Что ж, – сообщил он по радиосвязи сидевшей на пассажирском месте Скай, – пусть земля будет ему пухом. Он был одним из лучших представителей этого семейства и заслуживает того, чтобы покоиться на родной земле, а не мерзнуть в леднике.

– Согласна, – поддержала его Скай. – Интересно, что произошло бы, если бы ему все-таки удалось добраться до Швейцарии?

– Мы никогда этого не узнаем, но можем предположить, что он попытался бы остановить приближение кровопролитной войны.

– Хорошая мысль, – грустно улыбнулась Скай, а через некоторое время добавила: – Как долго мы можем летать на этой этажерке?

– Пока не кончится горючее.

– А до Прованса хватит?

– Минутку, – сказал Остин и защелкал по клавишам системы глобального позиционирования, которая была встроена в компьютерную программу маршрута и точно определяла местонахождение аэроплана. – Это займет несколько часов, придется сделать одну остановку для дозаправки. А почему ты спрашиваешь?

– Шарль не раз приглашал погостить на его вилле Он даже предложил нам свой новый «бентли», если мы, конечно, дадим слово не топить его в каком-нибудь открытом плавательном бассейне.

– Трудное условие, но, думаю, мы справимся.

– Его вилла расположена в прекрасном месте, – воодушевилась Скай, размахивая руками. – Там тихо, спокойно, а в доме великолепный винный погреб. Мне кажется, это самое лучшее место для работы над моими исследованиями. Должна сказать откровенно, что в одном я очень благодарна семейству Фошаров: используя рассказ Расин о ее древней родословной, я могу без особого труда доказать свою теорию о существовании в глубоком прошлом торговых отношений между минойской цивилизацией и древней Европой. Мы могли бы также обсудить твою идею насчет того, что эти торговые связи могли доходить даже до Фарерских островов. А может быть, даже до Северной Америки. Что скажешь?

– У меня нет с собой никакой одежды.

– А зачем она? – Скай весело рассмеялась, многообещающе поглядывая на него. – Раньше это обстоятельство нас не останавливало.

Остин мечтательно улыбнулся:

– Думаю, именно такую ситуацию специалисты по деловым переговорам называют безвыходной. Ну что ж, если нам поможет попутный ветер, то я попытаюсь долететь до Прованса как раз к обеденному времени.

Он посмотрел на компас и повернул аэроплан на юг, к Средиземному морю.